

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

3 (65)

Июль – Август – Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2019

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),
член-корр. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),
проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),
д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),
проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),
проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин),
д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),
д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *М.Д. Бухарин* (Москва),
д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск), д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),
к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),
д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Симферополь),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2019
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2019
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2019

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

3 (65)

July – August – September

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2019

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),
Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Simferopol),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Alexsey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 5–19
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 5–19
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-5–19

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ САКРАЛЬНОЙ РОЛИ ВЕЛИКОЙ ЦАРСКОЙ СУПРУГИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АМЕНХОТЕПА III И ЭХНАТОНА

В.А. Большаков

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
vb.scriba@gmail.com

Аннотация. Предметом статьи является исследование сакральной роли великой супруги царя (*hmt nswt wrt*) в контексте идеологии времени правления царей второй половины XVIII династии – Аменхотепа III и Аменхотепа IV (Эхнатона). Сущность сакральной роли главных представительниц царской семьи – Тии и Нефертити – определяется автором как совокупность культово-церемониального и теологического аспектов. Особое внимание в статье уделяется идеологическим предпосылкам беспрецедентного возвышения обеих царских жен – Тии и в еще большей степени Нефертити. Краткий обзор изобразительных и эпиграфических источников, относящихся к Тии, с точки зрения автора, позволяет сделать вывод о прямой связи между официальной репрезентацией царской пары как божественной и новыми теологическими тенденциями в египетской религии.

Получившая при Аменхотепе III развитие «новая солнечная теология», характеризующаяся концентрацией на идее верховного солнечного божества, явилась предвосхищением радикальной религиозной реформы Аменхотепа IV (Эхнатона) в виде культа Атона. Исходя из этого, необычное положение и сакральная роль Нефертити в контексте «амарнской религии» отчасти рассматриваются как следствие дальнейшего развития теологических построений и преемственности традиций предшествующего царствования. В связи с гипотезой об адаптации Эхнатоном древней гелиопольской космогонии автором также поднимается вопрос о роли Нефертити в амарнской теологической системе как вероятного олицетворения божественного женского начала.

Данные об авторе: Большаков Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Российского университета дружбы народов.

Статья основана на докладе, сделанном на Конференции памяти В.А. Якобсона «Общество и культура Древнего Востока» в Институте восточных рукописей РАН (18-19.03.2019).

Ключевые слова: Древний Египет, Новое царство, Аменхотеп III, Ти́и, Эхнатон, Нефертити, древнеегипетская религия, идеология царской власти

Одной из характерных особенностей института царской власти эпохи Нового царства, нашедших зримое выражение в многочисленных изобразительных источниках, является заметно усилившийся акцент на главных представительницах семьи царя. Уже с конца XVII династии памятники позволяют проследить относительно устойчивую тенденцию к постепенному усилению династической и культово-церемониальной роли царственных женщин – в первую очередь, матери царя и его главной («великой») супруги. В частности, проявлением данной тенденции служит присутствие матери или супруги царя в официальных сценах отправления им различных ритуалов и церемоний. В современной египтологии участие царственных женщин в совершении царем различных ритуалов, как правило, интерпретируется в связи с актуализацией их сакральной роли, понимаемой как необходимое условие для обновления вселенной и постоянства института царской власти в целом¹. Данная концепция, впервые сформулированная в монографии Л. Трой², предполагает, что главные представительницы семьи царя – его мать и великая супруга – являлись воплощением божественного женского начала, земной персонификацией богинь-спутниц солнечного божества, с которым, в свою очередь, отождествлялся правящий царь. Несмотря на ряд весьма уязвимых и спорных положений данной концепции, наличие более или менее выраженных параллелей, проводившихся между матерью и главной супругой царя и богинями египетского пантеона, тесно связанными с идеологией царской власти и солнечным культом, не подлежит никакому сомнению. Отметим, например, что к середине XVIII династии в иконографии царской супруги и матери появляются атрибуты в гораздо более явной, чем прежде, форме, сближающие ее с образом богини Хатхор, занимавшей особое место по отношению к царю еще в эпоху Древнего царства.

Кульминация сакральной роли царственных женщин эпохи Нового царства приходится на время правления Аменхотепа III и Аменхотепа IV (Эхнатона) в лице великих супруг обоих царей – Ти́и и в еще большей степени Нефертити. Неоднократно отмечалось, что прежде Ти́и ни одна царственная женщина не занимала столь заметного места на памятниках вместе с правящим царем – от колоссальных скульптурных групп до миниатюрных предметов роскоши и ювелирных украшений³. Необычная роль Ти́и и Нефертити на протяжении всего правления обоих царей и широкий круг связанных с ними источников давно служат предметом различных, порой, противоречивых предположений. В частности, одним из ключевых вопросов, до сих пор не имеющих однозначного решения, являются причины новой формы официальной репрезентации обеих царских супруг. Было ли это следствием индивидуальных предпосылок (личного влияния царской су-

¹ Troy 1986; Manniche 2001, 157–159; Robins 2001, 105–106; Lohwasser 2001, 74; Troy 2008, 159, 163; 2002, 24; Tyldesley 2012, 7; Graves-Brown 2001, 129.

² Troy 1986 *passim*.

³ Количество известных на данное время памятников, относящихся к Ти́и, столь велико, что для описания всего перечня потребовалось бы отдельное исследование. Отчасти это было сделано при издании каталога выставки, посвященной времени Аменхотепа III (Kozloff, Bryan, Berman 1992; Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993), и в фундаментальной монографии К. Байера (Bayer 2014).

пруги и/или особого расположения к ней царя), династических соображений, политических амбиций или же определялось объективными причинами? Не отрицая существования субъективных факторов, степень влияния которых на возвышение той или иной царственной женщины по имеющимся источникам доказать весьма затруднительно, мы считаем, что в основе исключительного положения великих царских супругов Аменхотепа III и Эхнатона лежали изменения в идеологической сфере. Как нам представляется, систематическое присутствие на памятниках вместе с царем его великой супруги – Тии и, особенно, Нефертити – явилось итогом наметившихся в начале Нового царства изменений в идеологии царской власти с особым акцентом на роли ключевых представительниц семьи царя – его матери, великой супруги и отчасти дочерей.

Как известно, время правления Аменхотепа III представляет собой качественно новый этап в развитии теологической мысли и идеологии царской власти. Если первые двадцать лет его правления могли бы быть охарактеризованы как количественное нарастание традиционного царского дискурса, то ко времени первого хеб-седа Аменхотепа III, состоявшегося на тридцатом году правления, появляются важные свидетельства прижизненного обожествления царя с выраженным акцентом на солярном аспекте его сущности⁴. В частности, в текстах последней трети правления Аменхотепа III царь не только предстает живым воплощением Ра-Хорахти⁵, но сравнивается и с другими богами: Амоном, Атоном, Хором, Монту, Птахом, Сетхом, Тотом, Гебом⁶. Однако в подобных сравнениях особое предпочтение все-таки отдается различным формам бога солнца⁷, а некоторые эпитеты напрямую отождествляют с ним Аменхотепа III: «образ Ра во главе Обеих Земель» (*tit R^c hnt t3wy*)⁸, «Ра, сияющий подобно Ахти» (*R^c psD.f mi 3hty*)⁹, «бог благой, равный Ра, освещающий Обе Земли как Ахти, владыка лучей на лице подобно Атону» (*ntr nfr mity R^c shd t3wy mi 3hty nb stwt m hr mi itn*)¹⁰, «образ его божественный прекрасный» (*tit.f ntrt 'nt*)¹¹, «образ Ра, сияющий ликом, сияющий подобно Атону» (*tit R*

n hr h^c mi itn)¹². Наряду с распространенным эпитетом «образ Ра» (*tit R^c*), встречаются и другие варианты сравнения царя с солнцем: «Ра народа» (*R^c n rhyt*)¹³, «Ра девяти луков (т.е. иноземцев)» (*R^c n pdt psdt*)¹⁴, «подобие Атона» (*mity itn*), «Атон сияющий» (*itn thn*)¹⁵, «Атон сияющий, владыка всех стран» (*itn thn nb t3w nbw*), «Атон – солнце страны Небмаатра» (*itn t3 pw Nb-M3^ct-R^c*)¹⁶. Следует,

⁴ С точки зрения Р. Джонсона, в основе обожествления Аменхотепа III лежала религиозно-политическая стратегия, нацеленная на уменьшение влияния культа Амона и его жречества (Johnson 1999, 45).

⁵ Johnson 2001, 89–90.

⁶ Bickel 2002, 67.

⁷ Bickel 2002, 67–68.

⁸ Urk. IV, 1667, 1702.

⁹ Urk. IV, 1695.

¹⁰ Urk. IV, 1670.

¹¹ Urk. IV, 1724.

¹² Urk. IV, 1761.

¹³ Redford 1995, 171.

¹⁴ Urk. IV, 1652.

¹⁵ Urk. IV, 1737.

¹⁶ Bickel 2002, 68.

впрочем, отметить, что постоянное сравнение Аменхотепа III с различными формами солнечного божества полностью находится в русле заметно усилившейся к середине XVIII династии новой теологической тенденции в египетской религии, подразумевавшей, что практически любое божество пантеона являлось в сущности лишь одним из воплощений (*hprw*) верховного бога-демиурга¹⁷.

В отличие от Аменхотепа III, *прямые* сравнения великой царской супруги (за исключением единственного примера¹⁸) с богинями в текстах отсутствуют, поэтому основным источником, позволяющим выявить существование подобных параллелей, служит иконография Ти и контекст культово-церемониальных сцен с ее участием. Прежде всего, существование более или менее отчетливо выраженного отождествления Ти с богинями прослеживается как в придании их изображениям внешнего сходства с царской супругой¹⁹ так и в наделении последней символическими атрибутами богинь²⁰. Однако преобладающий мотив в иконографии великой царской супруги – это солярная символика, тесно связанная с образом Хатхор. Речь идет о так называемой «хаторической» короне Ти, состоящей из комбинации нескольких элементов: цилиндрической основы-*модия*, двух уреев, коровьих рогов с солнечным диском посередине и двух прямых перьев-*шуту*²¹. Косвенным признаком отождествления Ти с Хатхор могут также служить связанные с ее культом ритуальные атрибуты – фигурные противовесы ожерелья-*менат*, выполненные в виде головы богини с чертами Ти²². Приведенные примеры позволяют заключить, что *посредством изобразительных средств* великая царская супруга целенаправленно отождествлялась с главными богинями пантеона и, прежде всего, с богиней-спутницей бога Ра.

Пожалуй, в наиболее завершенном виде теологическая модель «царь и его супруга – божественная пара» нашла монументальное воплощение в нубийских храмах в Солебе и Седеинге, по-вероятно, являвшихся частью единого архитектурного замысла²³. В настоящее время оба храма практически полностью разрушены²⁴, но даже сохранившиеся фрагменты их декора позволяют говорить о прижизненном почитании Аменхотепа III и Ти. Так, в Солебе Аменхотеп III изображен отправляющим культ перед собственной статуей «Небмаатра, владыкой Нубии, богом великим» (*Nb-m3^ct-r^c nb T3-Sty ntr 3*) с атрибутами Амона и Хонсу – в платке-*немесе* с бараньими рогами и в низком *модии*, увенчанном комбинацией лунного диска и полумесяца²⁵. Последний элемент позволяет интерпретировать образ Аменхотепа III или как земное воплощение Хонсу, или лунного Ока Хора²⁶.

¹⁷ Laboury 2010, 75.

¹⁸ См. сноску 37.

¹⁹ Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 348–349, cat. 105, fig. 105a; 322–323, cat. 89–90.

²⁰ См., например: Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 145–147, cat. 15; 164–165, cat. 22.

²¹ Bayer 2013, taf. 26–27, 35, 44a, 45a, 62, 66–67, 69b.

²² Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 322–323. Cat. 89–90. Весьма показательно, что при Аменхотепе III в иконографии Хатхор появляются головные уборы такого же типа, как у царской супруги (Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 147).

²³ Leclant 1965, 215–216.

²⁴ Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 87. Fig. IV.26, 90. Fig. IV.31. Полностью изданы только рельефы храма в Солебе (Schiff-Giorgini Soleb. T. I–VII). О храме в Седеинге см.: PM VII, 166; Schiff-Giorgini 1965, 112–30; LÄ V, 779–782.

²⁵ Schiff-Giorgini 1998, pls 260–261, 268–269.

²⁶ Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 89; Cabrol 2000, 380–381.

Что касается храма в Седеинге, то отдельные элементы его декора (колонны с «хаторическими» капителями, фрагмент рельефа с изображением Ти́и в виде сфинкса²⁷, блок с эпитетом «великая ужасом, госпожа всех земель» (*ʿ3t nrwt ḥnwt t3w nbw*²⁸)) дали основание предполагать, что в этом святилище супруга царя почиталась в качестве гневной формы солнечного Ока – богини Хатхор/Тэфнут²⁹, а оба нубийских храма, таким образом, иллюстрируют доминирующую теологическую концепцию своего времени: Аменхотеп III и Ти́и – земное воплощение Ра и Хатхор/Тэфнут.

Весьма примечательно, что среди многочисленных титулов и эпитетов Ти́и (всего в настоящее время известно 24 элемента)³⁰, ни разу не встречаются титулы «супруга бога» и «рука бога» (*ḥmt ntr n Imn*, *drt ntr*), обозначавшие с начала XVIII династии роль великой царской супруги в культе Амона-Ра. Поскольку при Аменхотепе III обе названные жреческие должности не были упразднены (ритуальные функции «супруги и руки бога» продолжала исполнять жрица-заместительница³¹), отсутствие этих элементов в официальном протоколе Ти́и (как, впрочем, и у матери царя Мутемуйи)³² выглядит сознательным отказом от их использования, обусловленным, вероятно, сознательным смещением акцентов религиозной политики Аменхотепа III в сторону гелиопольской теологии в противовес фиванскому Амону.

Что касается участия Ти́и в ритуалах и церемониях, то наиболее показательными свидетельствами ее сакральной роли являются сохранившиеся в декоре гробницы Херуефа и частично в храме в Солебе³³ сцены празднования царских хеб-седов 30 и 37 гг. В изображенных в первом дворе солебского храма сценах празднования первого хеб-седа почти во всех эпизодах царь представлен вместе с Ти́и, сжимающей в руках инсигнии своего сана: жезл-*ḥts* и так называемый «цветочный жезл»³⁴. Еще больший интерес представляют сцены хеб-седа 37 года, сохранившиеся в гробнице Херуефа (ТТ 192)³⁵, в которых Ти́и также сопровождает Аменхотепа III. Конкретная роль Ти́и в хеб-седных церемониях, правда, неясна, но, принимая во внимание выраженные солярные аллюзии в общем контексте сцен (выход царственной пары из дворца, ритуальное плавание в ночной ладье-*msktt*, присутствие рядом с царем богини Хатхор), значение Ти́и едва ли

²⁷ Bayer 2013, taf. 51.

²⁸ LD III, 82g; PM VII, 166; LD III, 82, h.

²⁹ Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 90.

³⁰ В основном собраны в монографии Л. Трой (Troy 1986, 166).

³¹ См. сцены в храме в Луксоре, помещение В (Gayet 1984, pls XXXV, LI). Следует при этом отметить полное отсутствие в декоре Луксорского храма изображений Ти́и и упоминаний о ней, которые едва ли можно объяснить степенью сохранности всего комплекса.

³² Более того, нет сведений, что титулы «супруги и руки бога Амона» носили дочери Аменхотепа III и Ти́и – Сатамон, Исет, Хенуттанеб, Небетах.

³³ Имеются, впрочем, основания считать, что царская супруга принимала участие в церемониях хеб-седа и раньше – еще в эпоху Древнего царства. В частности, на это указывает имя супруги Нефретханебти (?) на одном из рельефов со сценами хеб-седа из припирамидного комплекса Сахура (Borchardt 1913, 116–117, taf. 48).

³⁴ Schiff-Giorgini 1998, pls 260–261, 268–269.

³⁵ Титулы Херуефа – «относящийся к знати, князь, пищик царя, любимый им, начальник дома великой царской супруги Ти́и» (*((i)r(y)-pʿt, ḥ3ty-ʿ sš nswt mry:fimy-r pr n ḥmt nswt wrt (Tii))*) – указывают на то, что он занимал положение дворецкого Ти́и. См.: The Tomb of Kheruef 1980, pls 8,10; Urk IV, 1859–1860.

ограничивалось исключительно представительскими функциями как «почетной» статистики. Согласно Э. Венте, весь комплекс сцен хеб-седа в гробнице Херуефа может быть интерпретирован как иллюстрация ритуалов, имитирующих ежедневный солнечный цикл, в которых Ти и Аменхотеп III предстают земным воплощением божественной солнечной пары – Ра и Хатхор³⁶. Тем не менее сопроводительные тексты к сценам содержат лишь прямое указание на теологическую роль Ти в хеб-седных церемониях: «великая царская супруга, любимая им Ти, да живет она! Она – в свите Величества Твоего, подобно Маат, сопровождающей Ра» (*hmt nswt wrt mrt.f (Tii) | nh.ti wn.s m šms hm.k mi M3t šms R*)³⁷. Подчеркнем, что в религиозных текстах Маат постоянно именуется «дочерью Ра» и, если принять данный эпитет буквально, то богиня предстает сестрой царя – «сына Ра»³⁸. Как известно, в древнеегипетском сознании Маат, являвшаяся дочерью солнечного бога-творца, воплощала принцип, необходимый для надлежащего поддержания в гармонии установленного вселенского миропорядка. Более того, согласно «Текстам Саркофагов», Маат также служит пищей и дыханием Атума-Ра³⁹. Следовательно, прямое отождествление Ти с богиней Маат в вышеуказанной надписи отражает ее ритуальную роль, по меньшей мере в одном из эпизодов хеб-седных ритуалов; подобно Маат, обновляющей силы своего отца Атума-Ра, Ти способствует возрождению сил сопоставляемого с Ра царя.

Участие Ти как одного из главных действующих лиц в хеб-седе также демонстрируют фрагменты рельефов из храмового комплекса в Ком эль-Хеттане⁴⁰ и миниатюрные сцены, вырезанные на трех сердоликовых пластинках⁴¹. На лицевой поверхности одной из пластинок помещена зеркальная сцена с изображением Ти, протягивающей сидящему в хеб-седной беседке Аменхотепу III пальмовые ростки-*rnpt* – символ долголетия и возрождения, относящийся к хеб-седной иконографии⁴². Сцены на двух других пластинках, по всей видимости, также изготовленных по случаю одного из трех хеб-седов, напротив, показывают Ти и Аменхотепа III как объект поклонения со стороны царевен. Так, на одной пластинке две царевны протягивают сидящему на троне Аменхотепу III символические предметы – пальмовые ростки и сисстры, а на другой – царевны Хенуттанеб и Исет изображены звенящими систрами, т.е. совершающими ритуальное действие культового почитания царя как божества⁴³. Таким образом, приведенные примеры достаточно ясно показывают, что более или менее выраженные параллели, проводившиеся между царем и божеством солнца, с одной стороны, и его супругой и богинями-спутницами верховного божества, с другой, вполне укладываются в господствующий при Аменхотепе III теологический дискурс.

³⁶ Согласно Э. Венте, сцена торжественного выхода царя из дворца (Kheruef 1980, pl. 24) содержит аллюзию на появление на небосклоне Ра (Wente 1969, 88, 90).

³⁷ The Tomb of Kheruef 1980, pl. 26.

³⁸ Hornung 1998, 132, 134.

³⁹ СТ II, 80, 35 c-d, g; СТ VII, 1029, 254 b-c. См. также: Bickel 1994, 171–174.

⁴⁰ Haeny 1981, taf. 40 (63).

⁴¹ К сожалению, отнести изготовление пластинок браслетов (всего их известно 5) к какому-то определенному из трех хеб-седов Аменхотепа III не представляется возможным. По мнению У. Хэйса, их изготовление было приурочено к первому хеб-седу 30 года (Hayes 1959, 242–243).

⁴² Метрополитен-музей. Нью Йорк. Инв. MMA. 26.7.1340 (Kozloff, Bryan, Berman, Delange 1993, 377, cat. 123).

⁴³ Метрополитен-музей. Нью Йорк. Инв. MMA. Инв. 1944 (44.2.1) (Arnold 1996, 8, fig. 4).

Более того, господствующая в последнюю декаду правления Аменхотепа III солнечная теология, характеризующаяся концентрацией на идее верховного солнечного божества, вобравшего в себя образы всех остальных богов, во многом явилась предвосхищением солнцепоклоннической реформы Аменхотепа IV (Эхнатона)⁴⁴. И хотя между солярными теологическими построениями, получившими развитие при Аменхотепе III, и появлением амарнской религии нельзя провести прямую линию⁴⁵, едва ли возможно отрицать, что теологическая мысль Эхнатона не могла не испытать глубокого воздействия новых тенденций в египетской религии⁴⁶. «Новая солнечная теология», по определению Я. Ассмана, возникла незадолго до эпохи Амарны, и не приходится сомневаться, что амарнская религия выросла из этого движения и является его радикальным вариантом⁴⁷. Иначе говоря, солнцепоклонничество Эхнатона представляло собой не что иное, как радикализированную форму новой солнечной теологии с особым акцентом на дуализме бог-царь⁴⁸. Надо полагать, именно с изменениями, произошедшими в рамках религиозной реформы Эхнатона в понимании сакральной роли царя, нужно связывать и возросшее значение Нефертити, отныне являющейся его неперменной спутницей. Однако, несмотря на решающее воздействие амарнской религии на характер официальной репрезентации Аменхотепа IV и Нефертити, импульсом для формирования нового образа царственной пары, скорее всего, послужила модель, сформировавшаяся еще в предшествующее царствование.

Представление о характере сакральной роли Нефертити на начальном этапе правления Эхнатона⁴⁹ дают сцены на многочисленных песчаниковых блоках (так называемые *талататы*), извлеченных из вторичных построек Карнакского храма (в частности, II, III, IX и X пилонов). Так, сцены из различных святилищ карнакского комплекса Атона демонстрируют участие Нефертити в культе до степени, сопоставимой с ролью самого царя: Нефертити не только систематически появляется в сценах жертвоприношений Атону в паре царем, но и в ряде случаев выступает как главное священнодействующее лицо; в частности, так она предстает в сценах, происходящих из святилища *Хут-бенбен* (*Hwt-bnbn*) в Карнаке⁵⁰. В ходе исследования талататов из Карнака (The Akhenaten Temple Project), проводившегося в 1960–70-х гг., было подсчитано, что из 564 эпизодов, содержащих изображение или упоминания Нефертити, только 14 процентов имели отношение к

⁴⁴ Akhénon et Néfertiti 2008, 22.

⁴⁵ С точки зрения Р. Джонсона, обожествление Аменхотепа III и его последующее отождествление с Атоном, вероятно, явилось феноменом, придавшим импульс всему амарнскому периоду (Johnson 1999, 46).

⁴⁶ Johnson 1999, 45; Akhénon et Néfertiti 2008, 22.

⁴⁷ Ассман 1999, 299.

⁴⁸ Akhénon et Néfertiti 2008, 22.

⁴⁹ Датировка событий на памятниках начала правления Аменхотепа IV у разных авторов расходится. Самыми ранними известными изображениями Нефертити являются сцена в гробнице Рамосе (TT 55. – Davies 1941, pl. XXXIII) и карнакские сцены хеб-седа Аменхотепа IV (см.: Smith, Redford 1976, pls). К. Тронекер относит первое появление Нефертити ко времени празднования хеб-седа Аменхотепа IV, который он относит ко 2 году правления (Traunecker 2005, 124.) Более обоснованной нам представляется датировка проведения хеб-седа Аменхотепа IV 4 годом, когда была изобретена технология строительства из талататов. К этому же году, скорее всего, относится и брак царя с Нефертити (Gabolde 1998, 26–27; Akhénon et Néfertiti 2008, 42–43; Laboury 2010, 145).

⁵⁰ Smith, Redford 1976, 45–46; Redford 1987, 76–77, figs 6–7.

царю⁵¹. Более того, помимо сцен отправления царской супругой культа Атона без посредничества царя⁵², на карнакских памятниках Эхнатона в иконографии Нефертити также появляются и другие мотивы, прежде являвшиеся исключительной царской привилегией: например, сцены личного избияния врагов-иноземцев⁵³ и изображение в облике сфинкса⁵⁴.

Таким образом, мы вплотную подходим к вопросу, в чем заключались ритуальные функции Нефертити в контексте новой культовой практики и какова была ее сакральная роль в амарнской религии вообще? Давно было подмечено, что не только сама Нефертити, но и ее старшие дочери (Меритатон и Макетатон) занимают в храмовых сценах особое место в отпращивании культа Атона⁵⁵. Точное значение роли царевен, постоянно фигурирующих в культово-церемониальных сценах, еще предстоит объяснить, однако характер их изображений с подчеркнуто зрелыми женственными формами позволяет предположить, что активное участие дочерей Эхнатона в культе Атона было одним из необходимых элементов солнцепоклоннической теологической системы⁵⁶. Изучение талататов из Карнака и Ахетатона (Амарны), впрочем, показало, что степень самостоятельности Нефертити в культе Атона не следует переоценивать: как правило, великая царская супруга представлена приносящей жертвенные дары Атону в паре с Эхнатоном, который выступает главным действующим лицом. Понимание конкретных ритуальных функций Нефертити в культе Атона дополняют ее эпитеты – «чистая руками» (*w^cbt ꜥwy*)⁵⁷, «умиротворяющая Атона голосом нежным (и) руками (державшими) сестры» (*shꜣtp ꜣ itn m hrw ndm m nꜣy.s drty nw hr sšꜣwt*)⁵⁸. С этими функциями Нефертити как жрицы Атона, скорее всего, связан также и ее эпитет «прекрасноликая, красивая в головном уборе-шуту, любимая Атоном живым» (*nfꜣrt hr ꜥnt m šwtꜣy šꜣrrt ꜣ itn ꜥnh*)⁵⁹. В этом отношении сакральная роль Нефертити в культе Атона во многом перекликается с функциями «супруги бога» в культе Амона фиванского⁶⁰, заключавшимися, как предполагается, в побуждении бога-творца к обновлению вселенной. Как показали исследования карнакских культово-церемониальных сцен, ритуальная роль Нефертити, действительно, во многом оставалась в русле традиционной культовой практики⁶¹. Например, некоторые сцены хеб-седа Эхнатона в Карнаке обнаруживают близкие параллели со сценами хеб-седа Аменхотепа III, причем при появлении новых элементов в иконографии Нефертити также сохраняются и традиционные атрибуты царской супруги⁶², в том числе и корона

⁵¹ Smith, Redford 1976, 79–80.

⁵² Smith, Redford 1976, 43, 45–46.

⁵³ Tawfik 1975, 163, fig. 1, taf. 52a.

⁵⁴ Ibid, 163, fig. 1, taf. 52a.

⁵⁵ Hornung 1999, 74.

⁵⁶ Kemp 1989, 266; об этом также см.: Stevens 2004, 109ff.

⁵⁷ Martin 1989, 22, pl. 22; Блок из Гермополя (Бруклинский музей. Нью-Йорк. MMA 219.49, 573, 597, 604. James 1974, pl. 76, n 306).

⁵⁸ Надписи в амарнской гробнице Эйе (Davies VI, 1908, pl. XXV).

⁵⁹ Данный эпитет засвидетельствован в надписях в гробницах Маи (Davis V, 1908, pl. V), Панехси (Davis II, 1905, pl. VII) и на пограничной стеле S (Davies V, 1908, pl. XXVI).

⁶⁰ Aldred 1988, 223–224.

⁶¹ Traunecker 2005, 124; Akhéaton et Néfertiti 2008, 53.

⁶² Traunecker 2005, 124; Akhéaton et Néfertiti 2008, 53.

«хаторического» типа⁶³. Более того, по мнению К. Тронекера, даже само имя царской супруги – Нефертити («прекрасная пришла») – представляет собой своеобразное теологическое имя, указывающее на ее возможную роль в хеб-седе как земной персонификации Хатхор⁶⁴. В этой связи отметим, что присутствие в иконографии Нефертити мотивов, относящихся к Хатхор, засвидетельствованных на начальном этапе религиозной реформы, сохраняется и спустя годы после переезда двора в Ахетатон⁶⁵! Вероятнее всего, наличие в иконографии царской супруги головного убора этого типа следует объяснять терпимым отношением Эхнатона к древней солярной символике в целом.

Всего, по классификации Д. Рэдфорда, на рельефах из Карнака Нефертити изображена носящей 5 различных типов головных уборов: 1) венец, представляющий собой комбинацию из основы-*модия*, рогов коровы с солнечным диском между ними и двух прямых перьев-*шутти*; 2) трехчастный парик, завитый короткими локонами; 3) перья-*шутти* без солнечного диска; 4) «нубийский» парик; 5) завитой парик, напоминающий плат-*афнет*⁶⁶. Что касается синей цилиндрической короны Нефертити, как на знаменитом берлинском бюсте, то этот тип головного убора регулярно появляется на памятниках, созданных после переезда двора в Ахетатон.

Если характер ритуальных функций Нефертити в культе Атона в основном не вызывает вопросов, значительно сложнее интерпретировать роль царской супруги в солнцепоклоннической религиозной системе в целом. Как известно, единственным божеством в ней декларировался Атон, однако молитвенные обращения придворных к супруге царя⁶⁷ (в частности, молитвы Эйе⁶⁸) и манера изображения царской семьи на ряде памятников создают впечатление, что «возлюбленная Атоном живым» Нефертити (*mrrt p3 itn ʿnh*)⁶⁹ как будто также выступала наряду с царем посредницей между Атоном и людьми⁷⁰. Согласно Я. Ассману, речь идет о новой божественной триаде, структура которой определена уже во вступлении Большого Гимна Атону⁷¹: «Прославление “Ра-Хорахти, ликующего на небосклоне, в имени своем как Шу, который и есть Атон” <...> живого и великого Атона <...> и царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего истиной, владыки Обеих Земель Неферхепрура-Ваэна, сына Ра, живущего истиной, владыки венцов Эхнатона, большого по веку своему, и великой царской супруги, возлюбленной им, владычицы Обеих Земель Нефернефруатон-Нефертити, да будет она жива, здорова, молода вечно, вековечно»⁷². С точки зрения Д. Уилсона и Б. Матьё, вступление и заключение Большого Гимна Атону фактически содержат обращение к трем лицам: к солнечному богу, зримой формой которого является Атон, а также к царю и его супруге.

⁶³ Smith, Redford 1976, 81.

⁶⁴ Traunecker 2005, 124.

⁶⁵ Ср.: Van de Walle 1980, 32.

⁶⁶ Smith, Redford 1976, 81.

⁶⁷ Перепелкин 1979, 15–16.

⁶⁸ Davies VI, 1908, pl. XXV.

⁶⁹ Davies V, 1908, pl. IV.

⁷⁰ Green 1992, 483.

⁷¹ Grandet 1995, 98–99, 118–119. Assmann 2001, 216. Я. Ассман, кроме того, полагает, что Эхнатону была известна космогоническая концепция, изложенная в главах 75–83 «Текстов Саркофагов», так называемая «теология Шу» (Assmann 1995, 80; Fermat 2011).

⁷² Текст в гробнице Эйе в Ахетатоне (Davies VI, 1908, pl. XXVII).

зе⁷³. Гимн Атону завершается следующими словами: «Ты поднимаешь их (людей – В.Б.) ради сына твоего, вышедшего из твоей плоти, царя Верхнего и Нижнего Египта, живущего истиной, владыки Обеих Земель Неферхепрура-Ваэнра, сына Ра, живущего истиной, владыки венцов Эхнатона, большого по веку своему, (и) ради великой царской супруги, возлюбленной им, владычицы Обеих Земель Нефернефруатон-Нефертити, да будет она жива и молода вечно, вековечно!»⁷⁴ Не исключено, что сам принцип появления новой триады Атон – Эхнатон – Нефертити был обусловлен особенностью древнеегипетского религиозного мышления с его пристрастием к симметрии и к объединению семей богов в группы из трех членов⁷⁵. Изобразительным воплощением новой триады служат домашние стелы⁷⁶, на которых она композиционно организована по пирамидальной схеме: находящиеся в окружении дочерей Эхнатон и Нефертити сидят напротив друг друга под лучами парящего над ними солнечного диска (Атона)⁷⁷.

И хотя просьбы амарнских сановников о надлежащем погребении ожидаются от Атона и царя, а не от Нефертити, адресованные ей молитвы и просьбы заупокойных жертв свидетельствуют о наделении царской супруги функциями традиционных богинь-защитниц умерших⁷⁸. В этом же ключе обычно интерпретируется наличие на внешних углах саркофага Эхнатона фигурных изображений Нефертити, охватывающей руками его стенки наподобие богини-защитницы⁷⁹.

⁷³ Akhéaton et Néfertiti 2008, 55; Wilson 1973, 239.

⁷⁴ Davies VI, pl. XXVII.

⁷⁵ Hornung 1999, 74.

⁷⁶ Считается, что такие стелы предназначались для домашних алтарей (Aldred 1988, 223). Впрочем, значение сцен, изображающих царскую семью, остается дискуссионным (Baines 2001, 293). Поскольку окончательно такая иконография царской семьи сложилась уже после переезда двора в Ахетатон, ее формирование заманчиво связать с запретом культа фиванской триады и прочих богов традиционного пантеона. Обычно сцены семейного и дворцового быта в святилищах Атона расцениваются как замещение элиминированных изображений богов традиционного пантеона, изображения которых составляли основу декоративной программы храмов (Speiser 2010, 89). Несмотря на то, что некоторая ритуализация повседневной жизни царя наметилась еще при Аменхотепе III, в амарнский период она приобрела характер настоящей литургии (Traunecker 2005, 129–130).

⁷⁷ Например, Берлинская стела ÄS 14 145 (Arnold 1996, 98, fig. 88) или стела из Каирского музея JE 44865 (Freed, Markowitz, D'Auria 1999, 106, fig. 70).

⁷⁸ Перепелкин 1979, 16–17. Из надписи в гробнице Хуйи известно, что Тии тоже являлась адресатом молитвенных обращений (Davies III, 1905, pl. XIX), хотя, как отмечал Ю.Я. Перепелкин, это могло быть лишь отражением общей тенденции официального почитания Нефертити (Перепелкин 1979, 17).

⁷⁹ Arnold 1996, 94, fig. 85; Martin 1974, pls 6–9; 19, 20 (2). Интерпретация изображений Нефертити на углах царского саркофага как субститута богинь-защитниц умершего основывается на аналогичном размещении фигур богинь Исиды, Нефтиды, Нейт и Серкет на саркофагах царей конца XVIII династии – Тутанхамона, Эйе и Хoremхеба. Согласно Э. Хорнунгу, Нефертити выступала в роли богини-защитницы царя (Hornung 1999, 101). Какие-либо «пропагандистские» цели, рассчитанные на широкий круг подданных, в данном случае представляются нам маловероятными, поэтому, роль Нефертити несомненно определялась ее местом в солнцепоклоннической теологии. Другой вопрос состоит в том, что именно вкладывалось в божественный статус Нефертити? В связи с этим при интерпретации изображений Нефертити как богини-защитницы царя, обращает на себя внимание иконография царской супруги, представленной в традиционном головном уборе, имеющим коннотации с богиней Хатхор (!) – в диадеме, украшенной двойным «хаторическим» уреем, и в композитной «хаторической» короне.

Тем не менее остается все же неясным, почиталась ли Нефертити, занявшая место элиминированных образов древних богинь, как настоящая богиня⁸⁰, или же в демифологизированной теологии Атона царская супруга была лишь сакрализованной фигурой-субститутотом? Широко распространенной в современной египтологии интерпретацией официальной репрезентации царской семьи (Атон-Эхнатон-Нефертити) является точка зрения об адаптации теологией солнцепоклонничества древней гелиопольской космогонии (Атум-Шу-Тэфнут) и об отождествлении Эхнатона и Нефертити с первой парой божеств Шу и Тэфнут – детьми Атона⁸¹. Согласно этой точке зрения, Эхнатон являлся земным воплощением Шу, а Нефертити – Тэфнут⁸². Выдвигалось предположение и об отождествлении царской супруги с Маат, поскольку в некоторых сценах культа Нефертити изображена протягивающей Атону фигурку Маат (Карнак)⁸³ или же собственное миниатюрное изображение, как если бы то была Маат (Ахетататон)⁸⁴. Тем не менее, несмотря на выдвинутые аргументы в пользу отождествления Эхнатона и Нефертити с Шу и Тэфнут, определение теологической роли Нефертити как персонификации Тэфнут в условиях нарастающего амарнского богоборчества все-таки представляется нам крайне маловероятным. Не вдаваясь в детали доводов в пользу данной теологической модели, заметим только, что имеющиеся источники все же не позволяют с уверенностью проводить прямые параллели между иконографией Тэфнут и Нефертити. И если Эхнатон, действительно, неоднократно прямо сравнивается в текстах амарнского периода с Шу⁸⁵, то аналогичное сопоставление Нефертити с Тэфнут, в том числе посредством иконографии, надежного подтверждения не находит⁸⁶. Следовательно, вопрос о принятом в настоящее время за факт отождествлении Нефертити с богиней Тэфнут по меньшей мере надо признать открытым.

Но какова бы ни была интерпретация теологической роли Нефертити и как бы ни было соблазнительно видеть в ней в том или ином качестве олицетворение божественного женского начала, не подлежит сомнению одно – в контексте солнцепоклоннической религии она занимала второстепенное положение по отношению к царю; в этой связи напомним, что, согласно амарнской теологии, исключительным выразителем воли Атона был лишь царь⁸⁷. И только ему, как свидетельствует текст Большого Гимна, было по-настоящему ведомо учение «отца его Атона»: «Ты в моем сердце, и нет другого, который познал бы тебя, кроме твоего сына Неферхепура – (единственного для Ра)». Ты даешь, чтобы он был сведущим в

⁸⁰ Tawfik 1973, 84–85; Перепелкин 1979, 16; Arnold 1996, 93–96.

⁸¹ Вероятная адаптация Эхнатоном древней гелиопольской солярной теологии неоднократно комментировалась различными исследователями. См., например: Harris 1977, 5–10; Rahman Abd-ur 1959, 247–249; Hornung 1999, 57; Assmann 1995, 80–81; 2001, 177–183, 208–218.

⁸² Johnson 1999, 46; Freed 1999, 113–114. См. также: Stevens 2006, 5; Franco 2008, 465, cat. 205.

⁸³ Сцены жертвоприношений из Карнака (Tawfik 1979, 338, fig. 4; Smith, Redford 1976, 83, 3). В сценах жертвоприношений Атону в Амарне фигурка Маат больше не встречается (Smith, Redford 1976, 24), что, вероятно, явилось результатом отказа от антропоморфного изображения Маат. Ср.: Hornung 1999, 74.

⁸⁴ Гробница Ипи (Davies IV, 1906, pl. XXXI). Например, как в сцене подношения Маат Эхнатоном на карнакских талытатах (Vergniew, Gondran 1997, 149).

⁸⁵ Перепелкин 1979, 265–267.

⁸⁶ Gabolde 2005, 155–170.

⁸⁷ Redford 1980, 25–26, 30.

твоих помыслах и в твоей силе» (*nn wn ky rh(w) tw wpw-hr s3.k (Nfr-hprwr W-n-r)*)⁸⁸. Таким образом, сакральную роль Нефертити в контексте солнцепоклоннической религии, которую большинство современных исследователей амарнского периода расценивают практически равной царской, приходится признать весьма преувеличенной.

Подводя краткий итог всему вышесказанному, мы полагаем, что возросшее к середине XVIII династии значение женщин из ближайшего окружения царя (его матери, великой супруги и в меньшей степени цариц) явилось прямым следствием идеологически обусловленной сакральной роли, отведенной им в рамках института царской власти, хотя это ни в коей мере не значит, что на выдвижение на первый план представительниц царской семьи не оказывали влияния династические и индивидуальные предпосылки. Таким образом, с нашей точки зрения, в основе особого акцента на фигуре царской супруги (достигшего кульминации в лице Нефертити) прежде всего лежали изменения в новоегипетской идеологии с явно выраженной уже при Аменхотепе III тенденцией к отождествлению царственной пары с божественной парой. Именно с этих позиций и нужно, как нам представляется, вести дальнейшее исследование характера официальной репрезентации представительниц царского дома эпохи Нового царства и особенностей их сакральной роли.

ЛИТЕРАТУРА⁸⁹

Ассман, Я. 1999: Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М.
Перепелкин, Ю.Я. 1979: Кэе и Семнех-ке-рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М.

REFERENCES

- Akhénaton et Néfertiti. Soleil et ombres des pharaons*. 2008. Genève.
Aldred, C. 1988: *Akhenaten. King of Egypt*. London.
Arnold, D. (ed.) 1996: *The Royal Women of Amarna. Images of Beauty from Ancient Egypt*. New York.
Assman, J. 1999: *Egipet: teologiya i blagochestie rannei zivilizazii* [*Egypt: theology and piety of early civilization*]. Moscow.
Assmann, J. 1995: *Egyptian Solar Religion in the New Kingdom. Re, Amun and the Crisis of Polytheism*. London–New York.
Assmann, J. 2001: *The Search for God in Ancient Egypt*. London.
Baines, J. 2001: The Dawn of the Amarna Age. In: E.H. Cline, D. O'Connor (eds.), *Amenhotep III. Perspectives on His Reign*. Michigan, 271–312.
Bayer, C. 2013: *Die den Herrn Beider Länder mit ihrer Schönheit erfreut. Teje. Eine ikonographische Studie*. Wiesbaden.
Bickel, S. 1994: *La cosmogonie égyptienne avant le Nouvel Empire*. Göttingen.
Bickel, S. 2002: Aspects et fonctions de la déification d'Amenhotep III, *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 102, 63–90.

⁸⁸ Davies VI, 19086 pl. XXVII. Именно поэтому точка зрения Дж. Уилсона о Нефертити как проводнике воли Атона представляется неубедительной (Wilson 1973, 239).

⁸⁹ Поскольку список литературы и references полностью совпадают (за исключением двух работ на русском яз.) редколлегия приняла решение не дублировать список работ на иностранных яз.

- Borchardt, L. 1913: *Das Grabdenkmal des Königs Sa3hu-Re*. Bd I. *Die Wandbilder. Ausgrabungen der Deutschen Orient-Gesellschaft in Abusir 1902–1908*. Leipzig.
- Cabrol, A. 2000: *Aménhotep III le Magnifique*. Monaco.
- Davies, N. de G. 1903–1908: *The Rock Tombs of el Amarna*. Vols I–VII. London.
- Davies, N. de G. 1941: *The Tomb of Vizier Ramose. Mond Excavations at Thebes I*. London.
- Fermat, A. 2011: *Le livre de Chou. Traité égyptien de la lumière. Textes des Sarcophages, Chapitres 75 à 83*. Paris.
- Freed, R. 1999: *Art in the Service of Religion and the State*. In: R. Freed, Y.J. Markowitz, S.H. D'Auria (eds.), *Pharaohs of the Sun. Akhenaten. Nefertiti. Tutankhamen*. Boston–New York–London.
- Gabolde, M. 1998: *D'Akhenaton à Toutânkhamon*. Lyon.
- Gabolde, M. 2015: La tiare de Nefertiti et les origines de la reine. In: R. Jasnow, K.M. Cooney (eds.), *Joyful in Thebes. Egyptological Studies in Honor of Betsy M. Bryan*. Atlanta, 155–170.
- Gayet, A. 1894: *Le Temple de Louxor*. Paris.
- Grandet, P. 1995: *Hymnes de la religion d'Aton (Hymnes du XIVe siècle avant J.-C.)*. Paris.
- Graves-Brown, C. 2010: *Women in Ancient Egypt. Dancing for Hathor in Ancient Egypt*. Auckland.
- Green, L. 1992: Evidence for the Position of Women at Amarna. In: C.I. Eyre (ed.), *Proceedings of the Seventh International Congress of Egyptologists*. Cambridge.
- Haeny, G. 1981: *Untersuchungen im Totentempel Amenophis III*. Wiesbaden.
- Harris, J. 1977: Akhenaten or Nefertiti? *Acta Orientalia* 38, 5–10.
- Hayes, W.C. 1959: *The Scepter of Egypt*. Pt. II. *The Hyksos Period and The New Kingdom (1675–1080)*. New York.
- Hornung, E. 1999: *Akhenaten and the Religion of Light*. Ithaca.
- James, T.G.H. 1974: *Corpus of Hieroglyphic Inscriptions in the Brooklyn Museum*, I. *From Dynasty I to the End of Dynasty XVIII*. New York.
- Johnson, W.R. 1999: The Setting: History, Religion, and Art. In: R. Freed, Y.J. Markowitz, S.H. D'Auria (eds.), *Pharaohs of The Sun. Akhenaten. Nefertiti. Tutankhamen*. Boston–New York–London, 38–49.
- Johnson, W.R. 2001: Monuments and Monumental Art under Amenhotep III: Evolution and Meaning. In: D. O'Connor, E.H. Cline (eds.), *Amenhotep III. Perspectives on His Reign*. Ann Arbor, 63–94.
- Kemp, B.J. 1989: *Ancient Egypt: anatomy of a civilization*. London.
- Kozloff, A.P., Bryan, B.M., Berman, L.M. (eds.) 1992: *Egypt's Dazzling Sun. Amenhotep III and His World*. Cleveland.
- Kozloff, A.P., Bryan, B.M., Berman, L.M., Delange, E. (eds.) 1993: *Aménophis III le Pharaon-Soleil*. Paris.
- Leclant, J. 1965: Fouilles et travaux en Égypte et Soudan, 1963–1964, *Orientalia* 34. Fasc. 1. Roma, 175–232.
- Lohwasser, A. 2001: Queenship in Kush: Status, Role and Ideology of Royal Women. *Journal of the American Research Center in Egypt* 38, 61–76.
- Manniche, L. 2001: Royal Family. In: D.B. Redford (ed.), *The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt*. Vol. III. Oxford, 157–159.
- Martin, T.G. 1974: *The Royal Tomb at El-'Amarna. The Rock Tombs of El-'Amarna*. Pt. VII. *The Objects*. I. London.
- Martin, T.G. 1989: *The Royal Tomb at El-'Amarna. The Rock Tombs of El-'Amarna*. Pt. VII. *The Reliefs, Inscriptions and Architecture*. II. London.
- O'Connor, D., Silverman, D. (eds.) 1995: *Ancient Egyptian Kingship*. Leiden–New York–Köln.
- Perepelkin, Yu.Ya. 1979: *Keye i Semnekh-ke-re. K iskhodu solnzepoklonnicheskogo perevorota v Egipte [Keye and Semnkhkare-ke-re. Towards the end of the sun-worshipping]*. Moscow.

- Rahman Abd-ur, M.H. 1959: The Four Feathered Crown of Akhenaten. *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte* 56, 247–249.
- Redford, D.B. 1980: The Sun-Disc in Akhenaten's Program: its Worship and Antecedents, II. *Journal of the American Research Center in Egypt* 17, 21–38.
- Redford, D.B. 1987: *Akhenaten The Heretic King*. Princeton.
- Redford, D.B. 1995: *The Concept of Kingship during the Eighteenth Dynasty*. In: D. O'Connor, D. Silverman (eds.), *Ancient Egyptian Kingship*. Leiden–New York– Köln, 157–184.
- Robins, G. 2001: Queens. In: D.B. Redford (ed.), *The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt*. Vol. III. Oxford, 105–109.
- Schiff-Giorgini, M. (ed.) 1998: *Soleb V: Le temple. Bas-reliefs et inscriptions*. Le Caire.
- Schiff-Giorgini, M. 1965: Première campagne de fouilles à Sedeinga 1963–1964. *Kush* 13, 112–130.
- Smith, R.W., Redford, D.B. 1976: *The Akhenaten Temple Project*. Vol. I. *Initial Discoveries*. Warminster.
- Speiser, C. 2010: *Offrandes et purifications à l'époque amarnienne*. Turnhout.
- Stevens, A. 2004: The Amarna Royal Women as Images of Fertility: Perspectives on a Royal Cult. *Journal of Ancient Near Eastern Religions* 4. Leiden. 107–127.
- Stevens, A. 2006: *Private Religion at Amarna. The material Evidence*. Oxford.
- Tawfik, S. 1975: Aton Studies 3: Back again to Nefer-nefru-Aton. *Mitteilungen des Deutschen Instituts für Ägyptische Altertumskunde in Kairo*. 31.3. Kairo, 159–168.
- Tawfik, S. 1979: Aton Studies. 5: Cult objects on blocks From the Aton Temple(s) at Thebes. *Mitteilungen des Deutschen Instituts für Ägyptische Altertumskunde in Kairo*. 35. Kairo, 335–344.
- The Tomb of Kheruef. Theban Tomb 192*. Chicago, 1980.
- Traunecker, C. 2005: Néfertiti, la reine sans nom. In: *Akhénaton et l'époque amarnienne*. Paris, 117–133.
- Troy, L. 1986: *Patterns of Queenship in Ancient Egyptian Myth and History*. Uppsala.
- Troy, L. 2002: The Ancient Egyptian Queenship as an Icon of the State. *NIN* 3. Iss. 1, 1–24.
- Troy, L. 2008: The Queen as a Female Counterpart of the Pharaoh. In: C. Ziegler (ed.), *Queens of Egypt. From Hetepheres to Cleopatra*. Monaco, 154–170.
- Tyldesley, J. 2012: Foremost of Women: The Female Pharaohs of Ancient Egypt. In: R.H. Wilkinson (ed.), *Tausret. Forgotten Queen and Pharaoh of Egypt*. Oxford, 5–24.
- Van de Walle, B. 1980: Survivances mythologiques dans les coiffures royales de l'époque atonienne. *Chronique d'Égypte* 55, Bruxelles, 23–36.
- Vergnienx, R., Gondran, M. 1997 : *Aménophis IV et les pierres du soleil. Akhénaton retrouvé*. Paris.
- Wente, E. 1969: Hathor at the Jubilee. In: *Studies in Honor of John A. Wilson*. Chicago, 83–91.
- Wilson, J.A. 1973: Akh-en-Aton and Nefert-iti, *Journal of Near Eastern Studies* 32. Chicago, 235–241.

SOME ASPECTS OF THE GREAT KING'S WIFE SACRAL ROLE DURING THE REIGNS OF AMENHOTEP III AND AKHENATEN

Vladimir A. Bolshakov

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
vb.scriba@gmail.com

Abstract. The paper deals with the sacral role of the Great King's Wife in the context of the ideology of the second half of the Eighteenth dynasty, particularly during the reigns of

Amenhotep III and Amenhotep IV (Akhenaten). The author believes that the sacral role of the King's Wife consists of two interconnected aspects: the cultic and ceremonial aspect and the theological one. The main attention of the study is paid to the revealing of possible ideological premises of the unprecedented rise of principal female representatives of the Royal Family, Queens Tiye and Nefertiti. The main evidence of the important position of both Queens is mainly attested not only by new elements of their iconography, but also by their titles and epithets. The overview of available figurative and epigraphic sources related to Tiye let to conclude the direct connection between the official manner of representation of the Royal couple as a divine couple and new theological tendencies in the Egyptian religion under Amenhotep III.

According to the author's point of view, the "new solar theology" developed during the second part of Amenhotep III's reign with its specific concentration on the idea of the supreme solar deity. It was a starting point of radical sun-worshipping reform of Akhenaten. In this context, the unusually important position and the sacral role of Nefertiti is viewed as a consequence of further development of theological thought of the preceding reign. Thus, some symbolic elements of Nefertiti's iconography (especially of the early years of Akhenaten's reign) allow talking about a continuity to some degree of ideological traditions characteristic for Amenhotep III's time. In connection with the hypothesis concerning the presumed adaptation by Akhenaten of the ancient Heliopolitan cosmogony the question of Nefertiti divine status in the Amarnian theological system is also raised.

Keywords: Ancient Egypt, New Kingdom, Amenhotep III, Tiye, Akhenaten, Nefertiti, Ancient Egyptian religion, ideology of Kingship, Queenship

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 20–32
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 20–32
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-20–32

О ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ АВАНСКОГО ЦАРЯ КУТИК-ИНШУШИНАКА

А.Н. Алимирзоев

*Институт истории Национальной Академии Наук Азербайджана, Баку,
Азербайджан
alimirzoev.60@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена освещению личности самой известной политической фигуры Элама III тыс. до н.э. сына Шимбишхука Кутик-Иншушинака (в аккадских текстах «Пузур-Иншушинак»). Ранее большинство исследователей считали его современником аккадского царя Шаркалишарри. Первоначально он был градоправителем Суз, позже стал наместником Элама. В ходе военной кампании покорил Кутиум, Симашки, Хухунури, Кимаш, Хумурти и другие страны, после чего к его титулам прибавились также титулы «царь Авана» и «царь четырех сторон света». Спустя одно поколение в Эламе правил другой Кутик-Иншушинак, сын Шуза, который был побежден основателем III династии Ура Ур-Намму.

Ключевые слова: клинописные источники, Элам, хронология, Аванская династия, Кутик-Иншушинак, цари Аккада

Во второй половине III в. до н.э. Элам все еще представлял собой конгломерат областей, среди которых наиболее могущественной была Аван¹. Кутик-Иншушинак (в аккадоязычных текстах – Пузур-Иншушинак, что в переводе означает «Оберегаемый богом Иншушинак») был самой заметной фигурой в истории этого царства. Прежде большинство ученых считали его современником последних представителей Саргонидов², а в последнее время предлагают датировать более поздним периодом. При этом ссылаются на старовавилонский дубликат надписи основателя III династии Ура Ур-Намму (2012–2094 гг. до н.э.), который был обнаружен в 1984 г. в Исине. Там упоминаются города Аккад, Тутуб, Кисмар, Эшнунна, Зимудар и «царь Элама Пузур-Иншушинак»³.

Данные об авторе: Аллахверди Нуси оглы Алимирзоев – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории НАНА.

¹ Относительно местоположения Авана до сих пор нет единого мнения. Его предлагали локализовать в долинах Луристана, около современных городов Дизфуль, Шуштер, Хамадан или же на равнине Дешти-Байда. См. Hinz 1977, 67–70; Potts 1999, 97–98, 127; Glassner 1994, 26. Возможно, Аван находился на месте современного городища Айван в нагорье Поште-кух, севернее города Илам. В надписи аккадского царя Саргона I Аван стоит между странами Сабум (иначе Сабу) и Барахше. См. Hirsch 1963, 47.

² Boehmer 1966, 345–346.

³ Frayne 1997, 65–66.

Второй аргумент, на который ссылаются сторонники поздней датировки правления Пузур-Иншушинака, – это два аналогичных по содержанию отчета о выдаче зернового довольствия разным лицам периода III династии Ура, которые были обнаружены в Лагаше. В одном случае (кол. II, срока 6) среди получателей упоминается «сын Шимбишху»⁴, которого идентифицируют с Пузур-Иншушинаком. В соответствующем контексте другого документа⁵ стоит «сын Шимбишме»⁶. В них речь идет о выдаче ему $4\frac{2}{3}$ gur (свыше 670 л) зерна⁷.

Можно ли считать аванского царя Кутик-Иншушинака современником Ур-Намму? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть некоторые моменты поздней фазы политической истории Аванского царства.

Согласно царскому списку из Суз⁸, Кутик-Иншушинак был преемником Хиты, последним, двенадцатым правителем Авана. От его имени дошли тексты, составленные местным линейным письмом. Имеются также 12 текстов на аккадском языке, в некоторых он назван сыном Шимбишхука. В двух аккадских надписях ему приписывается титул «энси города Сузы»⁹, в восьми текстах – «энси города Сузы, шакканакку страны Элам»¹⁰. В двух аккадоязычных текстах этот сын Шимбишхука носит титул «могущественный, царь страны Аван», причем в одном из них говорится, что бог Иншушинак даровал ему власть над четырьмя сторонами света¹¹. Несомненно, помимо личных качеств Кутик-Иншушинака, этому способствовало и сложившаяся социально-политическая обстановка в его родном городе¹², являющемся главным культурно-экономическим центром всего Элама. Политическая карьера Кутик-Иншушинака началась с должности градоправителя Суз, где находился храм его родового бога-покровителя Иншушинака. Известно, что до него городом управляли жрецы с административными функциями (по-шумерски *énsi*, по-аккадски *iššiakkum*, по-эламски *hal menik*), а Эламом – вассальные проаккадские наместники (по-шумерски *gir₃ nita*), по-аккадски *šakkanakkum*, эламское название неизвестно) с ограниченными военными полномочиями. Однако остается неясным, были ли эти должности выборными или наследственными и какова была в этом роль аккадского патрона.

О первых семи правителях Авана не сохранились какие-либо сведения, мы даже не знаем, правили ли они в Сузах вообще. В текстах Саргона I и его преемника Римуша цари Элама Лухишан и Хишебрасини (иначе Хишебратап) упоми-

⁴ См. рис. 3. Текст был издан в 1981 г. Ж.-П. Грегором. См. Grégoire 1981, далее MVN 10, Nr. 92.

⁵ См. рис. 2. Текст был издан в 1903 г. Ф. Тюро-Данженом, См. Thureau-Dangin F. 1903, далее RTC, Nr. 249.

⁶ Поскольку к отчетным записям не составлялись дубликаты, остается предполагать, что какой-то из них (скорее всего, MVN 10, Nr. 92) является своего рода школьным упражнением; на это указывает аккуратный почерк таблички.

⁷ Steinkeller 2013, 300–301.

⁸ Глиняная табличка с перечнем царей Авана и Симашки была обнаружена в 1920-х годах французскими археологами и прочтена в 1931 году В.Шейлем, ныне хранится в Лувре. В отличие от шумерских царских списков, в этом тексте отсутствуют сведения о родственных связях, времени правления и прочие подробности о царях. См. Scheil 1931, 1–3.

⁹ Scheil 1905, 8; Boehmer 1966, 350, Anm. 1; Gelb, Kienast 1990, 332–333; Potts 1999, 122–123.

¹⁰ Scheil 1900, 58–65, pl., 12.

¹¹ Scheil 1908, 9–11, pl., 3, Nr. 1, 2; Andre, Salvini 1989, 63, not. 27, p. 70, not. 35.

¹² Д. Поттс также уверен, что Пузур-Иншушинак не был уроженцем Авана. См. Potts 1999, 122–123.

наются вместе с городами Сузы и Аван, следовательно, эти города были им подвластны¹³. В то время в Сузах главенство принадлежало трем жреческим кланам, богами-покровителями которых были Симут¹⁴, Нарунде и Иншушинак. Представитель первого клана Санам-Симут, будучи «верховным жрецом Элама», был современником Саргона I и царя Авана Лухишана¹⁵. Позже верховенство в Сузах принадлежало Эшбуму (иначе Эшба), установившему статуи аккадского царя Маништусу в храме богини Нарунде¹⁶. При Нарам-Суэне экономически развитая часть эламского конгломерата Сузиана полностью была превращена в вассальную провинцию Аккадской империи¹⁷. В результате, статус верховного правителя Элама был занижен до вассального наместника и лишь более чем два века спустя царь из династии Симашки энси Суз Идадду I (или по Ю. Юсифову, Идадду II) восстановил прежний статус царя Элама¹⁸. Хотя за этот период в некоторых отдаленных областях, например, в Аншане, эламской политической элите удалось сохранить влияние, но никто уже не мог объявить себя полноправным царем Элама¹⁹. При Нарам-Суэне (2236–2200 гг. до н.э.) градоправителем Суз (su-sim^{ki}) был Эсимуде²⁰, который несколько позже стал наместником Элама²¹. Титулы «энси Суз» и «наместник Элама» встречаются в разных текстах Эсимуде, следовательно, он не носил эти титулы одновременно. Когда Эсимуде стал наместником, Сузы управлялись кем-то другим. Возможно, Нарам-Суэн распределил обе должности между разными лицами. Это было вызвано усилением военного давления на центральную власть со стороны местной знати и соседних племен, не желавших подчиняться аккадскому царю, а также неэффективностью совмещения разнородных функций в такой бурный период в одном лице. Чуть позже наместником Элама

¹³ Frayne 1993, 23, 25, 53.

¹⁴ Симут под названием «Исимуд» вошел в шумерскую мифологию как двуликое божество и вестник морского бога Энки.

¹⁵ По Р.Цадоку его звали Сапир-Симут. См. Zadok 1984 38.

¹⁶ Scheil 1900, 66; Scheil, Legrain 1913, 17–19.

¹⁷ Frayne 1993, 53, 56, 58, 167.

¹⁸ Scheil, Legrain 1913, 26; Potts 1999, 147; Юсифов 1968, 63.

¹⁹ Поздняя традиция, отраженная в старовавилонском эпосе «Гулаан и 17 царя против Нарам-Суэна», среди врагов аккадского правителя упоминает какого-то «царя всего Элама» ([...-k]i-[t]u LUGAL. ki-iš-ša-at NIM.KI.). См. Westenholz 1997, 250, 252–253. Судя по уцелевшим клиньям, здесь могло быть записано имя [h]u2-[l]u3, или 'i6'-[l]u3, или же 'e5'-[l]u3, т.е. имя Хэлу. Поскольку историчность ни одного из участников этой коалиции не установлена, то их имена следует признать вымышленными. Мифическим кажется также упомянутый в хурритских текстах из Богазкея эламский «царь» Ауталумман. См., Kammenhuber 1974, 167.

²⁰ Frayne 1993, 306–307. Прежде это имя читалось «Энаммуне». «Эбирмуби». Второй знак имени передавал разные слоги (nam, bir5, na7, šen3, sim). Предпочтительным кажется последнее чтение, так как в его тексте этот знак использован для записи названия города Сузы (su-simki). См. Scheil, Legrain 1913, 5, Nr.1.

Учитывая, что в текстах того же периода встречается форма e-bi-ir-mu-bi2, с 1957 года, вслед за И.Гельбом, это имя стали читать именно так. См. Hinz, Koch 1987, 739–740, 951. Мы не исключаем наличие в тот период имени «Эбирмуби». Но это не может служить основанием для исключения в данном контексте имени «Эсимуде», ибо в сузских документах того же периода засвидетельствована форма é-si-mu-ut. См. König 1965, 2. Неизвестно, имел ли Эсимуде какие-либо родственные отношения с царями Авана. В.Хинц считал его старшим сыном Хишепратепа [Hinz 1963, 651].

²¹ Scheil, Legrain 1913, 6, Nr.3. Его имя, где начальный гласный был протетическим, восходит к имени бога Симута. Наличие протетических гласных в эламском языке подтверждается также иными фактами. Ср., например, irša || riša «большой, великий», имя собственное lu-uh-hi-iš-ša-an || ul-hi-iš-ša-an. См. König 1965, 1.

становится некто с аккадским именем Илишмани, о деятельности которого ничего не известно²².

В тяжелое для аккадского государства время Нарам-Суэн заключает с вассальным правителем Элама соглашение о сотрудничестве. В договоре несколько раз, имея в виду Нарам-Суэна и его эламского контрагента, употребляется слово «цари» (zu-ki-ip) и это дает основание исключить Эсимуде и Илишмани²³.

Отсутствие в договоре Аншана²⁴ и Авана, видимо, свидетельствует о том, что в момент заключения союза с Аккадом власть эламского правителя не распространялась на эти области, т.е. на территории всего эламского конгломерата. Факт отсутствия детерминатива «бог» перед именем Нарам-Суэна, а также его титула «царь четырех сторон света» дает основание предполагать, что договор с Эламом мог быть заключен в начале его правления. Следовательно, контрагентом Нарам-Суэна мог быть уже пожилой и вассальный, но все же носивший титул царя Хишебрасини²⁵.

Необходимость заключения договора с Нарам-Суэном была вызвана усилением в южной части Приурмийского бассейна, в верховьях рек Дияла и Нижний (Малый) Заб кутийско-луллубейского военного союза. Эламский вариант договора, нанесенный на глиняную табличку размером 15 x 6 см, был обнаружен французскими археологами в самом конце XIX в. в Сузах и ныне экспонируется в Лувре. Вопреки утверждению В. Хинца этот договор не был актом равноправных партнеров²⁶. Договор написан с явно проаккадской позиции и содержит лишь односторонние обязательства эламской стороны. Структура его текста напоминает жанр художественных произведений Двуречья и далека от дипломатического стиля. Это было своего рода присягой или клятвой на верность, где местами имеются небольшие отступления в виде отчета о совершенных накануне действиях (установка статуи Нарам-Суэна в главном святилище Суз, подготовка к бракосочетанию эламской принцессы с правителем Аккада и т.п.), подтверждающие лояльность эламской стороны. Цель союза была не только ликвидировать вражду между двумя странами, но и совместно действовать против общего врага.

²² Potts 1999, 110.

²³ Многие исследователи по-прежнему считают, что автором эламского текста договора, иными словами, партнером по переговорам с Нарам-Суэном, был Хитаа. По мнению Ю. Юсифова, Нарам-Суэн заключил договор с градоправителем Суз Кутик-Иншушинаком, а А. Камменхубер считала, что это был неизвестный царь Зигалугу. См. Yusifov 1968, 55–56; Hinz 1977, 187–188; Kammenhuber 1974, 180.

²⁴ Если Аван действительно находился в Луристане, как считают многие исследователи, то вряд ли вассальный эламский правитель мог контролировать столь огромную территорию, простирающуюся от Луристана до Фарса. Первым, кому удалось одновременно носить титулы «царь Аншана» и «энси Суз», был Эбарти, живший как минимум через три поколения после Кутик-Иншушинака. См. Юсифов 1968, 63.

²⁵ Ф. Вальа установил, что в тексте Римуша знаков имени эламского царя надо читать не E-ʿmah-siʿ-ṇi, как прежде, а E/Hi-ʿsip-ra-siʿ-ṇi. См. Vallat 1999, 25–26. Видимо, после победы над Эламом Римуш оставил Хишебрасини на троне и тот пережил его брата Маништусу – отца Нарам-Суэна. Следовательно, Хишебрасини до заключения союза с Нарам-Суэном по меньшей мере 25 лет находился у власти. Судя по договору, состоялось бракосочетание Нарам-Суэна с эламской царевной. См. Hinz 1967, 95.

²⁶ Hinz 1963, 650–651.

Рис. 1. Изваяние Кутик-Иншушинака

Позже, согласно взятым эламской стороной обязательствам, Кутик-Иншушинак предпринимает крупномасштабный поход в северном направлении²⁷. В старо-аккадской надписи на его известняковом изваянии (рис. 1) сообщается о крупномасштабном военном походе в северном направлении и перечисляется более 70 поселений, в том числе Хухнури, Кимаш, Кашшен, Кутиум, Симашки и т.п.²⁸ В надписи среди захваченных поселений упоминаются также Na-lu, Na-lu-min, Gi-la-ha-lú, Na-la-ah, Hi-ta(?) -a-an-za, Hi-te-qu, Hi-te É-GEŠTIN (дословно «Винный дом Хиты»), названия которых, по-видимому, были даны в честь аванских царей Хелу и Хитаа²⁹. В этой кампании мог принимать участие расквартированный в Сузах аккадский военный гарнизон. Среди опубликованных сузских текстов того времени встречаются отчеты о выдаче контингенту этого гарнизона зернового довольствия³⁰.

Отсутствие титулов «царь страны Аван» и «царь четырех сторон света» в линейных надписях Кутик-Иншушинака и тексте изваяния дает основание считать указанные титулы его поздним достижением. Видимо, в ходе этой же военной кампании Аван был отвоеван³¹.

²⁷ Scheil, Legrain 1913, 8–16; Gelb, Kienast 1990, 321–324. В хронике этого похода, выбитой на изваянии, Кутик-Иншушинак назван «шакканакку Элама».

²⁸ Фактически он в определенное время правил Кутиумом, но, подобно Эрридуписиру, по каким-то другим обстоятельствам его имя не нашло отражения в списке царей этой страны.

²⁹ К этому списку можно добавить также город Хидалу (в надписях Ашшурбанапала: hi-ta2-lu; от аккадского Hita-alú «город Хиты»), который в VII в. до н.э. наряду с Сузами и Бупила являлся одним из трех «царских городов» Элама. См. Yusifov 1968, 87. Интересно, что для имен предшественников Кутик-Иншушинака (Hi-e-lu, Hi-ta-a) до сих пор не найдено убедительной этимологии из эламского языка. По звучанию они напоминают хурритское Ih-lu (или Eh-li) и кутийское Im-ta-a, что ставит под сомнение эламское происхождение их носителей. Впрочем, последний был единственным из числа аванских царей, известным хурритской исторической традиции; его имя в форме Hi-da-am засвидетельствовано в хурритском династическом списке из Хаттушаша. См. Kammenhuber 1974, 167. По этим соображениям считаем, что Хитаа не мог быть автором эламского договора.

³⁰ Scheil, Legrain 1913, Nr. 72. В тексте договора имеется намек на этот контингент.

³¹ Возможно Аван упоминался в разрушенных строках текста изваяния Кутик-Иншушинака.

После смерти Нарам-Суэна Кутик-Иншушинак принял его высокомерный титул «царь четырех сторон света» и продолжил дружественные отношения с его сыном Шаркалишарри. Кутик-Иншушинак и Шаркалишарри были современниками первых правителей II династии Лагаша Лугальшумгала и Пузур-мама. Кутик-Иншушинак упоминается в начале фрагментарной надписи Пузур-мама, который опережал Гудеа на одно поколение:

[ud ba-ni puz]ur₄-[^dMUŠ. ER]IN. ^dMUŠ. ERIN.^{ki} [...] -še₃ (?) -ga-AN. [g]ar₃-NI-[N]^{ki} [...] -da [...]: «[Когда Пуз]ур-[Иншуш]инак из Суз в Гарнене...»³².

Приблизительно в 2180 г. до н.э. Кутик-Иншушинак пал в битве с кутиями³³, и те постепенно завладели северными областями Элама. Косвенно на это указывает датировочная формула Шаркалишарри (2200–22175 гг. до н.э.), где говорится о его походе в Захара (иначе Азахар; область в стране Симашки) и Элам³⁴. Шаркалишарри решил отвоевать утерянные позиции своего союзника Кутик-Иншушинака и тем самым приостановить натиск воинственных горцев, причем в одном бою удалось взять в плен царя кутиев Сарлага³⁵. Удалось также отбить атаку на город Акшак со стороны оккупированного к тому времени кутиями Элама³⁶.

Предложенная для Пузур-Иншушинака поздняя датировка не кажется убедительной также по следующим соображениям.

1. В упомянутом фрагментарном тексте Ур-Намму из Исина сохранилось сообщение лишь о распределении ослов, и нет уверенности в том, что он был составлен в честь освобождения городов южного Двуречья от эламского ига. В тексте изваяния Кутик-Иншушинака среди перечисленных завоеваний месопотамские города, в том числе Аккад, Тутуб, Кисмар, Эшнунна, Зимудар, не отмечены. В RTC, Nr. 249 и MVN. 10, Nr. 92 упомянуты топонимы Лулубум, Симурум, Хухуриме, а Элам, Сузы и Аван, с которыми была связана вся деятельность Кутик-Иншушинака, отсутствуют³⁷. К тому же в тексте изваяния среди завоеванных им стран Лулубум и Симурум не встречаются. Лишь Хухуриме (hu-hu-ri-me) можно идентифицировать с местностью ha-ah-ri-ma, упомянутой в тексте его изваяния³⁸.

2. В собственных текстах Пузур-Иншушинак никогда не указывает титул своего отца; будь он правителем хотя бы незначительной области, то не стал бы скрывать свое царское происхождение. Поэтому трудно согласиться с В. Хинцем, считавшим Шимбишхука младшим братом Хитаа и управляющим Элама³⁹. В RTC,

³² Frayne 1993, 272. Восстановленное нами начало напоминает датировочную формулу периода кутийского господства в Двуречье. Ср.: ud ba-ni ar-la-ga-an lugal gu-ti-um kam «день, когда Арлаган царем Гутиума стал» из текста энси Уммы Наммахани о сооружении святилища. См. Frayne 1993, 267.

³³ После смерти Кутик-Иншушинака Шаркалишарри принимает такие титулы своего союзника, как «могучий» (по аккадски *danum*) и «царь четырех сторон света» (по аккадски *šaratum kibratim arbaim*). См. Frayne 1993, 188, 192–197.

³⁴ Frayne 1993, 183; Potts 1999, 108, 136, 141. В кол. III текста изваяния Кутик-Иншушинака между топонимами ha-ah-ri-ma и a?-ak-ti кажется упоминается 'za'-[a]-ha-ra. См. Gelb, Kienast 1990, 323.

³⁵ Hirsch 1963, 29.

³⁶ RTC, Nr. 130.

³⁷ Thureau-Dangin 1903, 249.

³⁸ Gelb, Kienast 1990, 323.

³⁹ Hinz 1977, 75–76. Царское происхождение Кутик-Иншушинака оспаривается также Ж.-Ж. Гласснером. Он считал, что политическая карьера Кутик-Иншушинака сложилась при поддержке аккадской политической администрации или же какого-то эламского царя, контролирующего власть в Сузах. См. Glassner 1988, 34.

№. 249 и MVN. 10, №. 92 среди получающих зерновое довольствие перечисляются надзиратели (*ugula*), кузнец (*simug*), разнорабочие (*lú*) и работники других социальных групп. Если бы «сын Шимбишхука» был эламским царем, то вряд ли он оказался в одном списке с такими людьми.

3. В период III династии Ура официальные тексты составлялись преимущественно на шумерском языке, тогда как иноязычные клинописные тексты Кутик-Иншушинака написаны исключительно на аккадском, т.е. на языке предыдущего периода.

Рис. 2. RTC, №. 249

Рис. 3. MVN 10, №. 92

4. Нижние части табличек RTC, Nr. 249 и MVN 10, Nr. 92, где находилась датировка, отбиты. Поэтому нет уверенности в том, что они относятся ко времени Ур-Намму.

5. В аккадоязычных текстах Кутик-Иншушинака имя его отца завершается слогом -úk (рис. 1), чего не наблюдается в текстах RTC, Nr. 249 и MVN 10, Nr. 92. Причину отличия в этих текстах имени собственного объяснить сложно. Может быть, знак ME в тот период изредка мог передавать также слог HU, что позволило бы автору MVN 10, Nr. 92 заменить его другим, более употребляемым для этого слога знаком. Однако это предположение ничем иным не подтверждается. Это еще один аргумент к тому, что в упомянутых отчетах имя «Шимбишхук» не упоминается. Группу знаков этого имени в «quasi duplicate» (по терминологии У. Саллабергера) MVN 10, Nr. 92 можно читать и как šī₆-bi-iš-hu. Схожее имя (šu-bi₂-iš-hu-ha⁴⁰, šu-bu-uš-hu-hi⁴¹) зафиксировано в хозяйственных текстах Пузриш-Дагана периода III династии Ура. И. Гельб отнес эти имена к субареям⁴². Во всяком случае, упомянутое в MVN 10, Nr. 92 лицо не имеет ничего общего с Шимбишхуком, отцом аванского царя Кутик-Иншушинака.

6. Трудно представить, что между современником Нарам-Суэна Хитой и Кутик-Иншушинаком мог быть полуторавековой временной разрыв и что эламская историческая традиция могла забыть о правивших в этот период 3 или 4 царях.

Реконструкция исторической ситуации П. Штайнкеллером, согласно которой царь Авана Кутик-Иншушинак был побежден совместными силами Ур-Намму и энси Лагаша Гудеи, не кажется нам убедительной⁴³. Подлинные тексты Гудеи содержат информацию о военных действиях в Аншане (480 км восточнее от Суз, современное городище Тепе-Малиан в долине Байда, т.е. далеко от Авана). Маршрут этого похода, несомненно, проходил через Сузиану и не мог состояться без санкции кутийского правителя. В многочисленных надписях самого Гудеи и надписях, составленных во время его правления, нет ни единого слова или намека против кутиев. Он правил в период господства в Двуречье кутиев и платил им дань. Фактически он был наместником кутиев в Шумере, имея широкие полномочия, вел строительные работы в Лагаше, Ниппуре и Адабе⁴⁴. Видимо, к этому же периоду следует отнести RTC, Nr. 249⁴⁵. Лояльность к кутиям дорого обошлась

⁴⁰ Yıldız, Gomi 1988, Nr. 807. Так звали какмийца. Страна Какмиум локализуется юго-западнее озера Урмия.

⁴¹ Langdon 1911, текст Nr. 67, строка 5.

⁴² Gelb 1944, 52, not. 27.

⁴³ Steinkeller 1988; Steinkeller 2013, 294, 301–303. Совершенно необоснованным кажется утверждение, что Кутик-Иншушинак якобы находился в плену у Гудеи. См. Козырева 2016, 159. Имя «Пузур-Иншушинак» отсутствует в текстах Гудеи.

⁴⁴ Тогда же поселения Загроса (Мархаши, Симуррум, Кутиум, Хухунури, Адамдун, Лулуби, Ду-дуль, и другие) начинают часто упоминаться в хозяйственных текстах Лагаша и других городов. См. RTC, Nr.Nr. 205, 237, 238, 250, 252, 253, 255.

⁴⁵ Тюменьев 1956, 212; Steinkeller 2013, 301. Некоторые исследователи относят RTC, Nr. 249 к аккадскому периоду. См. Sallaberger, Westenholz 1994, 94, Anm. 435. Возможно, этот отчет о поставке из Аккада в Луллубум и другие загросские поселения большого количества зерна был составлен в Аккаде и каким-то образом попал в Лагаш. Город Аккад в то время управлялся другим наместником кутиев Шутурулем. Аккад упоминается и в других табличках Лагаша того же периода. См. RTC, Nr.Nr. 101, 184.

его преемникам. В ходе освобождения Двуречья от власти кутиев Лагаш был разгромлен, а его царей не включали в список правителей Шумера.

Теоретически победа Кутик-Иншушинака над кутиями, о которой сообщается в тексте на его статуе, могла иметь место либо до установления их господства над Двуречьем, либо же вслед за поражением последнего их царя Тирикана. По хронологическим соображениям первое мнение кажется более приемлемым.

В Сузиане власть Ур-Намму действительно признавалась, но это могло иметь место после свержения власти кутиев, против которых воевал также его сын Шульги. До нас дошла надпись, повествующая о победе Ур-Намму в Сузах над кутийцем по имени Гутарла⁴⁶. Видимо, он был наместником Тирикана в Сузах. Если Кутик-Иншушинак стал править после этого Гутарла, то неясно, каким образом эламит мог завоевать шумерские города, когда они уже находились под контролем Ур-Намму. Поэтому, даже если Ур-Намму действительно воевал с сузским правителем по имени Кутик-Ишушинак (в его тексте «Пузур-Иншушинак»), последнего по хронологическим соображениям нельзя идентифицировать с одноименным правителем Авана, ибо, согласно Сузскому списку, аванские цари, включая Кутик-Иншушинака, правили последовательно, друг за другом.

После освобождения от кутийского господства в Эламе действительно мог править царь по имени «Кутик-Иншушинак», упомянутый в надписи Ур-Намму. Подтверждением этого может служить печать из Суз с надписью BA.ŠA. (=puzur₄)-^dNINNI.ERIN. DUMU. šu-e₂-^ra' «Пузур-Иншушинак, сын Шуза» (рис. 4). По стилистике (изображение солнца и луны перед сидящим персонажем-царем) печать датируется временем Ур-Намму и, несмотря на отсутствие титула, принадлежала другому Кутик-Иншушинаку⁴⁷.

Рис. 4. Печать Пузур-Иншушинака II

Суммируя вышесказанное, отметим, что в истории Элама было два правителя с одинаковым именем. Современник и союзник Шаркалишарри Кутик/Пузур-Иншушинак I, будучи правителем Суз и наместником Элама, в первых десятилетиях XXII в. до н.э. силой оружия вернул аванский престол⁴⁸. А его тезка (Кутик/Пу-

⁴⁶ В тексте: gu2-tar-la2 dumu gu-tim-um-ma-ra «Гутарла, сын кутийца». См. Frayne 1997, 67–68.

⁴⁷ Roach 2008, 719, 733. Почему-то на эту печать не было обращено внимания.

⁴⁸ Идея существования Кутик/Пузур-Иншушинака I была высказана И.М. Дьяконовом еще в 1983 г. См. История древнего Востока 1983, 258. Однако эта идея впоследствии не была развита.

зур-Иншушинак II) правил приблизительно в 2109–22100 гг. до н.э., после победы Ур-Намму в Сузах над кутийским наместником Гутарла. Но мы не знаем, установил ли Кутик-Иншушинак II власть над Аваном. Даже после него, во времена Ибби-Суэна, Аван все еще сохранял определенную политическую значимость⁴⁹.

ЛИТЕРАТУРА

- Алимирзоев, А. 2010: Месилим – царь Киша. *Азербайджан и азербайджанцы* 1–2, 139–142.
- Дьяконов, И.М. (ред.) 1983: *История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия*. М.
- Козырева, Н. 2016: *Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности (VII тыс. до н.э. – середина II тыс. до н.э.)*. СПб.
- Хинц, В. 1977: *Государство Элам*. М.
- Юсифов, Ю. 1068: *Элам. Социально-экономическая история*. М.
- Boehmer, R. 1966: Die Datierung des Puzur / Kutik-Inšušinak und einige sich daraus ergebende Konsequenzen. *Orientalia. Novo seria* 35, 345–376.
- Frayne, D. 1993: *The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods. Vol. 2. Sargonic and Gutian Periods (2334–2113 BC)*. Toronto.
- Frayne, D. 1997: *The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods. Vol. 3/2. Ur III Period (2112–2004 BC)*. Toronto.
- Gadd, C., Legrain, L., Smith, S. 1928: *Royal Inscriptions. Ur Excavation Texts. Vol. 1*. London
- Gelb, I. 1944: *Hurrians and Subarians*. Chicago.
- Gelb, I., Kienast, B. 1990: *Die Alttakkadischen Königsinschriften des Dritten Jahrtausend v. Chr.* Stuttgart.
- Glassner, J.-J. 1994: Les Dynasties d’Awan et d’Shimashki. *Neuve Assyriologie Brèves et Utilitaires* 1, 25–29.
- Glassner, J.-J. 1988: La chute d’Akkadé: addenda et corrigenda. *Neuve Assyriologie Brèves et Utilitaires* 3, 34.
- Grégoire, J.-P. 1981: Inscriptions et archives administratives cuneiformes. Ie Partie. *Materiali per il Vocabulario Neo-sumero* 10, Rome.
- Herzfeld, E. 1968: *The Persian Empire*. Wiesbaden.
- Hinz, W. 1963: Persia. C. 2400–1800 B.C. *CAH* 1/2, 644–680.
- Hinz, W. 1967: Elams Vertrag mit Naram-Sin von Akkade. *Zeitschrift für Assyriologie. Neue Folge (Z.A.NF)* 58, 66–96.
- Hinz, W., Koch, H. 1987: *Elamische Wörterbuch. Archäologische Mitteilungen aus Iran (AMI), Ergänzungsband 17. I–II*. Berlin.
- Hirsch, H. 1963: Die inschriften der von Agade. *Archiv für Orientforschung (AfO)* 20, 1–82.
- Kammenhuber, A. 1974: Historisch-Geographische Nachrichten aus der althurritischen ublieferung, dem altelamischen und den inschriften der Könige von Akkad für die zeit vor dem einfal der Gutaer (CA. 2200/2136). *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. XXII, 157–248.
- König, F.W. 1965: *Die Elamische Königsinschriften*. Graz–Selbstverlag.
- Langdon, S. 1911: *Tablettes from the Archives of Drehem*. Paris.
- Potts, D.T. 1999: *The Archaeology of Elam. Formation and Transformation of an ancient Iranian state*. Cambridge.

История Элама знала много правителей с одинаковыми именами: Идадду, Кутир-Нанхунте, Кук-Нашур, Сиртух, Кудузулуш, Темтиагун, Пахиришан, Шильхак-Иншушинак, Хумпан-Халташ и др.

⁴⁹ Gadd, Legrain L, Smith 1928, Nr.210, 211, 289.

- Roach, K. 2008: The Elamite Cylinder Seal Corpus, c. 3500–1000 BC. Vol I, Part III. Doctor of Philosophy, (Near Eastern) Archaeology. The University of Sydney, pp. 577–582 (<https://ses.library.usyd.edu.au/bitstream/2123/5352/3/03kj-roach-2008-thesis.pdf>).
- Sallaberger, W., Westenholz, A. 1994: *Mesopotamien Akkad-Zeit und Ur III-Zeit*. Göttingen.
- Scheil, V. 1900: Textes élamites-semitiques (première série). *Mémoires de la Mission de Perse*. II. Paris.
- Scheil, V. 1905: Textes élamites-semitiques (première série). *Mémoires de la Délégation en Perse*. Paris.
- Scheil, V. 1908: Textes élamites-semitiques (quatrième série). *Mémoires de la Mission Archéologique en Perse*. X. Paris.
- Scheil, V., Legrain, L. 1913: Textes élamites-semitiques (cinquième série). *Mémoires de la Mission Archéologique de Perse*. XIV. Paris.
- Scheil, V. 1931: Dynasties élamites d’Awan et de Simaš. *Revue d’Assyriologie et d’Archéologie Orientale* 28, 1–8.
- Steinkeller, P. 1988: The Date of Gudea and His Dynasty. *Journal of Cuneiform Studies* 40, 47–58.
- Steinkeller, P. 2013: Puzur-Inšušinak at Susa: A pivotal episode of early Elamite history reconsidered. In: K. Graef, J. Tavernier (eds.), *Susa and Elam. Archaeological, Philological, Historical and Geographical perspectives*. Leiden, 293–317.
- Thureau-Dangin, F. 1903: *Recueil des Tablettes Chaldéennes*. Paris.
- Vallat, F. 1999: Les adversaires “élamites” de Sargon et de Rimuš. *Neuve Assyriologie Brèves et Utilitaires* 2, 25–26.
- Yıldız, F., Gomi, T. 1988: Die Puzriš-Dagan-Texte der Istanbulischen Archäologischen Museum. *Teil II, Nr. 725–1379*. Stuttgart. (Freiburger Altorientalische Studien. Bd. 16.).

REFERENCES

- Alimirzayev, A. 2010: Mesilim – tsar Kisha [Mesilim, the King of Kish], *Azerbaydzhan i azerbaydzhantsy [Azerbaijan and azerbaijanians]* 1–2, 139–142.
- Boehmer, R. 1966: Die Datierung des Puzur / Kutik-Inšušinak und einige sich daraus ergebende Konsequenzen. *Orientalia. Novo seria* 35, 345–376.
- Dyakonov, I.M. (ed.) 1983: *Istoriya drevnego Vostoka. Zarozhdeniya drevneyshikh klassovykh obshchestv i pervyye ochagi rabovladel'cheskoy tsivilizatsii. Chast' I. Mesopotamiya [The history of the Ancient East. The origin of the most ancient class societies and the first centers of slaveholding civilization. Pt. I. Mesopotamia]*. Moscow.
- Frayne, D. 1993: *The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods. Vol. 2. Sargonic and Gutian Periods (2334–2113 BC)*. Toronto.
- Frayne, D. 1997: *The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods. Vol. 3/2. Ur III Period (2112–2004 BC)*. Toronto.
- Gadd, C., Legrain, L., Smith, S. 1928: *Royal Inscriptions. Ur Excavation Texts. Vol. 1*. London.
- Gelb, I. 1944: *Hurrians and Subarians*. Chicago.
- Gelb, I., Kienast, B. 1990: *Die Altakkadischen Königsinschriften des Dritten Jahrtausend v. Chr.* Stuttgart.
- Glassner, J.-J. 1988: La chute d’Akkadé: addenda et corrigenda. *Neuve Assyriologie Brèves et Utilitaires* 3, 34.
- Glassner, J.-J. 1994: Les Dynasties d’Awan et d’Shimashki. *Neuve Assyriologie Brèves et Utilitaires* 1, 25–29.
- Grégoire, J.-P. 1981: Inscriptions et archives administratives cuneiformes. Ie Partie. *Materiali per il Vocabulario Neo-sumerico* 10, Rome.
- Herzfeld, E. 1968: *The Persian Empire*. Wiesbaden.

- Hinz, W. 1963: Persia. C. 2400–1800 B.C. *CAH* 1/2, 644–680.
- Hinz, W. 1967: Elams Vertrag mit Naram-Sin von Akkade. *Zeitschrift für Assyriologie. Neue Folge (ZA.NF)* 58, 66–96.
- Hinz, W. 1977: *Gosudarstvo Elam [The Kingdom of Elam]*. Moscow.
- Hinz, W., Koch, H. 1987: *Elamische Wörterbuch. Archäologische Mitteilungen aus Iran (AMI), Ergänzungsband 17. I–II*. Berlin.
- Hirsch, H. 1963: Die inschriften der von Agade. *Archiv für Orientforschung (AfO)* 20, 1–82.
- Kammenhuber, A. 1974: Historisch-Geographische Nachrichten aus der althurritischen uberolieferung, dem altelamischen und den inschriften der Könige von Akkad für die zeit vor dem einfal der Gutaer (CA. 2200/2136). *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. XXII, 157–248.
- Kozyreva, N. 2016: Ocherki po istorii Yuzhnoy Mesopotamii epokhi ranney drevnosti (VII tys. do n.e. – seredina II tys. do n.e.) [Studies in the History of Southern Mesopotamia in Early Antiquity (from the 7th to the mid-2nd millennium BC)]. Saint Petersburg.
- König, F.W. 1965: *Die Elamische Königsinschriften*. Graz–Selbstverlag.
- Langdon, S. 1911: *Tablettes from the Archives of Drehem*. Paris.
- Potts, D.T. 1999: *The Archaeology of Elam. Formation and Transformation of an ancient Iranian state*. Cambridge.
- Roach, K. 2008: The Elamite Cylinder Seal Corpus, c. 3500–1000 BC. Vol I, Part III. Doctor of Pphilosophy, (Near Easter) Archaeology. The University of Sydney, pp. 577–582 (<https://ses.library.usyd.edu.au/bitstream/2123/5352/3/03kj-roach-2008-thesis.pdf>).
- Sallaberger, W., Westenholz, A. 1994: *Mesopotamien Akkad-Zeit und Ur III-Zeit*. Göttingen.
- Scheil, V., Legrain, L. 1913: Textes élamites-semitiques (cinquieme serie). *Mémoires de la Mission Archéologique de Perse*. XIV. Paris.
- Scheil, V. 1900: Textes élamites-semitiques (première série). *Mémoires de la Mission de Perse*. II. Paris.
- Scheil, V. 1905: Textes élamites-semitiques (première série). *Mémoires de la Délégation en Perse*. Paris.
- Scheil, V. 1908: Textes élamites-sémitiques (quatrième série). *Mémoires de la Mission Archéologique en Perse*. X. Paris.
- Scheil, V. 1931: Dynasties élamites d’Awan et de Simaš. *Révue d’Assyriologie et d’Archéologie Orientale* 28, 1–8.
- Steinkeller, P. 1988: The Date of Gudea and His Dynasty. *Journal of Cuneiform Studies* 40, 47–58.
- Steinkeller, P. 2013: Puzur-Inšušinak at Susa: A pivotal episode of early Elamite history reconsidered. In: K. Graef, J. Tavernier (eds.), *Susa and Elam. Archaeological, Philological, Historical and Geographical perspectives*. Leiden, 293–317.
- Thureau-Dangin, F. 1903: *Recueil des Tablettes Chaldéennes*. Paris.
- Vallat, F. 1999: Les adversaires “élamites” de Sargon et de Rimuš. *Neuve Assyrologique Brèves et Utilitaires* 2, 25–26.
- Yıldız, F., Gomi., T. 1988: Die Puzriš-Dagan-Texte der Istanbulischen Archäologischen Museum. *Teil II, Nr. 725–1379*. Stuttgart. (Freiburger Altorientalische Studien. Bd. 16.).
- Yusifov, Y. 1968: *Elam: sotsial’no-ekonomicheskaya istoriya [Elam: social-economic history]*. Moscow.

THE REIGN OF KUTIK-INSHUSHINAK, THE AWAN KING

Allahverdi Nusi ogly Alimirzoyev

*Institute of History named after A.A. Bakikhanov, National Academy of Sciences of
Azerbaijan, Baku, Azerbaijan
alimirzoev.60@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to Kutik-Inshushinak, son of Shimbishhuk, in the Akkadian texts “Puzur-Inshushinak”). Previously, most researchers considered him a contemporary of the Akkadian king Sharkalisharri. He was originally the high priest of Susa, later became the governor of Elam. In the course of the military company, he conquered Kutium, Simashki, Huhunuri, Kimash, Humurti and other countries, after which the titles “the King of Awan” and “king of the four parts of the world” were added to the previous ones. One generation later in Elam, another Kutik-Inshushinak, the son of Shuela, was defeated by the founder of the Third dynasty of Ur, Ur-Nammu.

Keywords: cuneiform sources, Elam, chronology, dynasty of Awan, Kutik-Inshushinak, kings of Akkad

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 33–52
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 33–52
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-33–52

КРЕПОСТЬ И ПОСЕЛЕНИЕ ДУРНАЛИ: ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ

В.А. Гаибов

Институт археологии РАН, Москва, Россия
gaibov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается группа памятников, обследованных Среднеазиатской археологической экспедицией ИА АН СССР (РАН) в рамках инициированного и возглавлявшегося на протяжении более 20 лет (1980–2003 гг.) Г.А. Кошеленко масштабного проекта по составлению археологической карты Мервского оазиса. Эта группа получила название Дурнали по названию ключевого памятника, расположенного в непосредственной близости от одноименного древнего канала. Сплошное археологическое обследование района (без раскопок) позволило восстановить следующую картину динамики развития этого «микрооазиса». В I – нач. II в. н.э. возникает небольшое укрепленное городище (крепость) Дурнали. В сасанидский период происходит развитие и расширение объекта за пределы укреплений на юг. В следующий, раннеарабский период (VIII–IX вв.), сама крепость прекращает свое существование, но жизнь продолжается на южном поселении, наряду с которым возникает новое поселение к востоку и строится *рабат*. Позднее *рабат* перестраивается в *кёшик*. Гибель поселения приходится на XIII в., скорее всего, в результате монгольского нашествия. Эта периодизация истории группы памятников Дурнали в целом совпадает с периодами жизни других подобных групп на территории Мервского оазиса. По-видимому, она вообще типична для истории Маргианы эпохи древности и средневековья.

Ключевые слова: Мервский оазис, Маргиана, фортификация, Дурнали, *рабат*, *динг*, *кёшик*, ирригация

С 1980 года, с небольшими перерывами, на протяжении более 20 лет экспедиция Института археологии АН СССР под руководством Г.А. Кошеленко при участии Московского (до конца 80-х гг.) и Туркменского университетов проводила исследования, целью которых являлось составление подробной карты археологических памятников Мервского оазиса (Маргианы античных авторов; совр. Марыйский велаят Туркменистана). Эти работы осуществлялись путем сплошного обследования всей территории оазиса, при этом рекогносцировочные поездки сочетались со стационарными раскопками и шурфовками на нескольких ключевых памятниках. Экспедицией фиксировались все сохранившиеся памятники от начала раннего железного века и до развитого средневековья (в основном до монгольского времени).

Данные об авторе: Гаибов Васиф Абидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН.

Рис. 1. Дурнали. Космоснимок. Съемка 2018 г.

Существенную помощь в осуществлении этих исследований оказало использование в ходе работ крупномасштабных карт (как современных, так и старых, с зафиксированными археологическими памятниками, часть из которых к моменту начала работ экспедиции стала стремительно разрушаться), а также аэрофотоснимков, особенно тех, что были сделаны до строительства Туркменского (Каракумского) канала, резко активизировавшего сельскохозяйственное освоение северной части Мервского оазиса, особенно насыщенной античными и средневековыми памятниками¹.

В результате длительных исследований был сделан вывод о том, что, в сущности, в Мервском оазисе практически нет археологических памятников, которые могут считаться изолированными. Это означает, что подавляющее большинство памятников объединено в группы (кластеры, «микрооазисы»), каждая из которых занимает ограниченную территорию и пространственно отделена от другой аналогичной группы. Каждая такая группа, как правило, состоит из разновременных памятников и переживает довольно сложную эволюцию. В ходе этой эволюции меняется роль отдельных памятников, их размеры, конфигурация; некоторые памятники могут прекратить свое существование, а на их месте или рядом – возникнуть новые. В истории этих групп памятников отражается в той или иной степени история оазиса в целом. В свою очередь, история оазиса – это история совокупности указанных групп памятников.

Одна из таких групп получила название Дурнали – по названию наиболее известного памятника группы (рис. 1). Эта группа находится на расстоянии ок. 27 км к ССЗ от древнего Мерва и в 8,2 км к ЮВ от «базового» памятника экс-

¹ См. также Гаилов 2018а, 157–159; 2018б, 197–198. Предварительные публикации работ экспедиции: Губаев, Гаилов 1986, 4–6; Gubaev, Košelenko, Novikov 1990, 51–54.

педиции – Гёбеклы-депе, в непосредственной близости от канала Дурнали (название современное). Местоположение памятника в системе GPS: 37°53'09.72"С, 62°04'47.17"В (UTM: 4193574.16С, 419084.31В).

История упомянутого канала еще не совсем ясна и нуждается в дальнейшем исследовании. Сейчас лишь можно сказать с уверенностью, что это был один из важнейших каналов древней и средневековой эпох в Мервском оазисе (рис. 2). Его трасса восстанавливается на основании аэрофотоснимков различных периодов и рекогносцировочных исследований. Этот канал, по всей видимости, имел в качестве основы одно из древних русел Мургаба, существовавших еще в эпоху бронзы. В дальнейшем от него в нескольких местах были сделаны отводы, которые образовывали единую систему. Канал соединялся рядом ответвлений со старым руслом Мургаба, которое местное население называет «Джар». После строительства Каракумского канала единая система канала Дурнали оказалась разорванной на несколько частей. В самой южной части она еще в какой-то мере функционирует², хотя уже утратила свое значение, поскольку главную роль в ирригации стали играть современные оросительные сооружения, питающиеся водой из Каракумского канала. В отличие от старых каналов, новые имеют правильную геометрическую форму, они проведены с помощью мощной техники и поэтому не считаются с небольшими перепадами в рельефе, что было обязательным для древних каналов. Старые каналы, возникшие на базе древних протоков, более извилисты, они очень сильно зависят от рельефа местности и имеют сложную конфигурацию, отражающую их длительную историю.

Непосредственно к югу от Каракумского канала древняя система уже не функционирует, хотя остатки каналов хорошо видны как на аэрофотоснимках, так и на местности. Часть канала Дурнали, находящаяся к северу от Каракумского канала, наиболее трудна для исследования, поскольку именно здесь наиболее активно строились новые ирригационные системы. В этом районе достаточно хорошо виден только один магистральный канал с немногими ответвлениями. В.А. Жуковским, затем Дж. Ле Стрэнджем и В.В. Бартольдом, вслед за ними А. Ляпиным³ высказывалось предположение, что здесь проходил действовавший в древности и раннем средневековье канал Хурмузфарра (до сих пор сохранилось даже древнее доисламское название; в средневековых источниках оно иногда сокращено до Мусфари, Масфара, а с XIV в. – Сафари). Канал был замечателен тем, что, беря мургабскую воду южнее Мерва, он шел мимо этого города прямо на север и с небольшими водопотерями на орошение доносил свои воды до самых границ оазиса с пустыней. Недаром зародившийся в античности северный форпост Маргианы перед песками, величественные руины которого дошли до нас (местное население называет их Улы Кишман или Новый Кишман; см. схему на рис. 2, № 85), в средневековье носил то же название, что и питавший его с древности канал – Хурмузфарра.

Этот канал в несколько обновленном виде функционирует и сейчас, хотя главным источником воды для него ныне являются подпочвенные воды, уровень которых в оазисе сильно поднялся после проведения грандиозного Каракумского

² На момент исследования, в 80-е гг. XX в.

³ См.: Жуковский 1894, 117; Le Strange 1905, 399; Бартольд 1965, 175; Бартольд 1965, 146; Ляпин 1988, 20–22.

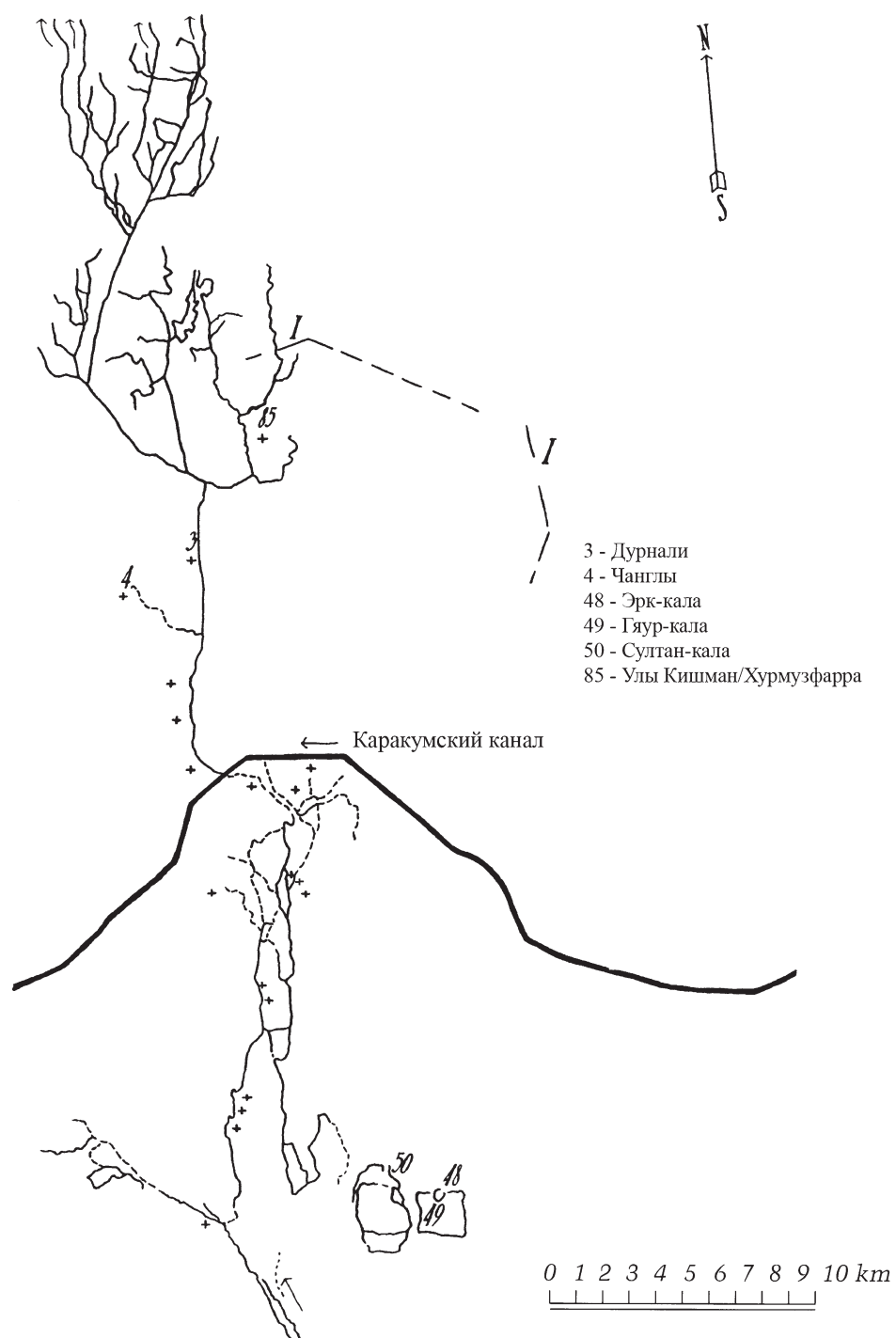

Рис. 2. Канал Дурнали/Хурмузфарра. Схема

канала и строительства новых ирригационных сетей. На этом участке хорошо видно, насколько не соответствует относительно небольшое количество воды, протекающей по нему, масштабам самого канала. Именно на этом участке канала Дурнали / Хурмузфарра располагаются памятники описываемой группы. Наконец, последняя, северная часть канала (только частично отраженная на схеме – рис. 2), очень ярко демонстрирует природное в своей основе происхождение системы – здесь канал неоднократно ветвится, делится на многочисленные протоки, многие из которых теряются в песках, а иные уходят далеко на север, к памятникам эпохи бронзы, когда граница оазиса проходила гораздо севернее. Такой характер система приобретает уже на подходе к «стене Антиоха», окружавшей оазис в древности, но наиболее ярко эти черты проявляются на территории к северу от стены. Не подлежит сомнению, что в античное время эта часть системы имела «сбросовый» характер, т.е. здесь отводились в пески избыточные воды, особенно в период паводков, ведь античная, да и средневековая система плотин на Мургабе не обеспечивала эффективной регуляции стока и водозабора, а прежде всего создавала подпор воды для подъема ее к головным частям магистральных каналов и высоколежащим землям, которых много в центральной части Мервского оазиса.

Группа памятников Дурнали сравнительно поздно попала в поле зрения исследователей. В первом фундаментальном исследовании по истории и археологии Мервского оазиса, принадлежащем В.А. Жуковскому⁴, Дурнали не упоминается и вообще не содержится никаких подробностей по северной части оазиса, особенно в античный период. На помещенной в труде В.А. Жуковского карте, по-видимому, составленной самим автором на основе русской военной карты-восьмиверстки, изображены, кроме современных (1890-х гг.), также и древние каналы⁵. Среди них виден и Хурмузфарра, доходящий до Нового Кишмана. К сожалению, памятники вдоль канала, в том числе и группа Дурнали, на карту не нанесены. В весьма авторитетном и полном «Атласе Азиатской России», изданном перед Первой мировой войной в Санкт-Петербурге, имелся ряд подробных карт «Русского» Туркестана, в том числе крупномасштабный «План Мургабского Государева Имения»⁶. На карте хорошо видна центральная и южная части Мервского оазиса (в том числе ирригационные сети), однако северная часть оазиса, где расположен Дурнали, оставлена белым пятном, т.к. она официально в Государево Имение не входила. Вероятно, по той же причине периферийного расположения Дурнали не фигурирует и в описании Туркестана князя В.И. Масальского, в целом достаточно подробно, с фотографиями и описаниями характеризующего природно-географические и исторические достопримечательности Мервского оазиса⁷. В 1903 и 1904 гг. в Маргиане работала американская экспедиция под руководством Р. Пампелли, проводившая разведки и небольшие раскопки (археологическим обследованием округа Мерва руководил Э. Хантингтон)⁸. Несмотря на то, что в трудах американской экспедиции воспроизведена русская карта-пятиверстка⁹, где помещены

⁴ Жуковский 1894, 117.

⁵ Жуковский 1894, табл. IV. «Карта окрестностей Мерва и мест по Мургабу».

⁶ Атлас Азиатской России 1914. Карта 40.

⁷ Масальский 1913, 112–113; 646–648.

⁸ Huntington 1908, 219–232.

⁹ Huntington 1908, 220, fig. 430.

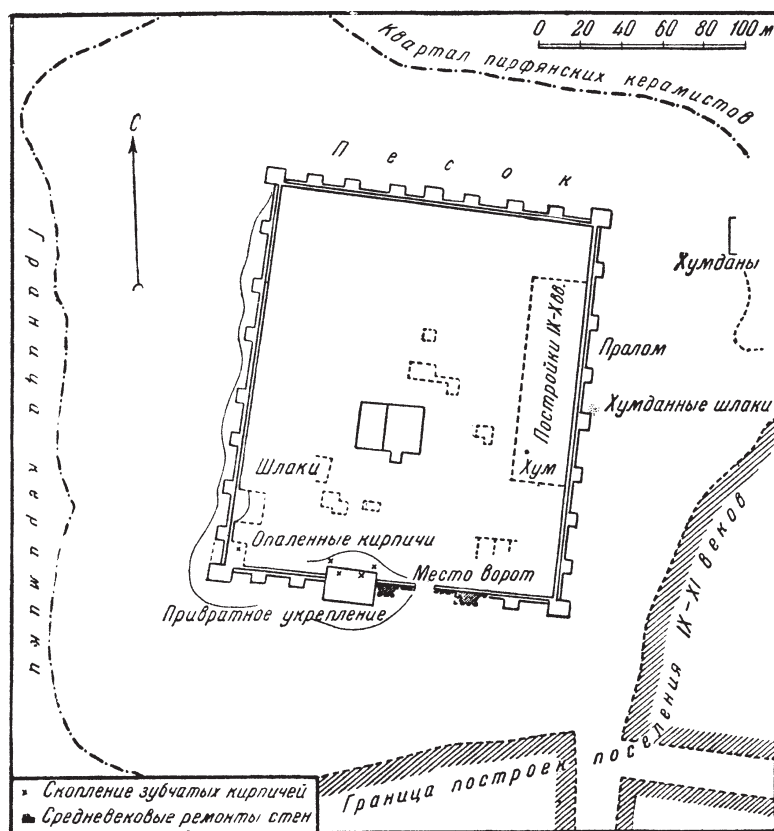

Рис. 3. План крепости Дурнали (по Г.А. Пугаченковой)

многие из крупных дөпе (ошибочно называемых автором курганами), какое-либо упоминание памятников группы Дурнали (под этим или другим названием) в публикации отсутствует. Это представляется несколько странным, поскольку расположенный неподалеку холм Чанглы, также имеющий вокруг себя целую группу памятников, аналогичную дурналийской, верно изображен на карте, представлен на фотографии¹⁰, вчерне зарисован, обмерен и описан¹¹.

Впервые одно из сооружений, входящих в группу Дурнали, было зафиксировано в 1937 г., когда Институт истории АН Туркменской ССР (в то время – Туркменский филиал АН СССР) организовал экспедицию по изучению памятников архитектуры Мервского оазиса. Основное внимание участников экспедиции было сосредоточено на памятниках, находящихся на территории Старого Мерва и в его непосредственных окрестностях.

Насколько можно судить по публикациям руководителя экспедиции В.И. Пилявского¹², иные памятники стали объектом внимания ее участников только в результате короткой рекогносцировочной поездки на север оазиса.

¹⁰ Huntington 1908, pl. 57,5.

¹¹ Huntington 1908, pl. 59.

¹² Пилявский 1947, 47–72; Пилявский 1950, 95–121.

Среди них присутствует и одно сооружение (башня с гофрами), находящееся на рассматриваемой в данной работе территории. Характерно, однако, что эта башня никак не связана с окружающими руинами, не отмечено даже название самого крупного и наиболее заметного памятника этого района. К сожалению, даже топографическая привязка на местности была определена лишь по отношению к достаточно удаленному памятнику – Куркли-депе (Куруклы-депе). Большое внимание к группе памятников Дурнали проявили сотрудники ЮТАКЭ, неоднократно посещавшие этот район в 1940–1950-х годах. Наибольший интерес на этот раз вызвал самый крупный памятник, называемый Дурнали¹³. По определению Г.А. Пугаченковой и М.Е. Массона, здесь находился парфянский город, ядром которого и была крепость (рис. 3). Эта крепость в плане почти прямоугольна: размеры длинных стен четырехугольника равны 183 и 173 м, коротких – 160 и 150 м¹⁴. Главная ось крепости ориентирована с небольшим отклонением от направления юг-север. Крепостные стены выстроены в комбинированной технике. В основании конструкции лежат два ряда пахсовых блоков, каждый из которых имеет высоту по 1 м. Блоки расположены не строго горизонтально, а с небольшим наклоном внутрь. Над этим пахсовым основанием выведена кладка из сырцового кирпича (размеры 40–42×40–42×3–14 см) на глиняном растворе. Толщина кирпичных стен – 1,2 м.

В систему укреплений входили башни (рис. 4, 5). По трем сторонам расположено, кроме угловых, по семь пристенных башен на расстоянии от 10 до 17 м друг от друга. На южном участке, где находятся ворота, имеется шесть башен, а также мощное предвратное укрепление. Башни – прямоугольные в плане, выступают за гладь стен на 6 м¹⁵. Внутри башен находятся квадратные помещения шириной около 3,7 м, перекрытые сводом или куполом. Вход в каждое такое помещение оформлено сильно вытянутой эллипсоидной формы аркой с шириной пролета 1,2 м. Стены и башни местами совсем оплыли, но местами сохранились на высоту до 7,5–8 м. По мнению Г.А. Пугаченковой, первоначально они, видимо, достигали высоты 15 м (что сомнительно, учитывая их небольшую толщину). Стены и башни снаружи раскрепованы широкими пилястрами, выступающими наружу на 43 см (т.е. на ширину кирпича). В каждом пилястре и разделяющем их простенке устроено по бойнице. Башни оформлены подобным же образом: на лицевой стороне каждой башни – три пилястра и два простенка, на боковых – по два пилястра и одному простенку.

Все они также прорезаны бойницами. На угловых пилястрах бойницы ложные (декоративные). Бойницы узкие, удлиненные (до 2 м по высоте), стреловидной формы, с сильным скосом нижней грани.

По мнению Г.А. Пугаченковой, оборона крепости предусматривала участие очень большого числа стрелков, которые располагались как в башнях, так и на стенах (общее число их, по ее подсчетам, было равно примерно пятистам). На стенах стрелки располагались на пахсовых площадках, над которыми возводились

¹³ Пугаченкова 1952, 215–225; Массон 1955, 224, 226; Пугаченкова 1958, 46–51, 157–160.

¹⁴ Современные измерения с использованием инструмента «Линейка» в Google Earth дают практически те же, с точностью до метра, результаты.

¹⁵ Примечательно, что башни конструктивно не связаны со стенами – прием, настоятельно рекомендуемый Витрувием, который обеспечивал сохранение башни в случае неравномерной осадки стены. См. Кошеленко 1963, 62.

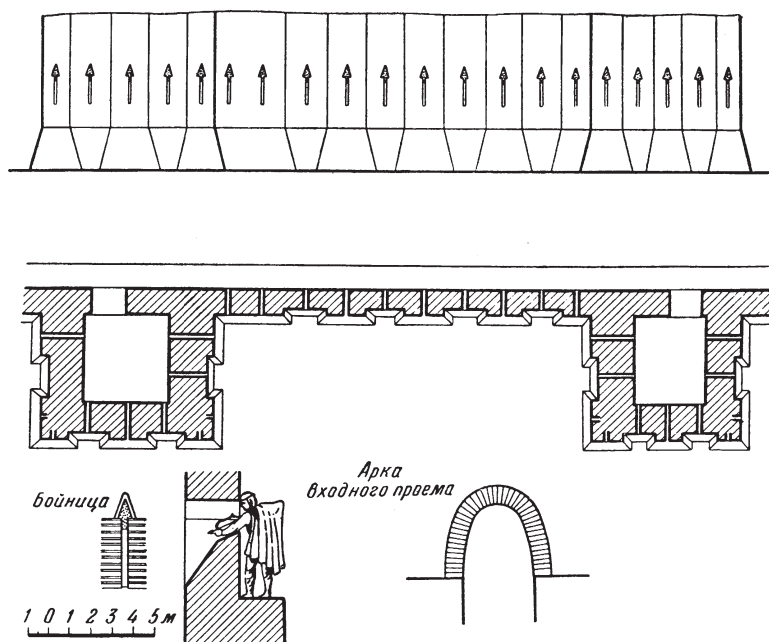

Рис. 4. Дурнали. Стены и башни (по Г.А. Пугаченковой)

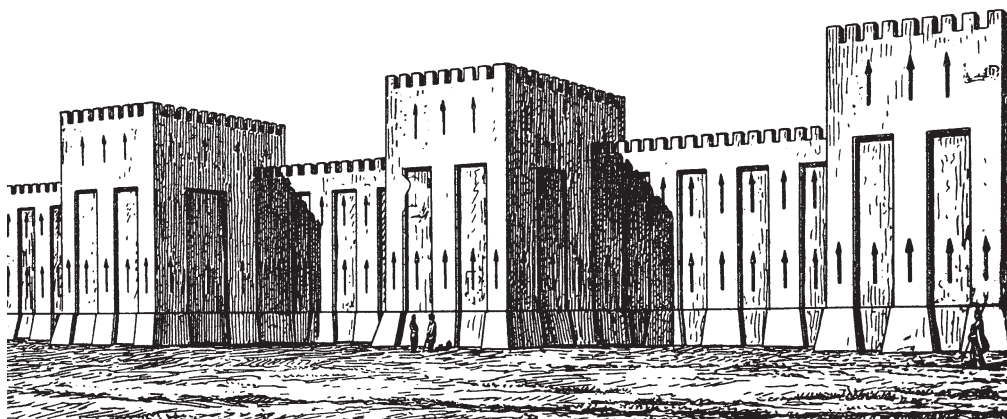

Рис. 5. Дурнали. Реконструкция (по Г.А. Пугаченковой)

собственно стены, кроме того, по ее мнению, имелся еще и верхний ярус обороны – зубцы стен и башен, из-за которых осуществлялся обстрел неприятеля. Можно предположить, считала Г.А. Пугаченкова, что верхняя оборонительная площадка, ныне не сохранившаяся, покоилась на каких-то либо сводчатых субструкциях либо просто деревянных консолях, вмонтированных в кладку стен.

Внутренняя территория крепости, по мнению исследователя, почти не была застроена. Остатки сооружений видны лишь у стен; какое-то крупное здание располагалось близ центра крепости. Крепость, в основном, призвана была укрывать

в дни осад за своими стенами большое количество жителей города. От территории города крепость отделяла эспланада, за которой простирался сам город в радиусе до 700 м.

По мнению Г.А. Пугаченковой, городище Дурнали представляло собой (предположительно) остатки города Сена, упомянутого Птолемеем¹⁶. Кроме того, на плане, сопровождавшем публикацию, была отмечена северная граница построек IX–XII вв., а в тексте говорилось о том, что на городище сохранились многочисленные руины построек этого времени. Отмечалось также, что южный участок древних стен крепости особенно сильно разрушен и искажен средневековыми постройками. На плане обозначены также постройки IX–X вв. у восточной стены крепости.

Кроме того, Г.А. Пугаченкова заново описывает башню с гофрами, обнаруженную на поселении Дурнали В.И. Пилявским (рис. 6). Она указывает, что эта башня представляет собой часть комплекса дома-усадеб с обширным двором, в восточной и южной частях которого располагались два прямоугольных строения, ориентированных по сторонам света. Размеры одного из них – 30×37 м, другого – 8,8×46 м. Последнее было одноэтажным и завершалось в своем восточном участке двухэтажной башней (восстановить планировку этих домов без раскопок невозможно). Материал, из которого выстроены эти сооружения, – кирпич-сырец размером 32 × 32 × 6 см.

Башня с гофрами – квадратная в плане (8,8×8,8 м), но заключала внутри круглое купольное помещение диаметром 5,5 м с восемью нишами на главных осях. Вход в нее располагался с юга. Дверной проем и ниши перекрыты стрельчатыми арками. Перекрытием первого этажа башни служит почти полусферический купол. Внешний вид башни следующий: первый этаж оформлен в виде мощного основания – усеченной четырехгранной пирамиды с крутым наклоном граней; второй этаж имеет на каждом фасаде по три цилиндрических гофра по краям и по два близкорасположенных пилястра посередине. Г.А. Пугаченкова отвергает

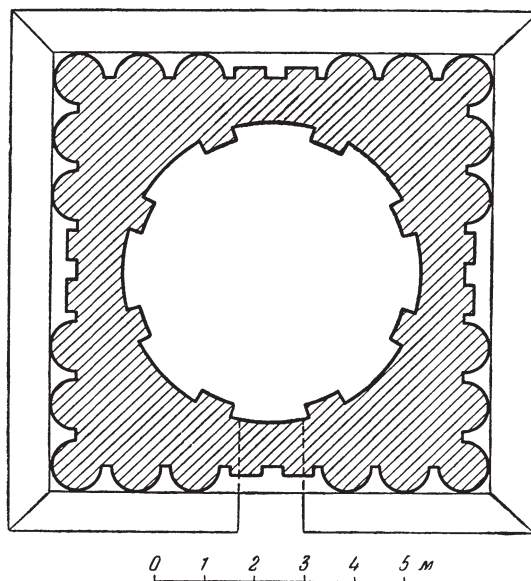

Рис. 6. Башня с гофрами на поселении Дурнали (по Г.А. Пугаченковой)

¹⁶ Исследования, проведенные в последнее время, и основанные на методике сопоставления данных «Географического руководства» Клавдия Птолемея и материалов Археологической карты Мервского оазиса, показали ошибочность всех предложенных Г.А. Пугаченковой отождествлений городов с современными археологическими памятниками за исключением очевидного сопоставления Антиохии Маргианской с городищем Гяур-кала. В частности, упоминаемая ею Сена с большой долей вероятности соответствует городищу Улы Кишман / Хурмузфарра. См. Гаилов, Требелева 2006, 157–164; Гаилов, Кошеленко, Требелева 2010, 117–121; Гаилов, Кошеленко, Требелева 2011, 65–95.

предположение В.И. Пилявского о том, что башня служила для входа (при помощи перекидного моста) во второй этаж отдельно стоящего кёшка. Она указывает, что никакого кёшка здесь быть не могло, а строения усадьбы непосредственно примыкают к башне, и притом они одноэтажны. Исследователь полагает также, что в IX–X вв. оборонительная функция кёшков утрачивает свое значение. Тем более она неуместна в усадьбе зажиточного владельца крупного средневекового имения. Гофрированная башня в Дурнали, по ее мнению, – пережиточная форма раннефеодального донжона.

Употребление гофр в этой башне, как и в кёшках IX–X вв., является отражением ее бывшего полукрепостного назначения, которое в это время уже было утрачено.

Необходимо отметить также находки на городище парфянских монет I–II вв. н.э., а также трех терракотовых статуэток парфянского времени¹⁷.

Из других наблюдений ЮТАКЭ необходимо указать на следующее. По мнению М.Е. Массона, в античную эпоху через Дурнали проходил кратчайший путь из Антиохии Маргианской в Хорезм¹⁸. Кроме того, указывалось, что в парфянское время именно Дурнали был своего рода районным центром, а затем, в средневековое время, уступил свою роль Пашану (ныне городище Куртлы)¹⁹.

Необходимо указать, что уже в то время, в период работ ЮТАКЭ, были высказаны сомнения относительно некоторых выводов Г.А. Пугаченковой²⁰. В частности отмечалось, что маловероятным является предположение о наличии второго яруса обороны и необходимых для этого деревянных консолей или кирпичных обструкций. В 1940–1950-х гг. сохранность стен была еще достаточно хорошей, но никаких остатков подобных конструкций обнаружено не было. В связи с этим отмечалось, что система обороны крепости была совершенно иной, чем это предполагалось Г.А. Пугаченковой. По всей вероятности, основой обороны были башни, что подтверждается и их частым расположением. Обращалось также внимание на то, что стены были очень тонкими и подобная крепость, прежде всего, могла быть предназначена для противостояния набегам кочевников, лишенных осадных машин и не имевших возможности разрушать даже не слишком мощные укрепления.

В 1981 г. маршрутная группа Среднеазиатской экспедиции обследовала Дурнали и округу в связи с работами по составлению археологической карты Мервского оазиса. Ситуация здесь, однако, резко изменилась к худшему за прошедшие после работ ЮТАКЭ годы. За это время было развернуто широкое земледельческое освоение района, и микрорельеф в результате сильно пострадал. Однако наиболее разрушительные последствия имело проведение непосредственно через территорию Дурнали канала для сброса воды, ранее использовавшейся для орошения. Точнее, здесь было два канала: один подходил с юга к эспланаде, окружавшей прежде крепость, а другой – с севера. Результатом сброса воды через эти каналы стало заболачивание как самой крепости, так и территории, непосредственно окружавшей ее (той пониженной территории, которую Г.А. Пугаченкова называла эспланадой). В результате, очень быстро начали разрушаться стены и башни крепости (рис. 7, 8). Другие памятники, к счастью, пострадали меньше.

¹⁷ Массон 1966, 258, прим. 40.

¹⁸ Массон 1966, 33.

¹⁹ Массон 1966, 254.

²⁰ Кошеленко 1963, 62–63.

Рис. 7. Дурнали. Внутренний фас западной и части северной стены (фото САЭ)

Рис. 8. Дурнали. Южная часть стены (фото САЭ)

Наши исследования, хотя и проводились в неблагоприятных условиях, тем не менее позволили в общих чертах представить историю этого небольшого района и всех памятников, расположенных здесь. Кроме того, удалось проследить изменения в системе ирригации в данном районе.

Древнейшим в группе памятников, расположенных здесь, была крепость Дурнали. В целом, описание ее, сделанное Г.А. Пугаченковой, сохраняет свое значение, однако оно нуждается в некоторых уточнениях.

Во-первых, не исключено, что крепость возникла несколько раньше, чем это предполагала Г.А. Пугаченкова, поскольку среди подъемного материала встречены находки, которые вполне могут быть датированы I в. н.э. В частности, здесь была найдена парфянская монета местного маргианского чекана, датируемая концом I – началом II в. н.э.²¹

Во-вторых, совершенно несомненно, что крепость Дурнали существовала не только в парфянское, но и в сасанидское время. Об этом, помимо керамики, обнаруженной на территории крепости, говорят и серьезные перестройки, и ремонты, которые были выявлены в ходе наших исследований.

Что касается парфянского периода существования крепости, то прежде всего необходимо указать, что, как уже отмечалось выше, нет никаких оснований предполагать наличие второй, верхней линии обороны на стенах крепости Дурнали. Также стоит указать на существование предвратного укрепления, расположенного к югу от крепостных ворот. Хотя его связь с собственно воротами не может быть установлена точно, но при обследовании было хорошо видно, что это укрепление выполнено в виде прямоугольника и сложено целиком из пахсовых блоков.

Наконец, необходимо, по-видимому, подвергнуть пересмотру выводы Г.А. Пугаченковой относительно застройки внутри и снаружи крепости. Работами Среднеазиатской экспедиции внутри крепости были выявлены хорошо различимые следы застройки (рис. 9). Это наблюдение подтверждается аэрофотоснимками. И на местности, и на аэрофото видно, что от южных ворот на север шла центральная улица, являющаяся прямым продолжением той дороги, которая подходит к крепости с юга²². Эта магистраль прослеживается практически до северной стены. Она делит территорию крепости на две части – западную, большую по площади, и восточную – меньшую.

Достаточно отчетливо видны боковые улицы, отходившие от центральной магистрали под прямым углом. В западной части крепости сооружения, несомненно, были более крупными. Местами между ними прослеживаются даже переулки, отделяющие одно здание от другого. Создается впечатление, что застройка внутри крепости Дурнали была достаточно регулярной.

Необходимо также указать, что предположения Г.А. Пугаченковой о существовании парфянского города за пределами крепости оказались неверными. Тщательное обследование всей территории, отмеченной на ее плане как относящейся к парфянскому городу, показало, что никаких остатков строений этого времени здесь нет, практически нет и парфянской керамики. Сопоставление этих двух фактов – наличия следов застройки внутри крепостных стен и отсутствие их вне

²¹ Пилипко 1980, 119.

²² Ныне углубление в земле на месте древней дороги использовано для проведения сбросового канала.

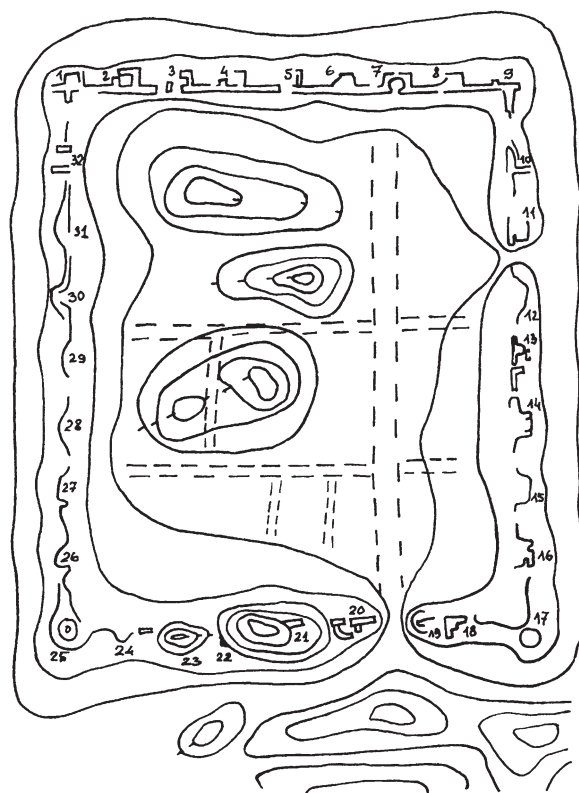

Рис. 9. План крепости Дурнали (работы САЭ)

пределов стен – подводит к выводу о том, что в парфянское время здесь возник и существовал лишь укрепленный населенный пункт, вне стен которого практически не было сооружений.

С помощью аэрофотоснимков был выявлен и позднее обнаружен на местности канал того же времени, отходивший от главного канала Дурнали на запад и проходивший у южного фаса крепости (рис. 10, 1).

Дурнали продолжал существовать и в сасанидское время. Об этом говорят как обильный керамический материал, так и выявленные следы перестроек и ремонтов укреплений. Необходимо также указать, что не все башни Дурнали однотипны. Две южные угловые башни были не прямоугольными, а приближались по своему плану к полукруглым. Кроме того, две другие башни были забутованы. Наконец, пилястры, яркий и характерный элемент конструкции, полностью отсутствуют на южной стене и в южной части восточной стены. Эти наблюдения приводят к выводу, что в истории укреплений Дурнали можно выделить как минимум два периода. К сожалению, сейчас невозможно сказать, когда были произведены указанные серьезные перестройки – в ранне- или позднесасанидское время. Более вероятной кажется ранняя дата, поскольку в основных конструкциях крепости разница в размерах кирпича незначительна, а это достаточно надежный для Средней Азии датирующий признак.

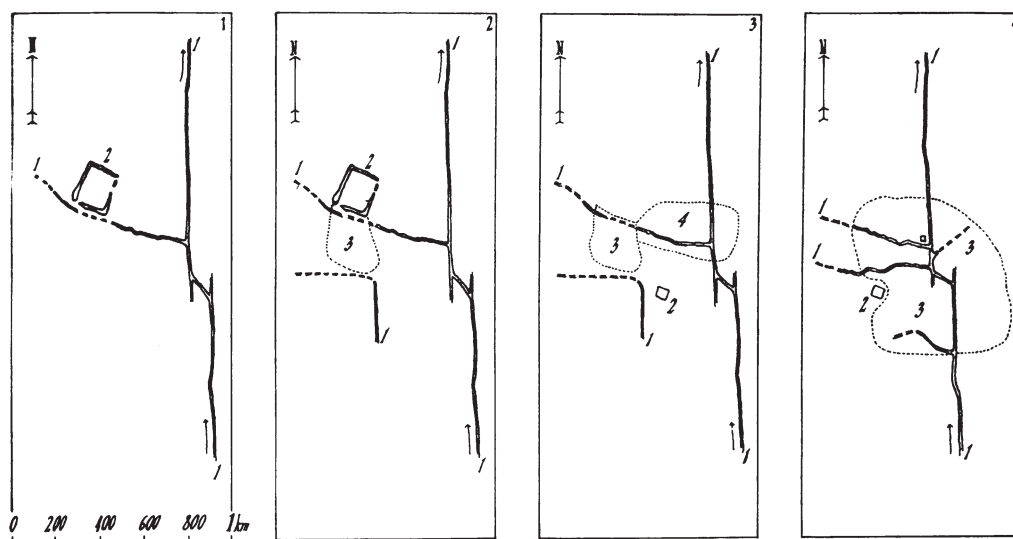

Рис. 10. Схема развития района Дурнали:

1 – парфянский и раннесасанидский периоды (I–IV вв.); 2 – позднесасанидский период (V–VII вв.); 3 – раннеарабский период (VIII–IX вв.); 4 – X – нач. XIII вв.

Однако в позднесасанидское время (V–VII вв.) мы видим другое весьма важное изменение – появление поселения вне пределов крепости (рис. 10, 2). Его общая площадь – около 7 га. На территории поселения фиксируется значительное число построек, но отсутствуют какие-либо намеки на наличие регулярного плана. На территории поселения собрана значительная коллекция керамики, датированной V–VII вв. н.э. Помимо канала, проложенного в парфянский период, в это время создается еще один, подходящий к поселению с юга и затем поворачивающий на запад. Он, видимо, определял южную границу поселения.

Среди находок, сделанных во время работ нашей экспедиции на поселении, заслуживает внимания обломок венчика большого хума (диаметр устья – более 100 см) с двумя эпиграфическими клеймами (рис. 11). Клейма прямоугольные, расположены вертикально, в 4 см от края венчика. Судя по конфигурации и размерам, это, вероятно, не отпечатки личных печатей – инталий, а скорее штампов, специально предназначенных для клеймения керамики (хотя до сих пор сасанидских эпиграфических штампов, предназначенных специально для этого, известно не было)²³. Первое из клейм (рис. 11, 1) имеет надпись в две строки на пехлеви. Отчетливо читается лишь начало первой строки и первый и последний знаки второй строки. Первое слово, очевидно, переводится как «мастер, ремесленник», а второе – как имя собственное, возможно (судя по длине надписи) – «Шапур».

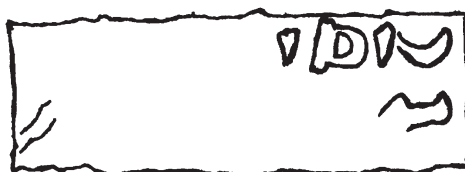
Второе клеймо расположено рядом с первым и также имеет прямоугольную форму (рис. 11, 2). Лучшая сохранность пехлевийской надписи на нем (из трех строк) позволило исследователю А.Б. Никитину прочесть ее с большой уверенностью. Первая строка, видимо, представляет сокращенное написание иранской

²³ Никитин, Согомонов 1987, 121–123.

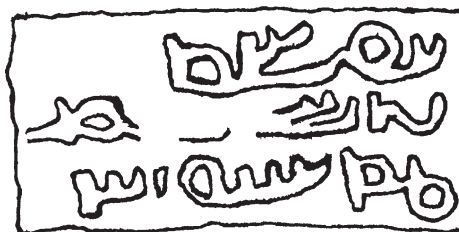
магической и благопожелательной формулы «фарн приумножен», хорошо известной по сасанидским монетам (драхмы VI – первой половины VII вв.)²⁴. Это обстоятельство, в сочетании с особенностями написания, может указывать на датировку клейма. Вторая, хуже сохранившаяся строка, видимо, содержит название должности – «хамбарбед, господин амбаров»²⁵. Имя собственное в третьей строке – видимо, Михрасвар, составленное из имени бога Митры и слова «всадник», хотя предлагались и другие его прочтения²⁶.

Следующий период большой активности в истории группы памятников Дурнали приходится на время после арабского завоевания. В это время сама крепость утрачивает всякое значение и полностью забрасывается. Жизнь на поселении сасанидского времени, к югу от крепости, однако, продолжается; там найдено некоторое количество керамики VIII–IX вв., а также фельс Абу-Муслима 130 г. Хиджры (748 г.) (рис. 12). Тогда же осваивается для поселения и территория к юго-востоку от старой крепости. Через это поселение проходил старый канал, возникший еще в парфянское время. В процессе роста поселения оно перешло и на другой берег главного канала Дурнали (рис. 10, 3). Площадь нового поселения – не менее 15 га.

Тогда же к югу от указанного поселения возникает рабат, прямоугольный в плане, размерами 45×45 м. Строительная техника основана на комбинации пахсы и сырцового кирпича. Размеры пахсовых блоков – 80×80 см, сырцовых кирпичей – 31×31×6,5 см. Наиболее вероятная дата сооружения рабата – VIII–IX вв. Постройки подобного типа широко представлены на территории Средней

1

2

Рис. 11. Поселение Дурнали. Эпиграфические клейма на венчике хума

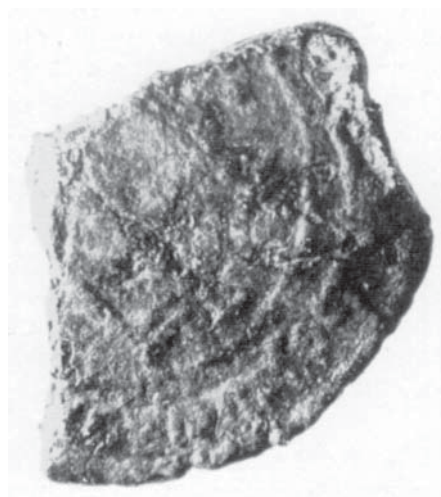

Рис. 12. Фельс Абу-Муслима (130 г. Хиджры = 748 г. н.э.)

²⁴ Никитин, Согомонов 1987, 122.

²⁵ Hinz 1975, 112.

²⁶ См. Никитин, Согомонов 1987, 123.

Азии, в том числе и в Мервском оазисе²⁷. В планировочном отношении все они однотипны и представляют собой огороженное прямоугольное или квадратное пространство, где, видимо, располагались шатры арабского гарнизона.

Следующий период активности на поселении приходится на X – начало XIII в. (рис. 10, 4). Его площадь резко увеличивается, хотя территория, обжитая в позднеасанидское время, уже была заброшена. Общая площадь, занятая поселением, достигает 60–70 га. Поселение в это время растет на восток и на юг, почти половина его теперь находится к востоку от главного канала Дурнали. Несколько меняется и схема канала: перестает существовать тот из них, что подходил к поселению позднеасанидского и раннеарабского времени с юга. Вместо одного канала, снабжавшего водой западную часть поселения, теперь проведены были три. Кроме того, по меньшей мере один канал, также выведенный из магистрали Дурнали, стал снабжать водой восточную часть поселения.

Для позднего поселения характерен специфический тип расселения. Насколько можно судить, застройка здесь состояла из большого числа усадеб, большинство из которых по форме были близки к квадрату со стороной 70–75 м. По всему периметру усадьбы были окружены стенами, при этом в диаметрально противоположных их углах располагались комплексы жилых и хозяйственных помещений. Достаточно отчетливо на двух усадьбах видны башнеобразные части жилых домов – «динги». Первый из них имеет в плане прямоугольную форму (8×6 м) и построен в обычной комбинированной технике: основание из пахсовых блоков размерами 80×80 см, а верхняя часть – из сырцового кирпича размерами 32×32×6 см (рис. 13). Второй жилой башнеобразный дом – тот, что описан В.И. Пилявским и Г.А. Пугаченковой, и упоминался здесь ранее.

В это же время рабат был перестроен в кёшк. По внутреннему периметру его возводятся помещения, оставляющие, однако, свободной центральную часть, служившую теперь двором. Перестраивается и южная стена. На стыке южной и восточной стен сооружается арочный вход. Восточные ворота его были оформлены и одновременно укреплены двумя мощными пилонами. С запада к кёшку примыкает крупное сооружение хозяйственного назначения, безусловно, связанное функционально с самим кёшком. С точки зрения архитектуры, этот кёшк вполне типичен для X–XII вв.²⁸ В это же время частично вновь осваивается территория бывшей крепости, где строятся здания у южной и восточной стен.

На данном этапе изученности трудно определить причины гибели поселения. Жизнь на нем не продолжалась далее начала XIII в., но погибло ли оно в результате монгольского нашествия (что весьма вероятно) или несколько ранее – определить сложно. Во всяком случае, никаких явных следов пожаров и других свидетельств насильственной гибели на территории поселения не зафиксировано.

В заключение можно сформулировать в общих чертах выводы об основных этапах истории группы памятников Дурнали:

1. Парфянский и раннеасанидский период (I–IV вв.) – возникновение и развитие первоначально небольшого укрепленного городища.
2. Позднеасанидский период (V–VII вв.) – расширение населенного пункта за пределы укреплений, на юг от них.

²⁷ Пугаченкова 1958, 143–144; Гаврюшенко 1969, 187.

²⁸ Прибыткова 1973, 24.

Рис. 13. Башня-динг на поселении Дурнали

3. Раннеарабский период (VIII–IX вв.) – прекращение существования крепости, продолжение жизни на южном поселении. Возникновение нового поселения к востоку от бывшей крепости и рабата к югу от нее.

4. Резкое расширение поселения, достигающего размеров до 70 га, превращение бывшего рабата в кёшк. Гибель поселения приходится на начало XIII в.

Эта периодизация истории группы памятников Дурнали в целом совпадает с периодами жизни других подобных групп на территории Мервского оазиса. По-видимому, она вообще типична для истории Маргианы эпохи древности и средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас Азиатской России. Издание Переселенческого Управления Главного Управления землеустройства и земледелия.* 1914.СПб.
- Бартольд, В.В. 1965: К истории орошения Туркестана. В кн.: В.В. Бартольд (ред.), *Сочинения*. Т. III. М., 97–236.
- Бартольд, В.В. 1965: К истории Мерва. В кн.: В.В. Бартольд (ред.), *Сочинения*. Т. IV. М., 172–195.

- Гаврюшенко, П.П. 1969: Городище Шаим-кала Старого Мерва (лагерь сельджукидских войск). В сб.: *Труды ЮТАКЭ XIV*, 172–193.
- Гаилов, В.А. 2018: К вопросу об оборонительных сооружениях Маргианы. Крепость Чильбурдж. *ПИФК* 3, 157–169.
- Гаилов, В.А. 2018: Крепость Чанглы и ее округа: эволюция развития. *ПИФК* 4, 197–215.
- Гаилов, В.А., Требелева, Г.В. 2006: Локализации двух городов Маргианы (о некоторых возможностях ГИС-технологий). *РА* 3, 157–164.
- Гаилов, В., Кошеленко, Г., Требелева, Г. 2010: О городах парфянской Маргианы. В сб.: К. Абдуллаев (ред.), *Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии*. Ташкент, 117–121.
- Гаилов, В.А., Кошеленко, Г.А., Требелева, Г.В. 2011: О локализации городов Маргианы парфянского времени. *ПИФК* 2, 65–95.
- Губаев, А., Гаилов, В. 1986: Об археологической карте Маргианы. *Памятники Туркменистана* 1 (41), 4–6.
- Жуковский, В.А. 1894: *Древности Закаспийского Края. Развалины Старого Мерва*. (Материалы по археологии России. Т. 16). СПб.
- Кошеленко, Г.А. 1963: Парфянская фортификация. *СА* 2, 57–73.
- Ляпин, А. 1988: Хурмузфарра. *Памятники Туркменистана* 1 (45), 20–22.
- Масальский, В.И. 1913: Туркестанский край. В сб.: В.П. Семенов-Тянь-Шанский (ред.), *Россия. Полное географическое описание нашего Отечества*. Т. XIX. СПб.
- Массон, М.Е. 1955: Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948–1952 гг. *Труды ЮТАКЭ V*, 197–249.
- Массон, М.Е. 1966: Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР). *Труды ЮТАКЭ XIII*. Ашхабад.
- Никитин, А.Б., Согомонов, А.Ю. 1987: Оттиски печатей и клейма на керамике сасанидского времени из Мервского оазиса. *ВДИ* 4, 118–123.
- Пиляпко, В.Н. 1980: Парфянские бронзовые монеты со знаком П под луком. *ВДИ* 4, 105–124.
- Пилявский, В.И. 1947: Сырцовые сооружения древнего Мерва. В сб.: *Сообщения Института истории и теории архитектуры*. Вып. 8. М., 47–72.
- Пилявский, В.И. 1950: Архитектура древнего Мерва. В сб.: *Научные труды Ленинградского инженерно-строительного института*. Вып. 10. М.–Л., 95–121.
- Прибыткова, А.М. 1973: *Строительная культура Средней Азии IX–XII вв.* М.
- Пугаченкова, Г.А. 1952: Парфянские крепости южного Туркменистана (из материалов работ ЮТАКЭ). *ВДИ* 2, 215–225.
- Пугаченкова, Г.А. 1958: *Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*. М.
- Gubaev, A., Koşelenko, G., Novikov, S. 1990: Archaeological Exploration in the Merv Oasis. *Mesopotamia* XXV, 51–54.
- Hinz, W. 1975: *Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen*. Wiesbaden.
- Huntington, E. 1908: Description of the Kurgans of the Merv Oasis. In: R. Pumpelly (ed.), *Explorations in Turkestan: Expedition of 1904*. Vol. I. Washington, 219–232.
- Le Strange, G. 1905: *The Lands of the Eastern Caliphate. Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem conquest to the time of Timur*. Cambridge.

REFERENCES

Atlas Aziatskoy Rossii. Izdanie Pereselencheskogo Upravleniya Glavnogo Upravleniya zemleustrojstva i zemledeliya [Atlas of Asian Russia. Publication of the Resettlement Department of the Main Department of land management and agriculture]. 1914. Saint Petersburg.

- Bartold, V.V. 1965: K istorii orosheniya Turkestana [On the history of irrigation of Turkestan]. In: V.V. Bartold (ed.), *Sochineniya* [Writings]. III. Moscow.
- Bartold, V.V. 1965: K istorii Merva [On the history of Merv]. In: V.V. Bartold (ed.), *Sochineniya* [Writings]. IV. M.
- Gavryushenko, P.P. 1969: Gorodishche Shaim-kala Starogo Merva (lager' sel'dzhukidskikh voysk) [The site of Shaim-Kala in Old Merv (Seljuk troops camp)]. *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Expedition]. XIV. Ashkhabad.
- Gaibov, V.A. 2018: K voprosu ob oboronitelnykh sooruzheniyakh Margiany. Krepost Chilburdz [On the issue of Margiana fortifications. Fortress Chilburj]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 3, 157–169.
- Gaibov, V.A. 2018: Krepost' Changly i ee okrug: evolyutsiya razvitiya [Changly Fortress and its districts: evolution of development]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 4, 197–215.
- Gaibov, V.A., Trebeleva, G.V. 2006: Lokalizatsii dvukh gorodov Margiany (o nekotorykh vozmozhnostyakh GIS-tehnologiy) [Localization of the two cities of Margiana (on some capabilities of GIS-technologies)]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [Russian Archaeology] 3, 157–164.
- Gaibov, V., Koshelenko, G., Trebeleva, G. 2010: O gorodakh parfyanskoy Margiany [On the cities of Parthian Margiana]. In: *Traditsii Vostoka i Zapada v antichnoy kul'ture Sredney Azii* [The traditions of East and West in ancient culture of Central Asia]. Tashkent, 117–121.
- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A., Trebeleva, G.V. 2011: O lokalizatsii gorodov Margiany parfyanskogo vremeni [On the localization of the cities of Margiana of Parthian time]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 2, 65–95.
- Gubaev, A., Gaibov, V. 1986: Ob arkheologicheskoy karte Margiany [On the archaeological map of Margiana]. *Pamyatniki Turkmenistana* [Monuments of Turkmenistan] 1 (41), 4–6.
- Zhukovskiy, V.A. 1894: *Drevnosti Zakaspiyskogo Kraya. Razvaliny Starogo Merva* [Antiquities of the Transcaspian region. Ruins of Old Merv]. (Materialy po arkheologii Rossii [Materials on the archeology of Russia]. 16. Saint Petersburg.
- Koshelenko, G.A. 1963: Parfyanskaya fortifikatsiya [Parthian Fortification]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 57–73.
- Lyapin, A. 1988: Khurmuzfarra [Hurmuzfarrah]. *Pamyatniki Turkmenistana* [Sites of Turkmenistan] 1 (45), 20–22.
- Masalskiy, V.I. 1913: Turkestanskiy kray [Turkestan region]. (*Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Pod red. V.P. Semenova-Tyan-Shanskogo*) [V.P. Semenov-Tyan-Shansky (ed.), *Russia. Full geographical description of our Fatherland*]. XIX. Saint Petersburg.
- Masson, M.E. 1955: Kratkaya khronika polevykh rabot YUTAKE za 1948–1952 gg. [A brief chronicle of YUTAKE field work in 1948–1952]. In: *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Mission]. V. Ashkhabad 197–249.
- Masson, M.E. 1966: Srednevekovye torgovyie puti iz Merva v Khorezm i v Maverannakhr (v predelakh Turkmenskoy SSR) [Medieval trade routes from Merv to Khorezm and to Maverannakhr (within the Turkmen SSR)]. In: *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Mission]. XIII. Ashkhabad.
- Nikitin, A.B., Sogomonov, A.Yu. 1987: Ottiski pechaty i kleyma na keramike sasanidskogo vremeni iz Mervskogo oazisa [The stamps and hallmarks on pottery of the Sasanid time from the Merv oasis]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 118–123.

- Pilipko, V.N. 1980: Parfyanskiye bronzovyye monety so znakom П pod lukom [Parthian bronze coins with the sign П under the bow]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 105–124.
- Pilyavskiy, V.I. 1947: Syrcovye sooruzheniya drevnego Merva [Mud brick structures of ancient Merv]. In: *Soobshcheniya Instituta istorii i teorii arkhitektury* [Reports of the Institute of history and theory of architecture] 8. Moscow, 47–72.
- Pilyavsky, V.I. 1950: Arkhitektura drevnego Merva [Architecture of ancient Merv]. In: *Nauchnye trudy Leningradskogo inzhenerno-stroitel'nogo instituta* [Scientific works of the Leningrad Institute of civil engineering] 10. Moscow–Leningrad, 95–121.
- Pribytkova, A.M. 1973: *Stroitel'naya kultura Sredney Azii IX–XII vv.* [Building culture of Central Asia of 9th–12th centuries] Moscow.
- Pugachenkova, G.A. 1952: Parfyanskies kreposti yuzhnogo Turkmenistana (iz materialov rabot YUTAKE) [Parthian fortresses of southern Turkmenistan (from the materials of YUTAKE works)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 215–225.
- Pugachenkova, G.A. 1958: *Puti razvitiya arkhitektury Yuzhnogo Turkmenistana pory rabovladeniya i feodalizma* [Ways of development of architecture of Southern Turkmenistan in time of slavery and feudalism]. Moscow.

THE DURNALI FORTRESS AND SETTLEMENT: EVOLUTION OF DEVELOPMENT

Vasif A. Gaibov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
gaibov@mail.ru

Abstract. The article deals with a group of sites examined by the Central Asian Archaeological Mission of the Institute of archaeology of the Academy of Sciences USSR (RAS) in the framework of a large-scale project on the archaeological mapping of the Merv oasis, initiated and headed for over 20 years (1980–2003) by G.A. Koshelenko. This group was called Durnali by the name of the key monument located in the immediate vicinity of the ancient canal of the same name. The complete archaeological survey of the area (without excavations) allowed to restore the following picture of the dynamics of this “micro-oasis”. In the 1st to early 2nd century AD there is a small fortified settlement (fortress) of Durnali. In the Sassanid period, the development and expansion of the object beyond the fortifications to the south takes place. In the next, early Arab period (8th–9th centuries) the fortress itself ceases to exist, but life continues on the southern settlement, along with which a new settlement appears to the east and a *rabat* is being built. Later, the *rabat* is rebuilt in *keshk*. The death of the settlement occurred in the 13th century, most likely, as a result of the Mongol invasion.

This periodization of the history of the group of monuments of Durnali generally coincides with the periods of life of other similar groups on the territory of the Merv oasis. Apparently, it is generally typical for the history of Margiana of antiquity and the Middle Ages.

Keywords: Merv oasis, Margiana, fortification, Durnali, irrigation, *rabat*, *ding*, *keshk*

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 53–71
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 53–71
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-53–71

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КАТЕГОРИИ У ДРЕВНЕЙШИХ ГРЕЧЕСКИХ ИСТОРИКОВ. I. ГЕКАТЕЙ МИЛЕТСКИЙ, «ЕВРОПА»

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва; Российский государственный
гуманитарный университет, Москва, Россия
isurikov@mail.ru*

Аннотация. Пространственная (спациальная) проблематика становится в последние десятилетия все более востребованной в науке об античности. «Пространственный модус» был чрезвычайно важен, в частности, и для древнегреческих историков. Из последних нас здесь интересует их самая первая когорта – ранние ионийские историки поздней архаики и ранней классики, предшественники Геродота.

Из них самой крупной и яркой фигурой, резко выделяющейся на фоне остальных, является, безусловно, Гекатей Милетский. Один из двух трудов Гекатея – «Описание Земли» – был по своему содержанию географическим не в меньшей мере, чем историческим. От него имеется довольно большое количество фрагментов.

Многие фрагменты являются краткими, очень сухими сводками чистой информации. Однако больший интерес представляют те фрагменты, которые являются не столь «одно-сложными», а несколько более пространственными. В статье приведен и прокомментирован ряд таких фрагментов из «Европы» – первой книги упомянутого трактата.

Ключевые слова: античная Греция, пространство, пространственные категории, древнейшие историки, география, Гекатей Милетский, «Описание Земли», «Европа», фрагменты

Пространственная (спациальная) проблематика становится в последние десятилетия все более востребованной в науке об античности, да и в целом в гуманитарном знании. Весьма перспективно ее изучение в связи с проблематикой временной (темпоральной)¹. В свое время М.М. Бахтин блистательно ввел в филологию и историю категорию «хронотоп»². Этот термин был активно подхвачен медиевистами (его, в частности, особенно любил А.Я. Гуревич), а среди антиковедов он как-то не нашел особого признания. Может быть, и зря. В сущности, речь идет о пространственно-временном континууме, который открыл А. Эйнштейн.

Данные об авторе: Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках исследовательских проектов 18-09-00486 и 19-09-00022.

¹ Применительно к античности см. прежде всего: Purves 2010.

² Бахтин 1975, 234–407; он также активно пользовался данной категорией в своих классических работах о Рабле и Достоевском

Получается, что великий физик и великий гуманитарий примерно в одно и то же время, каждый со своей стороны, шли к постижению одного и того же аспекта реальности.

В антиковедении наших дней появляется все больше работ о пространстве и его восприятии³. Конечно, чаще всего в связи с античной географией⁴, но и не только с ней. Так, рассуждают о ритуальном и гендерном аспектах древнегреческого пространства⁵, о соотношении частного и публичного пространства в плане ментальности⁶, об агоре и других общественных местах полиса как политическом пространстве⁷. Рассматриваются даже такие частные вопросы, как «пространство афинских борделей»⁸ или, допустим, пространственная проблематика у Софокла⁹ либо Фукидида¹⁰.

Обратим внимание еще вот на какое обстоятельство. В свое время С.С. Аверинцев в этапной статье «Греческая “литература” и ближневосточная “словесность”» четко изложил и аргументировал тезис, согласно которому в классической греческой античности в целом пространственный модус доминировал над темпоральным¹¹. Строго говоря, эта идея не им придумана; она и ранее неоднократно высказывалась¹², в том числе такими выдающимися мыслителями, как, например, Л.П. Карсавин¹³, Р. Коллингвуд¹⁴ (да, в сущности, не иных взглядов придерживался и А.Ф. Лосев). Данное положение принимают практически все видные специалисты в области античной культуры¹⁵. Пресловутый пространственный модус был чрезвычайно важен даже для древнегреческих историков, то есть для представителей той науки, которая, как мы ее ныне воспринимаем, преимущественно имеет дело со временем.

Из этих эллинистических историков нас в рамках данной статьи будет интересовать их, так сказать, самая первая когорта. Это – так называемые ранние ионийские историки¹⁶, первые «служители Клио» на земле Эллады, предшественники Геродота. Приведем их чрезвычайно яркую характеристику (с упоминанием основных фигур), содержащуюся в трактате Дионисия Галикарнасского «О Фукидиде»¹⁷:

³ Наиболее фундаментальный труд – обобщающая коллективная монография: Jong (ed.) 2012.

⁴ Vermejo Barrera 1998; Geus 2003. См. также на русском многочисленные труды А.В. Подосинова, который ныне является, бесспорно, крупнейшим в нашей стране специалистом по географии античности.

⁵ Calame 1990; Sourvinou-Inwood 1995; Cole 2004; Best 2015; Agelidis 2017; Hofmann, Attula 2017.

⁶ Jameson 1990; Archibald 2000; Zatta 2011; Hölscher 2015; Taylor 2016; Zarmakoupi 2016; Fernández Prieto 2017. Важен, в частности, вопрос о «пространстве симпозию» (в связи с которым см., например: Clay 2016).

⁷ Donati 2010; Hedrick 2013.

⁸ Glazebrook 2011.

⁹ Saïd 2012.

¹⁰ Bassi 2007.

¹¹ Ссылаемся на переиздание в кн.: Аверинцев 1996, 36 слл.

¹² Указания на литературу по проблеме см.: Бычков 1981, 22–23.

¹³ Карсавин 1993, 214.

¹⁴ Коллингвуд 1980, 19 слл.

¹⁵ Одно из редких исключений: Шичалин 1999, 137 слл.

¹⁶ К сожалению, и поныне едва ли не единственной специальной общей работой монографического формата, посвященной этим историкам, остается довольно давняя книга: Pearson 1975.

¹⁷ О Дионисии Галикарнасском как историке литературы, в том числе исторической, см.: Schultze 1986; Wiater 2011; Kim 2014.

«А, намереваясь начать письменное суждение о Фукидиде, я хочу вкратце сказать о других историках, и более древних, чем он, и о тех, чей расцвет пришелся на те же самые времена, что и у него; из этого будут ясны как замысел нашего автора – а именно им он отличен от своих предшественников, – так и его значение. Итак, до Пелопоннесской войны существовало много древнейших историков, и в разных местах; среди них – и Евгеон¹⁸ Самосский, и Деиох Проконнесский, и Евдем Паросский, и Демокл Фигелейский, и Гекатей Милетский, и аргосец Акусилай, и лампсакиец Харон¹⁹, и халкедонянин²⁰ Амелесагор. А немного более старшими по сравнению с пелопоннесскими событиями²¹, но дожившими до поколения Фукидида, были и Гелланик Лесбосский, и Дамаст Сигейский, и Ксеномед Кеосский²², и Ксанф Лидийский²³ и многие другие. Они и исходили из схожего замысла при выборе тем, и по значению не многим отличались друг от друга: одни писали эллинские истории, а другие – варварские, причем не связывали их друг с другом, а разделяли по народам и городам и излагали отдельно друг от друга, стремясь к одной и той же цели – те воспоминания, что сохранялись в их родных местах, по народам и по городам, будь то записи, хранящиеся в святилищах или в общедоступных местах, сделать достоянием знания всех. И брали они эти воспоминания, ничего не прибавляя к ним и ничего не убавляя. В них присутствовали и некоторые мифы, в которые верили в силу их древности, и некоторые действия в театральном духе, на нынешний взгляд, весьма глупые²⁴. И способ изложения они во многом все использовали один и тот же – те, которые предпочитали одинаковые типы речи: ясный, общепонятный, чистый, краткий, относящийся к делу и не являющийся никаких искусственных ухищрений²⁵. Однако их трудам свойственны некая свежесть и прелесть – одним больше, другим меньше – из-за которых их писания еще сохраняются. А галикарнасец Геродот... в большей степени предпочел прагматический замысел²⁶... и сверх того еще прибавил к способу изложения достоинства, которыми пренебрегали историки, которые были до него» (Dion. Hal. De Thuc. 5).

«Те, которые были прежде Пелопоннесской войны, но дожили до поколения Фукидида, все имели, по большей части, схожие замыслы – и те из них, кто

¹⁸ Вариант: «Евагон». Об этом древнем историке настолько мало данных, что, как видим, имеются разночтения в написании самого его имени. Сразу следует упомянуть, что и многие далее перечисляемые авторы для нас ныне являются всего лишь *nomina nuda*. Таковы, например, и Деиох Проконнесский (или Кизикский), и Евдем Паросский, и Демокл Фигелейский, и Ксеномед Кеосский (или Хиосский).

¹⁹ А вот Харон Лампсакский – уже более крупная и известная фигура: старший современник Геродота, автор трудов «Летописи лампсакцев», «Основания городов», «Персидские дела».

²⁰ Имя Амелесагора Халкедонского в некоторых источниках пишется как «Мелесагор».

²¹ Т.е. с Пелопоннесской войной.

²² Эмendaция Виламовица из рукописного «Хиосский».

²³ Ксанф Лидийский (грек из Сард) был современником Геродота и также историком довольно значительным (как считается, по духу едва ли не наиболее близким «отцу истории», см. Mehl 2004).

²⁴ Театр во времена деятельности первых историков находился еще в зачаточном состоянии (чего Дионисий, конечно, мог и не учитывать). Под «действиями», о которых идет речь, видимо, подразумеваются пассажи типа фрагмента из Харона Лампсакского (FGrHist. 262. F1) о победе бисалтов над Кардией в результате интересной стратегемы с лошадьми.

²⁵ Эта характеристика стиля древнейших историков, судя по всему, действительно верна.

²⁶ Дионисий, который, конечно, читал и Полибия, в данном случае явно опирается на его представления о «прагматической истории».

предпочитал ионийский диалект, особенно процветавший в те времена, и те, кто предпочитал древний аттический²⁷... Ведь все они, как я уже сказал, больше заботились о прямом способе выражения, нежели о фигуральном, а этот последний воспринимали как некую приправу. Также все они использовали схожее соединение слов²⁸ – простое и безыскусственное – и по большей части не дерзали на то, чтобы украшать изложение и ход своей мысли, а пользовались речью привычной, общеупотребительной и знакомой всем. Итак, у всех них изложение имеет несомненные достоинства – ведь оно и чисто, и ясно, и достаточно кратко, сохраняет особенности характера каждого диалекта; а что касается эпитетов, из которых в наибольшей степени ясна сила ораторов, – их или вообще нет, или они используются неохотно, их немного и они редки. Я имею в виду возвышенность, красоту речи, торжественность и пышность. Нет ни напряженности, ни глубины, ни страсти, пробуждающей ум, ни могучего и боевого духа (а ведь от всего этого происходит так называемое мастерство), – ни у кого, кроме лишь Геродота» (Dion. Hal. De Thuc. 23).

Из «догеродотовских» историков самой крупной и яркой фигурой²⁹, резко выделяющейся на фоне остальных, является, безусловно, Гекатей Милетский. Потому-то общие изложения истории античного историописания чаще всего начинаются с характеристики именно этого автора³⁰. Особенно привлекает к себе внимание знаменитая фраза, которой он начал один из своих трудов: «Гекатей Милетский говорит так: я пишу нижеследующее, как мне представляется истинным; ведь сказания эллинов и многочисленны, и смехотворны – такими они мне кажутся» (Hecat. FGrHist. 1. F1a). Это хронологически первое суждение общетеоретического характера в античной и мировой историографии. В приведенной фразе обращают на себя внимание два нюанса: ярко выраженный личностный подход, выражающийся в приоритетном указании автора сочинения, и резко критическое отношение к предшествующей (мифографической) традиции.

Правда, и самого Гекатея во многом можно назвать еще мифографом и генеалогом³¹, во всяком случае, если иметь в виду то его сочинение, которое только что цитировалось. Этот главный исторический трактат Гекатея фигурирует в источниках то как «Истории» (именно так, во множественном числе), то как «Генеалогии» (упоминаемый у некоторых позднейших авторов вариант заголовка «Героология» вряд ли верен). А вот второй труд Гекатея – «Описание Земли», или «Очерк Земли», – является по своему содержанию уже не историческим в полном смысле слова, а, собственно, географическим. Или, по крайней мере, он может быть отнесен с равным правом к историческим и географическим. Данное произведение принадлежит к самым ранним образчикам жанра периегезы.

²⁷ На аттическом писал, например, Антифонт, учитель Фукидида (он, впрочем, был не историком, а оратором и философом).

²⁸ Дионисий, как «природный ритор» (один из крупнейших представителей аттицизма) вообще чрезвычайно любит порассуждать именно о риторических категориях, как он делает это и в данном пассаже.

²⁹ Хотя и не самой ранней по времени. Старше Гекатея, безусловно, был Акусилаи Аргосский, чье творчество целиком укладывается в VI в. до н.э., в то время как деятельность Гекатея еще продолжалась в начале следующего столетия.

³⁰ Например: Lendle 1992.

³¹ Bertelli 2007; Alganza Roldán 2012.

Гекатей Милетский был явно человеком с очень широким кругом интересов, в который, безусловно, входила и география (главная базовая наука, имеющая дело с пространством, как пара главной базовой науке, имеющей дело со временем, – истории). Географические знания этого писателя пусть не часто, но рассматривались в специальной литературе³². Кстати, отметим, что впоследствии экскурсы в область географии были в высшей степени характерны также и для Геродота³³. А, с другой стороны, влияние Гекатея на Геродота, использование последним своего предшественника сомнению не подлежит, это отмечалось неоднократно³⁴.

* * *

Итак, из двух трактатов Гекатея здесь нас будет, конечно, в наибольшей степени интересовать «Описание Земли». К сожалению, целиком его текст не сохранился, но от него имеется довольно большое количество фрагментов, представляющих собой выдержки, цитируемые (дословно или в пересказе) позднейшими авторами. Их скрупулезно собрал Феликс Якоби в первой части своего грандиозного (хотя и незавершенного) свода “Die Fragmente der griechischen Historiker” (FGrHist)³⁵.

Не приходится сомневаться в том, что данный труд Гекатея сопровождался картой (видимо, наш автор усовершенствовал первую древнегреческую географическую карту, составленную его земляком Анаксимандром). Ф. Якоби в связи с ней приводит следующие источниковые пассажи:

Agathem. I. 1 = Hecat. FGrHist. 1. F36a. «Итак, древние изображали ойкумену круглой, в середине ее располагалась Эллада, а в середине этой последней – Дельфы; ведь там был пуп земли. А Демокрит первым... осознал, что земля продолговата и ее длина в полтора раза больше ширины; с этим согласился и перипатетик Дикеарх. Евдокс же считал, что длина земли вдвое больше ширины; а Эратосфен – что даже более, чем вдвое».

Herod. IV. 36 = Hecat. FGrHist. 1. F36b. «А я смеюсь, смотря на тех, кто написал очерки земли – их уже много, и ни один ничего вразумительно не объяснил: они пишут, что Океан течет вокруг земли, которая является круглой, как бы очерченной циркулем, и делают Азию равной по размеру Европе».

Сам Геродот считал, что Европа гораздо больше Азии. Но, возможно, дело в том, что ранние картографы (в том числе и Гекатей) включали Ливию (Африку) в Азию, а не выделяли ее как особую часть света. Характерно, что труд Гекатея состоял из двух книг: «Европа» и «Азия», африканский материал включался во вторую.

Строго говоря, в приведенных здесь свидетельствах имя Гекатея не упоминается, однако Якоби все-таки приводит их в связи с этим ученым. Мы, со своей сто-

³² Например: Hertmann 1911; Hansen 1997; Braun 2004.

³³ Литература по теме «Геродот как географ» очень обширна. Отметим здесь только две совсем недавние работы (Bichler 2018; Zali 2018), из справочного аппарата которых желающий легко почерпнет сведения о предыдущих.

³⁴ Hertmann 1911; Heidel 1987; Armayor 2004. Иную точку зрения, которая, на наш взгляд, чрезмерно преуменьшает влияние Гекатея на Геродота, см. в: West 1991.

³⁵ Jacoby 1995, 16–45 (ссылаемся на репринтное воспроизведение издания 1957 г., которое готовил еще сам Ф. Якоби). Номер Гекатея в FGrHist – 1, то есть он помещен в своде ранее всех остальных представителей древнегреческого историописания.

роны, напомнили бы в той же связи еще одно важное геродотовское сообщение. Вскоре после начала Ионийского восстания 500–493 гг. до н.э. его лидер Аристагор Милетский прибыл послом в Спарту с просьбой о военной помощи³⁶. «Аристагор, по словам лакедемонян, принес с собой медную доску, где была вырезана карта всей земли, а также “всякое море и реки”... Аристагор показывал земли на карте, вырезанной на меди, которую он принес с собой» (Herod. V. 49).

Для нас практически несомненно, что Аристагор захватил с собой именно карту Гекатея. Оба они жили и действовали в Милете, являлись влиятельными его гражданами и, соответственно, не могли быть незнакомы. Более того, опять же из Геродота, а также из Диодора известно, что Гекатей играл определенную роль в Ионийском восстании, – во всяком случае, принимал участие в советах лидеров повстанцев.

«Об этом он (Аристагор – *И.С.*) советовался со сподвижниками, изложив и собственное мнение, и сведения, доставленные от Гистиея. Итак, все остальные высказывали одинаковое мнение, советуя восстать, а прозаик³⁷ Гекатей, прежде всего, не допускал, чтобы была объявлена война царю персов, перечисляя и все народы, которыми правил Дарий, и его силы, а когда не убедил – внес второе предложение: сделать так, чтобы стать хозяевами на море. Как он говорил, следует учитывать, что этого не добиться никаким иным способом (ведь известно, что силы милетян незначительны), кроме как взяв сокровища из святилища в Бранхидах³⁸, которые посвятил лидиец Крез, – вот тогда будет большая надежда овладеть морем: ведь так и сами они (восставшие ионийцы – *И.С.*) смогут пользоваться этими сокровищами, и враги их не разграбят. А сокровища эти были велики... Однако это мнение не возобладало, но все-таки было решено восстать» (Herod. V. 36).

«Когда же города³⁹ были захвачены... он (Аристагор – *И.С.*) советовал соратникам по восстанию, говоря, что лучше им было бы иметь под рукой какое-нибудь убежище, на случай, если они будут вытеснены из Милета: либо он поведет их из этого места в колонию на Сардон⁴⁰, либо в Миркин в земле эдонов⁴¹... Об этом спрашивал Аристагор. Тут прозвучало мнение прозаика Гекатея, сына Гегесандра, – не отправляться ни в одно из этих мест, а, построив стену на острове Леросе⁴², жить там в спокойствии в случае изгнания из Милета; а потом, двинувшись оттуда, вернуться в Милет» (Herod. V. 124–125).

«Что Гекатей Милетский, отправленный ионийцами в качестве посла, спросил, по какой причине Артаферн⁴³ не доверяет им; тот ответил, что, дескать, это для того, чтобы те, проиграв войну и тяжело пострадав, как-нибудь не вздумали

³⁶ К рассказу Геродота об этом посольстве Аристагора см.: Pelling 2007.

³⁷ Λογολοίς. Так обозначаются у Геродота и в других ранних источниках именно авторы прозаических сочинений (а таковые сочинения, соответственно, фигурировали у них как λόγος, «логосы»).

³⁸ Святилище Аполлона в Бранхидах (Дидимах) близ Милета было одним из самых почитаемых в эллинском мире, особенно у восточных греков. Соответственно, оно было чрезвычайно богатым благодаря посвящениям, которые приносились туда не только представителями греческих полисов, но и, в частности, царями Лидии (из которых чуть ниже упомянут Крез).

³⁹ Ионийские. Речь идет о подавлении персами восстания.

⁴⁰ Древнегреческое название о. Сардинии.

⁴¹ Регион во Фракии.

⁴² Лерос – остров в Эгейском море.

⁴³ Артаферн (у Геродота Артафрен) – персидский сатрап в Сардах.

мстить. А Гекатей сказал: “Итак, если тяжелые страдания вызывают недоверие, стало быть, хорошее отношение сделает города благонамеренными по отношению к персам”. Артаферн же, одоблив сказанное, возвратил городам законы и установил определенные подати, которые были им по силам» (Diod. X. 25. 4).

Обратимся теперь к тому, что дошло до нас из текста географического труда Гекатея. Многие фрагменты (в количественном отношении они, безусловно, преобладают) являются краткими, очень сухими сводками чистой информации. Приведем несколько примеров, взятых нами, можно сказать, наугад.

«Крабасия. Город у иберов. Гекатей в “Европе”» (Hecat. FGrHist. 1. F46 = Steph. Byz. s.v. Κραβασία). «Нирак. Город в Кельтике. Гекатей в “Европе”» (Hecat. FGrHist. 1. F56 = Steph. Byz. s.v. Νύραξ). «Сиракузы. Величайший город на Сицилии, как пишет Гекатей в “Европе”» (Hecat. FGrHist. 1. F74 = Steph. Byz. s.v. Συρακοῦσαι). «Оликры. Город около Навпакта. Гекатей в “Описании Европы”» (Hecat. FGrHist. 1. F112 = Steph. Byz. s.v. Ολύκραι). «Кардесс. Город в Скифии. Гекатей в “Европе”» (Hecat. FGrHist. 1. F188 = Steph. Byz. s.v. Καρδησσός).

И примеры эти можно было бы множить и множить. Их обилие связано прежде всего с тем, что подобные фрагменты почерпнуты преимущественно из известного лексикона «Этника» Стефана Византийского (VI в. до н.э.). Трактат Гекатея, судя по всему, был одним из самых важных источников для Стефана. Кстати, именно потому, что у Гекатея постоянно упоминались разные города и употреблялся термин πόλις, его свидетельства привлекли внимание выдающегося антиковеда М. Хансена⁴⁴, когда он во главе коллектива ученых занимался определением понятия «полис».

Среди подобных «стефано-гекатеевских» отрывков большое внимание отечественных специалистов традиционно привлекали те, в которых фигурирует Фанагория. Имеет смысл дать их здесь.

«Апатур. Святилище Афродиты в Фанагории, Страбон в 11-й книге... А Гекатей знает залив Апатур в Азии» (Hecat. FGrHist. 1. F211 = Steph. Byz. s.v. Ἀπάτουρον). «Фанагория. Город, названный по Фанагору, как говорит Гекатей в “Азии”». Есть остров Фанагора и Фанагория. Имеется также эмпорий Фанагории (название склоняется по среднему роду⁴⁵)» (Hecat. FGrHist. 1. F212 = Steph. Byz. s.v. Φαναγόρεια).

В этих фрагментах содержатся самые ранние упоминания о Фанагории – одной из самых известных древнегреческих колоний на территории России, впоследствии – втором по значению городе Боспорского царства. К огромному сожалению, во фрагменте F212 ничего не говорится о том, кто был Фанагор, в честь которого была названа Фанагория. Мы некоторое время назад⁴⁶ высказали мысль, что Гекатей имел в виду не реальное лицо, ойкиста колонии, а эпиклезу божества.

Сведения об острове Фанагоре в настоящее время привлекают к себе особое внимание в силу того, что недавно появилась новая интересная теория⁴⁷ (выдвинута группой Д.В. Журавлева и У. Шлотцауера), согласно которой Таманский полуостров в античности был одним большим островом (а не группой островов

⁴⁴ Hansen 1997.

⁴⁵ Причем во множественном числе.

⁴⁶ Суриков 2012.

⁴⁷ См. о ней: Суриков 2013.

дельты Кубани, как в основном считали раньше), омывавшимся двумя проливами – Боспором Киммерийским (существующим и поныне Керченским проливом), и вторым, располагавшимся восточнее и впоследствии исчезнувшим.

* * *

Однако больший интерес представляют те фрагменты рассматриваемого сочинения, которые являются не столь «односложными», а несколько более пространными. Среди них, в частности, такие.

«Мотия. Город на Сицилии, названный в честь Мотии, женщины, указавшей Гераклу тех, которые угнали его быков⁴⁸. Гекатей в “Европе”. А Филист называет ее приморской крепостью на Сицилии» (Hecat. FGrHist. 1. F76 = Steph. Byz. s.v. Μοτίη). Здесь не только приводится название города, но и предлагается его этимология.

«Кавлония. Город в Италии, который Гекатей называет “Авлонией”, поскольку он находится посреди долины (αὐλῶνος). Ведь позже Кавлония была переименована в честь Авлоны⁴⁹, подобно тому, как Метапонтий – в честь героя Метаба, и как Эпидавр был Эпитавром, а Клазомены – Плазоменами. Есть и другой город того же названия – на Сицилии. Есть и еще один – у локров» (Hecat. FGrHist. 1. F84 = Steph. Byz. s.v. Καυλωνία). В связи с данной цитатой отметим, что в перипле Псевдо-Скимна, датирующемся второй половиной II в. до н.э. и, строго говоря, в жанровом отношении больше напоминающем периегезу, чем перипл в собственном смысле⁵⁰, есть такие строки (Ps.-Scymn. 318–322):

А дальше сразу следует Кавлония –
Колония основана кротонцами.
Долина там вблизи («авлон» по-гречески);
Из-за нее вначале назван город был
Авлонией, но стал потом Кавлонией.

Таким образом, здесь перед нами та же версия. Причем из Стефана следует, что во времена Гекатея Милетского, на рубеже VI–V вв. до н.э., город еще назывался Авлонией, а в Кавлонию был переименован, стало быть, после того.

«Адрия. Город и близ него Адрийский залив, а равным образом река, как пишет Гекатей. Местность богата скотом, поскольку он ежегодно рождает дважды, причем приносит двойни, часто рождаются даже по три и четыре козленка, иногда пять и больше. И куры несут дважды в день, а размером они меньше птиц» (Hecat. FGrHist. 1. F90 = Steph. Byz. s.v. Ἀδρία). В данном пассаже изложение дается в конструкциях *accusativus cum infinitivo*, что предполагает косвенную речь. Несомненно, перед нами не прямая передача отрывка из Гекатея, который, как можно видеть, не только давал сухой перечень топонимов, но порой включал в свой трактат и достаточно красочные характеристики местностей. Аналогично – в следующем фрагменте:

«Либирны⁵¹. Племя, ближайшее к самой внутренней части Адриатического залива. Гекатей в “Европе”. В женском роде – “либирнида”. Именуются также

⁴⁸ Отобранных Гераклом у Гериона.

⁴⁹ Неидентифицируемый персонаж. В любом случае тут какая-то ошибка, топоним «Кавлония» не мог происходить ни от какой Авлоны.

⁵⁰ Об этом памятнике см.: Marcotte 2002; Бошнаков 2007; Bravo 2009.

⁵¹ Ныне этноним чаще употребляется в римской огласовке – либурны.

либирнеями. А названы они в честь некоего Либирна из Аттики⁵². Ими изобретены либирнские корабли⁵³. И либирнская мандия⁵⁴ – вид одежды» (Hecat. FGrHist. 1. F93 = Steph. Byz. s.v. Λιβυρνοί). Вообще говоря, осведомленность Гекатея о Западном Средиземноморье великолепна для столь раннего времени⁵⁵. Это еще не столь удивительно применительно к Адриатике, находящейся не очень далеко от Греции. Но гекатеевские знания простираются вплоть до Галлии и Испании. Представляется наиболее вероятным, что наш автор получал информацию от фокейских мореходов, которым эти места были знакомы не понаслышке⁵⁶.

«Аой⁵⁷, на котором город Аполлония⁵⁸... А Гекатей называет Аой Эантом и говорит, что из одного и того же места, близ Лакма⁵⁹, а скорее из одного и того же углубления вытекают и Инах к Аргосу на юг⁶⁰, и Эант – на запад, к Адриатическому морю... Под землей же текут многие реки, и во многих местах земли, но не такое расстояние. А если это возможно, то вышесказанное⁶¹ все-таки невозможно и напоминает миф об Инахе: “Он стекает и с Пинда, – говорит Софокл⁶², – и с Лакма высот, / Что в перребской⁶³ стране; к амфилохам затем, / К акарнанцам⁶⁴, и там в Ахелоя русло / Свои вводит струи”. И ниже: “А оттуда, прорезав пучину, в Лиркей⁶⁵ / Устремляет он волны и в Аргоса край”... Но лучше – у Гекатея, который говорит, что Инах у амфилохов течет с Лакма, с которого течет и Эант, и что он отличен от аргосского, а назван так Амфилохом⁶⁶, который дал название и городу Аргосу Амфилохийскому. Итак, эта река, согласно Гекатею, впадает в Ахелой, а Эант течет к западу, в Аполлонию» (Hecat. FGrHist. 1. F102b–c = Strab. VII. 5. 8; VI. 2. 4). Здесь налицо интерес Гекатея к гидронимам, которые он притом стремится ставить в мифологический контекст, что и в целом характерно для историков первого поколения⁶⁷.

«Итак, Гекатей Милетский говорит о Пелопоннесе, что до эллинов населяли его варвары. Да и почти вся Эллада в старину являлась обиталищем варва-

⁵² Сильно испорченное место, Якоби даже ставит сгх. Не исключено, что вернее конъектура тех издателей, которые читают здесь «Либирна, занимавшегося пиратством» (λεῖρατικός вместо Аттикой). Либурны ведь и вправду были известными в античности пиратами.

⁵³ Знаменитые пиратские либурны – весьма маневренные суда.

⁵⁴ Плащ из шерсти. Не исключено, что именно отсюда – современное «мантия».

⁵⁵ Ср. Braun 2004.

⁵⁶ О плаваниях фокейцев в Западное Средиземноморье см.: Bats 1996; Kerschner 2004; Domínguez 2004; Morel 2006.

⁵⁷ Река в Северо-Западной Греции, на границе Эпира и Иллирии.

⁵⁸ Колония Аполлония Иллирийская.

⁵⁹ Гора в хребте Пинд.

⁶⁰ Выходит, что Гекатей путает два Инаха (второй, более известный, находился в Арголиде)? Нет, это ложное впечатление: он их различал, как явствует из дальнейшего. Видимо, историк здесь имел в виду Аргос Амфилохийский (см. ниже), а не пелопоннесский.

⁶¹ Имеется в виду известная легенда, согласно которой сиракузский источник Арефуса – это не что иное, как Алфей, якобы протекающий под Ионическим морем.

⁶² Фрагмент из недошедшей трагедии «Инах».

⁶³ Перребы – греческое племя на севере Фессалии.

⁶⁴ Амфилохи, акарнанцы (акарнаны, акарнаняне) – греческие племена на западе Средней Греции.

⁶⁵ А вот у Софокла, как видим, действительно путаница: Лиркей – аргонидский топоним.

⁶⁶ Мифологический герой, сын или внук Амфиарая.

⁶⁷ Общую характеристику этого этапа древнегреческого историописания см. также в нашей статье: Суриков 2016.

ров, заключая из следующих упоминаний: о Пелопе, приведшем с собой народ из Фригии в ту область, которая в честь его была названа Пелопоннесом, о Данае, пришедшем из Египта, да и о дриопах, кавконах, пеласагах, лелегах и прочих того же рода, что разделили между собой земли и перед Истмом, и за ним. Ведь Атикой обладали фракийцы, пришедшие с Евмолпом⁶⁸, а фокидской Давлидой⁶⁹ – Терей⁷⁰, Кадмеей⁷¹ же – финикийцы, пришедшие с Кадмом, а самой Беотией – аоны⁷², теммики и гиганты (как говорит Пиндар, “Было: свиньями звали беотийский народ...”⁷³). Варварское обнаруживается и в некоторых именах: Кекроп⁷⁴, Кодр⁷⁵, Экл⁷⁶, Коф, Дримас, Кринак⁷⁷. Фракийцы же, иллирийцы и эпироты даже поныне живут на окраинах страны; конечно, раньше их было еще больше, чем теперь, так как, во всяком случае, и в нынешней Элладе, являющейся таковой бесспорно, значительную часть занимают варвары: Македонию и некоторые части Фессалии – фракийцы, а АкARNанию и верхние части Этолии – феспроты, кассопеи⁷⁸, амфилохи, молоссы и афаманы, эфирские племена» (Hecat. FGrHist. 1. F119 = Strab. VII. 7. 1).

Как видно из этого фрагмента, Гекатей придерживался того же взгляда, что и позже Геродот: «варвары» не имеют никаких принципиальных отличий от эллинов, у тех и других – общее происхождение. Фрагмент в целом представляется весьма важным, он демонстрирует, что Гекатею присущ был интерес к древнейшему расселению племен на территории Греции, то есть, как бы мы выразились теперь, к этногенезу эллинов в его географическом, пространственном аспекте. О том же самом говорит и следующий фрагмент, не менее важный (тем более что донесен он Геродотом, автором недалеким по времени от Гекатея):

«Ведь пеласги⁷⁹ были изгнаны из Аттики афинянами: справедливо или несправедливо – этого не могу сообщить, помимо того мнения, которое высказал в своих произведениях Гекатей, сын Гегесандра, а он говорит, что несправедливо. Ведь, видите ли, афиняне свою собственную землю под Гимессом⁸⁰ отдали населить пеласгам в качестве платы за стену, когда-то построенную теми вокруг акрополя⁸¹; афиняне, видите ли, заметили, что эта земля теперь хорошо возделана

⁶⁸ Евмолп – родоначальник главного элевсинского жреческого рода, Евмолпидов. Считался выходцем из Фракии.

⁶⁹ Поправка издателей из рукописного «Авлидой». Авлида – портовый город Беотии, а Давлида – город в Фокиде.

⁷⁰ Имя фракийское.

⁷¹ Акрополь Фив.

⁷² По этому племени Беотия в древности именовалась Аонией. Отсюда, кстати, и один из эпифитетов муз – Аониды.

⁷³ Этноним «гиганты» народная этимология могла производить от древнегреческого слова, означавшего свинью.

⁷⁴ Кекроп – один из древнейших мифических царей Афин.

⁷⁵ Знаменитый афинский царь, пожертвовавший собой ради спасения родины.

⁷⁶ Один из потомков Кодра, афинский пожизненный архонт из династии Медонтидов.

⁷⁷ Поправка издателей из рукописного «Кринан».

⁷⁸ Поправка издателей из рукописного «ассопеи».

⁷⁹ Пеласги – догреческое население юга Балканского полуострова.

⁸⁰ Так Геродот, пишущий на ионийском диалекте, передает название аттического горного хребта Гиметта.

⁸¹ Знаменитая Пеласгическая стена (или Пеларгическая, Пеларгик). Отметим, что этноним пеласгов в древнегреческом языке был созвучен существительному, обозначавшему аистов (πελαργοί),

(а ранее считалась плохой и ни для чего не годной). Тогда ими овладели зависть и желание иметь эту землю; и, таким образом афиняне изгнали пеласгов, даже не приводя никакого другого повода. А сами афиняне говорят, что изгнали пеласгов по справедливости. Ведь, по их словам, пеласги, поселившись под Гимессом, с тех пор стали дерзать на следующие обиды: дочери афинян, да и их сыновья⁸², постоянно приходили за водой на Эннеакрунос⁸³: ведь в то время ни у них, ни у других эллинов не было домашних слуг. Итак, когда они приходили, пеласги-де из-за наглости своей и заносчивости насильничали над ними. Однако им и этого было мало: в конце концов они попались с поличным, замышляя злокозненное нападение. А сами афиняне, дескать, оказались настолько лучше пеласгов, что, хотя они могли перебить тех, коль скоро были обнаружены их злоумышления, они не пожелали этого сделать, а просто приказали им удалиться из страны. Так-то они, уйдя, овладели и Лемносом, и некоторыми другими местностями. Так вот рассказал Гекатей и так, с другой стороны, говорят афиняне» (Hecat. FGrHist. 1. F127 = Herod. VI. 137).

Интересно, что Гекатей придерживается антиафинской версии предания. В любом случае, он, как видим, внес свой вклад в исследование античными учеными «пеласгского вопроса», по поводу которого в античности немало было сломано копий⁸⁴; он и поныне остается во многом сложным и запутанным. Ведь, с одной стороны, в пеласгах (несомненно, тождественных как филистимлянам Ветхого Завета⁸⁵, так и *plst* египетских надписей о «народах моря»⁸⁶) ныне преобладающее мнение видит индоевропейцев (либо фракийцев, либо даже ветвь микенских греков); с другой же стороны, письменность архаического Лемноса, последнего прибежища пеласгов в Эгеиде, являет такое сходство с этрусской, что порой даже говорят о «пеласго-тирренском алфавите»⁸⁷; этрусков же к индоевропейцам обычно не причисляют.

Кстати, в связи с Лемносом приведем еще один фрагмент Гекатея: «Лемнос. Остров близ Фракии, на котором два города, Гефестия и Мирина, как говорит Гекатей в “Европе”. Наименование – от так называемой Великой богини, которую зовут Лемной⁸⁸. Ей же, говорит он, и девушки приносятся в жертву. А населен остров был вначале фракийцами, которые назывались синтиями, как пишет Страбон. Они же самые – сапеи» (Hecat. FGrHist. 1. F138a = Steph. Byz. s.v. Λῆμνος). Отождествлял ли Гекатей с пеласгами упомянутых здесь фракийцев – судить трудно. Во всяком случае, как минимум одна из ветвей греческой мифоисторической традиции считала, что Лемнос заселен людьми относительно недавно и еще во времена Троянской войны был необитаем. Именно такая ситуация отражена, например, в трагедии Софокла «Филоклет»: заглавный герой по пути в Трою остав-

что давало повод для игры слов (исчезнувшие пеласги улетели, как аисты, и т.п.).

⁸² Слова «да и их сыновья» Якоби элиминирует, считая неподлинными.

⁸³ Известный источник на афинской Агоре.

⁸⁴ McInerney 2014.

⁸⁵ Schmitt 2008.

⁸⁶ Grandet 2017, 185.

⁸⁷ De Simone 2004.

⁸⁸ В оригинале – ἡ Λῆμνος, т.е. налицо полное совпадение локальной эпиклезы богини с топонимом (как известно, названия островов в древнегреческом обычно женского рода).

лен соратниками (из-за раны, вызванной укусом змеи) на *пустынном* Лемносе и живет там в одиночестве. Конечно, у Гомера иначе⁸⁹.

«Херронес. Город на полуострове у Книда... Есть 2-й город Херронес, во Фракии, о котором пишет Гекатей в “Европе”: “А среди них город Херронес на перешейке полуострова”. А жителя города он называет херронесцем⁹⁰: “С апсинтиями⁹¹ с юга граничат херронесцы”. А Геродот⁹² называет жителя херронеситом: “Херронеситы с башен дали знак афинянам о случившемся”. Он называет их и⁹³ херронесцами, а в женском роде – у Еврипида: “Он лучшую равнину херронесскую...”⁹⁴» (Hecat. FGrHist. 1. F163 = Steph. Byz. s.v. Χερρόνησος).

Нам топоним, о котором идет речь, ближе знаком как «Херсонес» (собственно, «полуостров»), но у Стефана (и, видимо, у самого Гекатея) именно «Херронес». Тут нет принципиальной смысловой разницы, налицо лишь диалектальное различие. Что же касается «Херронеса во Фракии», оговорим: был, с одной стороны, полуостров Херсонес Фракийский⁹⁵, а, с другой стороны, среди располагавшихся на нем городов имелся и такой, который специально назывался Херсонесом⁹⁶. Эта ситуация и отражена во фрагменте.

«Меланхлены. Скифское племя. Гекатей в “Европе”. Они названы от одежд, которые носят⁹⁷, подобно тому, как гиппемолги – от того, что они доят кобыл⁹⁸, и моссинойки – от их жилищ⁹⁹» (Hecat. FGrHist. 1. F185 = Steph. Byz. s.v. Μελάγχλωνι). О меланхленах, равно как и о других племенах Скифии, позже подробно рассказывал Геродот, и его данные интенсивно исследовались в литературе, в том числе отечественной¹⁰⁰; как видим, и в этом отношении, то есть в плане интереса к далеким скифским землям и этносам, Гекатей выступил предтечей Геродота.

* * *

Напомним, что анализируемый здесь труд Гекатея имел следующую структуру: после краткого введения (от которого почти ничего не сохранилось), сопровождавшегося картой, следовали две книги – «Европа» и «Азия». Таким образом, описание ойкумены у него представляло собой, в сущности, обход Средиземного моря «по часовой стрелке», если употреблять нынешние выражения. В дальнейшем именно этот принцип применялся в периплах и периегезах.

⁸⁹ О Лемносе у Гомера, Софокла и некоторых других авторов см.: West 2017.

⁹⁰ Якоби со знаком вопроса предлагает поправку «херронеситом».

⁹¹ Фракийское племя.

⁹² Имя Геродота здесь – вставка издателей, ввиду безусловности в дальнейшем цитаты именно из него (Herod. IX. 118).

⁹³ Некоторые издатели постулируют здесь лакуну.

⁹⁴ Евр. Нес. 8.

⁹⁵ О котором см., например: Hammond 1956 (в связи с установившейся на нем тиранией афинского рода Филаидов); Tsvetkova 2000.

⁹⁶ Isaac 1986, 197; Loukopoulou 2004, 904–905.

⁹⁷ «Черноризцы» – так передают на русском этноним «меланхлены» некоторые старые переводчики.

⁹⁸ «Кобыл» – поправка Якоби; в рукописи Стефана – «коней». «Гиппемолги» в переводе и означает «доющие кобыл».

⁹⁹ От моссины – башнеобразных построек, в которых обитали представители этого племени, локализуемого на южном побережье Черного моря.

¹⁰⁰ См. прежде всего: Доватур, Каллистов, Шишова 1982.

Выше приводились отрывки из «Европы». От «Азии» сохранилось даже больше относительно пространных фрагментов, рельефно отражающих пространственные представления Гекатея. Они тоже обязательно должны быть рассмотрены. Но, поскольку данная, первая часть статьи уже стала довольно объемной, такое рассмотрение мы отложим до второй части. Там же будут привлечены по мере возможности и релевантные тексты из сочинений других греческих историков первого поколения. Все это в совокупности уже позволит, полагаем, делать более или менее ответственные выводы.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев, С.С. 1996: *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М.
- Бахтин, М.М. 1975: *Вопросы литературы и эстетики*. М.–Л.
- Бошнаков, К. 2007: *Псевдо-Скимнос или Семос от Делос: Проучвания върху сведенията на елински автори за Западния Понт*. София.
- Бычков, В.В. 1981: *Эстетика поздней античности (II–III века)*. М.
- Доватур, А.И., Каллистов, Д.П., Шишова, И.А. 1982: *Народы нашей страны в «Истории» Геродота*. М.
- Карсавин, Л.П. 1993: *Философия истории*. СПб.
- Коллингвуд, Р. *Идея истории. Автобиография*. М.
- Суриков, И.Е. 2012: Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы). *Древности Боспора* 16, 440–469.
- Суриков, И.Е. 2013: Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском. *ВДИ* 1 (284), 167–176.
- Суриков, И.Е. 2016: «В круге первом»: Появление древнейших памятников европейского историописания (Греция VI–V вв. до н.э.). В кн.: Д.Д. Беляев, Т.В. Гимон (отв. ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья*. М., 168–202.
- Шичалин, Ю.А. 1999: *Античность – Европа – история*. М.
- Agelidis, S. 2017: The “Spatial Turn” in Ancient Greek Festival Research: Venues of the Athenian City Dionysia and the Great Panathenaia *Pompai*. In: L.C. Nevett (ed.), *Theoretical Approaches to the Archaeology of Ancient Greece: Manipulating Material Culture*. Ann Arbor, 230–245.
- Alganza Roldán, M. 2012: Hecateo de Mileto, “historiador” y “mitógrafo”. *Florentia iliberitana* 23, 23–44.
- Archibald, Z.H. 2000: Space, Hierarchy, and Community in Archaic and Classical Macedonia, Thessaly, and Thrace. In: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford, 212–233.
- Armayer, O.K. 2004: Herodotus, Hecataeus and the Persian Wars. In: V. Karageorghis, I. Taftacos (eds.), *The World of Herodotus*. Nicosia, 321–335.
- Bassi, K. 2007: Spatial Contingencies in Thucydides’ *History*. *Classical Antiquity* 26/2, 171–217.
- Bats, M. 1996: The Greeks in Gaul and Corsica. In: G. Pugliese Carratelli (ed.), *The Western Greeks: Classical Civilization in the Western Mediterranean*. London, 577–584.
- Bermejo Barrera, J.C. 1998: Sobre las dimensiones significativas del espacio. In: A. Pérez Jiménez, G. Cruz Andreotti (eds.), *Los límites de la tierra: El espacio geográfico en las culturas Mediterráneas*. Madrid, 1–22.
- Bertelli, L. 2007: Hecataeus: From Genealogy to Historiography. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian’s Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 67–94.

- Best, J. 2015: Roadside Assistance: Religious Spaces and Personal Experience in Athens. In: M.M. Miles (ed.), *Autopsy in Athens: Recent Archaeological Research on Athens and Attica*. Oxford, 100–107.
- Bichler, R. 2018: Herodotus the Geographer. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 139–155.
- Braun, T. 2004: Hecataeus' Knowledge of the Western Mediterranean. In: K. Lomas (ed.), *Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton*. Leiden–Boston, 287–347.
- Bravo, B. 2009: *La Chronique d'Apollodore et le Pseudo-Skymnos: Érudition antiquaire et littérature géographique dans la seconde moitié du IIe siècle av. J.-C.* Leuven.
- Calame, C. 1990: Spartan Genealogies: The Mythological Representation of a Spatial Organisation. In: J. Bremmer (ed.), *Interpretations of Greek Mythology*. London, 153–186.
- Clay, J.S. 2016: How to Construct a Sympotic Space with Words. In: V. Gazzato, A. Lardinois (eds.), *The Look of Lyric: Greek Song and the Visual. Studies in Archaic and Classical Greek Song*. Vol. 1. Leiden–Boston, 204–216.
- Cole, S.G. 2004: *Landscapes, Gender, and Ritual Space: The Ancient Greek Experience*. Berkeley.
- De Simone, C. 2004: Problemi di alfabetizzazione nel Mediterraneo antico: rappresenta l'alfabeto pelasgo-tirreno di Lemnos una creazione autonoma? *Mediterraneo antico: Economie, società, culture. Rivista internazionale di Storia antica* 7/1, 197–246.
- Domínguez, A.J. 2004: Greek Identity in the Phocaeen Colonies. In: K. Lomas (ed.), *Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton*. Leiden–Boston, 429–456.
- Donati, J.C. 2010: *Towards an Agora: The Spatial and Architectural Development of Greek Commercial and Civic Space in the Peloponnese*. New York.
- Geus, K. 2003: Space and Geography. In: A. Erskine (ed.), *A Companion to the Hellenistic World*. Oxford, 232–245.
- Glazebrook, A. 2011: *Porneion*: Prostitution in Athenian Civic Space. In: A. Glazebrook, M.M. Henry (eds.), *Greek Prostitutes in the Ancient Mediterranean, 800 BCE – 200 CE*. Madison, 34–59.
- Grandet, P. 2017: Les Peuples de la Mer. In: P. de Souza, P. Arnaud, C. Buchet (eds.), *The Sea in History: The Ancient World / La mer dans l'histoire: L'Antiquité*. Woodbridge, 175–186.
- Hammond, N.G.L. 1956: The Philaids and the Chersonese. *Classical Quarterly* 6/3–4, 113–129.
- Hansen, M.H. 1997: Hekataios' Use of the Word *Polis* in his *Periegesis*. In: T.H. Nielsen (ed.), *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis*. Stuttgart, 17–27.
- Hedrick, C.W. 2013: Spaces of Government: Civic Architecture and Memory. In: H. Beck (ed.), *A Companion to Ancient Greek Government*. Oxford, 385–399.
- Heidel, W.A. 1987: *Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II*. New York–London.
- Herrmann, M. 1911: Hekataios als mutmassliche geographische Quelle Herodots in seiner Beschreibung des Xerxeszuges. *Klio* 11, 382–384.
- Hofmann K.P., Attula R. 2017: Funerary Spatial Concepts and Spatial Practices in Southeastern Sicily during the Eighth to Fifth Centuries BCE. In: L.C. Nevett (ed.), *Theoretical Approaches to the Archaeology of Ancient Greece: Manipulating Material Culture*. Ann Arbor, 249–272.
- Hölscher, T. 2015: Art, Architecture, and Spaces in Greek Participatory Communities. In: D. Hammer (ed.), *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic*. Oxford, 461–481.
- Isaac, B. 1986: *The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest*. Leiden.
- Jacoby, F. 1995: *Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist)*. Tl. 1: *Genealogie und Mythographie. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz*. Leiden–New York–Köln.

- Jameson, M. 1990: Private Space and the Greek City. In: O. Murray, S. Price (eds.), *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxford, 171–195.
- Jong, I.J.F. de (ed.) 2012: *Space in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative*. Leiden–Boston.
- Kerschner, M. 2004: Phokäische Thalassokratie oder Phantom-Phokäer? Die frühgriechischen Keramikfunde im Süden der Iberischen Halbinsel aus der ägäischen Perspektive. In: K. Lomas (ed.), *Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton*. Leiden–Boston, 115–148.
- Kim, L. 2014: Archaizing and Classicism in the Literary Historical Thinking of Dionysius of Halicarnassus. In: J. Ker, C. Pieper (eds.), *Valuing the Past in the Greco-Roman World: Proceedings from the Penn-Leiden Colloquia on Ancient Values VII*. Leiden–Boston, 357–387.
- Lendle, O. 1992: *Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos*. Darmstadt.
- Loukopoulou, L. 2004: Thracian Chersonesos. In: M.H. Hansen, T.H. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 900–911.
- McInerney, J. 2014: Pelasgians and Leleges: Using the Past to Understand the Present. In: J. Ker, C. Pieper (eds.), *Valuing the Past in the Greco-Roman World: Proceedings from the Penn-Leiden Colloquia on Ancient Values VII*. Leiden–Boston, 25–55.
- Marcotte, D. 2002: *Les géographes grecs. T.1. Introduction générale. Pseudo-Scymnos. Circuit de la Terre*. Paris.
- Mehl, A. 2004: Herodotus and Xanthus of Sardis Compared. In: V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.), *The World of Herodotus*. Nicosia, 337–348.
- Morel, J.-P. 2006: Phocaean Colonisation. In: G.R. Tsetskhladze (ed.), *Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas*. Vol.1. Leiden–Boston, 359–428.
- Pearson, L. 1975: *Early Ionian Historians*. Westport.
- Pelling, C. 2007: Aristagoras (5.49–55, 97). In: E. Irwin, E. Greenwood (eds.), *Reading Herodotus: A Study of the Logoi in Book 5 of Herodotus' Histories*. Cambridge, 179–201.
- Purves, A.C. 2010: *Space and Time in Ancient Greek Narrative*. Cambridge.
- Saïd, S. 2012: Athens and Athenian Space in *Oedipus at Colonos*. In: A. Markantonatos, B. Zimmermann (eds.), *Crisis on Stage: Tragedy and Comedy in Late Fifth-Century Athens*. Berlin–Boston, 81–100.
- Schmitt, R. 2008: Ashdod and the Material Remains of Domestic Cults in the Philistine Coastal Plain. In: J. Bodel, S.M. Olyan (eds.), *Household and Family Religion in Antiquity*. Oxford, 159–170.
- Schultze, C. 1986: Dionysius of Halicarnassus and his Audience. In: I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.), *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing*. Cambridge, 121–141.
- Sourvinou-Inwood, C. 1995: Early Sanctuaries, the Eighth Century and Ritual Space: Fragments of a Discourse. In: N. Marinatos, R. Hägg (eds.), *Greek Sanctuaries: New Approaches*. London–New York, 1–13.
- Taylor, C. 2016: Graffiti in a House in Attica: Reading, Writing and the Creation of Private Space. In: R. Benefiel, P. Keegan (eds.), *Inscriptions in the Private Sphere in the Greco-Roman World*. Leiden–Boston, 32–49.
- Tsvetkova, J. 2000: Siedlungen und Siedlungssystem auf der Thrakischen Chersonesos in der vorrömischen Zeit. *Thracia* 13, 431–462.
- West, S. 1991: Herodotus' Portrait of Hecataeus. *Journal of Hellenic Studies* 111, 144–160.
- West, S. 2017: Mysterious Lemnos: A Note on AMIXΘΑΛΟΕΣΣΑ (Il. 24.753). In: C. Tsagalis, A. Markantonatos (eds.), *The Winnowing Oar – New Perspectives in Homeric Studies: Studies in Honor of A. Rengakos*. Berlin–Boston, 215–227.

- Wiater, N. 2011: *The Ideology of Classicism: Language, History, and Identity in Dionysius of Halicarnassus*. Berlin–New York.
- Zali, V. 2018: Herodotus Mapping out his Genre: The Interaction of Myth and Geography in the Lybian Logos. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 125–138.
- Zarmakoupi, M. 2016: The Spatial Environment of Inscriptions and Graffiti in Domestic Spaces: The Case of Delos. In: R. Benefiel, P. Keegan (eds.), *Inscriptions in the Private Sphere in the Greco-Roman World*. Leiden–Boston, 50–79.
- Zatta, C. 2011: Conflict, People, and City-Space: Some Exempla from Thucydides' *History*. *Classical Antiquity* 30/2, 318–350.

REFERENCES

- Agelidis, S. 2017: The “Spatial Turn” in Ancient Greek Festival Research: Venues of the Athenian City Dionysia and the Great Panathenaia *Pompai*. In: L.C. Nevett (ed.), *Theoretical Approaches to the Archaeology of Ancient Greece: Manipulating Material Culture*. Ann Arbor, 230–245.
- Alganza Roldán, M. 2012: Hecateo de Mileto, “historiador” y “mitógrafo”. *Florentia iliberritana* 23, 23–44.
- Archibald, Z.H. 2000: Space, Hierarchy, and Community in Archaic and Classical Macedonia, Thessaly, and Thrace. In: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford, 212–233.
- Armayer, O.K. 2004: Herodotus, Hecataeus and the Persian Wars. In: V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.), *The World of Herodotus*. Nicosia, 321–335.
- Averintsev, S.S. *Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii* [Rhetoric and sources of European literary tradition]. Moscow.
- Bakhtin, M.M. 1975: *Voprosy literatury i estetiki* [Questions in literature and aesthetics]. Moscow–Leningrad.
- Bassi, K. 2007: Spatial Contingencies in Thucydides' *History*. *Classical Antiquity* 26/2, 171–217.
- Bats, M. 1996: The Greeks in Gaul and Corsica. In: G. Pugliese Carratelli (ed.), *The Western Greeks: Classical Civilization in the Western Mediterranean*. London, 577–584.
- Bermejo Barrera, J.C. 1998: Sobre las dimensiones significativas del espacio. In: A. Pérez Jiménez, G. Cruz Andreotti (eds.), *Los límites de la tierra: El espacio geográfico en las culturas Mediterráneas*. Madrid, 1–22.
- Bertelli, L. 2007: Hecataeus: From Genealogy to Historiography. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 67–94.
- Best, J. 2015: Roadside Assistance: Religious Spaces and Personal Experience in Athens. In: M.M. Miles (ed.), *Autopsy in Athens: Recent Archaeological Research on Athens and Attica*. Oxford, 100–107.
- Bichler, R. 2018: Herodotus the Geographer. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 139–155.
- Boshnakov, K. 2007: *Psevdo-Skimnos ili Semos ot Delos: Prouchvaniya vurkhu svedeniyata na elinski avtor i za Zapadniya Pont* [Pseudo-Scymnus or Semos of Delos: A research on the data of Hellenic authors about the Western Pontus]. Sofia.
- Braun, T. 2004: Hecataeus' Knowledge of the Western Mediterranean. In: K. Lomas (ed.), *Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton*. Leiden–Boston, 287–347.
- Bravo, B. 2009: *La Chronique d'Apollodore et le Pseudo-Skymnos: Érudition antiquaire et littérature géographique dans la second moitié du IIe siècle av. J.-C.* Leuven.
- Bychkov, V.V. 1981: *Estetika pozdney antichnosti (II–III veka)* [Aesthetics of Late Antiquity (2nd – 3rd centuries)]. Moscow.

- Calame, C. 1990: Spartan Genealogies: The Mythological Representation of a Spatial Organisation. In: J. Bremmer (ed.), *Interpretations of Greek Mythology*. London, 153–186.
- Clay, J.S. 2016: How to Construct a Sympotic Space with Words. In: V. Gazzato, A. Lardinois (eds.), *The Look of Lyric: Greek Song and the Visual. Studies in Archaic and Classical Greek Song*. Vol. 1. Leiden–Boston, 204–216.
- Cole, S.G. 2004: *Landscapes, Gender, and Ritual Space: The Ancient Greek Experience*. Berkeley.
- Collingwood, R. 1980: *Ideya istorii. Avtobiografiya [The idea of history. An autobiography]*. Moscow.
- De Simone, C. 2004: Problemi di alfabetizzazione nel Mediterraneo antico: rappresenta l'alfabeto pelasgo-tirreno di Lemnos una creazione autonoma? *Mediterraneo antico: Economie, società, culture. Rivista internazionale di Storia antica* 7/1, 197–246.
- Domínguez, A.J. 2004: Greek Identity in the Phocaean Colonies. In: K. Lomas (ed.), *Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton*. Leiden–Boston, 429–456.
- Donati, J.C. 2010: *Towards an Agora: The Spatial and Architectural Development of Greek Commercial and Civic Space in the Peloponnese*. New York.
- Dovatur, A.I., Kallistov, D.P., Shishova, I.A. 1982: *Narody nashey strany v "Istorii" Gerodota [Peoples of our country in Herodotus' "Histories"]*. Moscow.
- Geus, K. 2003: Space and Geography. In: A. Erskine (ed.), *A Companion to the Hellenistic World*. Oxford, 232–245.
- Glazebrook, A. 2011: *Porneion*: Prostitution in Athenian Civic Space. In: A. Glazebrook, M.M. Henry (eds.), *Greek Prostitutes in the Ancient Mediterranean, 800 BCE – 200 CE*. Madison, 34–59.
- Grandet, P. 2017: Les Peuples de la Mer. In: P. de Souza, P. Arnaud, C. Buchet (eds.), *The Sea in History: The Ancient World / La mer dans l'histoire: L'Antiquité*. Woodbridge, 175–186.
- Hammond, N.G.L. 1956: The Philaids and the Chersonese. *Classical Quarterly* 6/3–4, 113–129.
- Hansen, M.H. 1997: Hekataios' Use of the Word *Polis* in his *Periegesis*. In: T.H. Nielsen (ed.), *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis*. Stuttgart, 17–27.
- Hedrick, C.W. 2013: Spaces of Government: Civic Architecture and Memory. In: H. Beck (ed.), *A Companion to Ancient Greek Government*. Oxford, 385–399.
- Heidel, W.A. 1987: *Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II*. New York–London.
- Herrmann, M. 1911: Hekataios als mutmassliche geographische Quelle Herodots in seiner Beschreibung des Xerxeszuges. *Klio* 11, 382–384.
- Hofmann K.P., Attula R. 2017: Funerary Spatial Concepts and Spatial Practices in Southeastern Sicily during the Eighth to Fifth Centuries BCE. In: L.C. Nevett (ed.), *Theoretical Approaches to the Archaeology of Ancient Greece: Manipulating Material Culture*. Ann Arbor, 249–272.
- Hölscher, T. 2015: Art, Architecture, and Spaces in Greek Participatory Communities. In: D. Hammer (ed.), *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic*. Oxford, 461–481.
- Isaac, B. 1986: *The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest*. Leiden.
- Jacoby, F. 1995: *Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist)*. Tl. 1: *Genealogie und Mythographie. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz*. Leiden–New York–Köln.
- Jameson, M. 1990: Private Space and the Greek City. In: O. Murray, S. Price (eds.) *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxford, 171–195.
- Jong, I.J.F. de (ed.) 2012: *Space in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative*. Leiden–Boston.
- Kerschner, M. 2004: Phokäische Thalassokratie oder Phantom-Phokäer? Die frühgriechischen Keramikfunde im Süden der Iberischen Halbinsel aus der ägäischen Perspektive. In:

- K. Lomas (ed.), *Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton*. Leiden–Boston, 115–148.
- Kim, L. 2014: Archaizing and Classicism in the Literary Historical Thinking of Dionysius of Halicarnassus. In: J. Ker, C. Pieper (eds.), *Valuing the Past in the Greco-Roman World: Proceedings from the Penn-Leiden Colloquia on Ancient Values VII*. Leiden–Boston, 357–387.
- Lendle, O. 1992: *Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos*. Darmstadt.
- Loukopoulou, L. 2004: Thracian Chersonesos. In: M.H. Hansen, T.H. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 900–911.
- Marcotte, D. 2002: *Les géographes grecs. T.1. Introduction générale. Pseudo-Scymnos. Circuit de la Terre*. Paris.
- McInerney, J. 2014: Pelasgians and Leleges: Using the Past to Understand the Present. In: J. Ker, C. Pieper (eds.), *Valuing the Past in the Greco-Roman World: Proceedings from the Penn-Leiden Colloquia on Ancient Values VII*. Leiden–Boston, 25–55.
- Mehl, A. 2004: Herodotus and Xanthus of Sardis Compared. In: V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.), *The World of Herodotus*. Nicosia, 337–348.
- Morel, J.-P. 2006: Phocaeen Colonisation. In: G.R. Tsatskheladze (ed.), *Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas*. Vol.1. Leiden–Boston, 359–428.
- Pearson, L. 1975: *Early Ionian Historians*. Westport.
- Pelling, C. 2007: Aristagoras (5.49–55, 97). In: E. Irwin, E. Greenwood (eds.), *Reading Herodotus: A Study of the Logoi in Book 5 of Herodotus' Histories*. Cambridge, 179–201.
- Purves, A.C. 2010: *Space and Time in Ancient Greek Narrative*. Cambridge.
- Saïd, S. 2012: Athens and Athenian Space in *Oedipus at Colonus*. In: A. Markantonatos, B. Zimmermann (eds.), *Crisis on Stage: Tragedy and Comedy in Late Fifth-Century Athens*. Berlin–Boston, 81–100.
- Schmitt, R. 2008: Ashdod and the Material Remains of Domestic Cults in the Philistine Coastal Plain. In: J. Bodel, S.M. Olyan (eds.), *Household and Family Religion in Antiquity*. Oxford, 159–170.
- Schultze, C. 1986: Dionysius of Halicarnassus and his Audience. In: I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.), *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing*. Cambridge, 121–141.
- Sourvinou-Inwood, C. 1995: Early Sanctuaries, the Eighth Century and Ritual Space: Fragments of a Discourse. In: N. Marinatos, R. Hägg (eds.), *Greek Sanctuaries: New Approaches*. London–New York, 1–13.
- Surikov, I.E. 2012: Ob etimologii nazvaniy Fanagorii i Germonassy (k postanovke problemy) [On etymology of the names of Phanagoria and Hermonassa (towards the statement of a problem)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 16, 440–469.
- Surikov, I.E. 2013: Nekotorye soobrazheniya ob ischeznuvshem prolike Bospore Sindskom [Some considerations on an extinct strait, the Sindian Bosphorus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 1 (284), 167–176.
- Surikov, I.E. 2016: “V krug pervom”: Poyavlenie drevneyshikh pamyatnikov evropeyskogo istoriopisaniya (Gretsiya VI–V vv. do n.e.) [“In the first circle”: Emergence of the earliest monuments of European historical writing (Greece, 6th–5th centuries B.C.)]. In: D.D. Belyaev, T.V. Gimon (eds.), *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2013 god. Zarozhdenie istoriopisaniya v obshchestvakh Drevnosti i Srednevekov'ya* [The most ancient states of the Eastern Europe. 2013. The birth of historical writing in the societies of the Antiquity and Middle Ages]. Moscow, 168–202.

- Taylor, C. 2016: Graffiti in a House in Attica: Reading, Writing and the Creation of Private Space. In: R. Benefiel, P. Keegan (eds.), *Inscriptions in the Private Sphere in the Greco-Roman World*. Leiden–Boston, 32–49.
- Tsvetkova, J. 2000: Siedlungen und Siedlungssystem auf der Thrakischen Chersonesos in der vorrömischen Zeit. *Thracia* 13, 431–462.
- West, S. 1991: Herodotus' Portrait of Hecataeus. *Journal of Hellenic Studies* 111, 144–160.
- West, S. 2017: Mysterious Lemnos: A Note on AMIXΘΑΛΟΕΣΣΑ (Il. 24.753). In: C. Tsagalis, A. Markantotatos (eds.), *The Winnowing Oar – New Perspectives in Homeric Studies: Studies in Honor of A. Rengakos*. Berlin–Boston, 215–227.
- Wiater, N. 2011: *The Ideology of Classicism: Language, History, and Identity in Dionysius of Halicarnassus*. Berlin–New York.
- Zali, V. 2018: Herodotus Mapping out his Genre: The Interaction of Myth and Geography in the Lybian Logos. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 125–138.
- Zarmakoupi, M. 2016: The Spatial Environment of Inscriptions and Graffiti in Domestic Spaces: The Case of Delos. In: R. Benefiel, P. Keegan (eds.), *Inscriptions in the Private Sphere in the Greco-Roman World*. Leiden–Boston, 50–79.
- Zatta, C. 2011: Conflict, People, and City-Space: Some Exempla from Thucydides' *History*. *Classical Antiquity* 30/2, 318–350.

THE EARLIEST GREEK HISTORIANS' SPATIAL CATEGORIES. I. HECATAEUS OF MILETUS, "EUROPE"

Igor E. Surikov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
isurikov@mail.ru

Abstract. In recent decades, spatial (that is connected with space) issues have become increasingly popular in Classical studies. "Spatial modus" was extremely significant, in particular, for Ancient Greek historians as well. Of the latter, the author is interested in their very first group – early Ionian historians of Late Archaic and Early Classical period, Herodotus' predecessors.

The greatest and brightest figure among them, standing sharply out of the rest, is undoubtedly Hecataeus of Miletus. One of the two Hecataeus' works, "The Description of the Earth", was in its content both geographical and historical. There is a sufficiently large number of fragments from it.

Lots of the fragments are brief and very dull pieces of pure information. However, of more interest are those fragments, which are not so brief but somewhat more detailed. The article presents and comments on a number of such fragments from "Europe" – the first book of the above-mentioned treatise.

Keywords: Ancient Greece, space, spatial categories, , the earliest historians, geography, Hecataeus of Miletus, "The Description of the Earth", "Europe", fragments

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 72–83
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 72–83
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-72–83

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРОЦЕССЕ ПО ЖАЛОБЕ ПРОТИВ КОНОНА ЗА НАНЕСЕНИЕ ПОБОЕВ (ДЕМОСФЕН, LIV)

Т.В. Кудрявцева

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
tatyana@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется одна из лучших речей Демосфенова сборника – речь против Конона за нанесение побоев. Данное сочинение афинского оратора позволяет реконструировать судебный процесс по частному иску. Датировка дела против Конона вызывает дискуссию в историографии, основные точки зрения представлены в статье. Разбирается версия конфликта, которую представляет истец Аристон, и определяется ее уязвимое место: отсутствие свидетельских показаний потенциального главного свидетеля. Исследуемая речь интересна также с точки зрения описания вызова на свидетельскую пытку рабов, предсказуемо отвергнутого Аристоном. На конкретном и ярком примере мы видим, как происходило судопроизводство в Афинах, все его основные составляющие представлены в речи: поведение тяжущихся, их аргументация; свидетели и лжесвидетели; третейский суд; свидетельская пытка рабов; упоминания о многочисленных реалиях (клепсидра, судебный секретарь, урна, камень, на котором произносились клятвы и т.п.). Исходя из поведения участников тяжбы, используемых ими топосов, мы можем понять, чем будут руководствоваться дикасты, вынося свой приговор. Изложением иска Аристона и деталями процесса не исчерпывается содержание речи LIV. Особое очарование вносят восхитительные зарисовки афинской жизни: гарнизонная жизнь, досуг городских обывателей, уличное насилие, врачевание ран и травм, обычай клятвы, молодежные клубы и их предосудительные, порой грозящие общественному порядку и полисным устоям развлечения. Исход процесса неизвестен. Но, учитывая, как увлекательно выстроил фабулу Демосфен, виртуозно использовал все возможные ухищрения тяжущегося, мастерски скомпрометировал противника, позабавил дикастов и в то же время затронул в их душах правильные струны, – с большой вероятностью Аристон выиграл это дело.

Ключевые слова: классические Афины, Демосфен, афинское судопроизводство, речь «Против Конона», тяжущиеся

Данные об авторе: Кудрявцева Татьяна Владимировна – доктор исторических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект РФФИ № 19-09-00183 («Судебный процесс в античности: юридические, политические, социальные и личностные аспекты»).

Перед нами – одно из типичных судебных дел, которые, видимо, в немалом количестве разбирали афинские дикасты. Ссора между афинянами Аристоном и Кононом с компанией привела к подаче иска по обвинению в нанесении побоев. Речь для истца написал Демосфен. Уличные драки – примета и бич обществ не только древних, но и современных, поэтому судебный процесс, известный нам к тому же по великолепной речи великого афинского оратора, предстает увлекательно злободневным.

Принадлежность речи «Против Конона» Демосфену не оспаривается и никогда не оспаривалась¹. С античности и до наших дней это одна из самых любимых и ценимых речей Демосфенова корпуса. Динарха даже обвиняли в плагиате: будто он позаимствовал большие фрагменты из Демосфеновой речи для своей речи «Против Клеомедонта» (Euseb. Praep. Evang. X. 3 – со ссылкой на Порфирия). Античные грамматиканы часто ссылались на речь «Против Конона», а греческие авторы, писавшие об ораторском искусстве, цитировали ее чаще, чем любую другую речь по частному иску². Дионисий Галикарнасский в трактате «О весьма искусном красноречии Демосфена» приводил отрывок из этой речи, на его примере демонстрируя чистоту, правильность, ясность и другие качества совершенного стиля афинского оратора (Dion. Halic. 12–13).

Датировка процесса, на котором разбиралась жалоба против Конона, не ясна³. Аристон рассказывает о своей службе в Панакте, пограничном местечке между Аттикой и Беотией, за 2 года до процесса (Dem. LIV. 3). Демосфен в речи «О преступном посольстве» (343 г. до н.э.) упоминает, что после Филократова мира с Филиппом Македонским и разорения Фокиды афиняне вынуждены были охранять земли рядом с Панактом, «чего никогда не делали прежде, пока были целы фокидяне» (XIX. 326; перевод С.И. Радцига). Исходя из этого, был предложен 343 г. (и ближайшие годы после) как возможная датировка процесса. Некоторые, полагая, что Аристон нес службу в 343 г., указывают на 341 г. как на наиболее подходящую дату⁴. Дж. Сандис в обосновании этой датировки обратил внимание на то, что, по словам Аристона, в юности Конон с приятелями носили прозвище «трибаллы» (Dem. LIV. 39). Трибаллы – одно из фракийских племен, отличавшееся, по мнению греческих авторов, необузданностью и грубостью нравов (Isocr. Panath. 227; Alex. ap. Athen. XV p. 671). Соответствующим образом, видимо, веселилась и определенная часть афинской молодежи. В 376 г. до н.э. трибаллы опустошили фракийское побережье, и афинянам пришлось отправить против них свое войско во главе со стратегом Хабрием (Diod. XXV. 36); в те годы название этого племени наверняка было у афинян на устах. Если исходить из того, что Конон тогда был юнцом, то ему исполнилось за 50 в конце 340-х гг.⁵ – тот возраст, который и указан в речи Демосфена (LIV. 22). Впрочем, есть сторонники и ранней датировки речи, допускающие нахождение афинского гарнизона в Панакте еще в 350-е гг.: А. Шефер⁶ связывал его появление с событиями вокруг

¹ Blass 1893, 456.

² Blass 1893, 460; Sandys 1886a, lxiv.

³ О датировке процесса и связанных с ней версиях см., например: Blass 1893, 457; Sandys 1886a, lxiii; Dargan 1970, 121–122; Шишова 1994, 514; Bers 2003, 67.

⁴ Sandys 1886a, lxviii; Forster 1943, 25; Dargan 1970, 88.

⁵ Sandys 1886c, 229.

⁶ Schäfer 1858, 247. Немецкий ученый датировал речь против Конона 356/5 г.

Эвбеи в 357 г. до н.э.⁷; беотийская граница могла охраняться и с началом Священной войны против Фокиды (356 г. до н.э.).

Завязка истории такова. Аристон нес гарнизонную службу в Панакте на беотийской границе, где повстречался с сыновьями Конона, расположившимися в палатке поблизости. Со слов истца, юноши отличались буйным нравом и пристрастием к пьянству. Их сослуживцы, как и рабы последних, терпели оскорбления и издевательства, но, в конце концов, Аристон и прочие (Аристон использует местоимение «мы» – *παῖδες ἡμῶν, ἡμεῖς, ἡμεῖς; etc.*)⁸ пожаловались стратегу. Одна из перепалок чуть было не кончилась дракой, если бы ссорящихся не разняли «стратег, таксиархи и несколько солдат», помешавшие тому, чтобы жалобщикам «причинили непоправимый вред» (LIV. 3 – зд. и далее перевод И.А. Шишов). Кстати, Габриэль Херман описывает афинское общество IV в. до н.э. как «необыкновенно мирное общество», преуспевшее в навязывании индивиду моральных норм, санкционированных коллективом, который выработал «стратегию минимизации конфликта»⁹. Один из примеров, на которые он ссылается, как раз поведение Аристона в конфликте с Кононом и его сыновьями. Аристон готов претерпеть жестокое оскорбление, но не помышляет о каких-либо незаконных действиях в отместку, а обращается к стратегу – «острая диспропорция между тяжестью оскорбления и мягкостью ответа»¹⁰. Израильский исследователь все же несколько преувеличивал миролюбие и мягкость как Аристона, так и афинского полиса.

Дальнейшие события развивались следующим образом. По возвращении в Афины, предвидя, что «взаимное раздражение и вражда» могут привести к дальнейшему конфликту, Аристон старался держаться подальше от своих недругов (LIV. 4), но однажды вечером, прогуливаясь по агоре с приятелем Фаностратом, наткнулся на Ктесия, одного из сыновей Конона. Тот, будучи навеселе, отправился за своим отцом и друзьями, пировавшими неподалеку, «у сукновала Памфила», и вместе с ними вернулся на агору (LIV. 7). Когда две компании встретились, один из друзей Конона держал приятеля Аристона, а Конон с сыном и еще одним собутыльником набросились на Аристона, сорвали с него плащ, а затем, повалив, стали избивать ногами. Истец упоминает разбитую губу и заплывший глаз (LIV. 8). При этом они ругались и богохульствовали (LIV. 9). Прохожие подобрали Аристона, отнесли домой. Его обмыли в бане и вызвали к нему врача, засвидетельствовавшего нанесенные травмы. Через какое-то время Аристон подал жалобу на Конона.

Обратим внимание на некоторые пассажи речи Демосфена, интересные либо с точки зрения реалий судебных тяжб, либо демонстрирующие, что дело о побоях против Конона не столь очевидное, как может показаться.

В начале речи Аристон заявляет, что мог бы выдвинуть против Конона гораздо более серьезное обвинение: «Все мои друзья и близкие, с которыми я совето-

⁷ В 357 г. до н.э. Эвбея, восстав против фиванской власти, обратилась за помощью к Афинам и получила ее, после чего эвбейские города вошли во Второй афинский морской союз. См.: Хаммонд 2008, 544. О том, как афиняне откликнулись тогда на призыв эвбейцев, в речи «О делах в Херсонесе» упоминал Демосфен (VIII. 74–75).

⁸ Аристону важно показать, что не его одного доставали дебоширы: οὐκ ἐγὼ τῶν ἄλλων ἔξω (LIV. 4).

⁹ Herman 2006, 199.

¹⁰ Herman 2006, 156–157.

вался, убеждали меня, что Конон за свои действия подлежит аресту как грабитель и может быть привлечен к суду по обвинению в оскорблении насилием (καὶ τῇ τῶν λωποδύτῶν ἀπαγωγῇ καὶ ταῖς τῆς ὕβρεως γραφαῖς). Но они советовали мне не связываться с делом более серьезным, чем то, которое мне по силам, и не оказаться истцом по делу, не подобающему человеку моего возраста» (LIV. 1). Иск, который Аристон не подал, – в оскорблении насилием (ὕβρεως γραφή) – относился к числу обвинений в государственном преступлении (γραφή); если обвинение по такому иску доказывалось, ответчику грозила смертная казнь¹¹. В отличие от обычных побоев оскорбление насилием подразумевало побои особо унижительные, несовместимые с гражданской честью. Конечно, Аристон удовлетворил бы сполна свое чувство мщения, подав такого рода жалобу, но тут был риск. Если суд не признавал «государственную» жалобу обоснованной, истец мог быть приговорен к штрафу и атимии (если получил менее 1/5 голосов). Как уверяет истец, против Конона можно было также подать апагогэ (заявление) о привлечении к ответственности за грабеж (λωποδύτῶν ἀπαγωγή) – в этом случае дело разбирала бы коллегия Одиннадцати, а вор был бы казнен (Arist. Ath. pol. 52. 1). Иск же, который подал Аристон, – обычная частная жалоба (αἰκεῖας δίκη): истцу в случае провала ничего страшного не грозило, но и наказание для ответчика в случае осуждения было не столь тяжким: штраф (не более 5000 и не менее 1000 драхм), который выплачивался истцу¹². Правда, последний должен был сам добиваться выплаты – по принципу самопомощи, что было сопряжено с большими трудностями, ибо официальных механизмов принуждения отлынивающего от уплаты, кажется, не существовало. Жалоба подавалась архонту, который проводил предварительное расследование (ἀνάκρισις). Затем от архонта жалоба поступала третьей-скому судье, а если тому не удавалось решить дело полюбовно, то далее – в один из дикастериев. Почему Аристон не подал государственный иск? Он объясняет это молодостью и советом, данным друзьями и родственниками (LIV. 1), а также своим миролюбием и умеренностью (LIV. 24 – ἡμεῖς μὲν ἀπράγμονες καὶ μέτριοι φαίνομεθ'), но скорее всего из-за неуверенности в исходе дела. Однако в своей речи он не менее 20 раз произнёс слово ὕβρις, обвиняя своего обидчика именно в этом преступлении: выступая перед судьями, Аристон как бы подменял реальное обвинение в оскорбление побоями (αἰκεῖας δίκη) на гораздо более тяжкое обвинение в насилие (ὕβρεως γραφή).

Встречу со своим обидчиком Аристон описывает следующим образом: «Я, как обычно, прогуливался вечером по агоре вместе с другом Фаностратом; в это время Ктесий, сын вот этого Конона, в пьяном виде проходил мимо. Заметив нас, он испустил вопль, а затем, разговаривая о чем-то сам с собой, как это делают пьяные, он пошел дальше (LIV. 7)». Как заметила И.А. Шишова, «не исключено, что Аристон, который производит впечатление человека не слишком храброго, но мстительного, ударил Ктесия, пользуясь тем, что тот был один и к тому же сильно пьян»¹³ – отсюда и вопль Ктесия. Возможность того, что Аристон

¹¹ Подробное обсуждение ὕβρεως γραφή со ссылками на источники см. в: Zink 1883, 12–16.

¹² О видах исков (по государственным преступлениям и частные иски – γραφαί и δикаί) и процедуре инициации иска я подробно писала в: Кудрявцева 2008b, 181–188, 201–202; 2013, 207–212. Там же см. ссылки на источники и научную литературу.

¹³ Шишова 1994, 516.

с приятелем первыми напали, допускал и Э. Меншинг, предложивший такой возможный сценарий: некое насмешливое замечание Ктесия задело и спровоцировало Аристона и Фанострата к нападению¹⁴.

Естественно, для истца было важно создать впечатление у судей, что ответчик с подручными начали драку первыми. То, что Аристон кое-что умалчивает, показывает и ситуация со свидетелями. Наш герой впервые упоминает о них, описывая уже последствия драки (LIV. 9), а когда далее он называет имена свидетелей (Пасей, Никерат, Диодор), которые будто бы видели, как Конон бил его, срывал плащ и наносил оскорбления (LIV. 32), среди них мы не видим потенциального главного свидетеля – того самого Фанострата, с которым Аристон прогуливался в момент встречи с Ктесием и которого держал потом кто-то из прибывшей «группы поддержки» во главе с Кононом. Э. Меншинг предположил, что эти свидетели – на самом деле прохожие (*παράτυχόντες*), подобравшие избитого Аристона, а не очевидцы драки. К тому же все случилось вечером (*ἑσπέρας*) – по меньшей мере, в сумерках или темноте – и резонно возникает вопрос, могли ли очевидцы вообще разглядеть, кто был инициатором потасовки. Едва ли Конон сотоварищи, напавшие по версии истца первыми, позволили бы неким зевакам спокойно стоять рядом и наблюдать, как они, развязав драку, мутузят Аристона¹⁵. Скорее всего, свидетели истца оказались на месте либо уже в разгар драки, либо к ее концу, либо уже после, унеся с поля боя Аристона, т.е. в любом случае они едва ли точно знали, кто именно нанес первый удар – а это ключевой момент обвинения против Конона. Показания же Фанострата, присутствовавшего с самого начала инцидента, могли скомпрометировать представленную дикастам версию Аристона, поэтому истец и не позвал того в свидетели.

Аристон утверждает, что после избиения он «был в таком тяжелом состоянии, что не мог ни встать, ни подать голос. Лежа на земле, я слышал, как они долго и скверно ругались <...> [Конон же] там еще и пел, подражая петухам, одержавшим победу, а остальные подбивали его на то, чтобы он хлопал себя локтями по бокам, как крыльями» (LIV. 8–9). Конон – человек по афинским меркам уже пожилой (ему за 50), и живая сценка, как он изображал петуха и кукарекал, несомненно, должна была насмешить судей. М. Даргэн, однако, высказала предположение, что это не просто бахвальство, а некий «клубный ритуал», ибо петушинные бои были весьма популярны среди клубных завсегдатаев¹⁶.

Обвинитель, который говорил первым, не имел возможности ответить на слова обвиняемого и показания его свидетелей; он мог даже не знать, кто именно им будет, поэтому истец старался в своем выступлении предугадать доводы и доказательства противника, пользуясь той информацией, которая у него имелась. Кроме того, о тактике друг друга и собранном материале на предварительном слушании или у третейского судьи узнавали со стороны: это могли быть и слухи, зачастую почерпнутые с агоры, и намеки, и чистые предположения, и догадки, и сведения, полученные каким-то образом из вражьего стана. Аристон предвидит, что Конон попытается выставить весь инцидент как юношескую шалость, проделку, и хо-

¹⁴ Mensching 1963, 311.

¹⁵ Mensching 1963, 308.

¹⁶ Dargan 1970, 94, note 2. Об игре в кости и петушинных боях в афинских клубах см. Calhoun 1913, 61.

чет показать несостоятельность подобных оправданий: *«Он попытается отвлечь ваше внимание от обвинения в насилии и от очевидных фактов и постарается обратить все дело в шутку и смешную проделку. Он скажет, что в городе есть много сыновей почтенных родителей, которые, развлекаясь, как то свойственно молодым людям, дают самим себе прозвища: одни – “итифаллы”, другие – “автолекифы”;* что некоторые из них пылают любовью к гетерам и в том числе один из его сыновей, который из-за гетер часто дрался и бывал бит, и что это также свойственно молодым людям. Что касается меня и моих братьев, то нас он собирается представить не только какими-то пьяницами и драчунами, но к тому же людьми жестокими и злопамятными» (LIV. 13–14). В данном пассаже упоминаются юношеские товарищества, или клубы, именуемые «итифаллами» и «автолекифами». «Итифаллы»¹⁷ примерно толкуется как «те, кто исполняет мало-пристойные обряды»¹⁸. «Автолекифам» Дж. Сандис посвятил в своих комментариях к речам Демосфена отдельный экскурс¹⁹. Значение этого слова трудно определить – уже античные грамматик и схолиасты предлагали разные толкования. Буквально – тот, кто несет свой лекиф (сосуд с маслом) сам, т.е. при нем нет раба, который обычно это делал. По мнению комментатора, юнцы таким образом избавлялись от малейшего ограничения, которое могло бы доставить сопровождение раба для их розыгрышей и необузданных эскапад, или принимали вид «более низкой степени респектабельности», чем полагалось им по происхождению, и пользовались этой маскировкой либо как причудой в шутливое удовольствие, либо как прикрытием для оскорбительных и нарушающих общественный порядок действий²⁰. Сандис ставит в один ряд эти гетерии с вышеупомянутым товариществом «трибаллов», завсегдатаем которого в юные годы был Конон, и сопоставляет их с печально известным своей жестокостью и дикими выходками джентельменским клубом XVIII в. «Могавки» (по названию индейского племени)²¹.

Аристон далее в своей речи, оговаривая, что если можно еще проявить какую-то снисходительность к юнцам, специально подчеркивает: Конон ее явно не заслуживает: *«Тот, кому уже больше пятидесяти лет, кто, находясь в компании более молодых людей и к тому же собственных сыновей, не только не отговорил их и не удержал, но сам был предводителем и вел себя гнуснее всех, – какое наказание можно считать достаточным для подобного человека за то, что было им совершено?! Думаю, что даже смерть была бы слишком мягким наказанием» (LIV. 21–22). Он прибегает здесь к тактике, часто используемой в афинском суде: при любой возможности дискредитировать противника (см. ниже).*

Иск, который подал Аристон, сначала, как полагалось для таких жалоб, попал к диэтегу (третейскому судье). Оратор описывает, как вел себя Конон и его присные во время разбирательства у арбитра (LIV. 26–29). Он обвиняет своих оп-

¹⁷ Словарь «Лиддел-Скотт» переводит *ὁ ἰθύφαλλος* как «fascinum erectum, the phallos carried in the festivals of Bacchus, Cratin. 14, etc.»

¹⁸ Шишова 1994, 517.

¹⁹ Sandys 1886b, 227–228.

²⁰ Сандис предлагает такие английские эквиваленты: gentleman beggars, amateur tramps, т.е. джентельмен нищих, любитель босняков.

²¹ Sandys 1886c, 230 (комментатор приводит также французские и немецкие параллели). Сравнение упоминаемых в речи «Против Конона» клубов афинских повес и буянов с аналогичными клубами XVIII в. стало общим местом. См, например: Calhoun 1913, 31–32; Forster 1943, 26; et al.

понентов в том, что те затягивали намеренно время, *«не соглашаясь ни прочесть свидетельские показания, представленные в их пользу, ни дать их копии, а наших свидетелей они поодиночке подводили к этому вот камню, заставляя приносить клятвы, и записывали то, что не имело никакого отношения к делу, например, что у такого-то был ребенок от гетеры»* (LIV. 26). Свидетели подтверждали свои показания перед третьей судей клятвой. Ритуал происходил рядом с камнем, на котором были разложены внутренности животных. Аристотель сообщает, что у камня на агоре приносили присягу и прошедшие докимасию, и диэтеты, когда объявляли свои решения (Ath. pol. 55. 5). По мнению Дж. Сандиса, камень, который упоминается в речи «Против Конона», необязательно «тот самый»: диэтеты выносили свои решения в разных местах (в Дельфиниуме, в Расписной Стои, в гелизе, в храме, в Гефестионе и т.п.), и «камнем» мог служить как алтарь, так и небольшая платформа или каменная ступень²².

При разбирательстве у диэтета в специальные урны (ἐχῖνοι) отдельно для истца и ответчика складывались все, относящиеся к делу показания свидетелей, документы, тексты законов, вызовы. Их запечатывали и, приложив решение диэтета, передавали в суд (Arist. Ath. pol. 53. 2). На суде можно было пользоваться только теми документами, которые были в этих урнах. Видимо, поэтому противная сторона, по словам Аристона, и стремилась выиграть время и помешать запечатыванию урн, пока не представят всех нужных документов.

Аристон рассказывает, что в последний момент разбирательства у третьей судьи противник неожиданно потребовал свидетельской пытки рабов: *«для того, чтобы выиграть время и помешать запечатыванию урн, они обратились ко мне с официальным предложением выдать для допроса о нанесенных побоях тех рабов, чьи имена они записали»* (LIV. 27). В Афинах свидетельские показания от раба принимались судом только, если были получены под пыткой. Согласие на пытку должны были дать владетель раба и обе стороны, участвующие в процессе; предложение о таком допросе имело форму вызова от одной из сторон (πρόκλησις). Неоднократно (42 раза) встречаются в судебных речах призывы «можешь пытать моих рабов» или «дай мне пытать твоих»; но вот любопытно – сорок раз они были отвергнуты. Два раза в дошедших до нас речах приглашение на пытку было принято, но не осуществлено, так как в последний момент принявшая вызов сторона выдвигала какие-то возражения и выражала несогласие (Isocr. XVII. 15–16; Dem. XXXVII. 42). Возникает вопрос, использовалась ли вообще данная негуманная и сомнительная процедура. Высказывалось предположение, что призыв пытать рабов использовался для того, чтобы быть отвергнутым: например, он навязывался противнику в максимально неудобном или даже оскорбительном виде, задавался вопрос малозначущий, жертвой выбирался какой-нибудь особо доверенный слуга и т.п., а затем этот просчитанный отказ использовался как аргумент в свою пользу в суде, ведь текст предложенного и отвергнутого вызова зачитывался в суде, т.е. свидетельством становилось отсутствие свидетельства²³.

Аристону не хочется давать своих рабов для свидетельской пытки, но он понимает, что его отказ будет использован противной стороной: *«И я полагаю,*

²² Sandys 1886d, 202.

²³ Я разбирала подробно сюжет о свидетельской пытке рабов в своей монографии, см. ссылки на источники и литературу: Кудрявцева 2008b, 219–224.

что теперь свою защиту они построят главным образом на этом» (LIV. 27). Он приводит свои доводы. Во-первых, ссылается на то, что это был лишь хитрый трюк со стороны противников – потянуть время: они сделали свое предложение ночью, когда третейский судья вот-вот должен был огласить решение (LIV. 27). Во-вторых, Конон мог бы раньше потребовать этих рабов, когда Аристон лежал якобы «при смерти», но уличал перед всеми посетителями своего обидчика: ведь в случае смерти жертвы его родственники могли бы обвинить Конона, и тогда, чтобы избежать наказания в суде Ареопага²⁴, ему нужны были свидетельские показания рабов Аристона. «Но прежде, до того, как была подана жалоба, когда я еще лежал больной, не зная, избегну ли я смерти, и сообщал всем, кто приходил меня навестить, что именно этот человек первым нанес мне удар <...> пусть бы тогда он сразу пришел ко мне домой с большим числом свидетелей, тогда бы передал своих рабов для допроса и призвал бы нескольких членов Ареопага: ведь если бы я умер, это дело разбиралось бы у них» (LIV. 28). Конон же этого не сделал (не принял мер предосторожности), т.е. его целью было не установление истины, а что-то другое – такова здесь логика оратора.

Серьезным аргументом в устах Аристона звучит обвинение Конона в подкладывании свидетельства и в предвзятости выбранных последним свидетелей, показание которых истец сам зачитывает: «Он подкладывает в урну ложное свидетельство и в качестве свидетелей приписывает людей, которых, я полагаю, вы сразу же узнаете, если услышите их имена: «Диотим, сын Диотима, из дема Икарция, Архебиад, сын Демотела, из дема Галлы, Хайрет, сын Хайремена, из дема Пифос, свидетельствуют, что они возвращались с ужина вместе с Кононом и встретили на агоре Аристона и сына Конона, которые дрались, а также свидетельствуют, что Конон не дотронулся до Аристона» (LIV. 31). Оратор подчеркивает: его собственные свидетели не были с ним знакомы и оказались на месте драки случайно (LIV. 32), свидетели же Конона – его «собутельники и сообщники по многим такого рода подвигам (*συμπόται δ' ὄντες τοῦτου καὶ πολλῶν τοιοῦτων ἔργων κοινῶν*)», готовые лжесвидетельствовать (LIV. 33). Очевидно, что эти свидетели – завсегдатаи одного и того же клуба, они возвращались с ужина вместе с Кононом (LIV. 31), и заявление нашего оратора об их возможной предвзятости не лишено основания²⁵. Аристон пытается бросить тень и на их репутацию как граждан демократических Афин, намекнув на политическую неблагонадежность: «они напускают на себя мрачный вид и, как они говорят, подражают лаконцам (*καὶ λακωνίζειν φασί*): носят короткие плащи и простые сандалии» (LIV. 34).

Судя по речам ораторов, лжесвидетельство – явление чрезвычайно распространенное²⁶. Демосфен в качестве мотивов, побуждающих лжесвидетельствовать, отмечает следующие: «побуждаемые или по нужде ради выгоды, или по дружбе, или и по вражде к своим судебным противникам» (XXIX. 22; перевод М.Н. Ботвинника, А.И. Зайцева). Пример словесной эквилибристики, с помощью

²⁴ В случае если бы Аристон умер, дело бы разбиралось в Ареопаге как обвинение в убийстве (*φόνος ἐκ προνοίας*).

²⁵ Члены одной и той же гетерии (или клуба, как называет подобные товарищества Калхун) нередко оказывали друг другу подобные услуги: см. подробнее Calhoun 1913, 78 (в пример приведены как раз свидетельские показания одноклубников Конона).

²⁶ См.: Кудрявцева 2008b, 213–215.

которой можно извратить суть произошедшего, находим и в разбираемой речи Демосфена: *«Какие-то люди утверждают, что видели, как ты его бил? А мы засвидетельствуем, что ты до него не дотронулся. С него сдернули плащ? А мы покажем, что они это сделали первыми. У него зашита губа? А мы скажем, что у тебя была разбита голова или еще что-нибудь»* (LIV. 35).

Аристон предупреждает дикастов, что Конон попытается воздействовать на их эмоции: *«Говорят, что он приведет с собой своих детей и, поставив их рядом, будет клясться ими и произнесет какие-то ужасные и тяжкие проклятья»* (LIV. 38). Тяжущиеся действительно пытались во что бы то ни стало пробудить в судьях жалость и сочувствие и нередко приводили в суд престарелых родителей или малолетних детей. Особенно усердствовали обвиняемые: они могли выставить себя жертвами судебного преследования и уже в силу этого обстоятельства заслуживающими жалости; кроме того, они рисковали гораздо большим в случае проигрыша, чем обвинители²⁷. Судя по тому, как Аристон описывает грядущее появление детей Конона, тот собирался не просто их стенаниями разжалобить судей, а произвести большой эффект: призвать на головы детей некие страшные проклятия, если их отец говорит ложь.

Нападки на оппонента, его очернение (διαβολή) входило в обязательный набор приемов судебного красноречия. Значительную часть своей речи Аристон посвящает тому, чтобы всячески опорочить Конона, в ее концовке он вновь оценивает моральный облик своего противника. Он вспоминает, как тот в молодые годы водил дружбу с подозрительными личностями: *«некий Бакхий, которого вы приговорили к смерти, и Аристократ, и другие, им подобные, были друзьями юности вот этого Конона; они носили прозвище “Трибаллы”»* (LIV. 39). Оратор приводит колоритную деталь времяпровождения этих «трибаллов»: они *«имели обыкновение пожирать подношения Гекате, а также, собираясь по любому поводу на совместные обеды, они угощались свиными тестикулами, которыми обычно пользуются для очистительных обрядов»* (LIV. 39). Богиня, с которой связывали колдовство и ворожбу, к которой обращались в различных магических практиках, например, составляя таблички с проклятием или заклитием, здесь упомянута неслучайно, как и блюдо из свиных тестикул. Действительно в источниках встречается упоминание о «пире Гекаты»: каждый месяц в новолуние для Гекаты выставлялась трапеза на перекрестке трех дорог²⁸. Судя по Аристофану (Plut. 594–599), бедняки иногда забирали себе эту еду, но, очевидно, она не предназначалась для симпозионов «золотой молодежи». Описанные пиршественные угощения «трибаллов» содержат намек на нечестие²⁹, на презрение к полисной религии, профанацию традиционных культов: это уже не просто шалость несдержанных и нетрезвых молодых людей, а вызов моральным и религиозным устоям полиса.

Дискредитация противника нужна Аристону, чтобы донести до дикастов мысль: для таких людей ничего не стоит принести клятву и стать клятвопреступником. Человек, чтящий традиции и устои, *«не стал бы клясться своими детьми*

²⁷ Подробнее об упрощении судей: Кудрявцева 2008a, 12–16.

²⁸ Sandys 1886d, 214.

²⁹ По словам Калхуна, «трибаллы» устраивали святотатственные пиры (sacrilegious feasts), на которых пожирали «пир Гекаты» (the “feast of Hecate”) и тестикулы свиней, убитых для жертвоприношения при открытии экклесии: Calhoun 1913, 36.

<...> а принес бы клятву согласно обычаю, призвав проклятья на свою голову, на свой род и на свой дом; такой человек безусловно заслуживает большего доверия, чем тот, кто клянется своими детьми» (LIV. 40). То ли дело клятва самого Аристона, которую он торжественно приносит: «Клянусь всеми богами и богинями вам, граждане судьи, и тем, кто здесь стоит кругом, что Конон действительно причинил мне то зло, из-за которого я веду с ним тяжбу: я был избит им, моя губа была так рассечена, что ее пришлось зашить, и я преследую его по суду за нанесенные мне оскорбления <...> Но если я даю ложную клятву, пусть пропаду пропадом и я сам, и все, что у меня есть и что будет» (LIV. 41).

В конце речи Аристон еще раз предупреждает судей, что Конон будет взывать к их милосердию, умолять и плакать (κλαίσει) (LIV. 43), и просит их: «Вы все же посмотрите, кто из нас больше заслуживает жалости: тот, кто претерпел такое оскорбление, какое нанес мне этот человек, да если я к тому же, проиграв мой процесс, уйду отсюда еще более оскорбленный, или же Конон, если он будет наказан?» (LIV. 43). Подобный топос нередко использовали обвинители: они не подвергали сомнению право судей на сочувствие и сострадание, а указывали на то, что именно в данном случае из-за особой злокозненности обвиняемого, или тяжести содеянного, или неимоверных страданий жертвы для жалости нет оснований. Аристон предостерегает дикастов: «Если же вы оправдаете его, то таких, как он, будет много, если же накажете, то их будет гораздо меньше» (LIV. 43). Завершает свою речь Аристон еще одним топосом, часто встречающимся в судебных речах: «Я мог бы, граждане судьи, сказать еще многое и о том, какую пользу мы сами и мой отец, пока он был жив, принесли государству и в качестве триерархов, и в армии, выполняя все те обязанности, которые были возложены на нас; я мог бы доказать, что ни сам Конон и никто из его сыновей не имеет таких заслуг» (LIV. 44). Тяжущиеся старались завоевать симпатии судей, вербализируя принятые в обществе представления о «правильном поведении», похвальном с точки зрения полисных ценностей: важно было показать, что они-то этому «моральному кодексу», в отличие он противника, полностью соответствуют.

Речь Демосфена «Против Конона» – не просто один из лучших образцов древнегреческого ораторского искусства. Особое очарование придают ей восхитительные зарисовки – сценки афинской жизни: гарнизонная жизнь, досуг городских обывателей, уличное насилие, врачевание ран и травм, обычай клятвы, молодежные клубы и их развлечения, порой предосудительные и бросающие вызов традиционным полисным ценностям. На конкретном и ярком примере мы видим, как происходило судопроизводство в Афинах – собственно все его основные составляющие представлены в речи LIV: процесс и поведение тяжущихся, их аргументация; свидетели и лжесвидетели; третейский суд; свидетельская пытка рабов; упоминания о многочисленных реалиях (клепсидра, судебный секретарь, урна-ἐχίνοϛ, камень, на котором произносились клятвы и т.п.). Исходя из поведения участников тяжбы, используемых ими топосов, мы можем понять, чем будут руководствоваться дикасты, вынося свой приговор. Сможет ли Аристон добиться решения в свою пользу? В его защите есть уязвимые места, прежде всего – отсутствие ключевого свидетеля. Однако, выступая с речью, которую написал для него Демосфен, увлекательно выстроивший фабулу, виртуозно использовавший все возможные ухищрения тяжущегося, мастерски бросивший тень на противни-

ка, позабавивший дикастов и в то же время затронувший в их душах правильные струны, с большой вероятностью Аристон выиграл это дело.

ЛИТЕРАТУРА

- Шишова, И.А. 1994: LIV. Против Конона за нанесение побоев. В кн.: И.А. Шишова (пер.), *Демосфен. Речи*. Т. 2. М., 514–518.
- Кудрявцева, Т.В. 2008а: Тяжущиеся на беме: Речи и поведение сторон в афинском народном суде. *ВДИ* 1, 3–18.
- Кудрявцева, Т.В. 2008: *Народный суд в демократических Афинах*. СПб.
- Кудрявцева, Т.В. 2013: Писцы и секретари в афинском судопроизводстве. *Вестник РГГУ* 17, 205–222.
- Хаммонд, Н. 2008: *История Древней Греции*. М.
- Bers, V. 2003: 54. Against Conon. In: V. Bers (tr.), *Demosthenes. Speeches 50–59*. Austin, 66–80.
- Blass, F. 1893: *Die attische Beredsamkeit*. Bd. III.1. *Abschnitt: Demosthenes*. Leipzig.
- Bonner, R.J. 1905: *Evidence in Athenian Court*. Chicago.
- Dargan, M.F. 1970: *The Interplay of Ethos and Legal Issues in Certain Private Orations of Demosthenes. Diss. for the degree D.Ph.* Ohio.
- Forster, E.S. 1943: Guilty Or Not Guilty? Four Athenian Trials. *Greece & Rome* 12, 21–27.
- Calhoun, G.M. 1913: *Athenian Clubs in Politics and Litigation*. Austin.
- Herman, G. 2006: *Morality and Behaviour in Democratic Athens, A Social History*. Cambridge.
- Mensching, E. 1963: Zu Demosthenes' 54. *RhM* CVI, 307–312.
- Sandys, J.E. 1886a: Introduction to Or. LXIV. In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.), *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge.
- Sandys, J.E. 1886b: Excursus (C). On the meaning of αὐτολήκυθος (Or. 54 § 14). In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.), *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge, 227–228.
- Sandys, J.E. 1886c: Excursus (D). On the Τριβαλλοὶ of Or. 54 § 39. In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.), *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge, 229–230.
- Sandys, J.E. 1886d: LIV. Κατὰ Κόνονον Αἰκείας. In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.), *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge, 174–221.
- Schäfer, A.D. 1858: *Demosthenes und seine Zeit*. Bd. III. Leipzig.
- Zink, C. 1883: *Adnotationes ad Demosthenis Orationem in Cononem*. Erlangen.

REFERENCES

- Bers, V. 2003: 54. Against Conon. In: V. Bers (tr.), *Demosthenes. Speeches 50–59*. Austin, 66–80.
- Blass, F. 1893: *Die attische Beredsamkeit*. Bd. III.1. *Abschnitt: Demosthenes*. Leipzig.
- Bonner, R.J. 1905: *Evidence in Athenian Court*. Chicago.
- Calhoun, G.M. 1913: *Athenian Clubs in Politics and Litigation*. Austin.
- Dargan, M.F. 1970: *The Interplay of Ethos and Legal Issues in Certain Private Orations of Demosthenes. Diss. for the degree D.Ph.* Ohio.
- Forster, E.S. 1943: Guilty Or Not Guilty? Four Athenian Trials. *Greece & Rome* 12, 21–27.
- Hammond, N. 2008: *Istoria Drevniy Gretsii [A History of Greece]*. Moscow.
- Herman, G. 2006: *Morality and Behaviour in Democratic Athens, A Social History*. Cambridge.
- Kudryavtseva, T.V. 2008a: Tyazhushchiesya na beme: Rechi i povedenie storon v afinskom narodnom sude [The litigants on the beme: the speeches and behavior of the parts in the Athenian court]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 3–18.
- Kudryavtseva, T.V. 2008b: *Narodnyy sud v demokraticeskikh Afinaх [The Popular Court in Democratic Athens]*. Saint Petersburg.

- Kudryavtseva, T.V. 2013: Pisty i sekretari v afinskom sudoproizvodstve [Scribes and secretaries in the Athenian courts]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]* 17, 205–222.
- Mensing, E. 1963: Zu Demosthenes' 54. *RhM* CVI, 307–312.
- Sandys, J.E. 1886a: Introduction to Or. LXIV. In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.), *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge.
- Sandys, J.E. 1886b: Excursus (C). On the meaning of ἀντολήκυθος (Or. 54 § 14). In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.), *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge, 227–228.
- Sandys, J.E. 1886c: Excursus (D). On the Τριβάλλοι of Or. 54 § 39. In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.), *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge, 229–230.
- Sandys, J.E. 1886d: LIV. Κατὰ Κόνωνα Αἰκείας. In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.) *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge, 174–221.
- Schäfer, A.D. 1858: *Demosthenes und seine Zeit*. Bd. III. Leipzig.
- Shishova, I.A. LIV. Protiv Konona za nanesenie poboev [LIV. Against Conon for Assault]. In: *Demosten. Rechi II*. T. 2. [In: *Demosthenes, Speeches*.]. Vol.2. Moscow, 514–518.
- Zink, C. 1883: *Adnotationes ad Demosthenis Orationem in Cononem*. Erlangen.

CERTAIN CONSIDERATIONS REGARDING THE LAWSUIT AGAINST CONON FOR ASSAULT (DEMOSTHENES, LIV)

Tatyana V. Kudryavtseva

State Pedagogical University; Saint Petersburg, Russia
tatyana.v.kudryavtseva@yandex.ru

The paper examines one of the finest speeches from the Demosthenic corpus – the speech Against Conon for assault. This work by the Athenian orator allows us to reconstruct the court proceedings regarding a private claim. The dating of the claim against Conon has instigated a discussion in historiography, and the main viewpoints are presented in the paper. The version of the conflict presented by Ariston the complainant is examined, and its vulnerable point, namely, the lack of the pot entail main eyewitness's testimony, is determined. The speech in question is of interest also from the point of view of the description of the challenge to the slave's evidence under torture in Athens, which has been predictable rejected by Ariston. Using this specific and vivid example, we can observe how judicial scrutiny proceeded in Athens, with all of its main components presented in the speech: the behavior of the litigants, their arguments; witnesses and false witnesses; arbitration court; slave's evidence under torture; mentions of numerous historic realities (*clepsydra*, court secretary, an *echinos* urn, a stone where oaths were taken, etc.). Judging by the behavior of the court proceedings' participants and the *topoi* that they use, we can understand what the *dikastes* based their judgment on in adjudication. The content of speech LIV is not limited to the summary of Ariston's claim and the details of adjudication. Lovely sketches of Athenian life add a special charm – garrison life, city dwellers' amusements, street violence, treatment of wounds and traumas, oath-taking customs, youth clubs and their pastimes, which were reprehensible, and sometimes threatened social order and founding principles of the polis. The outcome of the court proceedings is unknown. However, judging by how fascinating the storyline created by Demosthenes is, how artfully he had utilized all the possible gimmicks used by the quarreler, how masterfully he had compromised the opponent, amused the *dikastes* and touched all the right strings in their souls – it is very likely that Ariston had won the case.

Keywords: classical Athens, Demosthenes, Athenian courts, “Against Conon” oration, litigants

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 84–92
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 84–92
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-84–92

СЦИПИОН, КАТОН, ПТОЛЕМЕЙ: РИМСКИЕ МУЖИ, «MOS MAIORUM» И БРОДЯЧИЕ СЮЖЕТЫ

В.А. Квашнин

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия
kvashninv195@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию сюжета сочинения Афинея «Пир мудрецов» (VI. 105). Анализ контекста событий, о которых сообщает Афинея, позволяет предположить, что древний автор пишет о Сципионе Эмилиане, в 141 г. до н.э. участвовавшем в римском посольстве в Александрию, в которой в то время правил Птолемей VII, младший сын Птолемея V Эпифана и Клеопатры I. При этом остается открытым вопрос об источниках Афинея: скорее всего, он использовал сочинение Посидония, хотя при этом нельзя исключать влияния Полибия и Плутарха. Его рассказ необходимо разделить на две части, связанные самостоятельными сюжетами: в первой описывается посольство Сципиона Эмилиана в Египет; во второй содержится история о рабах, призванная подчеркнуть староримскую простоту и добродетельность. Скорее всего, сочинение Посидония содержало лишь первую часть, связанную с поездкой Сципиона Эмилиана в Египет, тогда как вторая часть предстает своего рода бродячим сюжетом, имеющим в своей основе конкретный эпизод их жизни Катона Старшего. Когда произошло их слияние сказать со всей определенностью трудно, можно лишь предположить, что это было связано с наличием единого историко-географического пространства, с которым были связаны ключевые эпизоды биографий обоих героев (испанская кампания 195 г. до н.э. и Нумантинская война 134 г. до н.э.).

Ключевые слова: древний Рим, Сципион Африканский, Катон Старший, Птолемей VII, античная историография, бродячий сюжет

Сочинение Афинея «Пира мудрецов» (Δειπνοσοφισταί) редко привлекает внимание отечественных исследователей¹. Между тем оно содержит ценные сведения

Данные об авторе: Квашнин Владимир Александрович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и социально-экономических дисциплин Вологодского государственного университета.

В основу статьи положен доклад, прочитанный на научной конференции, посвященной 80-летию «Вестника древней истории» «Историк и текст» (ИВИ РАН, 18–19 декабря 2017 г.). Пользуясь возможностью, выражаю признательность всем коллегам, принявшим участие в его обсуждении.

¹ Данное явление характерно не только для русскоязычной историографии. Как было подсчитано, в период с 1700 по 1878 гг. было опубликовано всего 52 работы, посвященные Афинею, в основном на немецком и латыни. С 1896 по 1914 гг. появляется еще около 30, с 1914 по 1924 гг. – 19. Таким образом, за более чем два столетия в свет вышло чуть более ста работ об Афинею, в среднем примерно две работы в год (Baldwin 1976, 21, note 1).

ния, порой позволяющие по-новому взглянуть на, казалось бы, давно изученные сюжеты. Так, в 6-й книге своего труда Афиней в раздел, посвященный римской умеренности, помещает весьма любопытное сообщение. Он пишет: «Сципион, по прозванию Африканский, к примеру, когда сенат послал его по свету наводить порядок в государствах и вверять их достойным правителям, взял с собой только пятерых слуг, как утверждают Полибий и Посидоний, а когда один из этих рабов умер в дороге, то Сципион велел своим домашним купить и прислать ему еще одного»². В этом сообщении древнего автора многое вызывает вопросы: необычное поручение, которое было дано римскому мужу сенатом, время, когда произошло данное событие, и как следствие – неясность относительно того, о каком именно Сципионе идет речь³. Из источников нам известно, по крайней мере, о двух Сципионах Африканских, имевших одинаковый *praenomen*, *nomen* и *cognomen*⁴, не говоря уже о том, что в античной традиции присутствует не менее двадцати Посидониев, чье существование не вызывает сомнений⁵. Сам Афиней ссылается на Полибия и Посидония, однако ни в дошедших до нас книгах «Всеобщей истории», ни в сохранившихся фрагментах греческого философа данный эпизод не присутствует.

В поисках альтернативного источника обратимся к Плутарху, который в сочинении «Изречения царей и полководцев» (*Βασιλέων ἀποφθέγματα καὶ στρατηγῶν*) в разделе, посвященном Сципиону Эмилиану, передает похожий сюжет. Плутарх сообщает: «Сенат в третий раз отправил его объехать народы, города и царства, чтобы посмотреть, как выразился Клитомач, “кто из людей беззаконствует, кто наблюдает в них правду”»⁶. Это позволяет нам приблизиться к восстановлению контекста события, о котором сообщает Афиней. В данном случае мы можем пред-

² Athen. VI. 105 (=273b): σάφρονες δ' ἦσαν καὶ πάντα ἄριστοι οἱ ἄρχαῖοι Ῥωμαῖοι. Σκιπίων γοῦν ὁ Ἀφρικανὸς ἐπὶ κλην ἐκτεμνόμενος ὑπὸ τῆς συγκλήτου ἐπὶ τὸ καταστήσασθαι τὰς κατὰ τὴν οἰκουμένην βασιλείας, ἵνα τοῖς προσήκουσιν ἐγχειρισθῶσιν, πέντε μόνους <συν>επῆγετο οἰκέτας, ὡς ἱστορεῖ Πολύβιος καὶ Ποσειδώνιος, καὶ ἐνὸς ἀποθανόντος κατὰ τὴν ὁδοπορίαν ἐπέστειλε τοῖς οἰκείοις ἄλλον ἀντ' ἐκείνου πριαμένους πέμψαι αὐτῷ. Здесь и далее пер. Н. Т. Голенкевича.

³ Прозвище «Africanus» является нетипичным как для Корнелиев Сципионов, так и римских магистратов вообще. Как принято считать, *cognomina* обычно отражали физические или ментальные характеристики индивида. В связи с этим не более 13% из известных нам когноменов имели географическую основу. Как правило, они маркировали политическую карьеру лица, отражая, в частности, его военные победы (*cognomina ex victa gente*), что приводило к появлению таких прозвищ, как «Africanus», «Macedonicus», «Creticus» (Rosillo-López 2017, 96 + note 38). По мнению И. Линдерски прозвища, связанные с военными победами, возникали неформально и лишь некоторые из них получали официальное признание, когда полководец получал триумф, а его имя попадало в *Fasti Triumphales Capitolini* (Linderski 1990, 159–164).

⁴ Следует отметить, что палеографически их имена были практически неразличимы, что юридически должно было вводить в заблуждение как самих древних авторов, так и переписчиков их сочинений. Это особенно заметно на примере *Fasti Capitolini*: в первом случае - Publius Cornelius P. f. L. n. Scipio African / Публий Корнелий, сын Публия, внук Луция, Сципион Африкан[ский], консул 205 г. до н.э.; во втором - Publius Cornelius P. f. P. n. Scipio African. Aimil. / Публий Корнелий, сын Публия, внук Публия, Сципион Африкан[ский] Эмил[иан]. См.: *Fasti Capitolini* 1954, 62, 72. В этой связи отметим, что в большинстве греческих текстов, приведенных ниже, фигурирует просто Σκιπίων.

⁵ Столяров 2011, 3, прим. 5. Развивая мысль Б. Болдуина, отметим, что если у исследователей по-прежнему вызывает вопрос, какой именно Ульпиан упоминается в качестве действующего лица труда Афиней, то в еще большей степени это относится к Сципиону Африканскому (Baldwin 1976, 33–34).

⁶ Plut. Reg. et imp. apoph. Scip. Min. 13: 'Ε

положить, что речь идет о Сципионе Эмилиане, который в период между 141 и 139 гг. до н.э.⁷ возглавлял римское посольство в Александрию (Diod. XXXIII. 1)⁸. В Египте в это время правил Птолемей VII, младший сын Птолемея V Эпифана и Клеопатры I, дочери Антиоха III⁹. С 169 по 164 гг. страной управлял своеобразный триумвират, в который входил Птолемей VI Филометор, его младший брат Птолемей VII Фискон (известный также как Птолемей VIII Эвергет II) и их сестра Клеопатра II¹⁰. В 164–163 гг. держава Птолемеев была разделена между братьями: старший получил в управление Египет и Кипр, а младший – Киренаику. После вступления на престол Птолемей, до этого официально именовавшийся как «Брат» или «Младший Брат», принял имя Эвергет («Благодетель»), призванное связать его с прославленным предком Птолемеем III Эвергетом¹¹. Споры между братьями, которые никак не могли поделить между собой царство, вызвали неоднократное вмешательство римского сената, по крайней мере, дважды, в 168 и между 141–139 гг. посылавшего в Египет своих представителей в качестве посредников и арбитров. В описании Афиней вполне могла предстать деятельность одной из таких сенатских комиссий. Диодор Сицилийский подтверждает информацию Афиней, сообщая о том, что Сципион прибыл в Александрию вместе с другими послами, хотя имен их не называет (XXXIII. 1). Юстин называет участников этого посольства, оказавшихся вне поля зрения греческих авторов: помимо Сципиона Эмилиана в нем приняли участие Спурий Муммий и Луций Метелл (XXXVIII. 8. 8)¹².

⁷ Далее – все даты до н.э.

⁸ Hölbl 2001, 196. Н.Н. Трухина относит его ко второй половине 136 или началу 135 гг. При этом она ссылается на сведения Цицерона, которым дает весьма вольную трактовку, а также 52-ю и 55-ю «Периохи» Ливия. В последнем случае мы имеем дело с явным недоразумением, поскольку в 55-й книге, описывающей события 138–137 гг., действительно присутствует персонаж с прозвищем Трифон, но речь там идет о правившем в Сирии с 142 по 138 гг. Диодоте Трифоне (Διόδωτος δ Τρίφων). Более того, Сципион Эмилиан вообще не упоминается в 53–55 периодах. Как полагает исследовательница, содержащееся в источниках указание на более раннюю датировку «вполне может быть ошибочным» (Трухина 1986, 170, прим. 69). В то же время, как отмечал еще Ф. Мюнцер, хотя точной датировки в источниках нет, то, что в Пергаме римских послов принял царь Аттал II, умерший в 138 г., делает эту дату самой поздней из возможных (Münzer 1900, 1452).

⁹ Птолемей VII зачастую фигурирует в литературе под именем Птолемея VIII: некоторая путаница возникает из-за того, что у его старшего брата, Птолемея VI, был сын Птолемей VII Неос Филопатор (Πτολεμαῖος Νεός Φιλοπάτωρ), правивший несколько месяцев как соправитель своего отца, а после его смерти номинально ставший единственным правителем при регентстве матери. После того как она заключила брачный союз с его дядей, известным нам под именем Птолемея VII, Птолемей VII Неос Филопатор был убит в день их свадьбы. Чтобы избежать смешения двух Птолемеев, Птолемей VII обозначается в литературе также, как Птолемей VIII Эвергет II.

¹⁰ Hölbl 2001, 181.

¹¹ Как сообщают источники, жители Александрии за глаза называли Птолемея VII Какергетом («Злодеем»), что выглядит как издевательский парафраз его тронного имени Эвергет (FGrHist.270 F9). Из-за чрезмерной тучности он также получил прозвище Фискон («Толстяк»), хотя сам Птолемей предпочитал именовать себя Трифоном (Str. XVII. I. 11).

¹² Состав римского посольства не выглядит случайным: Спурий Муммий был участником знаменитого «кружка Сципиона», а под Луцием Метеллом, скорее всего, скрывается Луций Цецилий Метелл Кальв, консул 142 г. Хотя Метелла относят к политическим противникам Сципиона, источники не упоминают о каких-либо противоречиях между римскими легатами (Трухина 1986, 139). Возможно, что в данном случае на Луция проецируются враждебные отношения между его братом Квинтом Цецилием Метеллом и Сципионом Эмилианом, отмеченные в традиции (Val. Max. IV. 1. 12).

Таким образом, мы приближаемся к пониманию первой части сообщения Афиней о том, что римский сенат послал Сципиона «наводить порядок в государствах и вверять их достойным правителям». В том же духе высказывается Плутарх, сообщавший, что сенат отправил Сципиона инспектировать «народы, города и царства» (πόλεων ἐθνῶν βασιλέων). Как сообщает Диодор Сицилийский, помимо Египта, римское посольство во главе со Сципионом объехало «большую часть обитаемого мира» (XXXIII. 3). Хотя описание Диодора явно содержит элемент риторического преувеличения, под οἰκουμένης текста следует понимать в первую очередь Средиземноморье: римские послы посетили Египет, Кипр, Сирию, Грецию и Малую Азию (в частности Пергам), так что география их дипломатической миссии была достаточно обширной¹³.

Обращает на себя внимание, что Плутарх в качестве спутника Сципиона называет Клитомаха (Κλειτόμαχος). По всей видимости, речь идет о философе пунийского происхождения, жившего на рубеже II–I вв. до н.э., ученике Карнеада и его преемнике в управлении новой Академией, который до переезда в Афины носил имя Гасдрубала. Однако, скорее всего, в данном случае мы сталкиваемся с авторской небрежностью или просто ошибкой, поскольку в другом сочинении Плутарха¹⁴, описывающем ту же ситуацию, стих Гомера¹⁵ цитирует философ Панетий, о чем сообщает в своем сочинении Посидоний¹⁶. Цицерон, который оставил краткое сообщение о посольстве Сципиона, также называет имя Панетия в качестве единственного, по его версии, спутника Эмилиана¹⁷. Вопрос о том, кто сопровождал Сципиона во время посольства, далеко не вторичен, поскольку он прямо связан с проблемой достоверности наших источников. Как известно, Посидоний был учеником Панетия, причем оба философа были связаны, с одной стороны, с Родосом, а с другой – с Римом, в связи с чем в позднейшей традиции они могли смешаться. Фигура Панетия в этой связи выглядит более предпочтительной. Хотя существующая хронология их жизни достаточно условна, наиболее достоверная датировка рождения Посидония – 135 г. до н.э.¹⁸ В этом случае он ро-

¹³ Трухина 1986, 140.

¹⁴ Насколько нам известно, сочинение Плутарха «Περὶ τοῦ ὅτι μάλιστα τοῖς ἡγεμόσιν δεῖ τοὺς φιλοσόφους διαλέγεσθαι» («О том, что философы должны прежде всего общаться с правителями» или, как вариант, «О беседах философа с властителями») за исключением нескольких фрагментов не переведено на русский язык.

¹⁵ Hom. Odys. XVII. 487.

¹⁶ Plut. Mor. 777A: Κάτων δ' αὐτὸς ἔπλευσεν ἀπὸ στρατιᾶς ἐπ' Ἀθηνόδωρον καὶ Σκίπῳ μετεπέμψατο Παναίτιον, ὃς αὐτὸν ἢ σύγκλητος ἐξέπεμψεν ἀνθρώπων ὕβριν τε καὶ εὐνομίην ἐφορώμενον ὡς φησι Ποσειδώνιος («Катон отплыл из расположения своего войска, чтобы повстречаться с Афинодором; так и Сципион послал за Панетием, когда его самого отправил сенат с тем, чтобы узнать “кто из людей беззаконствует, кто наблюдает в них правду”, как об этом рассказывает Посидоний»).

¹⁷ Cic. Acad. II. 5: Ego autem cum Graecas litteras M. Catonem in senectute didicisse acceperim, P. autem Africani historiae loquantur in legione illa nobili, quam ante censuram obiit, Panaetium unum omnino comitem fuisse, nec litterarum Graecarum nec philosophiae iam ullum auctorem requiro («Я же, узнав, что Марк Катон в старости выучил греческий язык, а, как говорят, Публий Сципион Африканский во время своего знаменитого посольства (которое ему пришлось исполнять еще до того, как стал цензором) взял себе в спутники одного только Панетия, не ищу для себя иных авторитетов, которые побудили бы меня заняться греческой словесностью и философией»). Здесь и далее пер. Н.А. Федорова.

¹⁸ Как отмечает А.А. Столяров, сколь-нибудь точно даты рождения и смерти Посидония установить невозможно, в связи с чем датировка 135–51 гг. до н.э. основана на ряде допущений и является достаточно условной (Столяров 2011, 39, прим. 6).

дился спустя примерно пять-шесть лет *после* того, как Сципион посетил Александрию и те же пять или шесть лет отделяют его от смерти Эмилиана, в связи с чем он просто физически не мог сопровождать прославленного полководца во время поездки в Египет. С другой стороны, пребывание Панетия в Риме прямо связывается в традиции с личностью Сципиона Эмилиана¹⁹. Судя по информации, которую передает Афинея, Панетий посещал Александрию, оставив описание Птолемея VII, подтверждающее, в частности, его патологическую полноту (Athen. XII. 73 (=549c))²⁰. С другой стороны, Полибий также посещал Александрию во время правления Птолемея VII, оставив описание египетского общества, о чем свидетельствует Страбон (XVII. 12). Обращает на себя внимание, что описание Полибием Александрии в передаче Страбона завершается цитатой из «Одиссеи» Гомера (IV. 483). Хотя использование цитат из Гомера к месту и не к месту было интеллектуальной модой античных авторов разных эпох, возможно, перед нами не просто литературный штамп, учитывая ссылку Афиней на Полибия. В этой связи примечательно упоминание о некоей поездке Сципиона Эмилиана в Массилию, в которой его, возможно, сопровождал Полибий, которого позже сменит Посидоний во время посещения Александрии (XXXIV. 10. 7, 16. 2)²¹.

Таким образом, в качестве предварительного вывода следует признать, что с высокой долей вероятности Афинея использовал сведения как Посидония, так и Полибия, о чем он и сообщает в разбираемом отрывке. При этом, однако, есть веские основания утверждать, что неназванным источником Афиней были труды Плутарха, который в свою очередь использовал в своей работе сочинения Полибия и Посидония. Почему мы настаиваем на особом значении Плутарха как источника? Дело в том, что сообщение Плутарха о Сципионе Эмилиане имеет продолжение. Греческий автор пишет: «Этот философ Панетий ездил при нем как друг, и еще с ними было пятеро рабов; а когда один из них умер, то он не пожелал покупать нового на чужбине и выписал себе другого из Рима»²². Как можно видеть, это сообщение по смыслу совпадает со второй частью заметки Афиней: перед нами одна и та же ситуация, одно число слуг – пять, и акцент делается на том, что новый раб был куплен не на месте пребывания Сципиона, а в Риме. Вместе с тем при поверхностном чтении ускользает истинный смысл данного рассказа. Очевидно, что этот сюжет следует воспринимать в контексте литературно-риторического концепта, призванного воспеть древнеримскую умеренность и простоту, хотя здравый смысл подсказывает, что купить раба на месте в любом случае было бы дешевле, чем доставить его из Рима, принимая во внимание одни только транспортные расходы. Ситуация усложняется еще и тем, что в биографии Катона Старшего, принадлежащей тому же Плутарху, содержится аналогичный рассказ, в котором присутствуют, однако, совсем иные герои. Плутарх пишет: «однако не только собственные руки, но и руки близких к нему людей Катон сохранил чисты-

¹⁹ Трухина 1986, 121.

²⁰ Ср.: Just. XXXVIII. 8. 9. Ради справедливости следует отметить, что, несмотря на чрезмерную полноту, подчеркиваемую источниками, Птолемей VII умер своей смертью в возрасте около шестидесяти пяти лет, пережив всех своих предшественников, за исключением Птолемея I Сотера.

²¹ Трухина 1986, 121.

²² Plut. Reg. et imp. apoph. Scip. Min. 14: *Συναπεδήμει δὲ αὐτῷ φίλος μὲν σο(ρ)ος Παναίτιος, οἷκέται δὲ πέντε καὶ τοῦτου ἐνὸς ἀποθανόντος ἐπὶ τῆς ξένης, ἄλλον μὴ βουλευμένος πρίασθαι ἀπὸ τῆς Ῥώμης μετεπέμψατο*. Здесь и далее пер. М.Л. Гаспарова.

ми от грабежа. В походе с ним было пять рабов. Один из них, по имени Паккий, купил трех пленных мальчиков. Катон об этом узнал, и Паккий, боясь показаться ему на глаза, повесился, а Катон продал мальчиков и внес деньги в казну»²³. Информацию Плутарха подтверждает Апулей, который сообщает о том, что в одной из своих речей Катон упоминает о том, что, будучи консулом, он взял с собой из Рима в Испанию только трех рабов, а затем прикупил двух мальчишек, уехав в итоге с пятью рабами» (Apol. XVII. 9–10). Как можно видеть, Апулей воспроизводит общую канву рассказа, хотя и путается с количеством рабов (три и пять вместо пяти и восьми у Плутарха).

Самое ценное в сообщении Апулея – это то, что он рассказывает о существовании речи, которая должна рассматриваться в качестве первоисточника разбираемого сюжета. К сожалению, эта речь не сохранилась. В изданиях Г. Майера и Г. Иордана она присутствует в виде фрагмента, воспроизводящего текст Апулея, под названием «...cum in Hispaniam profisceretur»²⁴. Основанием для этого служит плохо сохранившееся сообщение Феста о существовании подобной речи у Катона²⁵. В издании Г. Петера ничего определенного об этой речи не говорится²⁶. Н.Н. Трухина, видимо, следуя второму изданию фрагментов Катона Э. Мальковати 1955 г.²⁷, полагает, что Апулей воспроизводит содержание речи «*Dicrum dictum de consulatu suo*», ориентировочно датируемую 191–190 гг.²⁸.

Таким образом, перед нами непростой выбор: чью фигуру считать более достоверной в контексте рассматриваемого сюжета – Катона Старшего или Сципиона Эмилиана, коль скоро Плутарх помещает их в однотипную ситуацию. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вновь разделить рассказ Афиней на две условные части, в первой из которых описывается посольство Сципиона Эмилиана в Египет, а во второй содержится история о рабах, призванная подчеркнуть староримскую простоту и добродетельность. При этом, если достоверность первой не вызывает особых сомнений (первичным источником здесь в равной степени могли быть сведения как Посидония, имевшего возможность получить информацию от непосредственного участника тех событий – Панетия, так и Полибия, входившего в окружение Сципиона), то во втором случае фигура Катона Старшего выглядит предпочтительнее, в пользу чего можно привести следующие аргументы. Во-первых, сообщение Плутарха в этой части подтверждается свидетельством Апулея, ссылающегося на существовавшую в его время речь Катона Старшего. Во-вторых, это наличие конкретных деталей в рассказе Плутарха, который называет имя одного из рабов – Паккий (Πάκκιος), точное время – испанская кампания 195 г., и, наконец, детали, позволяющие понять истинный смысл пере-

²³ Plut. Cat. Mai. X: οὐ μόνον δ' αὐτόν, ἀλλὰ καὶ τοὺς περὶ αὐτὸν ἐφύλαττε καθαρὸς παντὸς λήμματος. ἦσαν δὲ πέντε θεράποντες ἐπὶ στρατείᾳ σὺν αὐτῷ. τούτων εἷς ὄνομα Πάκκιος ἠγόρασε τρία τῶν αἰχμαλώτων παιδάρια· τοῦ δὲ Κάτωνος αἰσθομένου, πρὶν εἰς ὅψιν ἔλθεῖν ἀπῆγάτο. τοὺς δὲ παῖδας ὁ Κάτων ἀποδόμενος, εἰς τὸ δημόσιον ἀνήνευκε τὴν τιμὴν. Здесь и далее пер. С.П. Маркиша.

²⁴ Meyer 1842, 28–30; Jordan 1860, 38.

²⁵ Fest.P. 169M: [Nani]tas secundum incorr[uptam consuetudinem dic]tos quos nunc [nautas dicimus testis est] M. Cato in ea quam scr[ipsit cum in Hispaniam profisce]retur cum ait...

²⁶ Peter 1914.

²⁷ Malcovati 1955.

²⁸ Трухина 1986, 173. В контексте обсуждаемой проблемы забавным выглядит тот факт, что все издатели фрагментов речей Катона, указанные выше, носят одно и тоже имя, передаваемое латинизированной формой Henricus.

даваемого греческим историком эпизода катоновской биографии. Скорее всего, сочинение Посидония (как и недошедшие до нас части «Всемирной истории» Полибия) содержали лишь первую часть, связанную с поездкой Сципиона Эмилиана в Египет, тогда как вторая часть предстает своего рода бродячим сюжетом, имеющим в своей основе конкретный эпизод их жизни Катона Старшего.

На то, что это именно бродячий сюжет, указывает то обстоятельство, что существует отдельная линия в античной историографии, связывающая историю о нескольких рабах, сопровождающих правителя или полководца, с Птолемеями. Так, согласно Диодору, в 164 г. Птолемей VI Филометор отправился в Рим в сопровождении только евнуха и трех рабов (XXXI. 18). Эти сведения подтверждаются Валерием Максимом, который также пишет о том, что Птолемей прибыл в Рим «с незначительным числом рабов»²⁹. Как мы помним, три раба сопровождали Катона в Испанию по версии Апулея, а согласно Плутарху, уже на территории провинции было куплено еще три раба. В то же время, Афинея и Плутарх настаивают на том, что Сципиона / Катона сопровождали пять рабов, хотя версия Афины представляется более аутентичной. В этой связи обращает на себя внимание, что Птолемея VII на пути из Рима на Кипр сопровождали пять римских легатов на пяти пятипалубных кораблях (Polyb. XXXIII. 8. 6). Одним из них был Луций Минуций Терм, что вновь возвращает нас к фигуре Катона Старшего. До нас дошел фрагмент судебной речи Катона «De Ptolemaeo Minore contra Thermum» (ORF. 177–181). В ней египетский правитель характеризуется как «rex optimus atque beneficissimus», т.е. «правитель наилучший и благотельнейший». Считается, что Катон имеет ввиду Птолемея VI Филометора³⁰. Однако, как справедливо отмечалось, эта идентификация не бесспорна, особенно учитывая, что Птолемей VII в то время пользовался большой поддержкой в Риме, не говоря уже о том, что название речи Катона прямо указывает на младшего Птолемея (Polyb. XXXII. 1. 2–4; XXX. 8. 4–6)³¹. На его связи в среде римской аристократии указывает хотя бы факт сватовства к Корнелии, матери Тиберия и Гая Гракхов (Plut. Tib. Gr. 1.7). Заметим, что во многом положительная оценка Птолемея VI основывается на характеристике, которую египетскому правителю дает Полибий (XXXIX. 18. 3–7). Однако греческий историк отмечает и отрицательные качества старшего Птолемея: трусость, наглость, высокомерие, расточительность и распутство (XXIX. 21; XXXI. 28. 2; XXXIX. 18. 7). При этом Полибий указывает, что далеко не все авторы положительно оценивали личность Филометора (XXXIX. 18. 3). В действительности разница между братьями вряд ли была столь уж велика: не случайно Полибий относил недостатки венценосной семьи к особенностям египетского национального характера (XXXIX. 18. 7). Скорее на репутацию Птолемея VII повлияло его необычное матримониальное поведение: брак со своей сестрой Клеопатрой II, а затем – с Клеопатрой III, его племянницей и падчерицей одновременно (Just. XXXVIII. 8. 5; Liv.Per. LIX; Val. Max. IX. 1ext. 5)³². Как показывают источники,

²⁹ Val. Max. V. 1. 1: Rex eius Ptolomaeus a minore fratre regno spoliatus petendi auxilii gratia cum paucis admodum servis...

³⁰ Бивен 2011, 340–342.

³¹ Hölbl 2001, 215, note 34.

³² Своего апогея эта необычная ситуация достигает в 124 г., когда после публичного примирения Клеопатры II с Птолемеем VII Фисконом (братом) и Клеопатрой III (дочерью) они совместно правили Египтом вплоть до 116 г. При этом неясно, был ли расторгнут брак Птолемея VII с Клеопатрой II,

древние авторы акцентировали внимание не на личных качествах и чертах характера правителей Египта, а на принципиальных отличиях птолемеевской (соединяющей в себе египетские и эллинистические начала) и римской моделей социального поведения лица, наделенного властью³³.

Сказать определенно, когда именно произошло слияние двух сюжетных линий, невозможно. Можно предположить, что это было связано с наличием общего локуса (в данном случае понимаемого как единое историко-географическое пространство), с которым были связаны ключевые эпизоды биографий Катона Старшего (испанская кампания 195 г.) и Сципиона Эмилиана (Нумантинская война 134 г.). Кроме того, необходимо учитывать, что для римских «антикваров» эпохи Принципата герои периода Средней республики были уже слабо различимы. Так же, как для своих подданных, Гордиан Старший в равной мере мог быть и Сципионом, и Катоном (очевидно, что и то и другое имя в данном контексте было нагружено положительными коннотациями)³⁴, так и фигуры Катона и Сципиона (неважно, Старшего или Младшего) стали символами, позволявшими сделать акцент на определенных чертах римского национального характера и истории, как они понимались интеллектуалами эпохи Империи³⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Бивен, Э. 2011: *Династия Птолемеев. История Египта в эпоху эллинизма*. М.
- Столяров, А.А. 2011: К будущему изданию фрагментов Посидония. *Философский журнал* 1, 31–53.
- Трухина, Н.Н. 1986: *Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н.э.)*. М.
- Baldwin, B. 1976: Athenaeus and His Work. *Acta Classica*. 19, 21–42.
- Butler, H.E., Owen, A.S. 1914: *Apulei. Apologia sive pro se de magia*. Oxford.
- Degrassi, A. 1954: *Fasti Capitolini*. Torino.
- Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*. London–New York.
- Jordan, H. 1860: *M. Catonis praeter lrum de re rustica quae extant*. Lipsiae.
- Linderski, J. 1990: The Surname of M. Antonius Creticus and the cognomina exvictis gentibus. *ZPE* 80, 157–164.
- Malcovati, H. 1955: *Oratorum Romanorum Fragmenta liberae rei publicae*. Torino.
- Meyer, H. 1842: *Oratorum Romanorum fragmenta ab Appio inde Caeco usque ad Q. Aurelium Symmachum*. Turici.
- Peter, H. 1914: *Historicorum romanorum reliquiae*. Lipsiae.

поскольку она сохранила статус царицы, но обозначалась в текстах как «царица Клеопатра Сестра», тогда как Клеопатра III именовалась «царицей Клеопатрой Супругой» (Бивен 2011, 351–352).

³³ Трухина 1986, 140; Hölbl 2001, 196.

³⁴ SHA. XX. 5.5.

³⁵ В этой связи можно заметить, что имена Катона и Сципиона зачастую соседствуют в приведенных отрывках, будь то сочинения Цицерона (Cic. Acad. II. 5) или Плутарха (Mor. 777A), причем в обоих случаях они упоминаются без когномена. О том, как трудно порой различить людей с одним именем говорит ошибка современных комментаторов цicerоновского текста, которые Публия Сципиона идентифицировали как Сципиона Африканского Старшего, хотя речь явно идет о Сципионе Эмилиане (Цицерон 2004, 259, прим. 169). Поскольку в тексте Цицерона имена Катона и Сципиона идут вместе, ошибку комментатора можно объяснить неким автоматизмом сознания, по всей видимости, характерным не только для современных исследователей.

- Rosillo-López, C. 2017: Popular Public Opinion in a Nutshell: Nicknames and Non-Elite Political Culture in the Late Republic. In.: L. Grig (ed.), *Popular Culture in the Ancient World*. Cambridge, 91–106.

REFERENCES

- Baldwin, B. 1976: Athenaeus and His Work. *Acta Classica* 19, 21–42.
 Biven, E. 2011: *Dinastiya Ptolemeev* [*Ptolemaic Dynasty*]. Moscow.
 Butler, H.E., Owen, A.S. 1914: *Apulei. Apologia sive pro se de magia*. Oxford.
 Degrassi, A. 1954: *Fasti Capitolini*. Torino.
 Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*. London–New York.
 Jordan, H. 1860: M. *Catonis praeter lrum de re rustica quae extant*. Lipsiae.
 Linderski, J. 1990: The Surname of M. Antonius Creticus and the cognomina exvictis gentibus. *ZPE* 80, 157–164.
 Malcovati, H. 1955: *Oratorum Romanorum Fragmenta liberae rei publicae*. Torino.
 Meyer, H. 1842: *Oratorum Romanorum fragmenta ab Appio inde Caeco usque ad Q. Aurelium Symmachym*. Turici.
 Peter, H. 1914: *Historicorum romanorum reliquiae*. Lipsiae.
 Rosillo-López, C. 2017: Popular Public Opinion in a Nutshell: Nicknames and Non-Elite Political Culture in the Late Republic. In.: L. Grig (ed.), *Popular Culture in the Ancient World*. Cambridge, 91–106.
 Stolyarov, A.A. 2011: K budushchemu izdaniyu fragmentov Posidoniya [On the future edition of fragments of Posidonius]. *Philosophskiy zhurnal* [*Philosophical journal*] 1, 31–53.
 Trukhina, N.N. 1986: *Politika i politiki «zolotogo veka» Rimskoy respubliki (II v. do n.e.)*. [*Politics and politicians of «golden age» of Roman Republic (the 2nd century BC)*]. Moscow.

SCIPIO, CATO, PTOLEMY: ROMAN MEN, «MOS MAIORUM»
AND FOLK STORIES

Vladimir A. Kvashnin

Vologda State University, Vologda, Russia
kvashninv195@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the storyline by Athenaeus (VI. 105). Analysis of the context of the events reported by Athenaeus suggests that the ancient author writes about Scipio Aemilianus, who in 141 BC participated in the Roman embassy in Alexandria. The ruler of Egypt at that time was Ptolemy VII, the youngest son of Ptolemy V and Cleopatra I. The problem of sources of Athenaeus remains controversial. Most likely, he used the work of Posidonius, although we cannot exclude the influence of Polybius and Plutarch. The text includes two parts, connected separate stories: the first describes the embassy of Scipio Aemilianus in Egypt; the second contains the history of the slaves as example of “*mos maiorum*”. The work of Posidonius contained storyline about the journey of Scipio to Egypt. The second part is a folk story that is based on the episode of the life of Cato the Elder. It is difficult to determine the time of the connection of two stories. The author suggests that the connection point was of historical and geographical space, which united the key episodes of the biographies of protagonists (the Spanish campaign of 195 BC and the Numantine War of 134 BC).

Keywords: ancient Rome, Scipio Africanus, Cato Major, Ptolemy VII, ancient historiography, folk story

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 93–105
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 93–105
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-93–105

О ПОЛНОМОЧИЯХ РИМСКОГО СЕНАТА В ВОЕННОЙ СФЕРЕ В ПЕРИОД ПРИНЦИПАТА АВГУСТА

А.Ю. Маркелов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
aquila856@yandex.ru*

Аннотация. Согласно доминирующей в историографии точке зрения, сенат при Августе был фактически лишен полномочий в военной области. Лишь незначительное число исследователей признают сохранение за курией некоторых функций в данной сфере (финансирование, набор войск, создание новых войсковых единиц, установление положений, регулирующих службу в армии и др.). Ученые, придерживающиеся данного взгляда, обосновывают его ссылками на сообщения нарративной традиции, игнорируя эпиграфические источники, которые позволяют существенно скорректировать представление о функциях сената в рассматриваемое время, в том числе в военной области. Одним из таких памятников является фрагмент постановления римского сената. Он был обнаружен в г. Пула (Пола) в Хорватии. Статья посвящена анализу данного источника, имеющего непосредственное отношение к проблеме сохранения прерогатив римского сената в военной сфере в период правления императора Августа. Несмотря на то, что надпись была найдена в начале прошлого столетия и содержится в перечне постановлений римского сената в энциклопедии Паули-Виссова, она до сих пор не стала предметом специального анализа. Автор приходит к выводу, что в тексте постановления, датированного 7 г. н.э., вероятнее всего, идет речь об отправке военного контингента в римскую колонию Пола для укрепления ее обороноспособности в ходе великого паннонского восстания (6–9 гг. н.э.). Рассматриваемое решение сената было частью программы по обеспечению безопасности региона, которую римское правительство развернуло сразу после начала восстания и продолжило проводить в 7 г. н.э. Данный памятник служит подтверждением сохранения полномочий сената в военной области при первом римском императоре.

Ключевые слова: римский сенат, Великое паннонское восстание, римские колонии, Пола

Данные об авторе: Маркелов Андрей Юрьевич – исследователь-стажер лаборатории античной культуры Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Данная статья является расширенной версией докладов, прочитанных на конференции «Лаборатория историка: источник и метод» (ГАУГН/ИВИ РАН, г. Москва, 23–24 ноября 2016 г.) и XX Сергеевские чтения (МГУ, Москва, 31 января – 2 февраля 2017 г.). Работа подготовлена в рамках проекта «Карамзинские стипендии – 2018» при поддержке Фонда Михаила Прохорова и Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС (Москва). Автор выражает благодарность за помощь в подготовке статьи Д.Д. Романову (Торонто), М.Н. Кирилловой (Москва), А.Е. Барышникову (Калуга). Разумеется, никто из них не ответственен за выводы, излагаемые в работе.

Вопрос о сохранении функций сената в военной сфере является одной из важнейших проблем истории этого учреждения в эпоху императора Августа. Октавиан, пришедший к власти с помощью армии, прекрасно понимал, что последняя является ее гарантом¹, и в ходе своего правления провел ряд реформ, направленных на упрочение контроля над войсками². Согласно доминирующему взгляду в историографии, принцепс, бывший главнокомандующим³, советовался с сенатом по военным вопросам, информировал его об операциях⁴, но фактически курия была лишена полномочий в военной области⁵.

Тем не менее имеется несколько отличающихся точек зрения. Согласно Т. фон Абеле, финансирование вооруженных сил оставалось за сенатом, как и набор, создание новых войсковых единиц, вопрос их дислокации. Однако тот факт, чтобы курия на практике свободно использовала свое право распоряжаться армией, историк считает немыслимым⁶. П. Брант отметил, что сенат эпохи Августа принимал участие в установлении положений, регулирующих службу в армии, был ответственен за набор войск⁷. Таким образом, в первую очередь признается административная роль сената применительно к военной сфере. Заметим, что идеи, высказанные данными антиковедами, опираются исключительно на сообщения нарративной традиции: Веллея Патеркула, Светония, Тацита и Кассия Дiona (Vell. Pat. 2.111.1–2; Suet. Tib. 30; Tac. Ann. 1. 25. 3. 26. 3. 39. 52. 3. 78. 2, Cass. Dio. 53.15.6, 54.25.2, 55.23.1). Представляется, что обращение к эпиграфическому материалу позволит скорректировать данные повествовательных источников. Сделаем оговорку: в своей работе мы не стремимся поставить под сомнение ключевую роль императора в управлении вооруженными силами Империи. Мы хотим показать, что ситуация в данной области была, по крайней мере при Августе, не столь однозначна.

Мы намерены проанализировать эпиграфический памятник, имеющий непосредственное отношение к вопросу о степени сохранения функций сената в военной сфере при императоре Августе. Речь идет о надписи (AE 1913, 177= Inscr. Ital. X.1. 64 = EDR 072654, 18/03/2014 (R. Matijasic), обнаруженной в начале XX века в ходе раскопок экспедицией австрийского археолога А. Гнирса в г. Пула (антич. Пола)⁸, расположенном в бухте на юге п-ова Истрия. Последний раз текст источника был опубликован в 1985 г. Ныне памятник хранится в Музее археологии Истрии (г. Пула, Республика Хорватия) под инвентарным номером А 5204⁹.

Надпись была найдена между стенами постсцения театра¹⁰, построенного

¹ Машкин 1949, 507; Парфенов 2001, 11; Eck 2003, 85–86.

² Pollard 2006, 207. О реформах Августа см.: Raaflaub 2009, 208–223; Парфенов 1990, 65–76.

³ Pollard 2006, 213; Galinsky 2012, 74; Eich 2014, 20.

⁴ Mommsen 1887, 956–957; Hammond 1933, 188.

⁵ Gardthausen 1896, 564; Firth 1902, 186; Shuckburgh 1908, 191; Campbell 2002, 4–5, 113; Capogrossi-Colognesi 2009, 246; Goldsworthy 2014, 245–246; Kinast 1999, 153, 321; Talbert 1984, 425–426; Scullard 2010, 188; Сергеев 2013, 85; Портнягина 1983, 65; Портнягина 1989, 30–31; Егоров 1985, 106. Не упоминает о сохранении каких-либо прерогатив сената в военной сфере: Loewenstein 1961, 207–209.

⁶ Abele 1907, 21, 59, 61–62, 76.

⁷ Brunt 1984, 435.

⁸ Gnirs 1912, 239–240, 244, 261.

⁹ Girardi Jurkić 1985, 74, № 158.

¹⁰ Gnirs 1912, 261.

при императоре Августе¹¹. Она представляет собой фрагмент бронзовой пластины, обломленный со всех сторон. Размеры ее следующие: длина 13,3 см, ширина 10,1 см, толщина 0,54 см¹², высота букв 1,3 см¹³. Сохранилось семь строк. Текст надписи гласит (AE 1913, 177= Inscr. Ital. X.1. 64= EDR 072654 (R. Matijasic):

[---]ca nobis d[---]

[---]as

[---]s navis milit[---]

[---]t eos recte atqu[e ---]

[--- Q(uintus) Caecil[ius] Q(uinti) f(ilius) Metellus [---]

[--- co(n)s(ules)] a(lter) a(mbo)ve s(i) e(is) v(ideretur) litte[ras ad ---]

[--- mi]tterent apud quo[s ---]

Большинство антиковедов видят в артефакте постановление сената¹⁴, датированное 7 г. н.э.¹⁵, следовательно, относящееся ко времени великого паннонского восстания или *bellum Batonianum* (6–9 гг. н.э.) – одному из поворотных эпизодов в истории правления императора Августа.

Несмотря на то, что надпись известна уже более столетия и указана в перечне известных нам постановлений римского сената (№37), приведенном в крупнейшем справочном издании по античной истории – энциклопедии Паули-Виссова¹⁶, она не стала, насколько нам известно, предметом специального анализа. Работавшие с ней ученые ограничивались лишь описанием и/или предположениями относительно ее содержания. Единого мнения о предмете постановления нет. Издатели надписи в *L'Année Epigraphique* полагают, что в ней идет речь о каком-то событии, произошедшем на море в ходе восстания¹⁷. Хорватская исследовательница В. Гирарди-Юрких указывает, что постановление относится к неким событиям 6–7 гг. н.э.¹⁸ Согласно предположению чешского антиковеда А. Гнирса, в годы паннонского восстания Пола использовалась в качестве базы для римского военного флота. Исходя из упоминаемых в третьей строке слов «navis milit[---]», он сделал вывод, что постановление относится к военным кораблям¹⁹. Американский историк А. О'Брайен-Мур придерживается такой же точки зрения²⁰. Другой

¹¹ Fischer 1996, 8, 110; Starac 2006, 136.

¹² Girardi Jurkić 1985, 74.

¹³ Gnirs 1912, 261.

¹⁴ Gnirs 1912, 261; AE 1913. 177; Inscr. Ital. X. 1. 64; Girardi Jurkić 1985, 74; Talbert 1984, 426; O'Brien Moore 1935b, 809. Однако есть исследователь, не решающийся отнести памятник к определенному типу эпиграфических источников. Аргументов в пользу своей точки зрения он не приводит (EDR 072654 (R. Matijasic), 18/03/2014).

¹⁵ Gnirs 1912, 261; AE 1913. 177; Inscr. Ital. X. 1. 64; O'Brien Moore 1935b, 809; Talbert 1984, 426; EDR 072654 (R. Matijasic), 18/03/2014. Предложение Э. Гроага датировать памятник 57 г. до н.э. на основании иной интерпретации данных, сохранившихся об упоминаемом в памятнике консуле, было убедительно опровергнуто, см. комментарий к надписи (Inscr. Ital. X.1. 64). В. Гирарди-Юрких датирует 6–7 гг. н.э. (Girardi Jurkić 1985, 74.), но никак свою точку зрения не аргументирует.

¹⁶ O'Brien Moore 1935b, 809.

¹⁷ AE 1913, 177.

¹⁸ Girardi Jurkić 1985, 74.

¹⁹ Gnirs 1912, 261.

²⁰ O'Brien Moore 1935b, 809.

североамериканский антиковед Р. Толберт не идет дальше замечания о том, что документ в некотором смысле касается военного флота и войск²¹.

Прежде чем перейти к анализу памятника необходимо кратко охарактеризовать полномочия сената в военной сфере в период Республики и историческую ситуацию, в которой была создана надпись.

Функции сената в военной сфере в период Республики были довольно широкими: он объявлял набор воинов в армию, поручал командование ею, отвечал за роспуск или передислокацию, решал вопросы снабжения²². Что касается военного флота (*classis*), то в эпоху Республики как особой единицы вооруженных сил его не существовало. Флот создавали для специальных нужд, и он находился под командованием проконсулов или пропреторов, стоявших во главе вооруженных сил определенной *provincia*²³. Создание флота (от определения количества кораблей, набора команды и вопросов снабжения до вручения командования над ним) могло производиться как решением сената (можно вспомнить пример из истории третьей Македонской войны или Секста Помпея), так и народным собранием (наиболее репрезентативен случай Помпея Великого)²⁴. Система командования эпохи империи была обязана своим появлением гражданским войнам, когда *classis* создавались решением борющихся за власть полководцев. Придя к власти, Август сохранил контроль над флотом как во время триумvirата²⁵. Принцепс вполне официально пишет в своих «Деяниях» о «*classis mea*» (RgDA. 26. 4). Эта фраза как нельзя лучше отражает его отношение к военному флоту.

Римская колония Пола, полное название *Colonia Pietas Iulia Pola Pollentia Herculanea*, была основана при Цезаре в 40-х гг. до н.э. в ходе развернутой им с 50-х гг. до н.э. колонизационной программы в восточной Адриатике²⁶. В годы гражданских войн (44–30 гг. до н.э.) город был разрушен. При Августе Пола отстраивается заново²⁷. Важнейшим для колонии событием, произошедшим при том же императоре, было включение ее вместе с частью п-ова Истрия в состав Италии после проведенной первым римским императором в 18–12 гг. до н.э. административной реформы. Вместе с областью венетов Истрия вплоть до реки Раша (антич. *Arsia*), ставшей теперь восточной границей Италии, составляла десятый регион, именовавшийся «*Venetia et Histria*»²⁸.

Bellum Batonianum 6–9 гг. н.э. осталась в памяти римлян как одна из тяжелейших войн с внешними врагами после Пунических (Suet. Tib. 16: *gravissimum omnium externorum bellorum post Punica*; Oros. 6. 21. 25: *maximum et formidulosissimum*). Несмотря на критику современными исследователями²⁹ данных, сообщаемых о войне Веллеем Патеркулом (2. 110–116) и Кассием Дионом (55. 28. 7–34;

²¹ Talbert 1984, 426.

²² O'Brien Moore 1935a, 728–729.

²³ Saddington 2007, 228.

²⁴ Liv. 42.27; Cic. Manil. 34; Plut. Pomp. 25; App. Mithr. 94; Cic. Phil. 13. 50; App. B.C. IV. 84; Cass. Dio. 46.40, 3; Stapp 2015, 11, 14; Saddington 2007, 205, 209.

²⁵ Stapp 2015, 39–41.

²⁶ Fischer 1996, 6. По мнению хорватской исследовательницы А. Старач, колония была основана в 46–45 гг. до н.э. (Starac 2006, 135).

²⁷ Salmon 1970, 850. Fischer 1996, 8–9.

²⁸ Strabo. V. 1. 1; VII.5.3; Plin. HN. III. 126–129; Starac 2005, 55–56; Weiss 1913, 2111, 2116.

²⁹ Наиболее емко и кратко выражена О. Гиршфельдом. Он охарактеризовал сообщаемые этими источниками данные как бедные (Hirschfeld 1890, 852).

56. 11–17), их сведения остаются ключевыми источниками³⁰. Выяснить точную хронологию хода боевых действий на основании сообщений этих авторов невозможно, что уже не раз отмечали исследователи³¹. Однако античная традиция позволяет составить общее представление о развитии событий. Учитывая, что рассматриваемое постановление относится к 7 г. н.э., нас интересуют первые годы паннонского восстания³².

Оно началось неожиданно для римлян. Последние готовили вторжение на территорию маркоманов в царство Маробода (Vell. 108–110.3; Cass. Dio. 55. 29. 1–4). Восстание под предводительством некоего Батона подняли десидиаты, проживавшие в районе нынешнего Сараево и центральной Боснии³³. Вскоре к ним присоединились паннонские бревки под началом Пиннета и другого Батона. Инсургенты перебили находившихся в провинции римских граждан и уничтожили расквартированных в ней вексилляриев (Vell. 2. 110. 4–6; Cass. Dio. 55. 29. 2–3). Помимо названных, в восстании приняли участие амантины, перусты, мецы, далматы и другие менее значительные племена³⁴. Согласно очевидцу событий офицеру Веллею Патеркулу, служившему в Иллирике с 7 г. н.э. в качестве легата Тиберия, который руководил подавлением выступления³⁵, вооруженные силы инсургентов составляли 200 тыс. пехотинцев и 9 тыс. кавалеристов (Vell. 2. 110. 3). Одни исследователи принимают эти данные³⁶, другие полагают, что они завышены³⁷. Тем не менее, даже если повстанцы выставили от 90 до 100 тыс. пехоты и 9 тыс. всадников, как полагает Д. Дзино³⁸, это была грозная сила.

По сообщению Веллея, восставшие разделили войска на три части: одни должны были напасть на Италию, другие на Македонию, третьим отводилась роль защитников своей земли (Vell. 2. 110. 4). Д. Дзино отрицает информацию Веллея о намерении восставших вторгнуться в Италию³⁹. В.Н. Парфенов усматривает в этом слух⁴⁰. М. Зазель-Кос и Э. Кёстерман⁴¹, напротив, не сомневаются в подлинности данного намерения. Независимо от того, намеревались ли повстанцы действительно напасть на Италию или нет, римляне были в панике. Веллей Патеркул, находившийся в 6 г. н.э. в Риме, сообщает о выступлении Августа в сенате с речью о возможном приближении врага к городу через 10 дней (Vell. 2. 110. 6. 111. 1). Квиристы приняли ряд экстраординарных мер для обеспечения безопасности: произвели набор в войска, призвали ветеранов и зачислили в армию даже вольноотпущенников (Vell. 2.111. 1; Plin. HN. 7. 149). Некую помощь обе-

³⁰ Dzino 2010, 138–139; Šašel Kos 1986, 179–180. Археологических свидетельств, безусловно относящихся к восстанию, в распоряжении историков нет (Radman-Livaja, Dizdar 2010, 47, 56).

³¹ Dzino 2010, 149; Šašel Kos 2015, 71.

³² О причинах восстания: Dzino 2010, 142–144.

³³ Šašel Kos 2015, 71.

³⁴ Dzino 2010, 144.

³⁵ Vell. 2.111.3–4; В 6 г. н.э. он был избран квестором. Решением императора было поручено отвести подкрепление к Тиберию. Не позднее 5 декабря этого же года вернулся в Рим (Woodman 2004, 161–162).

³⁶ Парфенов 2001, 179.

³⁷ Šašel Kos 2015, 67, n. 15, 72; Dzino 2010, 146–147.

³⁸ Dzino 2010, 146–147.

³⁹ Dzino 2010, 147.

⁴⁰ Парфенов 2001, 180.

⁴¹ Šašel Kos 2015, 72; Köstermann 1953, 349.

щали оказать сенаторы и всадники (Vell. 2. 111. 1). Несмотря на то, что либурны и яподы, проживавшие вблизи Италии, не приняли участия в восстании, они были поставлены под начало *praepositus*, подчиненного легату, формируя таким образом *cordon sanitaire*⁴². Светоний передает, что воинскими контингентами из отпущенников были укреплены колонии, граничащие с Иллириком (Suet. Aug. 25. 2: *ad praesidium coloniarum Illyricum contingentium*). По мнению Д. Дзино, речь идет о колониях по побережью, правда аргументов в подтверждение этого положения он не приводит⁴³. Страх от возможного повторения событий оставался даже после подавления выступления. Последующее размещение легионных баз в Паннии и Далмации показывает: первоочередной их задачей был контроль территории, охваченной ранее восстанием⁴⁴.

Несмотря на ряд важных побед римлян, стратегическая инициатива не была на их стороне не только в 6 г. н.э., но и в начале 7 г. н.э., когда был снова произведен принудительный набор в армию из свободнорожденных и вольноотпущенников (Cass. Dio. 55. 31. 1)⁴⁵. Летом 7 г. н.э. Тиберий сражался против бревков на территории между реками Драва и Сава. Германик, присланный Августом ему в помощь, воевал против племени мецов. Два легиона, приведенные из Галатии-Памфилии М. Плавтием Сильваном (консул 2 г. до н.э.), три легиона во главе с А. Цециной Севером и кавалерия Реметалка смогли чудом избежать поражения у Волькейских болот и добрались к концу осени/началу зимы этого года до Сисции (Vell. 2. 112. 4–6; Cass. Dio. 55. 33. 3–4). В Сисции под началом Тиберия сконцентрировался огромный вооруженный контингент, насчитывавший 10 легионов, семьдесят когорт ауксилариев, 14 кавалерийских подразделений и 10 тысяч ветеранов. В связи со сложностью управления такой массой войск их решили разделить. Цецина Север вернулся в Мезию. Часть соединений Тиберий лично отвел в Сирмий, во главе гарнизона которого остался Сильван, после этого он вернулся в Сисцию, где остались зимовать его войска⁴⁶. Так закончилась кампания 7 г. н.э.

Теперь обратимся к тексту надписи. Памятник, безусловно, является постановлением сената: надпись содержит характерные для него формулировки. Фраза в шестой строчке «a(lter) a(mbo)ve s(i) e(is) v(ideretur)» является стандартной формулировкой, ставившейся в конце постановления сената (CIL I. 2. 203 = CIL VI. 40890=IG XIV 951=IGRR 1 118 = RDGE 22)⁴⁷. Вместе с указанным выше выражением, слова «litte[r]as ad – – mi]ttere[n]t apud quo[s] – –» обозначают рекомендацию сената консулам отправить некие послания. Практически идентичную конструкцию находим в так называемом постановлении сената об Асклепиаде, принятом в 78 г. до н.э. Оно даровало привилегии нескольким грекам за их службу на флоте на благо *res publica* в течение Союзнической войны (CIL I. 2. 203 = CIL VI. 40890=RDGE 22. 1. 15–16). В декрете сенат рекомендует консулам информировать о принятом им решении будущих наместников Македонии и Азии, в чьей

⁴² Rau 1925, 342–343; CIL 5.3346: «[---] BATONIANO PRAEFUIT | IAPUDIAI ET LIBURN | SIBI ET LIBERTIS | T F I [---]»; Dzino 2010, 144, 149. Среди участников восстания не упомянуты племена скордисков, таврисков и южных иллирийцев (Dzino 2010, 144–145).

⁴³ Dzino 2010, 149.

⁴⁴ Парфенов 2001, 185.

⁴⁵ Парфенов 2001, 182–183.

⁴⁶ Šašel Kos 1986, 186; Šašel Kos, 74; Dzino 2010, 149–151.

⁴⁷ О терминологии постановлений сената см.: Mommsen 1888, 1007–1008, 1027, Anm. 2.

provincia находились полисы, родом из которых были Асклепиад и его товарищи. Отрывочность рассматриваемого нами текста не позволяет доподлинно сказать, о чем и кого консулы должны были информировать по просьбе курии.

Первая и четвертая строчки надписи не несут информативного значения, даже если принять предложенные эпиграфистами восстановления⁴⁸. Надпись обломлена со всех сторон, поэтому о содержании текста можно только догадываться. В пятой строчке сохранились последние две буквы: *noten* – обозначение отца и *cognomen* – консула. В упоминаемой персоне видят консула 7 г. н.э. Квинта Цецилия Метелла Кретика Силана, входившего во «фракцию» Германика и бывшего заметной персоной конца правления Августа. Он был последним из семьи Метеллов (по рождению Юнием Силаном), занявшим высшую магистратуру⁴⁹. В третьей строчке обращает на себя внимание словосочетание «*navis milit[---]*». Некоторые эпиграфисты предлагают читать этот отрывок как «*navis milit[ibus---*]», но никак не обосновывают свою идею⁵⁰. Если принять это восстановление, то речь может идти как об одном судне для воинов, так и о нескольких. Обозначают эти слова транспортное судно или же военное? А. Гнирс, как говорилось выше, видит в этом словосочетании указание на военные корабли, но восстановления он не предлагает. Традиционно римляне обозначали военное судно как *navis longa*, а транспортное называли *navis oneraria* или *navis actuariarum*⁵¹.

Определенно, постановление непосредственно связано с военными полномочиями курии. Это можно заключить из наличия в тексте словосочетания «*navis milit[---]*». Однако можно сказать больше.

Маловероятно, что в постановлении идет речь о военном флоте, как полагает А. Гнирс. Флот находился под контролем Августа. Сомнительно предположение этого же антиковеда о том, что во время восстания Пола служила военно-морской базой для римского военного флота. Нарративная традиция не сообщает о каких-либо сражениях на море в ходе восстания (Vell. 2. 110–116; Cass. Dio. 55. 28. 7–34; 56. 11–17). Роль базы колония, вероятно, играла в годы Иллирийских походов Октавиана, воевавшего против либурнов, отдельные общины которых в то время занимались разбоем на море (App. Illug. 16)⁵².

Часть Истрии с Поллой, как уже говорилось, входила в состав Италии и находилась довольно близко к территории, охваченной восстанием. Несмотря на то, что в 6 г. н.э. Италия была спасена от возможного вторжения инсургентов, на протяжении следующего года ситуация для римлян оставалась сложной: как будут развиваться события, они не знали. Римское правительство вполне могло ожидать, что из-за неспокойной ситуации в восточной Адриатике снова начнется пиратство. В Истрии же находились земельные владения не только императорской семьи, как раз сконцентрированные близ Полы, но и друзей из ближайшего круга

⁴⁸ Издатель надписи в «Inscriptiones Italiae» дополнил первую строчку так: [Per ea lo]ca nobis d[imicandum?---] (Inscr. Ital. X.1. 64). В третьей строчке практически все эпиграфисты (AE 1913, 177= Inscr. Ital. X.1. 64; Gnirs 1912, 261; Girardi Jurkić 1985, 74), кроме публикатора надписи в Epigraphic Database Rom (EDR 072654 (R. Matijasic), 18/03/2014)), предполагают, что после союза atque стояло существительное ordine: [---]t eos recte atqv[e ordine].

⁴⁹ Groag 1897, 1212; Wiseman 1965, 60; Ferrill 1971, 728–729.

⁵⁰ Inscr. Ital. X.1. 64; Girardi Jurkić 1985, 74.

⁵¹ Saddington 2007, 202–203; Luebeck 1894, 331.

⁵² Šašel Kos 2012, 97, n. 35; Dzino 2010, 107–108.

императора⁵³. Например, Сизенне (консул 16 г. н.э.), младшему сыну ближайшего друга и соратника Августа, дважды консула Т. Статилия Тавра, принадлежали несколько земельных участков. Может быть, приобретение имущества в этом регионе начал Тавр-старший⁵⁴. Ряд видных сенаторских семей владели на полуострове большими земельными участками еще с конца Республики и в целом имели значительные экономические интересы в Адриатике⁵⁵. Первые сенаторские поместья в Истрии принадлежали основателям колонии Полы: Л. Кассию Лонгину и Л. Кальпурнию Пизону Цезанину (консул 58 г. до н.э.). В эпоху Августа Кассии, в лице Л. Кассия Лонгина (консула 11 г. н.э.), обладали также имуществом в Тергесте, а одна из ветвей Кальпурниев Пизонов – в Эгиде; у Ап. Клавдия Пульхра было производство амфор на территории Истрии. Кроме них – сенаторские семьи Вибиев и Сервилиев из Парентия⁵⁶. Более того, при Августе в сенате находились представители многих крупных центров области «*Venetia et Histria*»: Бриксии, Аквилеи, Вероны, Патавия, Кремоны, в том числе Полы⁵⁷. Из нее известны два сенатора – Секст Пальпеллий Гистр, имя второго сенатора неизвестно⁵⁸. Не будет преувеличением сказать, что сенаторов из этого региона интересовала безопасность родных городов, а владельцев имущества – его сохранность. Все эти лица, безусловно, обладали возможностью поставить вопрос об укреплении обороны городов северной Италии, которым могло угрожать нападение восставших. Колония Пола была среди *civitates*, находившихся вблизи территории восстания.

Таким образом, наиболее вероятно, что сенат принял решение послать в Полу военный контингент для укрепления обороноспособности колонии. Светоний сообщает о подобных мерах, предпринятых в ходе Паннонского восстания по приказанию Августа для колоний, граничивших с Иллириком (Suet. Aug. 25. 2). Нет ничего удивительного, что в экстраординарных обстоятельствах подобные меры мог принять не только Август, но и сенат. В этой связи, на наш взгляд, удачно восстановлении текста, принятое в *Inscriptiones Italiae* и воспроизведенное в недавней публикации, но никак не обоснованное⁵⁹. Если наше предположение верно, то рассматриваемое решение сената было частью программы по обеспечению безопасности региона, которую римское правительство развернуло сразу после начала восстания и продолжило проводить в 7 г. н.э.

В заключение необходимо сказать, что анализ текста надписи вместе с привлечением нарративной традиции показывает: сенат непосредственно участвовал в управлении войсками *res publica* во время Иллирийской войны. Это говорит о том, что курия не только формально, но и фактически сохранила полномочия в сфере управления вооруженными силами в период принципата Августа.

ЛИТЕРАТУРА

Егоров, А.Б. 1985: *Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата*. Л.

⁵³ Starac 1995, 145. Dzino 2010, 122, n. 24.

⁵⁴ Tassaux 2005, 142; Andermahr 1998, 82–83; Syme 1939, 325.

⁵⁵ Dzino 2010, 124; Starac 2005, 56.

⁵⁶ Andermahr 1998, 82; Tassaux 2005, 141–142.

⁵⁷ Alföldy 1982, 312.

⁵⁸ Wiseman 1971, 248–249, 278.

⁵⁹ Inscr. Ital. X.1. 64; Girardi Jurkić 1985, 74.

- Машкин, Н.А. 1949: *Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность*. М.–Л.
- Парфенов, В.Н. 2001: *Император Цезарь Август: армия, война, политика*. СПб.
- Парфенов, В.Н. 1990: К оценке военных реформ Августа. *Античный мир и археология* 7, 65–76.
- Портнягина, И.П. 1983: *Сенат и сенаторское сословие в период раннего принципата*: дис. ... кан. ист. наук. Л.
- Портнягина, И.П. 1989: *Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата*. Калинин.
- Сергеев, И.П. 2013: *Государственные учреждения древних римлян: Поздняя Республика и Ранняя Империя*. Харьков.
- Старр, Ч.Г. 2015: *Флот Римской империи*. М.
- Abele, T. von. 1907: *Der Senat unter Augustus*. Padeborn.
- Alföldy, G. 1982: Senatoren aus Norditalien. Regionen IX, X und XI. In: *Epigrafia e ordine senatorio. Atti del Colloquio Internazionale AIEGL. Roma, 14–20 maggio 1981*. Roma, 309–368.
- Andermahr, A.M. 1998: *Totus in Praediis. Senatorischer Grundbesitz in Italien in der frühen und hohen Kaiserzeit*. Bonn.
- Brunt, P.A. 1984: The role of the Senate in the Augustan regime. *Classical Quarterly* 34, 423–44.
- Campbell, B. 2002: *War and Society in Imperial Rome, 31 BC–AD 284*. London–New York.
- Capogrossi-Colognesi, L. 2009: *Law and Power in the Making of the Roman Commonwealth*. Cambridge.
- Dzino, D. 2010: *Illyricum in Roman Politics 229 BC–AD 68*. Cambridge.
- Eck, W. 2003: *The Age of Augustus*. Oxford.
- Eck, W. 2015: Das kaiserliche Heereskommando und die Rolle des Heeres in der Administration des Reiches. In: J.-L. Ferrary, J. Scheid (eds.), *Il princeps romano: autocrate o magistrato? Fattori giuridici e fattori sociali del potere imperiale da Augusto a Commodo*. Pavia, 659–678.
- Eich, Q. 2014: *Die Römische Kaiserzeit. Die Legionen und das Imperium*. München.
- Ferrill, A. 1971: Prosopography and the Last Years of Augustus. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 20, 718–731.
- Firth, B.J. 1925: *Augustus Caesar and the organization of the Empire of Rome*. London–New-York.
- Fischer, G. 1996: *Das römische Pola. Eine archäologische Stadtgeschichte*. München.
- Galinsky, K. 2012: *Augustus. Introduction to the Life of an Emperor*. Cambridge.
- Gardthausen, V. 1896: *Augustus und seine Zeit*. Tl. I Bd. 2. Leipzig.
- Girardi Jurkić, V. 1985: Catologo degli oggetti dell'epoca romana. In: V. Girardi Jurkić (ed.), *Archeologia e arte dell'Istria*. Pula, 100–106.
- Goldsworthy, A. 2014: *Augustus. From Revolutionary to Emperor*. London.
- Gnirs, A. 1912: Grabungen und antike Denkmäler in Pola. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts* XV, 239–272.
- Groag, E. 1897: Caecilius (№90). In: G. Wissowa (Hrsg.), *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* 5, 1212.
- Hirschfeld, O. 1890: Zur Geschichte des Pannonisch-Dalmatischen Krieges. *Hermes* 25. 3, 351–362.
- Kinast, D. 1999: *Augustus: Prinzeps und Monarch*. Darmstadt.
- Köstermann, E. 1953: Der Pannonisch-Dalmatische Krieg 6–9 n. Chr. *Hermes* 81. 3, 345–348.
- Loewenstein, K. 1971: Die Konstitutionelle Monokratie des Augustus: Ein Beitrag zur Morphologie der Regierungstypen. *Zeitschrift für Politik* 8. 2, 97–217.
- Mommsen, Th. 1887: *Römisches Staatsrecht*. Bd. 2. Abt. 2. Leipzig.
- Mommsen, Th. 1888: *Römisches Staatsrecht*. Bd. 3. Abt. 2. Leipzig.

- O'Brien Moore, A. 1935a: Senatus. In: W. Kroll (Hrsg.), *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 660–800.
- O'Brien Moore, A. 1935b: Senatus consultum. In: W. Kroll (Hrsg.), *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 6, 800–812.
- Pollard, N. 2006: The Roman Army. In: D.S. Potter (ed.), *A Companion to the Roman Empire*. Oxford, 206–227.
- Raaflaub, K. 2009: The Political Significance of Augustus Military Reforms In: J. Edmondson (ed.), *Augustus*. Edinburgh, 203–228.
- Rau, R. 1925: Zur Geschichte des pannonisch-dalmatischen Krieges der Jahre 6–9 n. Chr. *Klio* 19. S. 313–346.
- Salmon, E.T. 1970: Pola. In: N.G.L. Hammond, H.H. Scullard (eds.), *The Oxford Classical Dictionary*. Oxford, 850.
- Saddington, D.B. 2007: Classes. The Evolution of the Roman Imperial Fleets. In: P. Erdkamp. (ed.), *A Companion to the Roman Army*. Malden, 201–217.
- Syme, R. 1939: *The Roman Revolution*. Oxford.
- Shuckburgh, E.S. 1908: *Augustus. The Life and Times of the Founder of the Roman Empire*. London–Leipsic.
- Starac, A. 2006: Das antike Pula, seine Topografie und seine Denkmäler. *Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte* 27, 135–140.
- Starac, A. 2005: Roma et Histria. Istrien wird Teil des Landes Italia. In: *Histria. Istria. Istrien. Ein archäologisches Juwel in der Adria*. Pula.
- Šašel Kos, M. 1986: *A Historical Outline of the Region Between Aquileia, the Adriatic, and Sirnium in Cassius Dio and Herodian*. Ljubljana.
- Šašel Kos, M. 2015: The Final Phase of the Augustan Conquest of Illyricum. In: *Il Bimillenario augusteo. Atti della XLV Settimana di studi aquileiesi. Antichità Altoadriatiche*. Trieste 81, 65–88.
- Šašel Kos, M. 2012: The Role of the Navy in Octavian's Illyrian War. *Historia Antiqua* 12, 93–104.
- Talbert, R. 1984: *The Senate of Imperial Rome*. Princeton.
- Tassaux, F. 2005: Patrimoines sénatoriaux de la Decima Regio. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 16, 139–164.
- Radman-Livaja I., Dizdar M. 2010: Archaeological Traces of the Pannonian Revolt 6–9 AD: Evidence and Conjectures. In: R. Aßkamp, T. Esch (Hrsgg.), *Imperium – Varus und seine Zeit*. Münster, 47–58.
- Weiss, J. 1913: Histria. In: W. Kroll. (Hrsg.), *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* 16, 2111–2116.
- Wiseman, T.P. 1965: The Last of the Metelli. *Latomus* 24, 1, 52–61.
- Wiseman, T.P. 1971: *New Men in the Roman Senate*. Oxford.
- Woodman, A.J. 2004: Commentary. In: A.J. Woodman (ed.), *Velleius Paterculus. The Tiberian Narrative (2.94–131)*. Cambridge, 93–282.

REFERENCES

- Abele, T. von. 1907: *Der Senat unter Augustus*. Paderborn.
- Alföldy, G. 1982: Senatoren aus Norditalien. Regiones IX, X und XI. In: *Epigrafia e ordine senatorio. Atti del Colloquio Internazionale AIEGL. Roma, 14–20 maggio 1981*. Roma, 309–368.
- Andermahr, A.M. 1998: *Totus in Praediis. Senatorischer Grundbesitz in Italien in der frühen und hohen Kaiserzeit*. Bonn.
- Brunt, P.A. 1984: The role of the Senate in the Augustan regime. *Classical Quarterly* 34, 423–44.

- Campbell, B. 2002: *War and Society in Imperial Rome, 31 BC–AD 284*. London–New York.
- Capogrossi-Colognesi, L. 2009: *Law and Power in the Making of the Roman Commonwealth*. Cambridge.
- Dzino, D. 2010: *Illyricum in Roman Politics 229 BC–AD 68*. Cambridge.
- Eck, W. 2003: *The Age of Augustus*. Oxford.
- Eck, W. 2015: Das kaiserliche Heereskommando und die Rolle des Heeres in der Administration des Reiches. In: J.-L. Ferrary, J. Scheid (eds.), *Il princeps romano: autocrate o magistrato? Fattori giuridici e fattori sociali del potere imperiale da Augusto a Commodo*. Pavia, 659–678.
- Egorov, A.B. 1985: *Rim na grani epokh. Problemy rozhdeniya i formirovaniya printsipata* [Rome on the edge of epochs. The Problems of Emerging and Formation of the Principate]. Leningrad.
- Eich, Q. 2014: *Die Römische Kaiserzeit. Die Legionen und das Imperium*. München.
- Ferrill, A. 1971: Prosopography and the Last Years of Augustus. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 20, 718–731.
- Firth, B.J. 1925: *Augustus Caesar and the organization of the Empire of Rome*. London–New York.
- Fischer, G. 1996: *Das römische Pola. Eine archäologische Stadtgeschichte*. München.
- Galinsky, K. 2012: *Augustus. Introduction to the Life of an Emperor*. Cambridge.
- Gardthausen, V. 1896: *Augustus und seine Zeit*. Tl. I Bd. 2. Leipzig.
- Girardi Jurkić, V. 1985: Catologo degli oggetti dell'epoca romana. In: V. Girardi Jurkić (ed.), *Archeologia e arte dell'Istria*. Pula, 100–106.
- Gnirs, A. 1912: Grabungen und antike Denkmäler in Pola. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts* XV, 239–272.
- Goldsworthy, A. 2014: *Augustus. From Revolutionary to Emperor*. London.
- Groag, E. 1897: Caecilius (№90). In: G. Wissowa (Hrsg.), *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* 5, 1212.
- Hirschfeld, O. 1890: Zur Geschichte des Pannonisch-Dalmatischen Krieges. *Hermes* 25. 3, 351–362.
- Kinast, D. 1999: *Augustus: Prinzeps und Monarch*. Darmstadt.
- Köstermann, E. 1953: Der Pannonisch-Dalmatische Krieg 6–9 n. Chr. *Hermes* 81. 3, 345–348.
- Loewenstein, K. 1971: Die Konstitutionelle Monokratie des Augustus: Ein Beitrag zur Morphologie der Regierungstypen. *Zeitschrift für Politik* 8. 2, 97–217.
- Mashkin, N.A. 1949: *Principat Avgusta. Proischozdenie i sotsial'naya sushhnost'* [The Principate of Augustus. Origin and Social Entity]. Moscow–Leningrad.
- Mommsen, Th. 1887: *Römisches Staatsrecht*. Bd. 2. Abt. 2. Leipzig.
- Mommsen, Th. 1888: *Römisches Staatsrecht*. Bd. 3. Abt. 2. Leipzig.
- O'Brien Moore, A. 1935a: Senatus. In: W. Kroll (Hrsg.), *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 660–800.
- O'Brien Moore, A. 1935b: Senatus consultum. In: W. Kroll (Hrsg.), *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 6, 800–812.
- Parfenov, V.N. 1990: K otsenke voennykh reform Avgusta [To the Evaluation of Military Reforms of Augustus]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [Classical World and Archaeology] 7, 65–76.
- Parfenov, V.N. 2001: *Imperator Tsezar' Avgust: armiya, vojna, politika* [Emperor Caesar Augustus. Army. War. Politics]. Saint Petersburg.
- Pollard, N. 2006: The Roman Army. In: D.S. Potter (ed.), *A Companion to the Roman Empire*. Oxford, 206–227.
- Portnyagina, I.P. 1983: *Senat i senatorskoe soslovie v period rannego Printsipata* [The Senate and Senatorial Class in the Period of Early Principate]: PhD thesis. Leningrad.

- Portnyagina, I.P. 1989: *Senat i senatorskoe soslovie v epokhu rannego Printsipata* [*The Senate and Senatorial Class in the Epoch of Early Principate*]. Kalinin.
- Raaflaub, K. 2009: The Political Significance of Augustus Military Reforms In: J. Edmondson (ed.), *Augustus*. Edinburgh, 203–228.
- Radman-Livaja I., Dizdar M. 2010: Archaeological Traces of the Pannonian Revolt 6–9 AD: Evidence and Conjectures. In: R. ABkamp, T. Esch (Hrsgg.), *Imperium – Varus und seine Zeit*. Münster, 47–58.
- Rau, R. 1925: Zur Geschichte des pannonisch-dalmatischen Krieges der Jahre 6–9 n. Chr. *Klio* 19. S. 313–346.
- Saddington, D.B. 2007: Classes. The Evolution of the Roman Imperial Fleets. In: P. Erdkamp. (ed.), *A Companion to the Roman Army*. Malden, 201–217.
- Salmon, E.T. 1970: Pola. In: N.G.L. Hammond, H.H. Scullard (eds.), *The Oxford Classical Dictionary*. Oxford, 850.
- Šašel Kos, M. 1986: *A Historical Outline of the Region Between Aquileia, the Adriatic, and Sirmium in Cassius Dio and Herodian*. Ljubljana.
- Šašel Kos, M. 2012: The Role of the Navy in Octavian's Illyrian War. *Historia Antiqua* 12, 93–104.
- Šašel Kos, M. 2015: The Final Phase of the Augustan Conquest of Illyricum. In: *Il Bimillenario augusteo. Atti della XLV Settimana di studi aquileiesi. Antichità Altoadriatiche*. Trieste 81, 65–88.
- Sergeev E.P. 2013: *Gosudarstvennye uchrezhdeniya drevnikh rimlyan: Pozdnyaya Respublika i Rannyaya Imperiya* [*State institutions of Ancient Romans: the Late Republic and Early Empire*]. Kharkov.
- Shuckburgh, E.S. 1908: *Augustus. The Life and Times of the Founder of the Roman Empire*. London–Leipsic.
- Starac, A. 2005: Roma et Histria. Istrien wird Teil des Landes Italia. In: *Histria. Istria. Istrien. Ein archäologisches Juwel in der Adria*. Pula.
- Starac, A. 2006: Das antike Pula, seine Topografie und seine Denkmäler. *Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte* 27, 135–140.
- Starr, Ch.G. 2015: *Flot Rimskoy imperii* [*The Fleet of the Roman Empire*]. Moscow.
- Syme, R. 1939: *The Roman Revolution*. Oxford.
- Talbert, R. 1984: *The Senate of Imperial Rome*. Princeton.
- Tassaux, F. 2005: Patrimoines sénatoriaux de la Decima Regio. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 16, 139–164.
- Weiss, J. 1913: Histria. In: W. Kroll. (Hrsg.), *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* 16, 2111–2116.
- Wiseman, T.P. 1965: The Last of the Metelli. *Latomus* 24, 1, 52–61.
- Wiseman, T.P. 1971: *New Men in the Roman Senate*. Oxford.
- Woodman, A.J. 2004: Commentary. In: A.J. Woodman (ed.), *Velleius Paterculus. The Tiberian Narrative (2.94–131)*. Cambridge, 93–282.

ROMAN SENATE PREROGATIVES IN THE MILITARY SPHERE DURING
THE PRINCIPATE OF AUGUSTUS

Andrey Yu. Markelov

*Center for Classical Studies, School for Advanced Studies in the Humanities Russian
Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Moscow,
Russia
aquila856@yandex.ru*

Abstract. According to the dominant point of view the Senate under Augustus was in fact deprived of his powers in the military sphere. Only a few scholars recognize the preservation of some of curia's functions in this area (financing, recruitment of troops, the creation of new military units, the establishment of army regulations, etc.). Classicists, who adhere to this view, justify it by references to the narrative tradition. They ignore the epigraphic sources that can significantly modify our knowledge of the functions of the Senate at the time in question, including in the military sphere. One of such monuments is a fragment of the decision of the Roman Senate, discovered in the city of Pula (Pola in antiquity), Croatia. The paper deals with this text which is directly relevant to the problem of preservation of Senate's prerogatives in military sphere during the reign of Emperor Augustus. Despite the fact that the inscription was found at the beginning of the last century and is contained in the list of resolutions of the Roman Senate in the Pauly–Wissowa, it has not been yet the subject of special study. The author concludes it is highly probable that the senatus consultum, dated AD 7, communicates the curia's decision to send military contingent to the Roman colony Pola to strengthen its defensive potential during the great Pannonian revolt (AD 6–9). The Senate's decision was the part of a regional security program, which the Roman government started immediately after the start of the uprising and continued to carry out in AD 7. This inscription can be seen as a confirmation that the Senate preserved its role in the military sphere under the first Roman Emperor.

Keywords: Roman Senate, Augustus, Great Pannonian revolt, Roman colonies, Pola

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 106–115
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 106–115
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-106–115

ДИОКЛЕТИАН И КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ: ДИАЛОГ ИМПЕРАТОРОВ НА ФОНЕ КРИЗИСА

И.А. Миролубов

Московский государственный объединенный музей-заповедник, Москва, Россия
peter-herzog@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются личные взаимоотношения двух крупнейших фигур римской истории рубежа III–IV вв. – императоров Диоклетиана (284–305) и Константина Великого (306–337). Традиционно оба императора считаются основателями новой общественно-политической модели устройства Римской империи – домината. Более того, Константин Великий признается наукой продолжателем целого ряда начинаний Диоклетиана в области управления Римской империи. Вопрос о личных взаимоотношениях двух правителей, однако, в науке практически не поднимался. Между тем, с точки зрения автора представленной статьи, постановка этого вопроса и его разрешение помогло бы в перспективе глубже понять характер обоих реформаторов и оценить степень осознания Константином себя как преемника и наследника Диоклетиана. Оба императора были лично знакомы примерно с 293 г. н.э. и вплоть до смерти Диоклетиана контактировали друг с другом. Примечательно, что в этот период они успели поменяться ролями: Диоклетиан начинал императором, а умер частным лицом, наблюдая крах своей системы. Константин, напротив, прошел путь возвышения и добился императорского титула. Естественно, что на взаимоотношения двух императоров накладывали отпечаток и текущая политическая ситуация, и третьи лица, принимавшие активное участие в борьбе за власть, и воззрения в области религиозного вопроса. В качестве источниковой базы для своего исследования автор статьи привлекает обширную нарративную традицию (в рамках которой сохранилась заявления самого Константина), а также данные эпиграфики и нумизматики. Таким образом, полученные выводы удастся подкрепить с помощью комплексного анализа источников разного типа.

Ключевые слова: Константин Великий, династия Константина Великого, Диоклетиан, идеология императорской власти в Римской империи, тетрархия, доминат, Поздняя Римская империя

В науке давно утвердилось мнение о том, что доминат – как новая общественно-политическая модель существования Римской империи – утвердился в правление императоров Диоклетиана и Константина Великого. Последний заслуженно рассматривается¹ как преемник Диоклетиана и продолжатель многих его

Данные об авторе: Миролубов Иван Андреевич – кандидат исторических наук, сотрудник Московского государственного объединенного музея-заповедника.

¹ Сергеев 1938, 667–668; Машкин 2006, 601–602; Loewenstein 1974, 403–404; Неронова 1989, 308; Уильямс 2014, 284–285.

начинаний. Однако, оставляя в стороне вопрос о политической преемственности, следует учесть, что оба императора были современниками и достаточно близко знали друг друга. В этой связи особенную актуальность приобретает вопрос об их взаимоотношениях, который не получил должного внимания² со стороны исследователей. Уяснение этого момента может стать перспективной основой для изучения характера деятельности Константина в качестве политического наследника императора Диоклетиана.

Карьера Константина Великого началась с возвышения его отца, Констанция Хлора, который в 293 г. н.э. был включен на правах младшего соправителя (цезаря) в четверную императорскую коллегия, созданную императором Диоклетианом (тетрархия³). Латинская нарративная традиция отмечает, что Константин, оказавшийся при восточном дворе Диоклетиана, был *obses*, то есть выполнял роль заложника (*Origo Const. imp.* 2. 2; *Aur. Vict. De caes.* 40. 2; *Epitome de caes.* 41. 2). Учитывая, что тетрархия объединила четырех разнохарактерных людей в единый орган верховной власти, можно полагать, что Диоклетиан действительно использовал такой нестандартный метод для обеспечения верности Констанция Хлора установлениям своей системы. Впрочем, «заложничество» Константина не являлось аналогом заточения. Мы обнаруживаем, что юноша получил образование⁴ и поступил на военную службу⁵. Собственно, с этого момента и начинается история взаимоотношений Константина и Диоклетиана. Евсевий в «Жизнеописании Константина» сообщает о первой почести, оказанной юноше при императорском дворе: во время проезда Диоклетиана через Палестину молодой Константин находился «с правой стороны от императора» (*Vita Const.* IV. 19). Феофан дополняет это сообщение известием о том, что Константин находился при Диоклетиане, когда тот «в Александрии окружил Ахиллея» (А.М. 5788). Таким образом, посещение Константином восточных областей и Египта⁶ следует датировать 297–298 гг.⁷, когда Диоклетиан был занят подавлением восстания Домиция Домициана и Аврелия Ахиллея в Египте. Почетное пребывание Константина при особе императора указывает, что между ним и Диоклетианом сложились неплохие отношения⁸. Дальнейшая военная карьера Константина проходила уже под началом

² В литературе встречались указания о чувстве мщения, которое Константин якобы испытывал к Диоклетиану: Князький 2010, 116. Высказывалось предположение о стремлении Константина дистанцироваться от фигуры Диоклетиана: Уильямс 2014, 285.

³ Состав первой коллегии (293–305 гг.): августы Диоклетиан и Максимиан Геркулий (старшие императоры), цезари Галерий и Констанций Хлор (младшие соправители и наследники). О составах императорской коллегии: Kienast 2004, 264–265.

⁴ Вопрос образования Константина мы рассмотрели в статье: Миролубов 2016, 90–95.

⁵ Крист 1997, 410; Odahl 2010, 72–74; Potter 2013, 67–81.

⁶ Константин Великий в своей «Речи к собранию святых» упоминает, что лично видел покинутые людьми руины некогда великих городов Вавилона и Мемфиса (*Orat.* 16).

⁷ Здесь и далее в вопросах датировок опираемся на работу Д. Кинаста: Kienast 2004, 296.

⁸ Феофан отмечает, что Диоклетиан завидовал молодому человеку и хотел погубить его (А.М. 5788). То же самое, по его сообщению, намеревался сделать позднее Галерий (А.М. 5793). Намерение Галерия подтверждается другими авторами – Лактанцием, Праксагором и Анонимом Валезией. Что же касается известия Феофана о Диоклетиане, то оно вступает в противоречие и с данными о карьере Константина, и с сообщениями других источников. По всей видимости, Феофан либо просто продублировал данные, которые должны были характеризовать отношения Галерия и Константина, либо постарался приписать Диоклетиану черту, характерную, по его мнению, для императора-гонителя.

Галерия⁹, однако Лактанций – самый ранний биограф Константина – указывает, что около 305 года он был утвержден в звании «трибуна первого ранга» (*tribunus ordinis primi*) именно Диоклетианом (*De mort. pers.* 18. 10). Лактанций также передает диалог, который будто бы состоялся между Диоклетианом и Галерием и имел своей целью наметить претендентов на роль наследников императорской власти. Диоклетиан называет Константина «достойным [народной] любви» и отмечает, что он, если станет императором, «будет считаться лучше и милостивее своего отца» (*De mort. pers.* 18. 11). Хотя еще Гиббон считал этот диалог несомненным литературным творчеством самого Лактанция¹⁰, все же он мог отражать определенные настроения, которые имели место при дворе. Как бы то ни было, основываясь на имеющейся информации, мы можем сделать вывод, что по ситуации на начало 305 г. отношение Диоклетиана к Константину было вполне благосклонным. Отношение Константина к Диоклетиану нам неясно¹¹. Отметим, однако, что Константин, находясь при восточном дворе, видел начатые Диоклетианом и его соправителем Галерием гонения против христиан¹². У Евсевия цитируется письмо Константина периода его единовластия, где он сообщает, как Диоклетиан на его глазах расспрашивал своих приближенных о христианах и подписывал указ о гонениях. Характеристика Диоклетиана в этом письме довольно красноречива – «жалкий, поистине жалкий и душевно заблудший человек» (*Vita Const.* II. 51). Можем предположить, что начиная с 303 г. Константин копил по отношению к Диоклетиану определенную неприязнь, однако вряд ли можно говорить о ее открытой демонстрации.

Затрагивая вопрос об отношениях Константина и Диоклетиана до 305 г., хочется обратить внимание на гипотезу Т.Д. Барнса¹³, который предположил, что основатель тетрархии решил связать себя с Константином родственными узами. Связующим звеном Барнс считает спутницу¹⁴ Константина Минервину, родившую ему в это время сына Криспа. Первым аргументом Барнса является ее имя, производное от имени богини Минервы; оно, якобы, обнаруживает связь с Юпитером, отцом Минервы и покровителем императора Диоклетиана. В качестве второго аргумента исследователь выдвигает аналогичные брачные связи между

⁹ Отношения с Галерием у Константина, по сообщениям традиции, складывались напряженные. Довольно примечательно сообщение Лактанция и Праксагора о том, что Константин был брошен Галерием в клетку с диким зверем (львом или медведем), которое мы подробно рассмотрели в статье: Миролюбов 2017, 571–579.

¹⁰ Гиббон 2008, 586; Буркхард 2003, 39. Мнение это подтверждается той мыслью, что доверительная беседа двух императоров вряд ли могла стать достоянием придворного преподавателя риторики, каковым являлся Лактанций.

¹¹ Буркхардт полагает, что Константин отвечал Диоклетиану язвительностью и интригами: Буркхард 2003, 252. Однако мнение это применительно к данному периоду не подтверждается данными источников.

¹² Odahl 2010, 73.

¹³ Barnes 2014, 48–49. Сам автор отмечает недостаточность ее источниковой базы.

¹⁴ По данным нарративной традиции, она была конкубиной Константина (*Epitome de caes.* 41. 4; *Zos. Hist. Nov.* II. 20. 2; *Zonar. Epitome hist.* XIII. 2). В латинском панегирике, произнесенном по случаю женитьбы Константина на Фаусте в 307 году, сообщается, что жених уже был женат, из чего следует, что Минервина, единственная известная его спутница до брака с Фаустой, была его супругой (*Pan. Lat.* 6. 4. 4). Таким образом, статус Минервины на основании имеющихся источников установлен быть не может. Д. Поттер считает ее представительницей придворной аристократии: Potter 2013, 97–98.

семьями тетрархов: Констанций Хлор получил в жены дочь/падчерицу соправителя Диоклетиана¹⁵, Максимиана Геркулия, сын Максимиана Максенций – дочь Галерия, а сам Галерий – дочь Диоклетиана¹⁶. Однако, при всем остроумии, гипотеза не кажется состоятельной. В 307 г. Константин сочетался браком с дочерью Максимиана Геркулия. Позднее отношения между зятем и тестем испортились: последний был низвержен и погиб (либо казнен, либо вынужденно покончил с собой), однако Константин, несмотря на столь сложные отношения, никогда не упускал случая использовать фигуру тестя для укрепления генеалогии своих сыновей от этого брака¹⁷. Между тем фигуры Диоклетиана в позднейших генеалогических конструкциях Константина мы не находим. Что касается имени, то помен «Минервий» носили в IV столетии, к примеру, два ритора из Бурдигалы¹⁸, что указывает на его использование в отрыве от семьи Диоклетиана. Таким образом, мы не можем допустить гипотетической родственной связи Диоклетиана и Константина.

1 мая 305 г. Диоклетиан отрекся от власти, убедив сделать то же самое своего соправителя Максимиана Геркулия. Их места (августов) заняли Констанций Хлор, отец Константина, и Галерий, а на их места (цезарей) заступили протеже Галерия – Флавий Север и Максимин Даза. Лактанций сообщает, что Дазу в императорское достоинство возводил в Никомедии уходящий на покой Диоклетиан, из чего следует, что Максимин провел на западе империи аналогичную процедуру с Флавием Севером. На церемонии, происходившей в Никомедии, присутствовал и Константин. Лактанций отмечает, что «все смотрели на Константина [как на наследника] – в том не было никаких сомнений» (*De mort. pers.* 19. 1). Однако на трибунал был выведен Даза. Реакцию Константина Лактанций не передает, однако Аврелий Виктор отмечает, что он «не желал это терпеть» (*De caes.* 40. 2). Дальнейшие события известны: Константин бежит к отцу, августу Констанцию, чье войско в день его смерти – 25 июля 306 г. – и, возможно, в согласии с его предсмертной волей провозглашает Константина императором.

Насколько мы можем судить, после 305 г. Константин и Диоклетиан не встречались лично. Отношения между ними могут быть реконструированы лишь на основании имеющихся данных об их деятельности в период кризиса и падения тетрархической системы. Мы знаем, что Константин попытался легитимировать свое положение в рамках тетрархии и был признан Галерием в ранге цезаря, между тем как вакантный после смерти Констанция Хлора ранг августа перешел к Флавию Северу. Пример Константина, однако, побудил к выступлению сына Максимиана Геркулия, Максенция, а затем и самого Максимиана. Флавий Север не смог подавить их мятеж: он был пленен и погиб, что вновь сделало вакантным положение августа. Галерий, вопреки порядку, не передал его Константину¹⁹, что

¹⁵ Ради этого брака Констанций Хлор оставил Елену, мать своего сына Константина.

¹⁶ Генеалогическая схема домов тетрархов: Kienast 2003, 381.

¹⁷ Примером тому может служить масштабная чеканка в честь уже обожествленного Максимиана Геркулия, которая была предпринята Константином в 317–318 гг., когда в достоинство цезарей были возведены его сыновья Крисп и Константин-мл. (*RIC VII*, 180; 252; 310–312; 394–395; 429–430; 502–503).

¹⁸ Jones, Martindale, Morris 1971, 603–604.

¹⁹ Это действие Галерия Моммзен очень точно и справедливо назвал «конституционной несправедливостью»: Моммзен 2002, 491. Это тем более верно, что в 308 г. на позиции августа окажется

побудило последнего к альянсу с блоком Максенция–Максимиана Геркулия и получению титула августа из рук последнего. Альянс этот подкрепляется браком между Константином и дочерью Максимиана Геркулия Фаустой. На свадьбе анонимный оратор произносит речь, в которой презрительно именует Диоклетиана «is princeps» (без указания имени) и очень тонко высмеивает его решение отречься от власти (Pan. Lat. 6. 9. 2–5). Поскольку речь произносилась на территории, подконтрольной Константину²⁰, мы можем предполагать, что санкцию на издевки в адрес Диоклетиана давал именно он.

В ситуации нарастающего политического кризиса Галерий обратился за консультацией к Диоклетиану. Хорошо известен анекдот о том, что политическим играм старый экс-император предпочел свой огород (Epitome de caes. 39. 5), однако на деле Диоклетиан повел себя иначе. В 308 г. Диоклетиан совместно с Галерием вступил в должность консула. Важно отметить, что Константин признал это назначение²¹, вероятно, ожидая от самого экс-императора решений в свою пользу. Однако Диоклетиан на совещании в Карнунте санкционировал возведение в достоинство августа Лициния, друга Галерия²², между тем как за Константином признавался лишь ранг цезаря. Монеты, которые чеканились на территории Константина²³, продолжают титуловать его августом, что достаточно красноречиво демонстрирует его отношение к решениям Карнунтского совещания, которые были подкреплены блекнувшим авторитетом Диоклетиана.

В 310 г. Максимиан Геркулий совершил попытку переворота против Константина, за что поплатился жизнью. Его память была предана проклятью, что повлекло за собой уничтожение надписей с его именем и его изображений. По свидетельству Лактанция, многие портреты Максимиана изображали его совместно с Диоклетианом, из-за чего уничтожению подвергались «изображения обоих» (De mort. pers. 42. 1). Слова Лактанция о групповых портретах подтверждают две дошедшие до нас групповые скульптурные композиции (ныне – в Венеции и Риме²⁴), а надпись из испанской Бетики являет пример уничтожения имен обоих императоров (ILS 630), при этом имя Диоклетиана уничтожено более основательно. Таким образом, в 310 г. Диоклетиан был подвергнут Константином негласному проклятию памяти.

В 312 г. Константин, заключив альянс с Лицинием, посватал за него свою сестру Констанцию. Лактанций отмечает, что Лициний «принял жену» во время встречи с Константином в Медиолане в январе/феврале 313 г. (De mort. pers. 45.1). Анонимный автор конца IV в. н.э. сообщает, что Диоклетиан «был позван Константином и Лицинием на свадебные торжества», однако отказался приехать, друг Галерия, Лициний, не бывший до того цезарем (младшим соправителем).

²⁰ Константин в этот момент контролировал Галлию и Британию. Речь была произнесена в Августе Треверов или в Арелате: Grünwald 1990, 33–38; Nixon, Rodgers 1994, 184–185.

²¹ Bagnall, Cameron, Schwartz, Worp 1987, 150–151.

²² К. Крист полагает, что этот шаг Диоклетиана является его стремлением держаться «за ставшую фантомом» систему тетрархии и не признавать происходящих на западе империи политических процессов: Крист 1997, 415. Это мнение не представляется состоятельным, так как Лициний был возведен в достоинство августа в обход цезаря Константина, что уже было нарушением конституции тетрархии. Скорее мы можем говорить о давлении на Диоклетиана со стороны Галерия, о чем свидетельствует Лактанций (De mort. pers. 29. 2).

²³ К примеру, чеканка Августы Треверов (RIC VI, 215–219).

²⁴ Kleiner 1992, 401–405; Varner 2004, 214–215.

ссылаясь на старческую немощь. Ответом на отказ стали «грозные письма», в которых Диоклетиан обвинялся в поддержке врагов Константина и Лициния²⁵ (*Epitome de caes.* 39. 7). В отказе Диоклетиана возможно подозревать некоторое лукавство, однако нельзя не признать, что экс-император действительно был в преклонных летах, а скверное состояние его здоровья зафиксировано Лактанцием еще применительно к 304/305 г. (*De mort. pers.* 17. 3–8). Последовавшая вскоре смерть трактуется источниками разнообразно. Лактанций сообщает о ней после известия о низвержении его статуй Константином, называя причиной «отвращение к жизни», вызвавшее «голод и меланхолию» (*De mort. pers.* 42. 3). Анонимный автор конца IV в. говорит о том, что Диоклетиан, получив от императоров «грозные письма», «принял, как говорят, яд, подозревая [готовившуюся ему] позорную смерть» (*Epitome de caes.* 39. 7). Смерть Диоклетиана датируется 3 декабря 313 г.²⁶ Любопытно, что 1 июня того же года датируется предписание Константина президу Ликии и Памфилии, в котором император ссылается на постановление «отца нашего Диоклетиана, старшего август» (*STh.* XIII. 10. 2). Не лишним будет отметить, что в указанный период времени Ликия и Памфилия находились в сфере влияния Лициния, между тем как Константин летом–осенью 313 г. находился в Галлии и Британии²⁷. По всей видимости, документ был составлен от лица Константина и Лициния как соправителей, а после падения Лициния в 324 г. и проклятия его памяти авторство было атрибутировано одному Константину. Как бы то ни было, документ примечателен тем, что, несмотря на поведение Диоклетиана после приглашения на свадьбу и последовавшие «грозные письма», его официальный почетный статус экс-императора не претерпел изменений. Более того, существующий в официальном пространстве облик («отец старший август») словно бы отделяется от реального человека (подвергаемый угрозам Диоклетиан).

На основании имеющихся данных мы можем сделать вывод, что отношения между Константином и Диоклетианом в период 306–313 гг. складывались следующим образом. Диоклетиан, очевидно, должен был рассматривать Константина как узурпатора²⁸, чье провозглашение стало отправной точкой для начала политического кризиса. Константин не переоценивает авторитет Диоклетиана, однако проявляет к нему сдержанное почтение: это видно как из признания за ним консульства в 308 г., так и из приглашения его на свадьбу сестры. Однако провозглашение Лициния в 308 г. и отказ от приезда на свадьбу сестры в 313 г. вызывает

²⁵ В частности Максимиана Дазы, с которым Лициний еще только должен был сразиться за контроль над восточными областями Римской империи. Прямых свидетельств о контактах между Диоклетианом и Максиминианом Дазой у нас нет. Отметим, что после смерти императора Галерия, его супруга Валерия, дочь Диоклетиана, отправилась именно ко двору этого императора (*Lact. De mort. pers.* 39–41). Это обстоятельство примечательно тем, что она, имея возможность, не поехала к отцу, который проживал в Салоне, на территории, подконтрольной Лицинию. При дворе Максимиана Дазы Валерия, вопреки надеждам на комфортное проживание, подверглась домогательствам и унижениям.

²⁶ Распространенная датировка: Kienast 2004, 267; Князький 2010, 128. Т.Д. Барнс датирует смерть Диоклетиана 311 годом: Barnes 1973, 32–35; Leadbetter 2009, 243. С. Уильямс склоняется к 312 г.: Уильямс 2014, 279. Не вдаваясь сейчас в дискуссии по этому вопросу, отметим, что 313 г. скорее согласуется с историей про приглашение Диоклетиана на свадьбу и получение им «грозных писем».

²⁷ Kienast 2004, 299.

²⁸ Буркхард 2003, 256.

его неудовольствие, следствием чего становится уничтожение статуй (без формального, однако, проклятия памяти), «грозные письма» и давление на Диоклетиана, ускорившее его смерть. Уже после смерти Диоклетиана Лициний, истребляя родственников покойных тетрархов, казнит вдову и дочь экс-императора (Lact. De mort. pers. 51. 1–2). Реакция Константина на этот поступок нам неизвестна. Сведений о том, что он препятствовал убийствам, нет. Примечательно, впрочем, что Лактанций, сообщая об этих убийствах, противопоставляет поведение Лициния милосердию Константина, которое он проявил после победы над Максенцием и взятия Рима в октябре 312 г. Характерно замечание Лактанция: члены семей тетрархов боялись Лициния, «словно бедствия» (De mort. pers. 50. 5), а вдова и дочь Диоклетиана были провожаемы на казнь толпой женщин «с великим сожалением» (De mort. pers. 51. 2). Такая характеристика от близкого к Константину автора позволяет предполагать, что сам император постепенно начинал менять отношение к своему союзнику и соправителю²⁹.

Отношение Константина к Диоклетиану после смерти последнего известно нам из первых рук – благодаря письмам и речам самого Константина, зафиксированным у Евсевия. Противопоставляя участников первой тетрархии своему отцу, Константин отмечает свойственную им «дикость нравов» (Vita Const. II. 49). Негодование императора вызывает прежде всего антихристианская политика тетрархов, при этом вину за подписание «кровавых указов» он возлагает именно на Диоклетиана, которого не называет по имени (Vita Const. II. 51). Историография времен Константина в лице Лактанция и Евсевия следует этим установкам. Однако официального проклятия памяти так и не последовало. Более того, Аммиан Марцеллин в своем повествовании о временах правления сына Константина Юлия Констанция сообщает о «пурпурном покрывале» на гробнице Диоклетиана (Res. Gest. XVI. 8. 4). Из этого следует, что гробница Диоклетиана сохранялась и при самом Константине, и при его сыновьях, а сама его персона занимала свое место в череде римских императоров.

Рассмотрев историю взаимоотношений Диоклетиана и Константина Великого, мы можем согласиться с тем, что они ярко отражают сложные перипетии политического кризиса в Римской империи начала IV в. Знакомство Диоклетиана и Константина состоялось в период зенита славы первого. До 305 г. Диоклетиан даже покровительствовал молодому Константину и способствовал его военной карьере. Константин входил в окружение старшего императора; единственным темным пятном, которое может характеризовать его неприятие к Диоклетиану, являлось антихристианское законодательство последнего. В 305 г. при перераспределении властных полномочий в рамках императорской коллегии Константин, несмотря на свои амбиции, оказывается обойденным. Это обстоятельство ставит под вопрос дальновидность Диоклетиана³⁰, однако окончательное его решение является темой для дальнейших исследований. Отношение же Константина к Диоклетиану теперь выходит за рамки собственно личных симпатий и приобретает все больше политический характер. После 306 г. Константин для Диоклетиана – разрушитель созданной им системы (или, по меньшей мере, человек, спровоциро-

²⁹ М. фон Альбрехт высказывает интересную мысль, что само сочинение Лактанция являлось своего рода предостережением Лицинию: Альбрехт 2005, 1735.

³⁰ Буркхард 2003, 37–40; Крист 1997, 410–411.

вавший ее кризис и крах). Константин же относится к Диоклетиану двояко. С одной стороны, его раздражают действия Диоклетиана, вступающие в противоречие с его планами (возведение в августы Лициния, а не его в 308 г.; отказ от поездки на свадьбу в 311 г.). С другой стороны, на официальном уровне он сохраняет уважительное отношение к Диоклетиану как римскому императору (он – «отец старший август», упоминаемый в официальных документах). После смерти Диоклетиана эта двойственность усиливается: с почетом погребенного в мавзолее императора Константин характеризует как «жалкого, поистине жалкого и душевно заблудшего человека» (Vita Const. II. 51). При всей суровости, эти слова удачно характеризуют положение Диоклетиана в последние годы своей жизни, когда он вынужден был наблюдать крушение созданной им системы. Вместе с тем нельзя не отметить снисходительный тон Константина, который, при очевидно негативном отношении, не допустил официального проклятия памяти Диоклетиана.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбрехт, М. фон. 2005: *История римской литературы*. Т. 3. М.
Буркхард, Я. 2003: *Век Константина Великого*. М.
Гиббон, Э. 2008: *Закат и падение Римской империи*. Т. I. М.
Крист, К. 1997: *История времен римских императоров: от Августа до Константина*. Т. 2. Ростов-на-Дону.
Машкин, Н.А. 2006: *История Древнего Рима*. М.
Миролюбов, И.А. 2016: Об образовании императора Константина Великого. *Аристей: Вестник классической филологии и античной истории* XIII, 93–94.
Миролюбов, И.А. 2017: Константин Великий в клетке со зверем. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21, 571–579.
Моммзен, Т. 2002: *История римских императоров*. СПб.
Неронова, В.Д. 1989: Поздняя Римская империя (III–V вв.). В: И.М. Дьяконов, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкая (ред.), *История древнего мира*. Кн. 3. *Упадок древних обществ*. М., 295–322.
Сергеев, В.С. 1938: *Очерки по истории Древнего Рима*. Т. 2. М.
Уильямс, С. 2014: Диоклетиан: реставратор Римской империи. СПб–М.
Bagnall, R.S., Cameron, A., Schwartz, S.R., Worp, K.A. 1987: *Consuls of the later Roman Empire*. Atlanta.
Barnes, T.D. 1973: Lactantius and Constantine. *JRS* 63, 29–46.
Barnes, T.D. 2014: *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire*. Malden–Oxford–Chichester.
Grünwald, T. 1990: *Constantinus Maximus Augustus*. Stuttgart.
Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. (eds.) 1971: *Prosopography of the Later Roman Empire (PLRE)*. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge.
Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
Kleiner, D.E.E. 1992: *Roman Sculpture*. New Heaven–London.
Leadbetter, B. 2009: *Galerius and the Will of Diocletian*. London–New York.
Nixon, C.V.E., Rodgers, B.S. 1994: *In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini*. Berkley–Los Angeles–Oxford.
Odahl, Ch.M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
Loewenstein, K. 1973: *The Governance of Rome*. The Hague.

Varner, E.R. 2004: *Mutilation and Transformation: Damnatio Memoriae and Roman Imperial Portraiture*. Leiden–Boston.

REFERENCES

- Albrecht, M. von. 2005: *Istoriya rimskoy literatury* [History of the Roman Literature]. Vol. 3. Moscow.
- Bagnall, R.S., Cameron, A., Schwartz, S.R., Worp, K.A. 1987: *Consuls of the later Roman Empire*. Atlanta.
- Barnes, T.D. 1973: Lactantius and Constantine. *The Journal of Roman Studies* 63, 29–46.
- Barnes, T.D. 2014: *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire*. Malden–Oxford–Chichester.
- Burckhardt, J. 2003: *Vek Konstantina Velikogo* [The Age of Constantine the Great]. Moscow.
- Christ, K. 1997: *Istoriya vremen rimskikh imperatorov* [The History of the Epoch of the Roman Emperors]. Vol. 2. Rostov-on-Don.
- Gibbon, E. 2008: Zakat i padenie Rimskoy imperii [The History of the Decline and Fall of the Roman Empire]. Vol. I. Moscow.
- Grünewald, T. 1990: *Constantinus Maximus Augustus*. Stuttgart.
- Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. (eds.) 1971: *Prosopography of the Later Roman Empire (PLRE)*. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Kleiner, D.E.E. 1992: *Roman Sculpture*. New Heaven–London.
- Leadbetter, B. 2009: *Galerius and the Will of Diocletian*. London–New York.
- Loewenstein, K. 1973: *The Governance of Rome*. The Hague.
- Mashkin, N.A. 2006: *Istoriya Drevnego Rima* [The History of Ancient Rome]. Moscow.
- Mirolubov, I.A. 2016: Ob obrazovanii imperatora Konstantina Velikogo [Education of Constantine the Great]. *Aristeas XIII*, 90–95.
- Mirolubov, I.A. 2017: Konstantin Velikiy v kletke so zverem [Constantine the Great in a cage with a wild beast]. *Indoevropskoe yazykoznanie i Klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 21, 571–579.
- Mommsen, T. 2002: *Istoriya rimskikh imperatorov* [The History of Roman Emperors]. Saint Petersburg.
- Neronova, V.D. 1989: Pozdnyaya Rimskaya imperiya (III–V vv.) [The Later Roman Empire (the Third to Fifth centuries AD)]. In: I.M. Dyakonov, V.D. Neronova, I.S. Sentsitskaya *Istoriya drevnego mira* [The History of Ancient World]. Vol. 3. Moscow, 295–322.
- Nixon, C.V.E., Rodgers, B.S. 1994: *In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini*. Berkley–Los Angeles–Oxford.
- Odahl, Ch.M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
- Sergeev, V.S. 1938: *Ocherki po istorii Drevnego Rima* [Essays on the Ancient Rome]. Vol. 2. Moscow.
- Varner, E.R. 2004: *Mutilation and Transformation: Damnatio Memoriae and Roman Imperial Portraiture*. Leiden–Boston.
- Williams, S. 2014: *Diocletian: restavrator Rimskoi imperii* [Diocletian and the Roman Recovery]. Saint Petersburg–Moscow.

DIOCLETIAN AND CONSTANTINE THE GREAT:
EMPERORS' INTERCOMMUNICATION

Ivan A. Miroljubov

Moscow State Integrated Museum-Reserve, Moscow, Russia
peter-herzog@yandex.ru

Abstract. The paper focuses on the personal relationship between the eminent emperors of the later Roman history, Diocletian and Constantine the Great. Both emperors are considered to be the founders of the Dominate, new socio-political system of the Roman Empire. Moreover, Constantine the Great is recognized by scholars as the successor of Diocletian's undertakings in the field of administration. The question of the personal relationship between the two rulers, however, hasn't attracted due attention. Meanwhile its resolution would help in the future to understand the nature of both reformers and Constantin's perception of himself as the successor of Diocletian. The two emperors had known each other since about 293 and had been in contact until Diocletian's death. It is noteworthy that during the period of communication they managed to change roles: Diocletian began as an emperor and died as a private person witnessing the collapse of his system. Constantine, on the contrary, achieved the imperial title. As a source base for the research, the author of the present article uses the extensive narrative tradition (within which the Constantine's statements are preserved), as well as epigraphic and numismatic data. Thus, the conclusions can be supported with the help of a comprehensive analysis of sources of different types.

Keywords: Constantine the Great, the Constantinian Dynasty, Diocletian, Tetrarchy, Imperial Ideology in the Roman Empire, the Epoch of Dominate, Later Roman Empire

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 116–130
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 116–130
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-116–130

НАЧАЛЬНИКИ ВОЙСК (*MAGISTRI MILITUM*) ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ БОНОЗ И ВЕТРАНИОН: К ВОПРОСУ О КОМАНДНОЙ СТРУКТУРЕ ЭКСПЕДИЦИОННОЙ АРМИИ В 347–350 гг.

Е.А. Мехмадиев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e.mehamadiev@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития поздне римской военной титулатуры на примере титулов *magister equitum* («начальник конницы») и *magister equitum et peditum* («начальник конницы и пехоты»). Этими титулами обладали генералы, занимавшие должность начальника войск (*magister militum*), данные генералы были верховными главнокомандующими поздне римской экспедиционной армией. Автор привлек и рассмотрел сведения из нескольких источников – закон императора Констанция II, изданный в 347 г., а также хроники поздне римских и византийских историков (Аврелий Виктор, Зосим, Иоанн Зонара). Сопоставив сведения из указанных источников, автор пришел к выводу, что император Константин I Великий, создавший должности начальников войск, назначил двух таких генералов, но, вопреки предшествующей историографии, автор полагает, что каждый из этих начальников командовал одновременно и войсками пехоты, и войсками конницы. Ранее же в историографии неизменно доминировал тезис, что Константин I учредил должность начальника конницы, который командовал только конницей, и начальника пехоты, которому подчинялись только пехотные войсковые подразделения. Автор заключает, что титул *magister equitum*, упоминаемый в законе 347 г., в действительности представлял собой всего лишь сокращенный вариант более полного официального наименования *magister equitum et peditum* («начальник конницы и пехоты»), соответственно, по мнению автора, каждый из начальников войск, назначенных и выполнявших свои функции в период с 337 по 350 гг., носил титул *magister equitum et peditum*, т.е. обладал сдвоенным военным командованием. Полное разделение функций высшего военного командования и учреждение двух независимых, обособленных друг от друга должностей – начальника пехоты и начальника конницы – произошло только после 350 г.

Данные об авторе: Мехмадиев Евгений Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета.

Статья представляет собой расширенную версию доклада, опубликованного в сборнике по материалам Всероссийской научной конференции «Мавродинские чтения-2018»: Мехмадиев Е.А. Начальники войск (*magistri militum*) поздней Римской империи Боноз и Ветранион: к вопросу о командной структуре поздне римской экспедиционной армии в 347-350 гг. // Мавродинские чтения 2018: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. / Под ред. д-ра ист. наук А.Ю. Дворниченко. СПб., 2018. С. 70–73.

Ключевые слова: начальник войск, конница, пехота, экспедиционная армия, Констанций II, Магненций, Галлия, Иллирик, узурпация

Одна из примечательных особенностей позднеримской делопроизводственной практики заключалась в том, что многие титулы и названия должностей часто указывались в источниках, прежде всего, – в официальном законодательстве – в сокращенном виде, и подобные случаи иногда серьезно затрудняют понимание функций и форм деятельности того или иного политического института, т.е. гражданского или военного органа власти. Применительно к военной организации поздней Римской империи в первой половине IV в., прежде всего, следует выделить проблему военных титулов и развитие военной титулатуры в целом, более точно – соотношение титулов *magister equitum* («начальник конницы») и *magister equitum et peditum* («начальник конницы и пехоты»). Этими титулами обладали представители верховного военного командования в позднеримской экспедиционной армии, генералы с таким титулом занимали должность «начальника войск» (*magister militum*), сами же указанные титулы раскрывали точный набор полномочий, непосредственную сферу командования данного генерала.

В предшествующей историографии доминировал тезис, что *magister equitum* и *magister equitum et peditum* – это два разных титула, первый подразумевал, что его носитель обладал властью только над силами конницы, в то время как второй обозначал, что его носитель командовал одновременно и пехотой, и конницей, ему подчинялись как пехотные, так и конные войсковые подразделения. В данной статье на основании сведений официального законодательства, а также нескольких нарративных источников (речи Юлиана Отступника в честь императора Констанция II, труды Зосима, Иоанна Зонары и Аврелия Виктора) мы хотели бы представить аргументы в пользу другой идеи – на наш взгляд, титул *magister equitum* был просто сокращенным вариантом более полного наименования *magister equitum et peditum*, оба варианта были титульным обозначением одной и той же должности, соответственно, носитель титула *magister equitum* в действительности командовал как отрядами пехоты, так и отрядами конницы.

1. Закон императора Констанция II от 11 мая 347 г.: начальник конницы Боноз. CTh V. 6. 1

Imp. Constantius a. ad Bonosum magistrum equitum. Universis tam legionibus quam vexillationibus comitatensibus seu cuneis insinuare debebis, uti cognoscant, quum aliquis fuerit rebus humanis exemptus atque intestatus sine legitimo herede decesserit, ad vexillationem, in qua militaverit, res eiusdem necessario pervenire. Dat. v. id. mai. Hierapoli, Rufino et Eusebio coss.

«Император Констанций Август к Бонозу, начальнику конницы. Всем легионам и вексилляциям, сопровождающим императора, или конным отрядам ты должен довести до сведения, чтобы они знали, что когда кто-либо расстанется с человеческой жизнью либо без завещания, либо умрет без законного наследника, его имущество по необходимости перейдет к вексилляции, в которой он прослужил. Издано в 5 день от майских ид в Иераполе, в консульство Руфина и Евсевия».

Процитированный выше закон императора Констанция II (правил в 337–361 гг.), под властью которого находились восточные провинции Римской империи (регионы по нижнему течению Дуная, Малая Азия и Ближний Восток, после

353 г. под власть Констанция II перешли и западные провинции империи), упоминает военного офицера по имени Боноз, данный офицер занимал должность начальника конницы (*magister equitum*), одну из двух высших командных должностей в позднеримской армии.

Дошедшие до нас сведения из источников утверждают, что император Константин I Великий, отец Констанция, учредил две новые высшие командные должности в позднеримской армии – начальника конницы и начальника пехоты (*magister peditum*), тем не менее в современной историографии нет единства мнений по вопросу о том, когда именно произошла эта реформа. Наиболее подробные сведения о создании должностей начальников войск содержатся в трудах Зосима и Иоанна Лида, византийского историка и чиновника соответственно, живших в VI в. По словам Зосима, «он [т.е. Константин – *Ε.Μ.*] назначил (двух) командующих, одного – над конницей, другого – над пехотой, передал им власть вербовать воинов и наказывать виновных и лишил префектов этой власти» (στρατηλάτας καταστήσας, τὸν μὲν τῆς ἵππου τὸν δὲ τῶν πεζῶν, εἰς τοὺτους τε τὴν ἐξουσίαν τοῦ τάττειν στρατιώτας καὶ τιμωρεῖσθαι τοὺς ἀμαρτάνοντας μεταθείς, παρέιλετο καὶ ταύτης τοὺς ὑπάρχονς τῆς αὐθεντίας – Zos. II. 33. 3). Иоанн Лид, в свою очередь, утверждает, что при императоре Константине «возникла необходимость в том, чтобы префект более не держал в руках власть над дворцом и не командовал войсками (власть над дворцом была передана так называемому магистру, а власть над войсками – недавно назначенным командующим)» (ἀνάγκη γέγονε τὸν ὑπαρχον μὴκέτι μὲν τῆς αὐλῆς καὶ τῶν ἐν ὅπλοις ἄρχεῖν δυνάμεων (τῆς μὲν τῷ λεγομένῳ μαγίστρῳ παραδοθείσης, τῶν δὲ τοῖς ἄρτι κατασταθεῖσι στρατηγοῖς ἐκτεθεισῶν – Iohannes Lydus, De mag. II. 10; III. 40).

В 1970 г. в своем фундаментальном исследовании «*Magister militum*» (статья в RE) А. Демандт пришел к выводу, что Константин учредил должности двух военных начальников – конницы и пехоты – в последние годы своего правления, между 330 и 337 гг.¹, в то время как М. Ланделл в новейшей работе (2016 г.), непосредственно посвященной данному сюжету, полагает, что офицеры, занимавшие должность начальников войск, существовали еще в 320–х гг., именно в 320-е гг., по мнению исследователя, Константин создал данный командный пост, один – для конных войск, другой – для пеших, но первоначально верховное командование над экспедиционными войсками находилось в руках префекта претория (глава гражданской администрации империи), который, в свою очередь, подчинялся Константину, начальники же войск были помощниками префекта, его заместителями в вопросах, связанных с армией. Как отмечает М. Ланделл, около 327/328 г. император провел важную военную реформу, в результате которой префект полностью лишился военной власти и его полномочия в этой области были переданы в руки начальников войск, теперь экспедиционная армия Константина подчинялась только двум указанным выше офицерам².

В своей трактовке М. Ланделл во многом следует позиции П. Порены, который предположил, что Константин учредил должности начальников войск практически одновременно с реформой центрального управления, а именно – в 325/326 г. Константин разделил территорию империи на пять крупных префектур (каждая префектура – это совокупность нескольких провинций) и поставил во

¹ Demandt 1970, 562.

² Landelle 2016, 501–509.

главе каждой из них регионального префекта, таким образом произошла регионализация должности префекта претория. В 327/328 г. географическая реформа переросла в административную – Константин лишил центрального префекта претория, который находился при дворе императора, военных функций, и передал эти полномочия двум специально назначенным офицерам, начальникам войск, теперь только они занимались вопросами, связанными с армией³.

Как видим, в новейшей историографии неизменно придерживаются мнения, что первые начальники войск командовали либо только пехотой, либо только конницей (в зависимости от самой должности), но ни один из них не обладал властью сразу над двумя видами войск, т.е. ни один из начальников войск не командовал одновременно и пехотой, и конницей.

Тем не менее мы полагаем, что процитированный выше закон императора Констанция II позволяет пересмотреть данную точку зрения – содержание закона подсказывает, что не только в 347 г., но и ранее, при Константине I, каждый из начальников войск командовал сразу и конными, и пехотными войсковыми подразделениями, под его властью находились как силы пехоты, так и силы конницы. Обратим внимание, что в законе перечислены и конные, и пехотные войска – *Universis tam legionibus quam vexillationibus comitatensibus* («Всем легионам и вексилляциям, сопровождающим императора»), и этот факт с очевидностью предполагает, что под командованием начальника конницы Боноза, вопреки официальному наименованию его должности, находились и пехотные, и конные войсковые подразделения.

Конечно же, под легионами мы можем понимать силы пехоты, в то время как под вексилляциями – конные отряды, подразделения боевой мобильной кавалерии. В 2012 г. В. Кюхофф предположил, что Константин учредил должности именно двух начальников войск по образцу префектов претория, которые возглавляли гражданскую придворную администрацию империи до Константина – по мнению В. Кюхоффа, в течение почти всего III в. при дворе каждого из императоров находились два префекта претория, один из них размещался непосредственно в резиденции императора (в том числе и в Риме, если император располагался в Вечном городе), а другой сопровождал Августа во всех его военных походах и тем самым возглавлял императорский полевой штаб (ставку) во время боевой экспедиции⁴.

На наш взгляд, позиция В. Кюхоффа заслуживает особого внимания, поскольку его идея подсказывает механизм распределения полномочий между двумя начальниками войск и позволяет сделать выводы об их территориальном размещении в последние годы правления Константина, а также о пределах их полномочий. Как свидетельствует цитированный выше Зосим, Константин действительно учредил должности двух начальников войск, но мы полагаем, что каждый из этих офицеров командовал одновременно и конницей, и пехотой, другой вопрос, что один из начальников размещался непосредственно в Константинополе, где нахо-

³ Porena 2007, 256–258. Тем не менее А. Гутсфельд датирует административную реформу Константина 325 г., через год после победы над Лицинием, в то время как создание еще одной новой придворной должности – начальника канцелярии (*magister officiorum*), возглавлявшего всю депроизводственную службу императора, по мнению исследователя, восходит даже к 320 г. См.: Gutsfeld 1998, 79.

⁴ Kuhoff 2012, 41.

дилась резиденция самого Константина, а другой квартировался на нижнем Дунае, во Фракии, где располагалась экспедиционная армия Константина.

Применительно к экспедиционной армии, размещавшейся во Фракии, подчеркнем, что, как известно, еще в 324 г. Константин I одержал решительную и окончательную победу над своим последним внутривосточным противником, императором Лицинием, который правил в нижнедунайских землях и в восточных провинциях империи (регионы Ближнего Востока и Малой Азии). Соответственно, разгромив войска Лициния, победоносная армия Константина разместилась во Фракии, где, собственно, и проходили основные сухопутные боевые действия, более того, уже в следующем, 325 г., данная армия получила почетный и привилегированный ранг *comitatenses* («(воины), сопровождающие императора»), тем самым Константин официально учредил постоянно действующую и регулярную экспедиционную (полевую, походную, мобильную) позднеримскую армию⁵.

Соответственно, с 324 г. победоносная экспедиционная армия Константина дислоцировалась во Фракии на постоянной основе, а значит, штаб-квартира одного из начальников войск (*magister militum*) неизбежно должна была располагаться на территории указанного региона. Другой же начальник войск, судя по всему, всегда сопровождал императора во всех его военных походах и находился там, где размещалась резиденция императора. Обратим внимание на важный факт – закон Констанция II, который мы цитировали в начале статьи, был издан в городе Иераполь (*Hierapolis*), располагавшемся в римский период на юго-западе Малой Азии, ближе к современному городу Денизли в Турции.

Как проследил в своей недавней монографии П. Кроуфорд, в 337 г. Констанций II, только недавно вступивший на престол после смерти своего отца Константина I Великого, переместил свою резиденцию из Константинополя в сирийскую Антиохию в связи с началом нового этапа римско-персидского противостояния, в тот период боевые действия развернулись за контроль над Месопотамией, поскольку персы вторглись в этот регион и подвергли осаде несколько крупных городов. По мнению П. Кроуфорда, основная часть экспедиционных войск Констанция размещалась в Антиохии, тогда как в Иераполе, где Констанций пребывал с визитом как раз в 347 г., располагалась еще одна группа войсковых подразделений, которые, по оценке исследователя, также входили в состав экспедиционной армии *comitatenses*⁶.

С учетом наблюдений П. Кроуфорда мы можем признать, что начальник конницы Боноз, на имя которого был издан закон Констанция, судя по всему, командовал теми экспедиционными войсковыми группировками, которые выполняли свою службу в Сирии и в Малой Азии, не исключено, что основная штаб-квартира Боноза размещалась в Антиохии, в то время как его пребывание в Иераполе было временным – он находился там просто в связи с визитом в этот город самого императора Констанция.

Соответственно, если начальник конницы Боноз располагался на Ближнем Востоке или в Малой Азии (в зависимости от перемещений Констанция), то другой начальник войск, коллега Боноза, квартировался во Фракии, где дислоцирова-

⁵ См. об этом более подробно: Berchem 1952, 108; Colombo 2008, 126–127; Mirković 2012, 9–10; Craig 2007, 66.

⁶ Crawford 2016, 51, 54.

лась основная масса подразделений экспедиционной армии *comitatenses*. В таком случае возникает закономерный вопрос – почему Боноз упоминается в законе с титулом *magister equitum* («начальник конницы»), в то время как сам закон совершенно точно свидетельствует, что Бонозу подчинялись как отряды пехоты, так и отряды конницы?

Еще в 1936 г. А. Хеффнер первым обратился к этому вопросу и пришел к выводу, что титул Боноза *magister equitum* в действительности представлял собой всего лишь сокращение полного официального наименования *magister equitum et peditum* («начальник конницы и пехоты»), подобные сокращения, по мнению исследователя, часто встречались в официальном законодательстве, они были характерной особенностью позднеримской делопроизводственной практики. Как проследил А. Хеффнер, в период правления императора Валентиниана I (364–375 гг.) постепенно вводится новое сокращенное обозначение – *magister militum*, которое как раз и заменило старое «тяжеловесное» название *magister equitum et peditum*⁷. Тем не менее в 2014 г. М. Ланделл выпустил статью, специально посвященную проблеме титулатуры позднеримских начальников войск, в этой статье исследователь пересмотрел решение вопроса и предложил новую трактовку титула *magister equitum*.

По мнению М. Ланделла, титул *magister equitum et peditum* – это своеобразный синоним общего титула *magister militum*⁸, но в данном аспекте исследователь не солидарен с позицией А. Хеффнера, точка зрения М. Ланделла значительно отличается от выводов его предшественника. М. Ланделл полагает, что титул *magister equitum* не мог служить сокращенным обозначением для более общего наименования *magister equitum et peditum*, как раз наоборот, офицеры, обладавшие титулом *magister equitum et peditum*, вели именно сдвоенное командование – как над пехотой, так и над всадниками, в то время как носители титула *magister equitum* командовали только конницей⁹.

Итак, по мнению исследователя, ошибочно думать, что закон 347 г., к которому обращался А. Хеффнер, свидетельствует о наличии у магистра конницы Боноза сдвоенного военного командования. М. Ланделл полагает, что закон 347 г. говорит только о кавалерийских войсковых подразделениях, поэтому в реальности Боноз командовал именно отрядами конницы, конными силами, пехотные соединения ему не подчинялись. Само сдвоенное командование, равно как и титул *magister equitum et peditum*, согласно М. Ланделлу, возникли только в середине 360-х гг., титул *magister equitum et peditum* получали полководцы (генералы), руководившие войсковыми подразделениями в пределах отдельного региона, командные полномочия этих региональных офицеров ограничивались только строго определенной территорией, например, Галлией, восточными провинциями (Малая Азия и Ближний Восток), Иллириком. По мнению М. Ланделла, под властью таких региональных генералов находились и силы пехоты, и силы конницы, они возглавляли все войсковые подразделения экспедиционной армии в пределах одного региона, вне зависимости от вида военной службы войсковых подразделений, самое главное

⁷ Hoeffner 1936, 487, 489, 491.

⁸ Landelle 2014, 201.

⁹ Landelle 2014, 202.

состояло в том, что эти подразделения размещались на территории, подчинявшейся тому или иному региональному начальнику войск¹⁰.

Мы же, наоборот, полагаем, что закон 347 г. имел в виду именно *сдвоенное* военное командование, более того, этот закон явно свидетельствует, что подобное командование существовало в позднеримской армии и до середины 360-х гг. Позволим себе еще раз напомнить, что закон 347 г. четко упоминает *легионы и вексилляции* армии *comitatenses* (*Universis tam legionibus quam vexillationibus comitatensibus* – «как всем легионам, так и всем вексилляциям, сопровождающим императора» – CTh. V. 6. 1), т.е. перечисляет и пехотные, и конные войсковые соединения, во всяком случае, под легионами мы однозначно можем понимать только пехотные отряды. Следовательно, своим содержанием закон 347 г. доказывает, что Боноз командовал как силами пехоты, так и силами конницы, а значит, он обладал *сдвоенным* военным командованием. Как результат, мы присоединяемся к позиции А. Хеффнера, согласно которой титул Боноза (*magister equitum*) был просто распространенным и вполне общепринятым сокращением полного и официального титула *magister equitum et peditum*.

Судя по всему, процитированный выше Зосим, который говорит о том, что Константин учредил две должности – начальника конницы и начальника пехоты – просто перенес реалии более позднего времени, сложившиеся уже после смерти Константина, на более ранний период, т.е. на время правления самого Константина. В тех условиях, когда балкано-дунайский фронт нуждался в защите от варварских набегов и император Константин лично проводил военные кампании против готов на нижнем Дунае в период 335/336 г.¹¹, для Константина было бы нелогично искусственно разделять командование над конницей и пехотой – как раз наоборот, на наш взгляд, в той ситуации для императора более важным было именно территориальное распределение двух новых офицеров.

Другими словами, Константин назначил одного начальника войск с титулом *magister equitum et peditum* для балкано-дунайского фронта, точнее – он поставил под командование этого офицера экспедиционную армию *comitatenses*, размещавшуюся во Фракии, в то время как другой начальник войск с таким же титулом размещался в Константинополе и сопровождал Константина во всех его территориальных перемещениях, т.е. другой начальник войск был именно «придворным» военным офицером, под его командованием находились те войсковые подразделения или группировки экспедиционной армии, которые временно переводились из Фракии в Малую Азию или на Ближний Восток для участия в крупных военных кампаниях, следовательно, «придворный» начальник войск руководил подразделениями, непосредственно сопровождавшими императора. После смерти Константина «придворный» начальник войск переместился вслед за новым императором Констанцием II в Антиохию и далее располагался в пределах ближневосточных регионов или провинций Малой Азии, в зависимости от территориальных передвижений самого Констанция II.

Судя по всему, именно Боноз как «придворный» начальник войск с полным и официальным титулом *magister equitum et peditum*, для которого, тем не менее, было принято столь же официальное сокращение *magister equitum*, командовал

¹⁰ Landelle 2014, 206–208.

¹¹ См. об этих сюжетах более подробно: Marcos 2014, 751, 757, 764–765.

войсками, которые боролись с персами в Месопотамии – не случайно закон 347 г., цитированный в начале статьи, упоминает о воинах, не успевших подготовить завещание и назначить законных наследников. Тем самым речь в законе идет о воинах, погибших в бою, в ходе боевых действий, и эта деталь полностью соответствует геополитическому контексту, который сложился в ближневосточных регионах к 347 г. – к моменту издания закона в Месопотамии развернулась ожесточенная борьба римлян и персов за контроль над этим важным регионом, соответственно, многие римские воины умирали в ходе военной кампании, так и не успев составить завещание, поэтому государство должно было урегулировать вопрос о наследовании имущества таких воинов.

ВЕТРАНИОН – ПЕРВЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ НАЧАЛЬНИК ВОЙСК ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В 350 г. в Галлии вспыхнул военный мятеж, в результате которого законный император западных провинций империи, Констант I, младший сын Константина, был свергнут с престола и убит, а власть над Галлией перешла в руки офицера Магненция, командовавшего двумя элитными легионами. Узнав о произошедшем государственном перевороте, старший брат Константа, Констанций II, направился в Галлию для борьбы с узурпатором, но в том же 350 г. Констанций II столкнулся с новым мятежом, на этот раз – в Паннонии, по среднему течению Дуная. Командующий войсками в Паннонии, Ветранион, с помощью своих легионов провозгласил себя императором, затем перешел на сторону Магненция и заключил с галльским узурпатором военный союз, но уже в конце 350 г., узнав о приближении войск Констанция II, на встрече в Сердике (Фракия) поддержал Констанция, сложил с себя титул императора (Августа) и присоединил свои легионы и другие подразделения к армии Констанция (PRLE I, Vetrano 1, 954).

В данном сюжете для нас принципиально важна должность, которую занимал Ветранион, соответственно, рассмотрим более подробно сведения из источников, которые упоминают Ветраниона. По словам Аврелия Виктора, Ветранион занимал должность начальника пехоты в Иллирике (*cum per Illyrios peditum magisterio milites curaret* – «когда он командовал воинами в должности начальника пехоты в Иллирике» – Aug. Vict. De Caes. 41. 26). Юлиан Оступник сообщает, что «тем временем войска в Иллирике подняли мятеж и объявили императором своего военачальника» (τὰ δὲ ἐν Ἰλλυριοῖς στρατόπεδα ταραχῶδῶς ἔχει καὶ βασιλέα σφῶν ἀπέδειξε τὸν τέως στρατηγὸν – Jul. Or. I. 26c, ed. W.C. Wright). Те же сведения сообщают Зосим в своей «Новой истории» (τὴν στρατηγίαν τῶν ἐν Παιονίαις στρατοπέδων Βετρανίων ἔχειν ταχθεῖς... καὶ ψήφῳ τῶν αὐτόθι ταγμάτων βασιλεὺς ἀνεδείχθη – «Ветранион был назначен командовать войсками в Паннонии <...> и по решению расположенных там легионов он был провозглашен императором» – Zos. II. 43. 1) и византийский хронист XII в. Иоанн Зонара (τῶν γὰρ παρ' Ἰλλυριοῖς ἄρχων οὗτος στρατευμάτων τυγχάνων – «тогда он был начальником войск в Иллирике» – Zon. XIII. 7).

Следовательно, сопоставив процитированные выше фрагменты из источников, мы можем заключить, что Ветранион занимал должность начальника войск (*magister militum*), при этом, со слов Аврелия Виктора, он командовал только пехими войсками. Тем не менее в историографии до сих пор нет единства мнений

по вопросу о характере полномочий, которые выполнял Ветранион. В. Энслин, и А. Демандт полагали, что Ветранион занимал должность центрального (придворного) начальника пехоты (*magister peditum*), подчинявшегося императору Констанцию II, по мнению В. Энслина и А. Демандта, Ветранион всего лишь временно пребывал в Иллирике со специальной миссией, выполнял там особые поручения¹².

Вместе с тем необходимо отметить, что все наши источники однозначно утверждают о территориальном размещении Ветраниона именно в Иллирике, т.е. в западных регионах Балканского полуострова, в данном случае – в пределах Паннонии, одной из иллирийских провинций. Но Иллирик, и в том числе Паннония, входил в состав владений Константа, императора западных провинций империи, Иллирик подчинялся именно Константу. Как проследил Б. Блекманн, в 337 г., после смерти Константина I Великого, Констант получил под свое управление территорию Иллирика, а также еще два региона – Македонию и Грецию, в то время как Констанцию II достались Фракия, нижняя Мезия и Малая Скифия, соответственно, границей владений двух братьев была Фракия¹³.

На основании эпиграфических данных Т. Барнс установил, что первоначально территория Иллирика входила в состав единой центральной италийской префектуры, которая, помимо Иллирика, включала в себя Италию и северную Африку, но уже в 342/343 гг. Констант выделил Иллирик из италийской префектуры и преобразовал западные провинции Балканского полуострова в отдельную и самостоятельную префектуру Иллирик с центром в городе Сирмий на среднем Дунае. По мнению Т. Барнса, Констант провел эту административную реформу с целью усилить и сделать более эффективной оборону дунайского фронта от набегов со стороны готов, поскольку сам Констант в тот момент не мог лично присутствовать в Иллирике – император был занят военными экспедициями на Рейне и затем в Британии¹⁴.

На наш взгляд, сведения по должности Ветраниона дополнительно подтверждают точку зрения Т. Барнса – судя по всему, Ветранион размещался и командовал войсками именно в Иллирике как раз в связи с тем, что он там занимал должность начальника войск (*magister militum per Illyricum*), более того, Ветранион подчинялся императору Константу, поскольку и сам Иллирик входил в состав владений этого императора. Следовательно, мы можем предположить, что Ветранион был региональным начальником войск, т.е. он возглавлял войсковые подразделения, расположенные в пределах одного отдельного региона, полномочия Ветраниона распространялись только на Иллирик и ограничивались только этой территорией.

Следовательно, возникает закономерный вопрос – насколько точно наши источники передают характер и объем полномочий Ветраниона, другими словами, какие войска подчинялись этому офицеру? Напомним, Аврелий Виктор утверждает, что Ветранион командовал только силами пехоты (*peditum magisterio milites curaret* – Aug. Vict. De Caes. 41. 26), но тем не менее, как проследил уже процитированный ранее М. Ланделл, под властью каждого из региональных начальников

¹² Enßlin 1930, 104; Demandt 1970, 563.

¹³ Bleckmann 2003, 229, 231, 236. Позицию Б. Блекманна поддерживает и А. Джошкун: Соçkun 2004, 289.

¹⁴ Barnes 1992, 251–252.

войск находились как пехотные, так и конные войска, такие генералы держали в своих руках сдвоенное военное командование¹⁵.

Мы полагаем, что и Ветранион в равной мере командовал как силами пехоты, так и силами конницы, данный вывод подтверждается сведениями Юлиана Отступника, который в своей речи, посвященной Констанцию II, сообщает, что, когда Констанций и Ветранион встретились в Сердике и мятежный генерал перешел на сторону Констанция, в результате этой встречи законный император «приобрел несколько десятков тысяч гоплитов и двадцать тысяч всадников» (ἤρει μυριάδας ὀπλιτῶν συχνὰς καὶ χιλιάδας ἵπλέων ἑκοσι – Jul. Or. II, 77b), т.е., другими словами, на сторону Констанция перешли именно пехотные и конные войска, ранее находившиеся под командованием Ветраниона, а не только одна пехота. Безусловно, под гоплитами и всадниками мы можем понимать пехотные легионы и кавалерийские подразделения соответственно, которые на тот момент дислоцировались в Иллирике и подчинялись Ветраниону.

Следовательно, на наш взгляд, в действительности Ветранион обладал титулом *magister equitum et peditum* («начальник конницы и пехоты»), т.е. он осуществлял сдвоенное военное командование, и в таком случае мы можем признать, что Ветранион был первым в позднеримской военной истории региональным начальником войск. Судя по всему, в западных провинциях империи, которыми управлял Констант, к концу 340-х гг. существовала и должность центрального, «придворного», начальника войск, который непосредственно сопровождал Константа во всех его территориальных перемещениях. Таким генералом был Флавий Салий (PRLE I, Flavius Salia 2, 796), который упоминается в одном из папирусов с титулом начальника конницы (καὶ Φλαουίου Σαλιᾶ τοῦ λαμπροτάτου μαγίστρου τῶν ἱπλέων – «и Флавия Салия, мужа светлейшего, начальника конницы» – BGU II, no. 405, l. 2–3, 65), для нас предельно важно, что папирус датируется 347 г., т.е. тем же временем, что и цитированный выше закон, упоминающий другого начальника конницы – Боноза.

Но, как мы уже показали ранее, в реальности Боноз занимал должность начальника конницы и пехоты (*magister equitum et peditum*), соответственно, мы можем предположить, что и Флавий Салий, подчинявшийся Константу, занимал такую же должность¹⁶, но только в пределах западных провинций империи, где правил Констант, в то время как Боноз командовал войсками в восточных провинциях, которые находились под властью Констанция II. Мы полагаем, что оба генерала – и Боноз, и Флавий Салий – были «придворными» начальниками войск, каждый из них находился при дворе своего императора и перемещался вместе с Августом во всех военных походах.

Судя по всему, после 351 г., когда Констанций II одержал внушительную победу над галльским узурпатором Магненцием в битве при городе Мурса в Паннонии, должность начальника войск Иллирика прекратила свое существование, император-победитель упразднил данную должность. Дело в том, что, по словам византийского хрониста Иоанна Зонары, в ходе битвы при Мурсе со стороны Кон-

¹⁵ Landelle 2014, 206–208.

¹⁶ Тем не менее В. Кюхофф полагает, что Флавий Салий был все же начальником только конницы, но, на наш взгляд, весь рассмотренный выше материал опровергает данную точку зрения: Kuhoff 2012, 42.

станция II «погибло около 30 000 воинов, всего же у него [т.е. Констанция II – *Ε.Μ.*] насчитывалось 80 000, а у Магненция всего было 36 000 воинов, из них было уничтожено 24 000 воинов» (λέγονται γὰρ ἐκ μὲν τῶν ἐκείνου περὶ τριάκοντα πεσεῖν χιλιάδας, ἀπασῶν ἀριθμουμένων εἰς ὀγδοήκοντα, ἐκ δὲ τῶν Μαγνηντίου τριάκοντα καὶ ἑξ οὐσῶν χιλιάδων διαφθαρῆναι τὰς εἴκοσι πρὸς ταῖς τέσσαρσιν – *Zon.* XIII. 8. 8, 1. 12–16).

По мнению Б. Блекманна, общие потери двух сторон, понесенные в ходе битвы, не нанесли серьезного урона военным силам империи, поскольку всего через несколько лет после битвы при Мурсе Констанций смог относительно быстро восполнить потери в своей армии за счет аламаннов и представителей других германских племен, которых император-победитель на вербовал и включил в состав римских регулярных подразделений, располагавшихся в основном на территории Галлии¹⁷.

Тем не менее следует подчеркнуть, что при более детальном анализе внутренней структуры двух противоборствующих армий становится ясно, что именно войска Констанция, т.е. армия восточных римских провинций, а также подразделения дунайского фронта, ранее подчинявшиеся Ветраниону, но затем перешедшие на сторону Констанция, понесли наиболее тяжелые потери среди кадрового состава, тогда как армия Магненция, т.е. войска западных провинций империи, не претерпела значительного численного урона. В самом деле, в первой речи в честь Констанция II Юлиан Отступник говорит, что, помимо регулярных римских войск, отведенных с рейнского фронта, за Магненцием «последовали и родственные ему <...> франки и саксы» (ἡκολούθουν δὲ αὐτῷ κατὰ τὸ ξυγγενές... Φράγγοι καὶ Σάξονες – *Jul. Or.* I, 34d). В своей второй речи Юлиан уточняет, что Магненция «сопровождало большое количество гоплитов и не меньшее количество всадников, особенно отважных: кельты, иберы и те из германцев, которые живут вблизи Рейна и возле Западного моря» (εἶπετο δὲ αὐτῷ πολὺς μὲν ὀπλίτης, ἱππεῖς δὲ οὐχ ἥττους, ἀλλ' οἵπερ ἄλκιμοι, Κελτοὶ καὶ Ἰβηρες Γερμανῶν τε οἱ πρόσκοιτοί Ῥήνῳ καὶ τῇ θαλάττῃ τῇ πρὸς ἐσπέραν – *Jul. Or.* II, 56b).

Юлиан отмечает, что «кельты и галаты» (Κελτοὶ καὶ Γαλάται) «в конце концов были все поголовно силой, а не по своему желанию зачислены в войско тирана» (τέλος δὲ τῷ τυράννῳ βία καὶ οὐ γνώμῃ πανδημεὶ συνεστρατεύοντο – *Jul. Or.* I, 34d). На первый взгляд, эта фраза свидетельствует, что Магненций в значительной мере пополнил свою армию рекрутами из местного населения Галлии, т.е. из граждан империи, тем не менее, как показал М.П. Шпайдель, под «кельтами и галатами» (Κελτοὶ καὶ Γαλάται), о которых говорит Юлиан, на самом деле следует понимать не галло-римское население Галлии, а зарейнских германцев, поскольку грекоязычные авторы позднеримского времени часто называли германцев галлами, кельтами или галатами¹⁸. Действительно, несколькими строками ранее Юлиан сообщает, что эти кельты и галаты «покорились нам [т.е. римлянам – *Ε.Μ.*] вопреки своей воле и были зачислены в отряды войска» (ἄκοντες ἡμῖν ὑπεῖκουσιν, ἐς τοὺς καταλόγους τῶν στρατευμάτων ἐγγράφονται), имея в виду, что «предки и отец» Констанция (προγόνων καὶ πατρὸς – *Jul. Or.* I. 34 c–d, ed. W.C. Wright), т.е. правители-тетрархи (Диоклетиан и Максимиан Геркулий, 284–305 гг.) и Константин I, ак-

¹⁷ Bleckmann 1999, 93–94.

¹⁸ Speidel 2004, 134.

тивно вербовали кельтов и галатов в свои армии – несомненно, здесь Юлиан подразумевает только пленников-германцев, а не местное галло-римское население.

В исследовательской литературе распространена точка зрения, согласно которой армия Магненция в основном была сформирована именно из местного населения Галлии, Магненций на вербовал большое количество галло-римлян, особенно из среды сельского населения, и пополнил этими рекрутами регулярные подразделения своей армии, в то время как отряды, состоявшие из зарейнских германцев, играли роль вспомогательной силы, всего лишь дополнявшей регулярные галльские гарнизоны. По мнению некоторых исследователей, Магненций стремился заручиться поддержкой населения Галлии, в основном состоявшего из язычников, и в связи с этим узурпатор оказывал активное покровительство местным языческим культам и обрядам¹⁹.

Мы же полагаем, что данная точка зрения не подтверждается сведениями из источников, поскольку ни Юлиан Отступник, наиболее информативный источник по армии Магненция, ни какой-либо другой автор, рассказывающий о гражданской войне Констанция II и Магненция, не упоминает о том, что Магненций провел среди местного населения Галлии рекрутский набор с целью пополнить свою армию. Как раз наоборот, сведения Юлиана Отступника совершенно четко дают понять, что основу армии галльского узурпатора составляли именно наемные германцы, точнее – военные отряды, обособленные этнические подразделения, вербованные из зарейнских германцев.

Итак, мы можем предположить, что в ходе битвы при Мурсе более тяжелый и серьезный урон понесла армия Констанция II, состоявшая из регулярных легионов и вексиляций, именно эти подразделения потеряли 30 000 человек от общего кадрового состава, в то время как со стороны Магненция, у которого количество погибших насчитывало 24 000 человек, пострадали не регулярные галльские легионы, а наемные германские отряды, именно они приняли на себя основной удар войск Констанция II. Если же рассматривать внутреннюю структуру армии Констанция, из приведенного выше материала вполне ясно, что в состав данной армии входили, в том числе, легионы и вексиляции Иллирика, ранее подчинявшиеся Ветраниону.

Очевидно, многие легионы Иллирика были уничтожены в ходе битвы при Мурсе, поэтому Констанций предпочел упразднить и саму иллирийскую префектуру, вернув ее в состав центральной италийской префектуры, и должность начальника войск Иллирика – во всяком случае, необходимо отметить, что после Ветраниона, т.е. после 350 г., первый достоверно засвидетельствованный начальник войск Иллирика упоминается только в 361 г., не ранее²⁰, судя по всему, довольно долгое отсутствие начальника войск Иллирика на страницах источников как раз и было связано с исчезновением самой этой должности после победы Констанция II над Магненцием²¹.

¹⁹ Leppin 1999, 461; Rubin 1998, 133–134, 136–137; Crawford 2016, 75, 78–80.

²⁰ См. именно указатель к должности начальника войск в биографическом справочнике PRLE I, 1113.

²¹ В данной статье мы сознательно не рассматриваем вопрос о причинах и мотивах узурпации Ветраниона, отметим только, что в современной исследовательской литературе этот вопрос продолжает оставаться дискуссионным. В частности, сравнительно недавно на основании данных нумизматики А. Дирн пришел к выводу, что Ветранион не только воспринимал себя как союзника

Следовательно, как мы полагаем, весь рассмотренный выше материал позволяет сделать вывод, что первые позднеримские начальники войск (*magistri militum*), выполнявшие свои функции в период 337–350 гг., т.е. от смерти императора Константина I и до узурпации Магненция, и особенно – в конце 340-х гг., обладали официальным титулом *magister equitum et peditum* («начальник конницы и пехоты»), этот титул был полным наименованием должности начальника войск, т.е. каждый из таких генералов командовал одновременно и конницей, и пехотой. Первоначально Константин учредил должности двух начальников войск с таким титулом, различие между ними заключалось только в территориальном расположении – один из начальников войск находился во дворце императора, т.е. был «придворным» генералом, в то время как другой размещался во Фракии и командовал там основной массой подразделений экспедиционной армии *comitatenses*.

Таким же титулом – *magister equitum et peditum* – обладал и региональный генерал, начальник войск в Иллирике, он командовал и конницей, и пехотой, но только в пределах одного отдельного региона, в данном случае – префектуры Иллирик. Помимо этих трех генералов, к 350 г. в поздней Римской империи существовал и четвертый начальник войск, он располагался в западных провинциях империи, в основном в Галлии, и подчинялся императору Константу, правившему в западных провинциях. Этот начальник войск представлял собой «придворного» генерала, который лично сопровождал Константа во всех территориальных перемещениях и военных походах, к сожалению, у нас нет данных, когда Константин учредил должность своего личного «придворного» начальника войск.

И, наконец, следует подчеркнуть, что Зосим, сообщая о том, что Константин I учредил двух начальников войск, наделив одного властью над пехотой, а другого – над конницей, на наш взгляд, допускает хронологическую ошибку, судя по всему, византийский историк просто перенес реалии более позднего времени на время правления Константина. Очевидно, после 350 г., в ходе дальнейших военных реформ императора Констанция II, произошло разделение функций в сфере высшего военного командования, когда власть над конницей была отделена от власти над пехотными силами и вместо старого официального наименования *magister equitum et peditum* возникли два новых обособленных титула – *magister equitum* и *magister peditum*.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES²²

- Barnes, T.D. 1992: Praetorian Prefects, 337–361. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 94, 249–260.
- Berchem, D. van. 1952: *L'armée de Dioclétien et la réforme Constantinienne*. Paris.
- Bleckmann, B. 1999: Die Schlacht von Mursa und die zeitgenössische Deutung eines spätantiken Bürgerkrieges. In: H. Brandt (ed.), *Gedeutete Realität Krisen, Wirklichkeiten, Interpretationen* (3.-6. Jh. n. Chr.). Stuttgart, 47–101.

Констанция II, но и официально признавал (даже провозглашал), фиксировал в легендах монет свое подчинение Констанцию. По мнению А. Дирна, посредством своей монетной эмиссии Ветранион провозглашал идею скорой и неминуемой победы Констанция II над Магненцием. См.: Dearn 2003, 169, 176, 179–180, 183, 186–187, 189–190.

²² Поскольку список литературы и references полностью совпадают редколлегия приняла решение не дублировать список работ на иностранных языках.

- Bleckmann, B. 2003: Der Bürgerkrieg zwischen Constantin II. und Constans (340 n. Chr.). *Historia* 52/2, 225–250.
- Coçkun, A. 2004: Die *Praefecti present(al)es* und die Regionalisierung der Praetorianerpraefecturen im vierten Jahrhundert. *Millennium Jahrbuch* 1, 279–328.
- Colombo, M. 2008: Constantinus rerum novator: dal comitatus diocleziano ai palatini di Valentiniano I. *Klio* 90, 124–161.
- Craig, H.C. 2007: *Contesting Late Roman Illyricum: Invasions and Transformations in the Danubian-Balkan Provinces*: PhD dissertation. Princeton.
- Crawford, P. 2016: *Constantius II: Usurpers, Eunuchs and the Antichrist*. Barnsley.
- Dearn, A. 2003: The Coinage of Vetrano: Imperial Representation and the Memory of Constantine the Great. *The Numismatic Chronicle* 163, 169–191.
- Demandt, A. 1970: Magister militum. In: K. Ziegler (ed.), *RE*. Hbhd. XII. Stuttgart, 553–790.
- Enßlin, W. 1930: Zum Heermeisteramt des spätrömischen Reiches. II. Die *magistri militum* des 4. Jhr. *Klio* 24/1, 102–147.
- Gutsfeld, A. 1998: Der Prätorianerpräfekt und der kaiserliche Hof im 4. Jahrhundert n. Chr. In: A. Winterling (ed.), *Comitatus: Beiträge zur Erforschung des spätantiken Kaiserhofes*. Berlin, 75–102.
- Hoeffner, A. 1936: Les “*Magistri militum praesentales*” au IVe siècle. *Byzantion* 11, 483–498.
- Kuhoff, W. 2012: Die Versuchung der Macht. Spätrömische Heermeister und ihr potentieller Griff nach dem Kaisertum. In: S. Schopp, W. Weber (eds.), *Macht und Kommunikation: Augsburger Studien zu europäischer Kulturgeschichte*. Berlin, 39–80.
- Landelle, M. 2014: La titulature des *magistri militum* au IVe siècle. *Antiquité Tardive* 22, 195–221.
- Landelle, M. 2016: À propos de la création des *magistri militum* par Constantin Ier. *Revue des Études Anciennes* 118/2, 493–510.
- Leppin, H. 1999: Constantius II und das Heidentum. *Athenaeum* 87/2, 457–480.
- Marcos, M. 2014: Constantine, Dalmatius Caesar, and the Summer of A.D. 337. *Latomus* 73, 748–774.
- Mirković, M. 2012: Co-Regency: Constantine and Licinius and the Political Division of the Balkans. *Zbornik Radova Vizantološkog Instituta* 49, 7–18.
- Porena, P. 2007: “À l’ombre de la pourpre”: l’évolution de la préfecture du prétoire entre le IIIe et le IVe siècle. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 18, 237–262.
- Rubin, Z. 1998: Pagan Propaganda during the the Usurpation of Magnentius (350–353). *Scripta Classica Israelica* 17, 124–141.
- Speidel, M.P. 2004: The Four Earliest Auxilia Palatina. *Revue des études militaires anciennes* 1, 133–146.

LATE ROMAN MILITARY CHIEFS (*MAGISTRI MILITUM*) BONOSUS AND VETRANIO: COMMAND STRUCTURE OF THE EXPEDITIONARY ARMY IN AD 347–350

Evgeniy A. Mekhamadiev

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
e.mekhamadiev@spbu.ru

Abstract. The paper deals with the problem of development of the Late Roman military titles, the issue under consideration is the titles of *magister equitum* («a master of cavalry») and *magister equitum et peditum* («a master of cavalry and infantry»). These titles were in the hands of generals, who held an office of master of soldiers (*magister militum*), such generals

were the supreme commanders of all Late Roman expeditionary troops. The author turned to and considered the evidence of some sources, that are a law of Constantius II published in AD 347 and the chronicles of Late Roman and Byzantine historians (Aurelius Victor, Zosimus, Iohannes Zonaras). Having compared the evidence of sources enumerated above, the author concluded that Constantine I the Great, who established the offices of masters of soldiers, appointed two these generals, but, in contrast to previous scholarship, the author supposes that each of these masters commanded both cavalry and infantry at the same time. The previous scholarship argued that Constantine I established a separate office for cavalry and another one for infantry, according to this widespread opinion, each of the masters commanded only over cavalry or infantry, but not over two branches of troops together. The author concludes that the title of *magister equitum* mentioned in a law of AD 347 really was just an abbreviated version of the full official title *magister equitum et peditum* («a master of cavalry and infantry»), therefore, as the author supposes, each of the masters of soldiers, who existed during AD 337–350, held a title of *magister equitum et peditum*, i.e. he had a combined military command. The full separation of supreme command and an establishment of two single offices, that are a master of infantry and a master of cavalry, happened only after AD 350.

Keywords: military leader, cavalry, infantry, field army, Constantius II, Magnentius, Gallia, Illyricum, usurpation

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-131–149

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЧИТАНИЯ АНТИНОЯ В РИМСКОМ ЕГИПТЕ

С.А. Качан

Независимый исследователь, Нижний Новгород, Россия
Sergey-md@list.ru

Аннотация: в этой статье рассматривается культ бога Антиноя в Египте. Антиной выступал в образе Осириса и Хора, вбирал черты Аполлона, Диониса и других героев, проявлял себя как божественный ребенок и фараон, был обожествлен по египетскому и греко-римским образцам, которые включали элементы апофеоза императора и посмертного путешествия египетского царя на небеса. Все эти образы позволяли сопоставлять Антиноя и императора. Римский правитель, наряду с Антиноем, почитался в Египте как *theos synnaos*. Сопоставление императора с обожествленным фаворитом Адриана было формой *Interpretatio Aegypciaca* образа римского правителя в долине реки Нил. В ходе Великих Антиновых игр, в которых принимали участие юноши и девушки, Антиной принимал образы героя, бога и духа-демона, от которых ждали чудес и предсказаний. Образ Антиноя сочетался с образом венка, символизировавшего собой победу над смертью, рождение божественного дитя и перерождение в загробном мире.

Ключевые слова: Антиной, императорский культ, Осирис, Исида, Хор, Аполлон, Дионис, Тот-Гермес, Великие Антиновые игры, культ героя

Культ бога Осириса-Антиноя, установленный в середине II в. по приказу императора Адриана, утвердился в Египте и впоследствии широко распространился по Восточному Средиземноморью. Он был создан в честь утонувшего в реке Нил фаворита императора Адриана – Антиноя (Dio Cass. LXIX, 11. 2–3; Aur. Vict. De Caes, 14. 7; SHA. Nadr, 14. 5). Также был основан город Антинополь, который стал главным центром нового культа (Amm. Marc. XXII, 16.2; Aur. Vict. De Caes, 14.6; Hieron. De viris illustr. XXII; Dio Cass. LXIX. 11.3). Насаждаемый сверху культ приживался довольно трудно (Euseb. HE, IV, 8.3), хотя император, стремясь утвердить его, предоставил различные привилегии жителям долины Нил, принявшим почитание обожествленного фаворита¹. В честь нового бога в Антинополе был создан обелиск, впоследствии перевезенный в Рим в поместье Адриана в Тиволи². Поместье императора застраивалось в три этапа, последний из которых был связан со становлением культа Антиноя (тогда и был установлен обелиск)³. Обе-

Данные об авторе: Качан Сергей Александрович – независимый исследователь.

¹ Bell 1940, 133–140.

² Zaccaria, Sgalambro. 2010, 153–171.

³ Calandra 2010, 21–50; об истории обелиска см.: Meyer 1994, 11–12.

лиск Антиноя (обелиск Барберини) является основным объектом при изучении культа «нового» бога Римской империи.

Исследование обелиска Антиноя в XX – начале XXI в. заключалось в переводе и критическом анализе текста данного памятника, которые были предприняты А. Эрманом⁴, О. Винтермютом (перевод этого автора дан в приложении к работе М. Таглияферо-Ботрайт)⁵, Ф. Дершеном⁶, А. Гриммом⁷, Е.М. Циаппини⁸ и Ж-К. Гренье⁹. На основе перевода текста обелиска А. Гримма Д. Кесслер¹⁰ исследует образ Осириса-Антиноя как египетского божества, что стало одним из направлений в исследовании культа нового бога. Благодаря большому количеству археологических и эпиграфических источников, найденных в Восточном Средиземноморье и посвященных культу Антиноя, выделилось другое направление в изучении этого божества, связанное с образом Антиноя как греческого героя. Х. Мейер¹¹ исследует образ Антиноя как героя, отождествленного с богами греческого пантеона. П. Кульманн¹² изучает отождествление Антиноя с богами-героями в контексте религиозной политики Адриана. К. Ваут¹³ рассматривает культ и образ Антиноя, контаминированного с героизированными людьми, в рамках общеимперской политики Адриана, пропагандирующей позитивный образ римского правителя как объединителя разнотничного населения Римской империи. К.П. Джонс¹⁴ изучает культ Антиноя как героя в контексте эллинистических традиций героизации людей. Г.Х. Ренберг¹⁵ рассматривает вопросы происхождения образа героя и практик оракулов в культе Антиноя, основанных на греческих религиозных традициях. Т. Дженнингс¹⁶ изучает политические и религиозные причины, приведшие Адриана к апофеозу Антиноя. Т.В. Томсон¹⁷ исследует культ Антиноя как героя через призму взгляда христианских апологетов III в. на образ нового божества. Третье направление в изучении бога Антиноя объединяет первые два и представлено работой Ж-К. Гренье. Автор исследует образ нового бога, в котором переплетаются греческие и египетские религиозные представления, и рассматривает культ Антиноя как политический феномен. Четвертое направление в изучении образа и культа нового бога связано с исследованием региональных особенностей в почитании Антиноя. К.М. Шашел¹⁸ рассматривает проблему введения культа Антиноя в Верхней Мезии. Т. Стефаниду-Тивериу¹⁹ изучает культ

⁴ Erman 1917, 28–47.

⁵ Tagliaferro-Boatwright 1987, 243–246.

⁶ Derchain 1991, 109–124.

⁷ Grimm 1994, 25–88.

⁸ Ciampini 2004, 171–185.

⁹ Grenier 2008, 6–35.

¹⁰ Kessler 1994, 89–150.

¹¹ Meyer 1991.

¹² Kuhlmann 2002, 197–240.

¹³ Vout, 2007, 52–135.

¹⁴ Jones 2010, 75–83.

¹⁵ Renberg 2010, 159–180.

¹⁶ Jennings 2009–2010, 75–83.

¹⁷ Thomson 2013, 143–172.

¹⁸ Šašel 2007, 177–188.

¹⁹ Stefanidou-Tiveriou 2018, 87.

Антиноя в Лерне, Л. Йованова²⁰ – в Скупи, Х.-К. фон Мош²¹ – в Вифинии, где Антиной почитался как хтонический бог, на образ и культ которого повлияли местные мифологические традиции.

Итак, исследователи изучают образ Антиноя как греческого героя и египетского божества и рассматривают региональные особенности культа нового бога. Но, несмотря на многообразие вопросов, освещенных в литературе по культу Антиноя, остаются неизученными проблема соотношения образов нового бога и императора и вопрос греко-римского влияния на образ Антиноя, который сопоставляется с правителем в Римском Египте. Необходимо отметить, что текст обелиска, автором которого мог выступать высокообразованный александрийский грамматевс²² (возможно, что составителем текста заупокойного обелиска Антиноя был жрец из Ахмима (Панополиса) – Петарбешенис²³), должен был отражать религиозные верования Египта, в которых одно из центральных мест занимало отождествление правителя с богами египетского пантеона. При этом в условиях усилившегося религиозного синкретизма на текст обелиска Антиноя могли оказать влияние греко-римские традиции. Итак, в данном исследовании будут рассмотрены следующие вопросы: какие черты, позволявшие сопоставить его с императором, включал в себя образ Осириса-Антиноя; какие возможные эллинистические влияния оказали воздействие на теологию и образ нового бога.

Одно из центральных мест в образе бога Антиноя занимала идея апофеоза, которая отразилась в тексте обелиска (нумерация текста по А. Гримму²⁴): (*hmsi=f st.(f) m wšwt m3ʿtjw 3h.w ikr.w (m) imiw-ht Wsir m-hnw t3-dsr.t nb dt rdi.t=f m3ʿ-hrw smn=sn mdwt.f hr t3 (r) dr.(f) sndm jb.sn im.f*) «занимает он (т.е. Антиной) место свое в Зале Правды. Души Аху превосходные в свите Осириса в стране мертвых. Владыка вечности (Осирис), дал он (ему) оправдание. Устанавливают они слова его по всей земле. Радуются сердца их в нем» [Ie]. (*šm.n=f r bw nb mrj.w.f jrj.w-ʿ3 njw spt jkrt dd=sn n.f j3w.tw=k sfh=sn k3rt.sn wn=sn sb3.w.sn h3t.f m h3 n h3 r nb p3 ʿhʿ.w.f...*) шел он к месту всякому, возлюбленному им. Привратники округа превосходного говорят ему: «Восхваляем ты». Раздвигают они засов (двери). Открывают они звезды перед ним в бесконечном количестве каждый день. Срок жизни его (не прекращается он вечно)[If].

Данная часть текста обелиска [Ie–If] связана с идеей прохождения покойного Антиноя через ворота загробного мира, в котором его ожидает суд Осириса²⁵. Схожие мотивы прохождения усопшего царя через врата загробного царства прослеживаются в «Текстах Пирамид», и эти представления связаны с восхождением фараона на небеса: (*wn.n=k ʿ3.wy pt snhbhb.n=k s.w wr.w st3.n=k db.t m h3.t ʿ3.t*) «открыл ты небесные врата, развел ты засовы большие, вытащил ты кирпич из гробницы большой» [пуг. 572d–e]. (*pri ntr pn r pt... jn.n=f n NN pn ntr.w iri pt ink. n=f n.f ntr.w iri t3 wdi.sn ʿ3.w.sn hr.f jrj.n.sn m3k.t n NN i3k.f hr.s r pt wn pt n NN pn wn.sn n.f šbd.w*) «идет бог этот к небу... Доставил он (т.е. Атум) для NN этого бо-

²⁰ Jovanova 2016, 27–52.

²¹ Mosch 2001, 109–126.

²² Kessler 1994, 131

²³ Derchain 1987.

²⁴ Grimm 1994, 25–88.

²⁵ Kessler 1994, 142.

гов, которые на небесах, охватил он для него богов, которые на земле. Положили они свои руки на него. Сделали они лестницу для NN. Восходит он по ней на небеса. Открывается небо для NN. Открывают они (т.е. боги) звезды для него» (Руг. 1472–1474).

Загробное путешествие Антиноя на небеса сопровождалось его отождествлением с Осирисом: (*whm.tw irw nb im.f n wnww.wt Wsir hn^c k3.t.f nb.t m n rh phr.tw sb3i.t.f r t3 r dr.f m d3r mtr.t hn^c spd d3is n iri mit.t n imi.w-h3.t r min*) «возрождается в нем (т.е. Антиное) всякий ритуал времени Осириса и всякая его (т.е. Осириса) деятельность, которая непостижима. Распространяется его (т.е. Антиноя) учение по всей земле в качестве необходимого наставления и умелого изречения. (Никто) из правителей не делал подобного до сегодняшнего дня» [Ib]. В греко-римское время Осирис, воплощением которого был Осирис-Антиной, выступал в качестве божественного слова (*ἱερὸν λόγον*), «которое богиня собирает, и соединяет, и передает посвященным в таинства». При этом необходимо познавать «Первого, Владычествующего и доступного только мысли; богиня призывает искать его, и он пребывает вместе с ней, рядом с ней и в связи с ней» (Plut. De Iside et Osiride. 2). Сообщение Плутарха согласуется с текстом обелиска: учение Осириса-Антиноя, подобно Осирису-божественному слову, распространяется среди адептов. Представление о деятельности Осириса-Антиноя, «которое непостижимо» (досл.: «в качестве незнания»), находит аналогию в «Послании к Римлянам» апостола Павла: «О, бездна богатства, и премудрости, и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11. 33). Пассаж из текста обелиска [Ib] можно понимать как невозможность познавать дела бога Осириса-Антиноя, на образ которого оказало влияние набиравшее силу христианство. Данный тезис подтверждается тем, что Ориген, ссылаясь на Цельса, автора II в., говорил, что «это почитание (т.е. Антиноя) ничем не отличается от того, какое мы воздаем Иисусу» (Origen. Contra Cels. III. 36).

Необходимо отметить, что Осирис-Антиной как аватар традиционного бога Осириса мог рассматриваться жителями долины реки Нил в образе своего египетского прототипа. При этом бог Антиной, вероятно, перенимал его функции – защитника мертвых, а усопшие отождествляли себя с Осирисом-Антиноем, как это происходило в случае традиционного Осириса в римское время²⁶. Так, существует брошь, прикрепленная к погребальному покрывалу, на которой изображен бюст Антиноя – такой же, как на александрийских монетах (брошь найдена в частной гробнице в Египте). Это изображение, как указывает Х. Мейер, тесно связано с символом возрастающей луны, с которой традиционно связан Осирис как возрождающийся бог²⁷. На каирском тондо, которое включает в себе погребальные портреты двух братьев, представлено изображение статуи Антиноя²⁸. Эти иконографические черты обожествленного фаворита находят параллель в образе Осириса, который изображен на погребальном покрывале в гробнице II – нач. III в. из Дейр-эль-Медина рядом с усопшим²⁹.

²⁶ Riggs 2008, 43–48

²⁷ Meyer 1991, 246.

²⁸ Meyer 1991, 246.

²⁹ Riggs 2008, 223. Fig. 110.

Итак, Осирис-Антиной выступал в образе своего египетского прототипа – Осириса, традиционного бога мертвых. В апофеозе Осириса-Антиноя обнаруживаются элементы, характерные для посмертной участи египетских царей.

Осирис-Антиной выступал как фараон, который участвует в процессе коронации и стоит перед своим отцом Ра-Харахти: (*i.ḥwi iri r Wsir ʿndynws mꜣḥr w ib.f m ḥꜣj r ʿꜣ wr dr rh.n=f twt.f ds.f m-ht whm ʿnh mꜣꜣ.n=f jtf.(f) Rꜥ-Hr-ḥb.tj....jb.f m dd j. Rꜥ-Hr-ḥb.tj ḥꜣj ntr.w sdm.w nis n ntr.w rmt ḥb.w mwt sdm=k nis ḥnw n.k iwꜣ isw n nn iri n.j sꜣ.k mri.k*) «О, прошу, сделай для Осириса-Антиноя, правогласного. Сердце его радуется весьма сильно с тех пор, как он познал свой собственный образ, когда возродился. Видел он отца (своего) Ра-Харахти... сердце его говорит: “О, Ра-Харахти, находящийся выше богов (всех), слышащий мольбу богов, людей просветленных, покойных. Слышишь ты мольбу приближающегося к тебе. Подари награду ему за то, что сделал для меня возлюбленный тобой сын твой”» [Ia–Ib].

Пристутствие Осириса-Антиноя перед верховным богом Ра-Харахти напоминает идею символического предстояния египетского монарха перед солнечным богом во время своей коронации, подобно коронационному гимну Тутмоса III: «Он открыл для меня ворота небес и раскрыл ворота горизонта. Я поднялся к небесам, как божественный сокол. Ра сам утвердил меня, отличив меня короной с его головы. Я знаком с мудростью богов, как Хор, когда он воспринял свое тело в доме своего отца Ра»³⁰. Коронация монарха мыслилась как перерождение правителя в мифической сфере и тесно переплеталась с заупокойными верованиями – прохождение усопшего царя на небеса, где ему предначертано переродиться для новой жизни³¹.

Текст обелиска [Ia–Ib] сопровождается изображением: император Адриан стоит перед верховным богом Ра-Харахти, на голове у которого солнечный диск с уреем. Верховный бог держит в правой руке скипетр-*wꜣs*, а левой двигает знак-*ʿnh* к столу преподношений³². При этом Ра-Харахти говорит: (*dj.j wꜣs...dt.*) «Даю я тебе скипетр-*wꜣs*...вечно». В самом тексте обелиска Адриан объявлен владельцем скипетра-*wꜣs*: (... *ntr wꜣd nfr jw.f m nb wꜣs ḥkꜣ tꜣ nb šps*) «с богом молодым и прекрасным (Осирисом-Антиноем). Вот он (Адриан) в качестве господина скипетра-*wꜣs* и владыки земли всей, благородный...» [Id]. Необходимо отметить, что в греко-римское время в фиванских текстах имя Осириса, египетского прототипа Осириса-Антиноя, сочеталось с иероглифом скипетра-*wꜣs*, который был одновременно эмблемой фиванского округа. В одном тексте говорится, что «он (т.е. Осирис) был создан в Фивах (*Wꜣs.t*)...поэтому он называется Осирис (*Wꜣs-ir*)»³³. Взаимосвязь Осириса и скипетра, которая была следствием влияния фиванской теологии на образ царя мертвых, подтверждается сообщением Плутарха (Plut. De Iside et Osiride. 10)³⁴.

Через образ скипетра-*wꜣs* происходит контаминация Адриана и Ра-Харахти. Сам Адриан, отождествленный с верховным богом, выступает как божественный отец Осириса-Антиноя. Фактически император, контаминируемый с Ра-Харахти, коронует Антиноя. Антиной, отождествленный с Осирисом, являющийся обла-

³⁰ Assmann 1989, 142.

³¹ Assmann 1989, 141–142.

³² Grenier 2008, 27; Kessler 1994, 137.

³³ Klotz 2017, 132.

³⁴ Klotz 2017, 132.

дателем скипетра-*w3s*, выступает как фараон, который сопоставляется с земным правителем. Коронация обожествленного фаворита уходит корнями в образы коронации египетских монархов и, подобно царям Египта, связана с восхождением Антиноя на небеса и последующим его перерождением. Образ Осириса-Антиноя схож с образом его божественного отца³⁵, как в текстах храмов маммизи греко-римского периода, где объявлялось, что бог-отец и бог-сын похожи своими Ка³⁶.

Богосыновство Антиноя, связанного с образом правителя, прослеживается в греческих источниках. В поэме Панкрата (Р. Оху. 1085) Антиной назван «сыном убийцы Аргоса» – эпитет, связывающий обожествленного фаворита Адриана с образом бога Гермеса, который, согласно мифу, по приказу Зевса убил быка Аргоса, и через это представление Антиной объявлялся сыном Гермеса³⁷. Взаимосвязь Гермеса и Антиноя прослеживается в Мантенеи, где Антиной в образе Диониса (Paus. VIII.9. 7–8) почитался наряду с Гермесом, выступавшим в качестве верховного божества³⁸. Рядом с Мантинеей в Клавдиополе – родном городе Антиноя – располагалось святилище императора, культовое почитание которого было связано с поклонением Антиною. Свидетельством этому может служить отчеканенная в Вифинии монета с изображением бюста Антиноя (легенда на реверсе: ΒΕΙΘΥΝΙΕΩΝ ΑΔΡΙΑΝΩΝ)³⁹. Гермес традиционно рассматривался как отпрыск бога-громовержца, с которым отождествлялся Адриан, принявший титул «Олимпийский» и фактически объявивший себя «новым Зевсом»⁴⁰. Одновременно существовало представление, что Антиной может выступать в образе Гермеса⁴¹. Итак, Антиной выступал как сын Гермеса, отождествляясь с ним, и одновременно как сын Зевса, с образом которого контаминировался Адриан. Император почитался в Вифинии как *theos synnaos* наряду с Гермесом и Антиноем.

В Египте существовала похожая ситуация. Антинополь – основное место поклонения богу Антиною – находился на противоположном берегу от Гермополя – главного культового центра Тота, отождествляемого с Гермесом. В Гермополе император, наряду с Тотом, почитался как *theos synnaos* (Р. Hamb. 1. 73. II. 19–20)⁴². С этим богом отождествлялся монарх, что отражается в Хоровом имени римского правителя («Установил он (т.е. император) закон (*smn.n.f hp.w*) по всей земле, подобно Тоту, который устанавливает Маат (*hr it.(t) m;ꜥ.t*)⁴³). Культовое почитание Тота тесно переплеталось с поклонением Антиною, что отражалось в тексте обелиска, где Тот участвовал в возрождении покойного Антиноя. Бог Тот, получив от обожествленного фаворита Адриана сердце-*jb*, говорит: (*di=i n.k ꜥnh ib.k rꜥ nb*) «Даю я тебе, чтобы жило твое сердце каждый день»⁴⁴.

Итак, богосыновство Антиноя было связано не только с образом Ра-Харахти, но и Зевса, с которым отождествлялся император Адриан. Римский правитель

³⁵ Kessler 1994, 143.

³⁶ Gutbub 1973, 322–324.

³⁷ Grenier 2008, 47. 3.

³⁸ Meyer 1991, 164.

³⁹ Meyer 1991, 147.4.

⁴⁰ Copete 2017, 120.

⁴¹ Meyer 1991, 145. 1.

⁴² Herklotz 2007, 278–279.

⁴³ Herklotz 2007, 413.

⁴⁴ Kessler 1994, 134; Grenier 2008, 13.

почитался наряду с Антиноем, образ которого переплетался с Тотом-Гермесом. Одновременно Тот отождествлялся с императором, поэтому образы правителя и Антиноя могли сопоставляться. Необходимо отметить, что бог Тот традиционно играл роль психопомпа при восхождении покойного царя на небо (Руг. 387, 595, 1377), образы которого, как было показано выше, повлияли на текст обелиска Антиноя.

Восхождение Антиноя на небеса имеет греческую параллель в поэме, которая была сочинена в честь императора Диоклетиана как панегирик (*Encomia a Diocleziano*) в момент его вступления на престол в 284/285 г. или в период, когда он посетил Египет 297/298. Общая идея этого произведения – пропаганда образа императора Диоклетиана как спасителя и благодетеля: он выступает как сын Юпитера, который умиротворяет землю, приносит свободу и возвращает «Золотой век», при этом император отождествлялся с Юпитером-Зевсом⁴⁵. В этом тексте нас интересует часть, повествующая о вознесении Антиноя на небеса (Р. Оху. 4352.10–13):

ἐς Νεῖλον δ' ἔσπευσε λεόντεον αἶμα καθῆραι,
ἥ δὲ φαεινότερησιν ἐπ' ἐλπῶρησι Σελήνῃ
κέκλετο μαρμαίρειν θαλαμηπόλον ἄστερ.
κύκλωι δὲ στέψασα νέον φάος ἔσχεν ἀκοίτην.
«К Нилу он (Антиной) поспешил, чтобы львиную кровь смыть.
Селена же с блестящими надеждами
Утвердила жениха (супруга), чтобы сверкал, (он подобно) звезде.
Свет охватил молодого мужа, которым она увенчала небосвод».

Д.Г. Пиккарди отмечает, что данный отрывок посвящен соединению Антиноя и Селены в супружескую пару, причем Антиной выступает в образе светящейся звезды, а Селена играет роль жены и одновременно служанки, которая упорядочивает звезды и готовит супружеское ложе на небосводе. Автор обращает внимание на схожесть сюжета оксиринского папируса с описанием теогамия Геры и Зевса в переработке гомеровской Иллиады поэтом Нонной (в его «Дионисиаке»)⁴⁶. Ж.-К. Гренье указывает на существование в Ланувии божественной пары – Дианы и Антиноя, – которая стала местным вариантом теогамии обожевленного фаворита Адриана и богини⁴⁷.

В греко-римское время лунная богиня Селена отождествлялась с Исидой, брак которой с Осирисом, египетским прототипом бога Осириса-Антиноя, интерпретировался греками как космическое единство луны и солнца (Diod. I. 11. 1)⁴⁸. Образ Исиды сочетался со звездами и луной (Apul. Met. 11. 4; PGM IV. 1301–1305). Одновременно существовало представление о браке Исиды и Осириса, которые соединяются в теогамии на луне (Plut. De Iside et Osiride. 43). Согласно «Текстам Пирамид», покойный царь, отождествленный с Осирисом, взбирается на небо на бедрах Исиды (Руг. 379с), она помещает его среди звезд, при этом Исида выступает как персонификация лестницы, по которой усопший царь взбирается на небеса

⁴⁵ Agosti 2002, 52, 56.

⁴⁶ Piccardi 2002, 56–57.

⁴⁷ Grenier 2008, 54.

⁴⁸ Delia 1998, 542.

(Руг. 939–941b). Эта идея переплеталась с представлениями об Осирисе как персонификации звезды-Ориона, а Исиды как воплощении Сотиса⁴⁹.

Таким образом, идея о превращении Антиноя в звезду уходит корнями в религиозные верования египтян, находит свое подтверждение в сообщении Диона Кассия [Dio Cass. LXIX. 11. 4], отображается в чеканке монет, где образ Антиноя сочетался не только со звездой, но и с лунным месяцем⁵⁰ – символами, связанными с Исидой.

В сюжете вознесения Антиноя на небеса и его превращения в звезду прослеживается связь с идеей апофеоза императоров, согласно которой богиня Веста ведет Гая Юлия Цезаря «под небесные кровы» Юпитера (Ovid. III. 697–704). Идея вознесения Цезаря тесно переплетается с образом звезды, в которую после смерти превратился римский диктатор. Знаком для такого мнения в римском обществе стала комета, которая появилась на небе во время игр в честь обожествленного Цезаря (Suet. Jul. 88; Plin. HN 2. 94). Сама комета представляла собой дурное предзнаменование (и продолжала таковой быть), но стихийное желание народа подтолкнуло Августа украсить статуи Цезаря звездой⁵¹. Культовая статуя (eikon) Цезаря стояла в храме Квирина, другая (agalma) – в храме Venus Genetrix⁵². Представление о Цезаре, который стал звездой, также было отображено в монетах⁵³.

Идея вознесения женским божеством обожествленного члена императорской семьи отображается в сцене апофеоза Луция Вера на Алтаре Антонина в Эфесе. На одной стороне этого алтаря богиня Виктория на своей колеснице ведет Вера в небо (под колесницей Tellus-земля, перед ней солнце и Virtus), на другой – Артемида-луна в колеснице, которую сопровождает персонификация вечера (перед ними образ Ночи, под колесницей море). Между этими изображениями на входе в алтарь Луций Вер представлен в сообществе богов. Здесь Луций Вер – это персонификация солнца, Артемиды-Виктория – луны⁵⁴. В греко-римское время Артемиды отождествлялась с Исидой-Бастет⁵⁵, что позволяет сопоставить образы апофеоза Луция Вера и Антиноя. Необходимо отметить, что Виктория-Ника, согласно римским представлениям, играла особую роль богини триумфа и военной победы, которая возлагала венки на головы императоров-триумфаторов и фактически провозглашала их богами⁵⁶. В Римском Египте Виктория появляется на погребальных покрывалах и саркофагах, символизируя победу над смертью⁵⁷: она помещает венок на головы покойных. Схожий мотив прослеживается в изображении, где Виктория возлагает венок на голову Марка Аврелия⁵⁸. Символ венка в гробницах римского времени находит параллель в «венке оправдания» Хора (*m3ḥ n m3c-ḥrw*) из 19 главы «Книги мертвых», который был отличительным знаком Осириса и оправданного покойного [WB II. 5] и являлся символом триумфа

⁴⁹ Кеес 2005, 138.

⁵⁰ Meyer 1991, Taf. 115.5.

⁵¹ Koortbojian 2013, 27.

⁵² Koortbojian 2013, 28.

⁵³ Kreitzer 1990, 213.

⁵⁴ Price 1984, 159; Koortbojian 2013, 95–96. Fig. V.I.

⁵⁵ Delia 1998, 542.

⁵⁶ Koortbojian 2013, 23. Fig. II.5.

⁵⁷ Riggs 2008, 199–201.

⁵⁸ Riggs 2008, 201.

над смертью, победы Осириса над врагами и его перерождения в загробном мире. Взаимосвязь венка, образов Хора-Аполлона и Осириса отражается в античных источниках (Diod. I. 17. 4–5). «Венки оправдания» были представлены в храмах греко-римского периода, в сценах которых царь преподносит их богу Хору и другим божествам, а сами венки представлены в виде круга, иногда с уреем или Оком Уаджет⁵⁹. Венки из цветов, символизирующие «венки оправдания» Хора, присутствуют в погребальном искусстве греко-римского периода и имеют тесную связь с культом Исиды⁶⁰. Данная связь подтверждается сообщением Апулея в «Метаморфозах», где Луций в образе осла, на голову которого был надет венок, превратился обратно в человека (Apul. Met. 11. 13), переродившись к новой жизни.

Таким образом, апофеоз Антиноя обнаруживает общие черты с обожествлением императоров и членов императорской семьи. Обожествленный Антиной связан с образами звезды и венка, которые являются атрибутами богини Исиды. Образ венка находит параллели в «венке оправдания» Хора – атрибут Осириса и покойных. Антиной, являясь персонификацией венка (στέψασα), сам выступает символом перерождения после смерти. Одновременно цветы в венке мыслились как ζῶα ὑπὸν Ἀντινόοιο «плата за жизнь Антиноя»⁶¹. Образы цветов отобразились в поэме Панкрата (Р. Оху. XVIII. 1085), где Антиной выступает в качестве героя, повергающего льва. Противник испускает кровь на землю, из которой появляется цветок – лотос. Образ лотоса в тексте Панкрата связан с представлениями о смерти Антиноя и его последующим возрождением⁶², а также с героями, которые погибли насильственной смертью – Адонисом, Нарциссом, Гиацинтом⁶³.

Необходимо отметить, что образ лотоса переплетался с идеей рождения и перерождения бога и царя. Из этого цветка, возникшего из первобытного океана Нуна, в начале времен появился солнечный бог-демиург Атум (или Ра) в виде новорожденного ребенка. Согласно египетским представлениям, солнце рождалось из лотоса каждый день⁶⁴. Солнечный бог Ра в одном из изречений «Книги мертвых» назван: (*ḥwnw n nb pri m ššni*) – «золотой ребенок, который выходит из лотоса»⁶⁵. Представление о рождении солнца из лотоса сохранилось вплоть до римского времени (Plut. De Iside et Osiride. 11). Данная идея переплеталась с представлением о царе, который рассматривался как воплощение бога Ра. Подобно солнечному богу, покойный монарх стремился переродиться в теле богини Нут и появиться на свет во время утренней зари в образе молодого теленка-солнца⁶⁶. Богиня Нут рассматривалась в образе саркофага и гробницы, через которые царь восходит к небу и стремится переродиться (Pyr. 616 d–f)⁶⁷. Данное представление продолжало существовать на всем протяжении египетской истории и сохранилось в римское время: покойный в Римском Египте продолжал надеяться на помощь

⁵⁹ Derchain 1955, 225–287.

⁶⁰ Riggs 2008, 81–82.

⁶¹ Grenier 2008, 52; Piccardi 2002, 55.

⁶² Pfeiffer 2010, 161–163.

⁶³ Grenier 2008, 48–51.

⁶⁴ Moret 1917, 502.

⁶⁵ Morenz, Schubert 1954, 45–46.

⁶⁶ Assmann 1989, 139–140.

⁶⁷ Allen 1989, 17.

богини Нут, через которую он в потустороннем мире сможет переродиться и пребывать среди просветленных⁶⁸.

Бог Хор, солнечное божество (как и Ра), при рождении мыслился выходящим из лотоса. Так, на остраконе времен XX династии солнечное божество в образе сокола-Хора назван *nhbw wr hci m Nwn* «великий лотос, который воссиял из Нуна»⁶⁹. Этот образ сочетался с изображением Хора-Ра, выходящего из лотоса⁷⁰. Подобное представление сохранилось в Египте во времена римского господства. В храмовых изображениях «Дома рождения» (маммизи) Дендеры периода правления Траяна (или Адриана) есть две сцены, на одной из которых бог Хор, сын Исида, на другой – Харсомтус (Хор, объединяющий Обе Земли), сын Хатхор, изображены выходящими из лотоса, им помогают богиня Таурет (Перет) и бог Бес⁷¹. Таким образом, рождение божественного дитя было связано с лотосом.

Осирис-Антиной также выступал в образе бога-ребенка, о чем есть намек в тексте обелиска: (*hr nty hpr mt-ntr pw m wn-mꜣꜣ m hꜣ.w.f...h.t wdꜣ.(t) mw.t.f dnw.t.f hr mshn in...*) «потому что становится семя бога в качестве истинного в членах его... невредимое тело матери его. Семейство его в Доме отдыха...» [III d]. Д. Кесслер отмечает, что данный текст посвящен рождению Осириса-Антиной, причем он в этом образе выступает отождествленным с богом Хором, являясь сыном Исида и бога-отца Осириса, который перерождается с появлением новорожденного дитя⁷². Ж.-К. Гренье связывает данный пассаж с представлениями о рождении божественного дитя в храмах Нового Царства, где представлено появление царя-бога от теогамии земной женщины-царицы и бога Амона (Амона-Ра), а также указывает на взаимосвязь этой части текста обелиска с представлениями о рождении бога-ребенка в римское время⁷³. Осирис, египетский прототип Осириса-Антиной, в храме в Карнаке греко-римского времени выступает как бог-ребенок, порожденный богиней Ипет, загрязненной с Нут. Рождение Осириса рассматривается здесь одновременно как перерождение после смерти⁷⁴. В римское время Осирис мог рассматриваться как бог, дающий рождение детей (P.Schmidt)⁷⁵, что связывает его образ с идеей рождения божественного дитя и перерождения после смерти.

Необходимо добавить, что появление на свет бога-ребенка сопровождалось появлением венка (Plut. De Iside et Osiride. 14). Венки из цветов были очень популярны во время Великих Антиновых игр, и, согласно P. Tebt. II. 592, образ Антиной сочетался с венками⁷⁶. Венками из цветов награждали победителей в Великих Антиновых играх: (*hr di.(t) n.sn šp.w mhꜣ.w r tp.sn fkꜣ.tw m nfr.w nb.w wꜣh.tw jh.wt hr kꜣr.w.f rdj.tw n htp-ntr m-bꜣh rꜣ nb... dwꜣ.tw n.f jn hm.w.wt Dhwtu m ꜣwj m bꜣ.f*) «дается им почетная награда. Венки на голову их. Вознаграждаются всем хорошим. Приносятся жертвы на алтари его, (поскольку) ранее приносились жертвы богам

⁶⁸ Riggs 2008, 75–76.

⁶⁹ Morenz, Schubert 1954, 46.

⁷⁰ Moret 1917, 506.

⁷¹ Morenz, Schubert 1954, 48; Lepsius 1970, IV. 85.b,c.

⁷² Kessler 1994, 145.

⁷³ Grenier 2008, 59–60.

⁷⁴ Daumas 1958, 37–41.

⁷⁵ Frankfurter 1998, 41, 251.

⁷⁶ Meyer 1991, 255.

каждый день... Произносится хвала для него (посредством) искусства Тота в широте и силе его» [IIIb].

Итак, образ Антиноя как бога-ребенка сочетался с лотосом – символом рождения божественного дитя и атрибутом героев. Солярные черты образа лотоса были связаны с представлением о перерождении покойного царя в Загробном мире. Образ лотоса сочетался с венком, который мыслился не только как символ перерождения после смерти, но и как символ появления на свет бога-ребенка. Этот атрибут, с которым отождествлялся Антиной, был наградой в Великих Антиноевых играх.

Образ Антиноя включал в себя Хоровы черты, что отражается в тексте обелиска: (*Wsir ʿndynws mꜣ-ḥrw ḥpr.n.f m ḥwnw nfr ḥr šḥb mnd.t...ph.ti ršw ib.f mi kn.t (ršw) gbꜣ.ti šsp.n=f wd.t nty nṯr.w m ks.t ḥrw.f ꜣwi*) «Осирис-Антиной, правогласный, стал он юношей с прекрасным лицом и с праздничным украшенным Оком... силе радуется сердце его, как и храбрости – обе (его) руки. Получил он приказ от богов в день его смерти» [IIa].

Д. Кесслер указывает на то, что представление об Осирисе-Антиное как «юноше с прекрасным лицом» дает основание отождествлять обожествленного фаворита Адриана с богом Хором⁷⁷. *Ḥwnw* – составная часть Хорова имени некоторых владык эпохи Птолемеев, которая характеризуется, прежде всего, как переродившийся юный Хор и, наконец, как сильный и победоносный бог на троне своего отца в качестве «прекрасного обликом, чье Око радуется»⁷⁸. Эпитет «юноша с прекрасным лицом и с праздничным украшенным Оком... силе радуется сердце его, как и храбрости – обе (его) руки» перекликается с эпитетом «сильный юноша» (*ḥwnw kni*), которые носили покойные цари греко-римского времени [WB III. P. 53. b]. Также данный эпитет Антиноя сочетается с Хоровым именем императоров: «Пусть живет Хор-Ра, рука которого сильна (*tmꜣ-ꜣ*), сила которого велика (*ph.ty wr*), прекрасный юноша (*ḥwnw nfr*)»⁷⁹.

Сочетание в образе Антиноя черт Осириса, царя Загробного мира, и Хора, небесного прототипа правителя, а также использование в апофеозе Антиноя элементов обожествления правителей по греческому и египетскому образцам, черты которых переплетались друг с другом, и представление об Антиное как боже-ребенке, которое находит параллель в рождении божественного дитя, отождествленного с правителем в египетских храмах римского времени, позволяли изображать Антиноя как египетского фараона – юного переродившегося бога с атрибутами Осириса⁸⁰.

Ж.-К. Гренье связывает образ «юноши с прекрасным лицом» с греческими представлениями о героях и указывает на взаимосвязь этой идеи с текстами двух поэтов: Панкрата (Р. Оху 1085. II. 1–25) и Афиней (XV. 77, d–f), повествующих об охоте Адриана и его фаворита на льва в ливийской пустыне. Так, согласно папирусу (Р. Оху. 1085), в котором записана поэма александрийского поэта Панкрата, Антиной выступает как победоносный герой, защищающий своего господина – императора Адриана – во время охоты на грозного льва. Этот зверь представлен как

⁷⁷ Kessler 1994, 141.

⁷⁸ Kessler 1994, 131.

⁷⁹ Herklotz 2007, 413. Kat. H1.

⁸⁰ Kessler 1994, 132.

сверхъестественное существо огромного размера, выступающее против Антиноя: ὡς ὃ γ' ἔβη κατέναντα θεοῦ κλυτοῦ Ἀντινόου τε, οἷα γιγαντολέταο Διὸς πάρος ἄντα Τυφωεύς «...и таким образом он (лев) бросился навстречу прославленному богу (Адриану) и Антиною, как некогда Тифон на Зевса, убийцу титанов» (после чего Антиной повергает своего противника)⁸¹. Образ Антиноя как героя переплетается с Адонисом и Аполлоном, связь которых особенно ярко видна из курионского гимна (Кипр): ὡς αἰνοῦμεν Ἀδωνιν ὑπὸ χθόνα πατρίδ' ἀποφθίμενον Ἀντίνοον λέγε μοι... καλλικόμη, μάκαρ, Βειθύνιε, πορφυρεῶπα, χρυσοπτερύγου γόνε ματρός «Мы приветствуем Адониса, который живет под землей, которого мы недавно называли Антиноем... прекрасноволосый, счастливый, вифинец, отпрыск золотокрылой матери»⁸². Антиной назван в тексте (καλλικόμη) «прекрасноволосый», а Аполлона именовали (εὐκόμης) «прекраснокудрый»⁸³. Подобные поэтические сравнения двух образов демонстрируют прямое отождествление Аполлона и Антиноя.

Антиной отождествлялся с Аполлоном в Дельфах – в городе, который был знаменит своим пифийским святилищем оракулов. В Дельфах наряду со статуей Аполлона было установлено изваяние Антиноя, заключавшее в себе Аполлоновы черты. Контаминация Антиноя и Аполлона показывала не только соединение двух местных культов, но и демонстрировала панэллинский характер «нового» бога⁸⁴.

Антиной выступал как герой в качестве персонификации бога Аполлона в сочетании со змеей. В музее Рима (Museo Nuovo Capitolino) хранится фрагмент статуи Антиноя-Аполлона, рядом с которым стоит опора в форме бревна с извивающейся вниз змеей⁸⁵. Необходимо отметить, что покойного героя в частных сценах греко-римского времени сопровождали изображения слуг, детей, собак, причем часто среди них была представлена змея⁸⁶. О змее, которая была рядом с покойным героем, говорит Плутарх (Plut. Agis-Cleom. 60). В этом сообщении рассказывается об усопшем спартанском царе Клеомене, распятом в Александрии. Тело его защищала змея, которая появилась из жидкостей, исходящих из гниющего тела царя. Александрийцы обращались к нему с молитвами, называя царя героем и сыном бога. Данный образ имеет свои египетские параллели. Покойный в сознании египтян отождествлялся с Осирисом. Образ этого бога связывался с идеей начала разлива реки Нил, причиной которого были проистечения, выходящие из гниющего тела Осириса (Pug. 848)⁸⁷. Эта идея сопровождалась параллельным представлением: разлив реки связывался с падающей слезой богини Исида, которая оплакивала своего мужа (Paus. X. 32. 10). Исида в греко-римское время контаминировалась с Хатхор, которая традиционно представлялась в образе змеи-урей, защищающей богов (*mḥn ḥr tp n ntr nb* – «змея на голове бога любого»⁸⁸). Необходимо отметить, что в некрополе Антинополя были найдены мумии ястребов – священных птиц Хора, который в греко-римское время отождествлялся с Аполлоном (Plut. De Iside et Osiride. 12, 54, 61). При этом во время праздника «становления»

⁸¹ Thomson 2013, 160; Grenier 2008, 47–49; Kuhlmann 2002, 200; Meyer 1991, 164.

⁸² Thomson 2013, 160; Kuhlmann 2002, 257.

⁸³ Kuhlmann 2002, 232.

⁸⁴ Kuhlmann 2002, 231.

⁸⁵ Meyer 1991, 73. Taf. 61–62.

⁸⁶ Jones 2010, 56.

⁸⁷ Frankfort 1948, 190–191.

⁸⁸ De Morgan 1902, pl. 214.

Осирисом (die Osiriswerdung) участвовали две статуи в образе сокола – священных птиц Хора⁸⁹. Отсюда переплетение образов Осириса и Хора, а наличие мумий соколов в некрополе Антионополя демонстрирует переплетение образа Антиноя, отождествленного с Хором-Аполлоном, с загробным миром. Итак, изображение Антиноя в образе Аполлона в сочетании со змеей имело эллинистические параллели и уходило корнями в египетские религиозные верования, связанные с потусторонним миром. Представление об Антиное как мертвом герое, который утонул в Ниле, сочеталось с египетскими идеями об участии утонувшего. Утопленника жрецы бога Нила должны были с почестями похоронить и почитать как божество (Herod. II. 90). В Омбосе (Ком-Омбо) погибнуть в пасте крокодила (=утонуть в Ниле) считалось самой счастливой смертью. Перед погибшим «появляются жрицы, словно приносят, вероятно, (новому) богу пищу и (божественную) трапезу» (σερμαὶ περιάσιν, οἷα δῆλον τεκοῦσαι θεῷ βορὰν καὶ δεῖπνον (Aelian. NA. X. 21). Необходимо отметить, что заупокойные черты Антиноя-героя в образе Аполлона переплетались с представлениями об Аполлоне-Хоре, совершившем поход по всему миру вместе с Осирисом (Diod. I. 17. 3).

Схожие идеи относятся к образу Антиноя, который выступал в качестве воплощения греческого бога-героя Диониса, отождествляемого с египетским Осирисом. Осирис и Дионис, согласно античным литературным источникам, совершили поход по всему миру с целью научить все человечество благодетельному образу жизни (Diod. 17.1–2), выступали как спасители и благодетели человечества, благодаря которым люди научились земледелию, цивилизованному образу жизни (Diod I. 14). Эти боги проявляли себя как покровители музыки, праздников и вина (Diod I. 15. 8–9). Необходимо отметить, что Дионис-Загрей был, подобно Осирису, растерзан на куски и потом вновь оживлен – образ, который связан с плодородием⁹⁰. Одновременно существовало представление о Дионисе-Загрее как охотнике, который охотится вместе с Артемидой⁹¹. Этот образ позволяет сопоставить Диониса с Антиноем через сюжеты охоты на льва⁹² и апофеоза обоженного фаворита, которого уносит на небеса Селена-Исида, отождествленная с Артемидой. Необходимо отметить, что римские императоры представляли себя в образе Дионисия-Вакха, и, в частности, император Адриан почитался в Никомедии как νεὸς Διόνυσος⁹³. Одновременно Адриан воспринимался как земное воплощение бога Аполлона, взаимосвязь которого с римским императором определялась филэллинской политикой правителя⁹⁴. Эти представления дают основание сопоставить образы римского правителя и Антиноя как персонификации героя Диониса – охотника, воина и распространителя культурного образа жизни – с Аполлоном, проявляющим себя как цивилизатор народов. Благодаря связи императора с Дионисом и Аполлоном, которые отождествлялись с Антиноем, римский правитель сам выступает как цивилизатор подвластных ему народов, распространяя Roma-

⁸⁹ Kessler 1994, 121–124.

⁹⁰ Kuhlmann 2002, 223.

⁹¹ Kuhlmann 2002, 224.

⁹² Kuhlmann 2002, 225.

⁹³ Kuhlmann 2002, 225.

⁹⁴ Talloen 2005, 226.

nitas – римский образ жизни, строительство городов по римскому образцу, поклонение римскому владыке, общие праздники и т.д.

Представление об Антиное как герое отображено на александрийских монетах, где он (на реверсе) представлен сидящим верхом на лошади и держащим жезл Гермеса (Легенда: ANTINOOS HPMOS). На аверсе – бюст Антиноя с миниатюрной короной Хем-Хем⁹⁵. Схожий образ представлен на фрагменте известняковой плиты, служившей для отлива медальонов. Здесь Антиной с иконографическими чертами Гермеса и короной Хем-Хем на голове изображен восседающим на коне⁹⁶. На тарсосской монете Антиной представлен восседающим на пантере (иконографический образ Диониса), в руке у него копье (Легенда: ANTINOOS HPMOS)⁹⁷. Образ героя-всадника находит параллель в представлениях о победоносном боге Хоре [Plut. De Iside et Osiride. 19], который поражает своих врагов⁹⁸, обеспечивая разливы Нила и плодородие [PDM XIV. 1219–1227].

Бог-герой Антиной почитался в ежегодных Великих Антиновых играх (Μεγάλων Ἀντινοείων – греч. папирусов): (*Wsir ʿndynws m3ʿ-hrw nty im iri.tw hg3w m-hnw i3.t.f nty im iw rn.s iw rn.f (pw) n kn.w imi.w t3 pn hnʿ isw.t hnw hnʿ tkn.w n t3 r 3w.f rd.w nb.w mit.t nty r bw b3.w-Rʿ hrj Dhwty*) «Осирис-Антиной, правогласный, который там. Совершается празднование внутри (священного) места его – (того), который там. Вот имя ее и имя его – силачи-атлеты, находящиеся в земле этой, гребцы и бегуны всей земли (этой), так же, как и все люди, которые перед местом священных надписей, где находится Тот» [IIIa].

В данном пассаже мы предлагаем читать (*jw rn.s jw rn.f (pw) n kn.w...*) «Вот имя ее и имя его – силачи-атлеты...», где *rn. f (rn.s)* – сказуемое, *kn.w, jswt, tkn.w, rd.w* – подлежащее. Главные члены предложения выражены существительными. Правомочно здесь поставить *rw*⁹⁹. Данное прочтение дает основание полагать, что в Великих Антиновых играх принимали участие не только юноши, но и девушки. Присутствие имен молодых женщин в списках гимнасиев и, как следствие, участие девушек в спортивных соревнованиях римского времени засвидетельствовано в надписи из Арголиды (IG. IV. 732)¹⁰⁰, а также в папирусных текстах в Римском Египте (P. Corn. 118; P. Оху. 34. 3136)¹⁰¹. Великие Антиновые игры уходили корнями в культ греческих героев, для которых устраивались ежегодные спортивные соревнования¹⁰², а также имели прототип в соревнованиях силачей-атлетов и гребцов, которые представляли собой традиционные элементы праздника «явления фараона»¹⁰³.

Как было показано выше, за победу в Великих Антиновых играх участники получали венок, который сопоставлялся с образом Антиноя. Согласно тексту папируса (PSI 3 199), после спортивных соревнований по приказу эпистратега создавались (εἰκονίσται) изображения (или статуи) победителей. Одержавшим

⁹⁵ Meyer 1991, 146.3. Taf. 119.

⁹⁶ Parlasca 2008, 348–349. Abb. 1

⁹⁷ Meyer 1991, 149. Taf. 118.5.

⁹⁸ Frankfurter 1998, 3–4.

⁹⁹ Gardiner 1950, 104, §130.

¹⁰⁰ Tsouvala 2015, 111–123.

¹⁰¹ Tsouvala 2015, 117.

¹⁰² Jones 2010, 56.

¹⁰³ Kessler 1994, 126.

победу участникам даровалось право быть гражданами города Антинополя. На эту мысль наводит эпитет, который дается юношам-победителям – οἱ εἰσκριθέντες παῖδες (юноши, которые вступают в гражданство города). Приобретение гражданства фиксируется договорами (διατάξεις). Статус новых жителей (οἰκιστοῦ τῆς ἡμετέρας πόλεως) подтверждается номархом (νομάρχου), Советом (τῆς κρατίστης βουλῆς), пританейской филлой (τῆς πρυτανευούσης φυλῆς). В тексте использован термин οἰκιστοῦ (обозначающий «основатель»), который дает основание полагать, что победитель в Антиновых играх не был жителем Антинополя и получал статус гражданина за выдающиеся достижения в рамках Игр.

Одной из отличительных черт культа героя является наличие созданной в его честь статуи, которую устанавливали в храме. Согласно тексту папируса, в качестве награды за победу в спортивных соревнованиях изготавливались статуи (eikon), которые, возможно, устанавливались в храме в Антинополе.

Победы атлетов сочетались с представлением о победе Антиноя, который охотился на льва. В этом повествовании обожествленный фаворит выступал как идеальный герой, в связи с этим победившие в соревнованиях спортсмены как бы уподоблялись ему в своих спортивных достижениях. Поэтому они становились сопричастны образу Антиноя, и при изготовлении статуй в их честь изваяния получали «Антиновые черты». Подтверждением этому может служить статуя из Остии, в котором угадываются иконографические черты фаворита императора Адриана¹⁰⁴. Аналогично в изображении Полидевка, сына Герода, также присутствуют Антиновые черты¹⁰⁵. Конечно же, все эти изображения были созданы для умерших родственников, получивших почести героев. Но, исходя из взаимосвязи образов победы Антиноя и атлетов из папируса, можно предположить, что их изваяниям, подобно статуе из Остии и мраморной голове Полидевка, придавались Антиновые черты, которые демонстрировали сопричастность «новых граждан» образу идеального героя.

Уподобление образу Антиноя имело не только мифо-религиозное значение, но и определенный политический характер. Так, Герод, греческий миллионер, придавая своему покойному сыну-герою Антиновые черты, рассматривал себя как заместителя императора (imperial imitator)¹⁰⁶: устанавливая культ героя и игры в честь своего сына, выступающего в образе Антиноя¹⁰⁷, Герод поступал как Адриан по отношению к своему фавориту. При этом Герод воздвиг статуи императора и его жены Сабины в Олимпии наряду с собственным изваянием и изваянием своей супруги¹⁰⁸, демонстрируя сопричастность образу римского правителя. Это, по всей видимости, давало самому Героду, по системе «дарообмена», определенные экономические и политические преимущества.

Изготовление изваяний, которые уподоблялись образу Антиноя, «устанавливало ментальную и эмоциональную связь между императором и его подданными»¹⁰⁹: с одной стороны, они воспринимали образ обожествленного

¹⁰⁴ Meyer 1991, Taf. 140.3.

¹⁰⁵ Vout 2005, pl.X.1.

¹⁰⁶ Vout 2007, 87.

¹⁰⁷ Šašel 2007, 188.

¹⁰⁸ Vout 2007, 87.

¹⁰⁹ Vout 2007, 121.

фаворита, призванного объединить полиэтническое общество в понятных для него мифологических и религиозных парадигмах (образов Дионисия, Аполлона и др. богов-героев), с другой – сами становились сопричастны римскому правителю, который, таким образом, был «более реальным и менее абстрактным»¹¹⁰.

Великие Антиновые игры сопровождались ритуалами лечения и предсказания, в ходе которых Антиной принимал разные образы: (*šm.n=f m i3.t.f r gs.w-pr.w š3.w n i3 (r) dr.f hr sdm.n=f nh.t n š n.f snb.n=f mr(w) iwtiw m h3b.n=f rs.w.t hpr.t.n=f k3t.f m wnniw iri.n=f hpr.w nb.w (in) p3 ib.f*) «Шел он из места своего в многочисленные храмы всей земли (этой). Слышал он просьбы тех, кто зывал к нему. Делал он больных здоровыми, когда посылал он сон. Совершал он работу свою среди живущих. Делал он всякие образы (свои) сердцем своим» [IIIc].

Представления об Антиное, который принимает разные образы, сочетались с учением о том, что люди могут превращаться в героев, герои – в полубогов, а полубоги, после того как они очистятся, получают полностью божественную сущность (Plut. De def. orac. 10). Эту же идею Плутарх прослеживает в отношении египетских богов Исида и Осириса: «Осирис и Исида превратились в богов из добрых демонов» (Plut. De Iside et Osiride. 30). Схожие представления проявлялись в образе бога-героя Антиноя, который почитался как *h3i* (*h3i nty im* – «почтенный (бог), который там» [IVa]). Эпитет *h3i* (WB III. P. 157. «почитаемый») – термин, имеющий греческий эквивалент *theos* или *heros* (лат. *deus*)¹¹¹ и сочетающийся с именем бога Харесиеса (Хора, сына Исиды, или, возможно, Хора-*h3i*), святилище которого засвидетельствовано в Антинополе¹¹².

Как было показано выше, Антиной выступал в качестве героя. Он проявлял себя как мертвый дух (*νεκροδαίμων Ἀντίνοος*), дарующий любовь¹¹³, а также в качестве великого бога – Осириса-Антиноя (P.Lond. II. 117. 383). От него ждали избавление от болезней, предсказания будущего и чудес (*ἀρετάς*) (Origen. Contra Cels. III. 36). Необходимо отметить, что разные образы Антиноя отображались в его статуях, в которых он, как египетский бог, имел три различные формы: Осирис-Антиной с атрибутами Осириса как восседающий на троне бог во время праздника его египетского прототипа, Осирис-Антиной как бог спаситель и лекарь, дающий лечение и оракулы, и Осирис-Антиной в образе юного бога¹¹⁴.

Итак, Антиной мог выступать в образе Осириса, Хора, вбирать в себя черты Тота-Гермеса, Аполлона, Диониса, выступать в роли божественного дитя, коронованного фараона. Антиной был обожествлен по египетскому и греко-римскому образцам, которые включали в себя элементы, характерные для апофеоза императоров и членов императорской семьи, а также посмертного путешествия на небеса египетского царя. Все вышеуказанные элементы позволяли сопоставлять образы Антиноя и императора, который почитался в Египте как *theos synnaos* наряду с Антиноем, и были формой *Interpretatio Aegyptiaca* образа римского правителя в долине реки Нил. Образ бога Антиноя сочетался с образом венка, символизировавшего собой победу над смертью, рождение божественного дитя и

¹¹⁰ Vout 2007, 121.

¹¹¹ Renberg 2010, 174–176.

¹¹² Kessler 1994, 121–124.

¹¹³ Thomson 1976, 213–230.

¹¹⁴ Kessler 1994, 132.

перерождение в загробном мире. Антиной почитался в ходе ежегодных Великих Антиноевых игр, в которых принимали участие не только юноши, но и девушки, а присутствие участников на играх мыслилось как причастность не только образу Антиноя, но и императора. При этом Антиной мог принимать различные образы – героя, бога, мертвого духа, от которых ждали чудес и предсказаний.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES¹¹⁵

- Кеес, Г. 2005: Заупокойные верования древних египтян. *От истоков и до исхода Среднего Царства*. СПб.
- Agosti, G. 2002: P. Oxy 4352, fr. 5. II. 18–39 (Encomio a Diocleziano) e Menandro Retore. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 140, 51–58.
- Allen, J.P. 1989: The Cosmology of the Pyramid Texts. In: J.P. Allen, J. Assmann, A.B. Lloyd, R.K. Ritner, D.P. Silverman (eds.), *Religion and Philosophy in Ancient Egypt. Yale Egyptological Studies* 3, 1–26.
- Assmann, J. 1989: Death and Initiation in the Funerary Religion of Ancient Egypt. In: J.P. Allen, J. Assmann, A.B. Lloyd, R.K. Ritner, D.P. Silverman (eds.), *Religion and Philosophy in Ancient Egypt. Yale Egyptological Studies* 3, 135–159.
- Bell, H.I. 1940: Antionopolis: A Hadrianic Foundation in Egypt. *JRS* 30. 2, 133–147.
- Calandra, E. 2010: Villa Adriana scenario del potere. In: M. Rizzi (ed.), *Hadrian and the Christians. Millennium Studien* 30. Berlin, 21–50.
- Ciampini, E. M. 2004: *Gli obelischi iscritti di Roma*. Roma.
- Copete, J.M.C. 2017: Hadrian Among the Gods. In: E.M. Grijalvo, J.M.C. Copete, F.L. Gomez (eds.), *Empire and Religion. Religious Change in Greek Cities under Roman Rule*. Boston–Leiden, 112–138.
- Daumas, F. 1958: *Les mammisis des temples égyptiens*. Paris.
- De Morgan, J., Bouriant, U., Legrain, G. 1902: *Catalogue des monuments et inscriptions de l’Égypte antique. Haute Égypte. Kom Ombo* II. Vienne.
- Delia, D. P. 1998: Isis, or the Moon. In: W. Clarysse, A. Schoors (eds.), *Egyptian Religion. The Last Thousand Years. Studies Dedicated to the Memory of Jan Quaegebeur* 1. Leuven, 539–550.
- Derchain, P. 1955: La couronne de la justification: Essai d’analyse d’un rite ptolémaïque. *Chronique d’Égypte* 30, 225–287.
- Derchain, P. 1987: *Le dernier obélisque*. Bruxelles.
- Derchain, P. 1991: Un projet d’Empereur. In: D. Mendel, U. Claudi (hsrg.), *Ägypten im Afro-orientalischen Kontext. Aufsätze zur Archäologie, Geschichte und Sprache eines unbegrenzten Raumes: Gedenkschrift Peter Behrens*. Cologne, 109–124.
- Erman, A. 1917: Römische Obelisken. In: *Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse* 4. Berlin, 1–47.
- Frankfort, H. 1948: Kingship and the Gods: *A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature*. London.
- Frankfurter, D. 1998: *Religion in Roman Egypt: Assimilation and Resistance*. Princeton.
- Gardiner, A. 1957: *Egyptian grammar: being an introduction to the study of hieroglyphs*. Oxford.
- Grenier, J-C. 2008: *L’Osiris Antinoos*. Montpellier.
- Grimm, A. 1994: Die Inschriften des Antinoosobelisken: Übersetzung und Kommentar. In: H. Meyer (hsrg.), *Der Obelisk des Antinoos eine kommentierte Edition*. München, 25–88.

¹¹⁵ Поскольку список литературы и references полностью совпадают (за исключением одной работы на русском яз., перевод названия которой включен в references) редколлегия приняла решение не дублировать список работ на иностранных яз.

- Gutbub, A. 1973: *Textes fondamentaux de la theologie de Kom Ombo* 1. Caire.
- Herklotz, F. 2007: *Prinzeps und Pharao: der Kult des Augustus in Ägypten*. Frankfurt am Main.
- Jennings, T. A. 2009–2010: Man among Gods: Evaluating the Significance of Hadrian's Acts of Deification. *Journal of Undergraduate Research* I. 6, 75–83.
- Jones, C.P. 2010: *New Heroes in Antiquity: from Achilles to Antinoos*. Cambridge–London.
- Jovanova, L. 2016: Antinous – The last Roman God in Scupi. In: C. Grozdanov (ed.), *Monumenta* I. Skopje, 27–52.
- Kambitsis, S. 1976: Une nouvelle tablette magique d'Égypte. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 76, 213–230.
- Kees, G. 2005: *Zaupokojnye verovaniya drevnikh egiptyan. Ot istokov i do iskhoda Srednego Tsarstva* [The funeral beliefs of the ancient Egyptians. From the origins to the outcome of the Middle Kingdom]. Saint Petersburg.
- Kessler, D. 1994: Beiträge zum Verständnis des Obelisk. In: H. Meyer (hsrg.), *Der Obelisk des Antinoos eine kommentierte Edition*. München, 89–150.
- Klotz, D. 2017: Elements of Theban Theology in Plutarch and his Contemporaries. In: M. Erler, M.A. Stadler (eds.), *Platonismus und spätägyptische Religion: Plutarch und die Ägyptenrezeption in der römischen Kaiserzeit*. Berlin, 127–148.
- Koortbojian, M. 2013: *The Divinization of Caesar and Augustus: Precedents, Consequences, Implications*. Cambridge.
- Kreitzer, L. 1990: Apotheosis of the Roman Emperor. *The Biblical Archaeologist* 53. 4, 211–217.
- Kuhlmann, P. 2002: *Religion und Erinnerung: Die Religionspolitik Kaiser Hadrians und ihre Rezeption in der antiken Literatur*. Göttingen.
- Lepsius, R. 1970: *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien* II. Leipzig.
- Mari, Z. 2010: Villa Adriana: Da rovina a patrimonio dell'UNESCO. *LANX* 10, 153–171.
- Meyer H. Zur Geschichte Obelisk und seiner Bewertung durch die Klassische Altertumswissenschaft. In: H. Meyer (hsrg.), *Der Obelisk des Antinoos eine kommentierte Edition*. München, 9–24.
- Meyer, H. 1991: *Antinoos die archäologischen Denkmäler unter Einbeziehung des numismatischen und epigraphischen Materials sowie der literarischen Nachrichten; ein Beitrag zur Kunst- und Kulturgeschichte der hadrianisch-frühantoninischen Zeit*. München.
- Morenz, S., Schubert, J. 1954: *Der Gott auf der Blume: Eine Ägyptische Kosmogonie und Ihre Weltweite Bildwirkung*. Ascona.
- Moret, A. 1917: Le lotus et la naissance des dieux en Egypte. *Journal asiatique* 9. XI, 499–513.
- Mosch, von, H. 2001: Die Antinoos-Medaillons von Bithynion-Klaudiopolis. *Schweizerische Numismatische Rundschau* 80, 109–126.
- Parlasca, K. 2009: Antinoos Heros. *Chronique d'Égypte* LXXXIV, 348–356.
- Pfeiffer, S. 2010: *Der römische Kaiser und das Land am Nil. Kaiserverehrung und Kaiserkult in Alexandria und Ägypten von Augustus bis Caracalla (30 v. Chr.–217 n. Chr.)*. Stuttgart.
- Piccardi, D.G. 2002: Antinoo, Antinopolis e Diocleziano ("P.Oxy." 4352 fr.5 II). *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 139, 55–60.
- Price, S.R.F. 1984: *Rituals and Power: The Roman Imperial Cult in Asia Minor*. Cambridge.
- Renberg, G.H. 2010: Hadrian and the Oracles of Antinous (SHA Hadr.14.7); with an Appendix on the so-called Antinoeion at Hadrian's Villa and Rome's Monte Pincio Obelisk. In: V. Hyde Minor, B.A. Curran (eds.), *Memoirs of the American Academy in Rome* 55, 159–198.
- Riggs, C. 2008: *The Beautiful Burial in Roman Egypt: Art, Identity and Funerary Religion*. Oxford.
- Šašel, K.M. 2007: Antinous in Upper Moesia – The Introduction of a New Cult. In: M.G. Angeli Bertinelli, A. Donati (eds.), *Oponione pubblica e forme di comunicazione a Roma: il linguaggio dell'epigrafia. Atti del Colloquio AIEGL*. Borghesi, 177–188.

- Stefanidou-Tiveriou, T. 2018: Antinous and the Lerna Mysteries. A marble statue from the sanctuary of Demeter Prosymna and Dionysos at Lerna (Argolis). In: M. Fuchs (ed.), *Ahoros. Gedenkschrift für Hugo Meyer von Weggefährten, Kollegen und Freunden*. Wien, 87.
- Tagliaferro-Boatwright, M. 1987: *Hadrian and the City of Rome*. Princeton.
- Talloon, P., Waelkens, M. 2005: Apollo and the Emperors. *Ancient Society* 35, 217–250.
- Thomson T.W. 2013: Antinoos, The New God: Origen on Miracle and Belief in Third Century Egypt. In: T. Niklas, J.E. Spittler (eds.), *Credible, Incredible: The Miraculous in the Ancient Mediterranean*. Tübingen, 143–172.
- Tsouvala, G. 2015: Women Members of a Gymnasium in the Roman East (ig iv 732). In: J. Bodet, N. Dimitrova (eds.), *Ancient Documents and their Contexts. First North American Congress of Greek and Latin Epigraphy, 2011*. Leiden–Boston, 111–123.
- Vout, C. 2005: Antinous, Archaeology and History. *JRS* 95, 80–96.
- Vout, C. 2007: *Power and Eroticism in Imperial Rome*. Cambridge.
- Zaccaria M, Sgalambro S. 2007: The Antinoeion of Hadrian's Villa: Interpretation and Architectural Reconstruction. *American Journal of Archaeology* 111. 1, 83–104.

ANTINOUS' WORSHIPPING PECULIARITIES IN ROMAN EGYPT

Sergey A. Kachan

Independent researcher, Nizhniy Novgorod, Russia
Sergey-md@list.ru

Abstract. The cult of the Egyptian god Antinous is discussed in the paper. Antinous acted in the image of Osiris and Horus, absorbed the features of Apollo, Dionysus and other heroes, showed himself as a divine child and the pharaoh, was deified in Egyptian and Greco-Roman models that included the elements of apotheosis of the emperor and the posthumous journey of the Egyptian king to heaven. All these images allowed matching Antinous and the emperor. The Roman ruler was worshipped in Egypt as Theos Synnaos along with Antinous. Comparing the emperor with the deified Hadrian's minion was a form of the Interpretatio Aegyptiaca of the image of the Roman ruler in the valley of the Nile. During the Great Antinous Games, in which boys and girls took part, Antinous received the images of a hero, a god, and a demon-spirit, from whom miracles and predictions were expected. The image of Antinous was combined with the image of a wreath that symbolized the victory over death, the birth of the divine child and rebirth in the afterlife.

Keywords: Antinous, imperial cult, Osiris, Isis, Horus, Apollo, Dionysus, Thoth-Hermes, Great Antinous Games, hero cult

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 150–165
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 150–165
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-150–165

ОСАДЫ, ШТУРМЫ И СТРАТЕГЕМЫ: ОПИСАНИЯ ЗАХВАТА ГОРОДОВ ВО «ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ» ПОЛИБИЯ

Е.Г. Тейтельбаум

Независимый исследователь, Казань, Россия
eugteit@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов эллинистического историка Полибия (ок. 200–120 гг. до н.э.) на осадное дело. В отличие от предыдущих греческих историков, описывавших осады (Геродота и Филарха, например), Полибий редко применял традиционные литературные клише. В своих повествованиях он отводил второстепенную роль рассказам об эмоциях осаждающих и осажденных, делая упор на изложение конкретных фактов и обстоятельств осад. Это объяснялось наличием у Полибия практического военного опыта (он участвовал во взятии Карфагена римлянами в ходе Третьей Пунической войны), а также спецификой его научного метода. Он уделял большое внимание действиям осаждающих и осажденных, а также применению военной техники – различных осадных сооружений (подкопы, осадные башни, тараны) и осадных машин. Огромный интерес Полибия вызывали также захваты городов без долговременных осад с помощью военных хитростей (самые распространенные из них – измена части граждан и захват неохранных участков городских стен). Внимание ахейского историка к быстрому захвату городов было вызвано сложностью снабжения армий в ходе долговременной осады. В то же время внезапная атака на город позволяла использовать внутриполитические конфликты граждан, а также нехватку у них запасов оружия. Подобные операции были рискованными, но оправданными с учетом стратегической роли городов в военных конфликтах того времени. Взятие городов позволяло захватить огромные запасы добычи, продовольствия, а также приобрести базы снабжения и базирования. Все это было эффективным средством поставить противника в невыгодное положение в ходе военной кампании, а также вносило серьезные коррективы в намерения противоборствующих сторон. Именно поэтому враждующие армии использовали любые способы для их скорейшего захвата. Разнообразие описанных Полибием способов осад и взятий городов, а также тактических и стратегических факторов, сопровождавших осады, ярко показывает тот прогресс, которого достигло осадное дело в Средиземноморском мире III–II вв. н.э.

Ключевые слова: эллинизм, историография, Полибий, военное дело, военная теория, античность, стратегия, тактика

Эллинистическая эпоха была временем расцвета осадного дела¹. Военные инновации IV в. до н.э. способствовали прогрессу в осадной технике и возрас-

Данные об авторе: Тейтельбаум Евгений Григорьевич – кандидат исторических наук, независимый исследователь.

¹ Об осадном деле в эллинистическую эпоху см.: Garlan 1974, 201–271; Sabin 2008, 447–460; Коннолли 2001, 214–218.

танию роли осад в ходе военных действий². Во «Всеобщей истории» Полибия, посвященной войнам III–II вв. до н.э., описывается в общей сложности 87 осад и захватов городов, из них относительно подробно 26³. Особенную важность данным Полибия придает то, что историк обладал немалым практическим опытом, приобретенным благодаря участию в осаде и взятии Карфагена в ходе Третьей Пунической войны (Plut. Arophetem. 200a; Paus. VIII. 30. 5–8; Amm. Marc. XXIV. 2. 16–17)⁴.

Несмотря на очевидную ценность приводимой информации, взгляды Полибия на осады, осадное дело и другие методы захвата городов никогда специально и систематично не исследовались в современной историографии: дело ограничивалось, как правило, рассмотрением его отношения к отдельным эпизодам военной истории римско-эллинистического мира. Для заполнения имеющейся лакуны мы планируем, во-первых, рассмотреть общие особенности освещения осад во «Всеобщей истории» (роль военной техники и осадных машин, способы захвата городов), а во-вторых, проанализировать факторы и причины, повлиявшие на освещение Полибием осадного дела. На основе данных античной полиоркеттики мы проанализируем стратегическую роль осад в военных кампаниях того времени и после этого сделаем обобщающие выводы.

* * *

Описания осад во «Всеобщей истории» содержат огромное количество конкретных фактов и деталей, ярко характеризующих осадное дело того времени. Если предшественники Полибия в своих повествованиях об осадах основное внимание уделяли внезапным поворотам судьбы⁵ (αἱ περιπέτεαι), решавшим участь осажденных, а также страданиям побежденных после взятия городов⁶, то ахей-

² О роли эллинистической осадной техники см.: Garlan 1974, 212–243; Campbell 2006, 83–93; Коннолли 2001, 216–217.

³ Именно поэтому в данной статье будут анализироваться в основном данные, относящиеся к этим 26 осадам (данные о них приведены в таблице-приложении), так как в остальных случаях Полибий, как правило, лишь сообщал о взятии города. Стоит отметить, что в большинстве случаев (19 из 26) эти осады были успешными и приводили к захвату городов.

⁴ К сожалению, части «Всеобщей истории», повествующие об осаде Карфагена, почти полностью утрачены. По сообщению Павсания, Сципион всегда был успешен, когда советовался с Полибием, и терпел неудачу, если не слушал его (VIII. 30. 7–8). Скорее всего, подобная информация представляет собой интерпретированные в определенном свете реальные факты, согласно которым Сципион обращался за консультацией к Полибию и это приводило к успеху. В том, что касается роли Полибия в Третьей Пунической войне, нам представляется верной точка зрения Ф.У. Уолбэнка, согласно которой ахейский историк исполнял в римской армии роль военного советника и представителя Ахейского союза (Walbank 2002, 19–30). Об освещении Аммианом Марцеллином и Плутархом участия Полибия во взятии Карфагена см. ниже.

⁵ См. рассказы Геродота о взятии Вавилона и Сард (I. 84; III. 151–157).

⁶ Ярким примером тому было повествование Филарха о взятии Мантинеи во время Клеоменовой войны, частично сохранившееся в пересказе Полибия (II. 56–63) и подвергнутое им критике за чрезмерную эмоциональность и недостоверность. Этот прием при рассказе о взятии города (вопли граждан, рыдания женщин и детей, стенания старцев, пленников в оковах и остервенение победителей) уже к эллинистической эпохе стал общепринятым (Paul 1982, 145). Влияние топоса о переменчивости судьбы, приводящей к падению городов, можно проследить в римской литературе как минимум со времен Саллюстия (Короленков 2019, 128–133). В эпоху Римской империи подобные мотивы стали общим местом в учебниках по риторике (Quint. De Or. VIII. 3. 67–69).

ский историк, наоборот, в своих повествованиях об осадах использовал подобные клише крайне редко⁷.

Довольно часто ахейский историк упоминал различные осадные сооружения. Он отмечал, что при осаде Лилибея в 249 г. до н.э. римляне окружили город стеной (τό τεῖχος), рвом с валом (ἡ τάφρος) (I. 42. 9–10), начав крушить укрепления с помощью таранов (κριοκοπεῖν) (I. 42. 10) и подводить к крепости крытые галереи (αἱ στοαί) (I. 48. 2). По словам историка, Амбракия в ходе Союзнической войны была взята македонским царем Филиппом V с помощью земляных сооружений (τοῖς τε χώμασιν)⁸ (IV. 63. 2–3). Осадные сооружения продвигались как можно ближе к городским стенам. Это делалось с целью обеспечения работы таранов, предназначенных для разрушения городских стен. Говоря про осаду Амбракии римлянами, Полибий отмечал (XXI. 27. 4), что римляне продвигали осадные сооружения (τά ἔργα), а также осадные орудия и тараны (τῶν μηχανημάτων καὶ τῶν κριῶν)⁹. После этого на городские стены обрушились тяжелые удары таранов, а стенные зубцы обламывались серповидными косами – τῶν δὲ κριῶν τυπτόντων ἐνεργῶς τὰ τεῖχη, καὶ τῶν δорυδρεπάνων ἀποσπύροντων τὰς ἐπάλξεις. В том случае, если разрушить стены не получалось, осаждающие использовали подкоп. Ярким примером тому была осада римлянами Амбракии (XXI. 28. 3–8), а также осада Фтиотидских Фив (V. 100. 4)¹⁰ и Кефаллени (V. 4. 7–8) Филиппом V Македонским¹¹.

Описывал историк и такие осадные сооружения, которые были предназначены как для обеспечения действий таранов, так и для осуществления подкопов. К ним относится осадная башня, применявшаяся при осаде Эхины Филиппом V Македонским (IX. 41. 1–10). По словам историка, эта башня напоминала осадную черепаху (ἡ χελώνη) и состояла из трех этажей. На нижнем этаже находился таран и приспособления для проведения подкопов под стены. Второй этаж был предназначен для катапульт. На третьем этаже размещались воины, отражавшие контратаки осажденных.

Не ускользнуло от внимания историка и применение осадных машин. Он называет катапульты и стрелы для осадных машин необходимыми для осады приспособлениями – τοὺς καταπέλτας καὶ τὰ βελη¹² καὶ συλλήβδην ἀπάσας τὰς πρὸς τὴν πολιορκίαν παρασκευὰς (I. 74. 4). Осаждая Кефаллению в 218 г. до н.э., Филипп V использовал камнеметательницы (οἱ πετροβόλοι) (V. 4. 1–7). Судя по данным Полибия, катапульты и камнеметы обеспечивают и прикрывают действия осадных сооружений. Механизм подобного взаимодействия содержится в описании оса-

⁷ Единственным исключением является рассказ ахейского историка о взятии Абидоса Филиппом V (XVI. 29–34). Но даже в этом случае (XVI 29. 2) Полибий специально объяснял драматизацию повествования своим восхищением необычной твердостью духа осажденных, которые предпочли совершить самоубийство, но не сдаться врагу.

⁸ Земляные сооружения сыграли решающую роль и в осаде Сиринка Антиохом III во время его войны с парфянами (X. 31. 7–13).

⁹ Интересно, что римский историк Тит Ливий в своем рассказе об осаде Амбракии (XXXV. 4–5), заимствуя фактический материал у Полибия, значительно сокращал ту информацию, где описывались технические приспособления. См. об этом: Walsh 1961, 194.

¹⁰ Об этой осаде см.: Campbell 2011, 140.

¹¹ Несколько особняком стоит описанная историком стратегема при осаде города Принаса в Кари, когда македонские воины по приказу царя имитировали успешное рытье подкопа, что вынудило осажденных к сдаче (XVI. 11. 3–6).

¹² О терминологии Полибия применительно к катапультам см. Campbell 2011, 142–143.

ды Фтиотидских Фив, когда Филипп использовал 150 катапульт и 25 камнеметов. После того как метательные снаряды¹³, пущенные из осадных машин, нанесли большие потери защитникам, македоняне начали земляные работы по подкопу и обрушили городские стены (V. 99. 7 – 100. 2). Внимание историка не прошло и мимо экзотических осадных приспособлений: довольно подробно он описывает огромную осадную лестницу самбику (VIII. 6. 3–11).

Повествуя об осадах, Полибий не ограничивался рассказом о действиях атакующей стороны. Историк довольно подробно описывал меры защитников городов Лилибея (I. 42. 12–13; I. 45. 1–14) и Амбракии (XXI. 27. 5–8). По рассказу Полибия, при осаде Амбракии защитники города с помощью подъемных машин кидали на тараны свинцовые гири, камни, дубовые брусья, а железными якорями захватывали косы и тащили их за собою внутрь стен, причем древки кос ломались на стенных зубцах, а клинки доставались этолийцам (τοῖς μὲν κριοῖς διὰ κεραίων ἐνιέντες σῆκώματα μόλιβδᾶ καὶ λίθοθς καὶ στύπη δρύινα · τοῖς δὲ δρεπάνοις σιδηραῖς περιτιθέντες ἀγκύρας καὶ κατασπῶντες ταῦτ' ἔσω τοῦ τεύχους, ὥστ' ἐπὶ τὴν ἐλαξὶν συντριβέντος τοῦ δόρατος ἐγυράεῖς γίνεσθαι τῶν δρεπάνων).

Огромную роль для обороны городов играли отвага и энергия, проявленные осажденными в ходе вылазок – τὸ δὲ πλεῖον ἐπεξιόντες ἐμάχοντο γενναίως (XXI. 27. 6). В связи с этим особенно высоко Полибий оценивал деятельность начальника гарнизона Лилибея во время Первой Пунической войны. Историк отмечал в нем, прежде всего, деятельную энергию: тот каждый день отправлялся в разные стороны, пытаясь узнать, нельзя ли поджечь неприятельские сооружения (I. 42. 12–13). Говоря о вылазках с его участием, Полибий подчеркивал то значение, которое в них играет удачный выбор удобных для нападения мест (I. 45. 5). Отмечал ахейский историк и роль контрподкопов (I. 42. 11), в отдельных случаях описывая подземные схватки с выкуриванием римских солдат из подземных ходов посредством бочек с горящими перьями во время осады Амбракии (XXI. 28).

Не выпала из поля зрения автора «Всеобщей истории» и та роль, которую в обороне городов играют инженеры-изобретатели; речь идет, разумеется, прежде всего о знаменитом Архимеде (IX. 9. 2). Говоря о технике, используемой Архимедом для отражения штурмов (IX. 7. 1 – 9. 4), ахейский историк подчеркивал, что тот изобрел орудия, которые стреляют как на большие, так на малые и средние дистанции. Гениальность Архимеда при этом сочеталась с распорядительностью царя Гиерона, который заготовил массу запасов и осадных орудий¹⁴.

Тем не менее при всем подобном внимании историка к техническому аспекту осад, некоторые вопросы не были им затронуты. Полибий почти ничего не говорил о конструкции укреплений, а также о развертывании войск в ходе штурма. Повествуя о применении осадных машин, греческий историк не описывал механизм их действия и сравнительную боевую эффективность. Детальные рассказы Полибия о самбике и подробное описание трехэтажной осадной башни являются скорее исключением, чем правилом.

¹³ Примечательно, что греческий историк применяет термин по отношению как к стрелам, так и к метательным снарядам из катапульт. Но в данном случае он обозначает именно последние (Campbell 2011, 143).

¹⁴ О роли военных механиков в эллинистическом военном деле см.: Garlan 1973, 17–18; Sabin 2008, 452–454; Ханиотис 2013, 158–160. По мнению А. Ханиотиса, возросшая роль механиков отражает общую тенденцию к росту профессионализации военного дела в эпоху эллинизма.

Стоит отметить еще одно обстоятельство. В 10 из 19 приведенных во «Всеобщей истории» случаях города были взяты с помощью военных хитростей или измен и вообще без применения военной техники, и эти эпизоды описывались Полибием гораздо более подробно¹⁵.

По мнению историка, укрепленные города (τὰς ὀχυρωτάτας πόλεις) часто переходят в руки неприятелей по беспечности их жителей (διὰ τὴν ὀλιγοφρίαν τῶν ἐνοικοούντων), не ожидающих нападения и не заботящихся об охране укреплений, причем наиболее уязвимыми для нападения оказываются как раз самые укрепленные места (VII. 15. 2–3)¹⁶. Довольно типичен в этом отношении рассказ о взятии Сард Антиохом III в 213 г. до н.э. (VII. 15–18)¹⁷. Критянин Лагор, служивший в армии царя, заметил плохо охраняемое место возле крутого обрыва (VII. 15. 7–10). В результате отборный отряд проник за стены и открыл ворота города, впустив остальное войско Антиоха III (VII. 16–18). Похожим образом действовал Сципион Африканский при взятии Нового Карфагена: он узнал, что участок городской стены, примыкающий к лагуне, не охраняется гарнизоном, а эта лагуна в определенное время становится мелководной и проходимой для солдат по причине отлива. В результате штурм города был спланирован так, что часть солдат, отвлекая внимание гарнизона, атаковала Новый Карфаген на тех участках, которые хорошо охранялись, а другая тем временем овладела стенами со стороны лагуны. В результате римляне захватили город, бывший важнейшей базой карфагенян в Испании (X. 8–15)¹⁸.

Довольно большое место во «Всеобщей истории» занимают и описания захвата городов с помощью измены. Примерами такого рода предательства для историка были действия Ганнибала при взятии Тарента в 212 г. до н.э. (VIII. 26–36), а также захват Кинефы, когда в результате разногласий между защитниками и предательства¹⁹ этолийцы перебили охрану и открыли ворота (IV. 18. 3–4). Сходным образом сложились события и при штурме Антиохом III Селевкии-в-Пиерии (V. 60–61).

Можно сделать вывод, что, несмотря на несомненный интерес историка к осадной технике и военным машинам, Полибий отводил им если не меньшее, то, во всяком случае, такое же место, как и военным хитростям. В чем же была при-

¹⁵ Захват Сард, о котором речь пойдет ниже, произошел после годичной осады (VII. 15.1). Тем не менее он включен в эту категорию, так как в повествовании о взятии города Полибий основное место уделял именно военной хитрости, находя все остальные обстоятельства осады недостойными внимания (VII. 15. 2).

¹⁶ Это достаточно распространенная в античной традиции точка зрения. См.: Herod. I. 84; Xen. Сугор. VII. 2. 1–4; Onas. 42. 15–16 (любопытно, что подобную мысль «отец истории» и Ксенофонт высказали при описании взятия того же самого города Киром Великим).

¹⁷ Взятие Сард Антиохом исследуется в следующей статье: Авраменко 2002, 30–37. См. также Davidson 1991, 14–18; Miltisios 2013, 90–91. По мнению авторов, описание взятия Сард – это образец фокализации нарратива с целью показа механизма принятия решений военачальниками.

¹⁸ Взятие Нового Карфагена и отношение к нему Полибия Нового Карфагена подробно анализируется в следующих исследованиях: Scullard 1969, 53–55; Eckstein 1995, 177–182; Leys 2009, 39–46. По мнению Х. Скалларда, Полибий значительно преувеличил продуманность штурма со стороны лагуны (и, в том числе, масштабы отлива). Исследователи единодушно считают, что для Полибия штурм Нового Карфагена был образцом эффективно спланированной и блестяще проведенной акции.

¹⁹ О внутривнутриполитической борьбе в Кинефе во время Союзнической войны см.: Walbank 1957, 461; Walbank 1967, 29; Сивкина 2006, 100–106.

чина подобных взглядов историка? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к тактическим обстоятельствам осад и проанализировать их роль в ходе военных кампаний той эпохи.

Всесторонний анализ обстоятельств, связанных с обороной и осадой городов, невозможен без обращения к специальным трактатам по полиоркетике²⁰. До нашего времени дошли произведения Энея Тактика «О перенесении осад»²¹ и Филона из Византия²² «Полиоркетика» (IV и III вв. до н.э.). Как подчеркивают современные исследователи, и Эней²³, и Филон²⁴ отличались высокой компетентностью в своем предмете. Именно поэтому данные, приводимые этими военными теоретиками, необходимы для нашего исследования.

Один из основных мотивов труда Энея Тактика «О перенесении осад» – это страх перед внутрисполитическими конфликтами в городе, приводящими к предательству части горожан в случае нападения неприятеля²⁵. Судя по информации Филона из Византия, измена части граждан в случае нападения на город была распространенным явлением и в эллинистическую эпоху. В связи с этим вполне объяснимым выглядит стремление военачальников как можно скорее взять город, используя междоусобицы граждан и подкупив часть из них²⁶.

Говоря о захвате Ганнибалом города Тарента во время Второй Пунической войны, Полибий подчеркивал, что пуниец нашел в городе людей, недовольных римским господством²⁷ (VIII. 26. 7–9), потом тщательно проверил искренность их намерений, а также подкупил стражу (VIII. 27. 3–5). По мнению Полибия, в ходе захвата города (VIII. 28. 3–9) главным было поддержание нумидийцами дисциплины и дезинформация неприятеля о целях карфагенской армии²⁸. Не менее важным фактором успеха был тщательный выбор времени для нападения (VIII. 30. 10–13).

Материал «Всеобщей истории» ясно показывает, что подобные меры ни в коем случае не были чрезмерными, и пренебрежение хотя бы одним из данных

²⁰ Примечательно, что именно в эллинистический период полиоркетика (появившаяся в IV в. до н.э.) достигает своего расцвета: достаточно назвать труды царя Пирра (не сохранившиеся до нашего времени), а также Филона Византийского, Битона (III в. до н.э.), Герона Александрийского и Афиней (II–I вв. до н.э.) (Spaulding 1933, 660).

²¹ Об Энее Тактике, гипотетической реконструкции его жизненного пути и политических взглядах см.: Shipley 2017, 52–55. О специфике труда Энея Тактика см.: Pretzler 2017a, 68–95. По мнению автора статьи, это сочинение напоминает другие дидактические произведения, появившиеся в эпоху поздней классики.

²² О Филоне из Византия и его труде см.: Garlan 1973, 16–33.

²³ См. об этом: Fox 2017, 39–42.

²⁴ Garlan 1973, 18. Примечательно влияние Энея на трактат Филона (Whitehead 2017, 28).

²⁵ См. об этом: Pretzler 2017b, 146–165. По мнению автора статьи, Эней считал, что склонность горожан к междоусобицам происходит из человеческой природы.

²⁶ Широко известен афоризм македонского царя Филиппа II о том, что осел, нагруженный золотом, может захватить любой город (Plut. Plut. Reg. et imper. apophthegm. 25.1= Mor. 178 B). Филон из Византия (D. 96–97) говорит о взятии города с помощью измены и подкупа как о чем-то само собой разумеющемся. См. об этом: Garlan 1973, 24.

²⁷ Это не было спонтанным шагом Ганнибала, а проистекало из его общей политики, направленной на поиск недовольных Римом среди греков Южной Италии и Сицилии. См. об этом: Fronda 2011, 257.

²⁸ О взятии Тарента Ганнибалом см. Seibert 1993, 274–277. Немецкий историк подчеркивал ограниченность успеха Ганнибала, который не смог захватить гавань; ср. Lazenby 1996, 111–112; Hoyos 2003, 135.

факторов может сорвать даже блестяще спланированную операцию. Яркими примерами тому были случаи с Клеоменом у Мегалополя²⁹ в 223 г. до н.э. и Аратом у Кинефы³⁰ в 241 г. до н.э. Тогда роковую роль сыграли ошибки в вычислении переходов. Полибий сообщал, что Арат и Клеомен в обоих случаях подошли к городским стенам слишком поздно и в результате их сторонники были к тому времени уже схвачены, а атака на городские стены провалилась³¹ (IX. 17–18). Даже в случае захвата ворот и проникновения через стены атакующая армия могла быть отброшена назад. В этих ситуациях решающую роль играли такие факторы, как патриотизм и сплоченность горожан, способных сопротивляться до последнего. Многие зависело также от недисциплинированности ворвавшейся в город армии, если она вместо захвата ключевых зданий отправлялась грабить город³². В ходе Союзнической войны в 220 г. до н.э. этолийцы хотели взять город Клитор приступом (*προσβολὰς ἐποίησαν*), но клиторяне защищались мужественно и смело (*γενναίως καὶ τολμηρῶς*) и поэтому отстояли свой город (IV. 19. 4). Мужество защитников помогает им даже в случае первоначальных неудач, как было с нападением этолийцев на Эгиру в 220 г. до н.э.: стража пьянствовала и небрежно относилась к своим обязанностям – *πυλῶνα μεθυσκομένους καὶ ῥαθύμως διεξάγοντας τὰ κατὰ τὴν φυλακὴν* (IV. 57. 3). Этолийцы почти было ворвались в город, но лишь благодаря «благородному мужеству» (*διὰ τὴν εὐψυχίαν καὶ γενναιότητα*) граждан Эгира была спасена (IV. 58. 12). В связи с этим не случайно историк подчеркивал, что, даже достигнув успеха и ворвавшись в город в нескольких местах (VIII. 31. 4), Ганнибал соблюдал меры предосторожности, часть войск направив для захвата центральной городской площади, а часть оставив в резерве на случай непредвиденных ситуаций (VIII. 32. 2–3).

Впрочем, иногда подобные предосторожности носили чрезмерный характер, как показывает эпизод, произошедший с самим Полибием (XXXIX. 3). Известно, что после проникновения римской армии через городскую стену Карфагена, Полибий советовал Сципиону набросать в воду железных крючьев или опустить доски с гвоздями (*κατασπεῖραι τριβόλους σιδεροῦς ἢ σάνιδας ἐμβαλεῖν κεντροτάς*) в разделяющую воюющих соседнюю мелководную лагуну для защиты от возможных вылазок со стороны карфагенян. В ответ на это римский полководец ответил решительным отказом, объяснив это тем, что «смешно избегать сражения с неприятелем, когда уже находишься внутри вражеского города»³³ (*ἔφη γελοῖον εἶναι κατεληφότας τὰ τεῖχη καὶ τῆς πόλεως ἐντὸς ὄντας εἶτα πράττειν ὅπως οὐ μαχοῦνται τοῖς πολεμίοις*).

Другим мешающим обороне городов фактором, отмечаемым Энеем Тактиком (XL. 2), был недостаток людей для обороны всего периметра стен. Это обстоя-

²⁹ Об этом эпизоде см. Walbank 1936, 64–71.

³⁰ Walbank 1968, 142–144.

³¹ Схожими были обстоятельства неудачного нападения Филиппа V на Мелитею во время Союзнической войны (IX. 18. 5–9). Стоит, правда, отметить, что, по мнению историка, сыграли свою роль и ошибки с измерением длины лестниц, оказавшихся слишком короткими (V. 97. 5 – 98. 5).

³² О роли патриотических мотивов в обороне города см. Ханиотис 2013, 51–57.

³³ Что же касается инцидента с крючьями, то тут у исследователей существуют разногласия. По мнению Ф. Г. Мищенко (Мищенко 1896, 16), этот эпизод по времени более всего подходит для ситуации, описанной Аммианом, т.е. во время захвата города. Ф.В. Уолбанк же считал, что это событие, скорее всего, имело место осенью 147 г. до н.э. См. Walbank 1979, 673.

тельство могло привести к быстрому падению города, причем шансы на успех имела даже внезапная и неподготовленная атака. Именно поэтому Эней Тактик рекомендовал (ibid.) концентрировать силы обороняющихся на наиболее уязвимых участках городских стен, направляя часть воинов в случае необходимости на те неохраемые участки, которые подверглись атаке.

При этом часто нехватка людей возникала из-за неудачной вылазки³⁴. Уничтожение части гарнизона в ходе подобной акции, помимо общего ослабления обороны, имело еще одно последствие. В связи с этим интересно обратиться к детальному анализу описания взятия Нового Карфагена Сципионом Африканским.

По словам историка, начальник гарнизона Магон послал против неприятеля через городские ворота вооруженных им граждан в надежде устроить врагов и тем удержать их от всякого нападения (X. 12. 4). Когда карфагеняне с ожесточением ударили на римлян, вышедших из лагеря и выстроившихся на перешейке, Публий намеренно выстроил своих солдат у самого лагеря, чтобы завлечь неприятеля как можно дальше от города. Он ясно сознавал, что если только ему удастся истребить лучшую часть гарнизона, то сопротивление существенно ослабнет (X. 12. 7–8). И у нас есть основания полагать, что город был взят именно из-за гибели лучшей части его гарнизона, так как карфагенянам некого было направить на внезапно атакованный Сципионом неохраемый участок стены (X. 14)³⁵.

Иногда к быстрому падению города приводила и нехватка заготовленного вооружения. Ярким примером тому было взятие Псофида Филиппом (IV. 71. 3–12)³⁶. Историк подчеркивал, что царь решил атаковать город, несмотря на его укрепленность, и дальнейшие события показали правильность этого замысла. Отсутствие заготовленных заранее снарядов привело к тому, что запас метательных орудий и прочих нужных для войны снарядов истощился. В результате противодействие осажденных ослабло и македоняне смогли взять город.

В связи с этим представляется абсолютно понятным стремление взять город с помощью военной хитрости или внезапной атаки.

Дополнительный вес подобным соображениям придавал тот факт, что в тех условиях организация долговременной осады не всегда представлялась возможной. Отмечая обстоятельства, благоприятные для осаждающих, Полибий отмечал, что окрестности Эгины доставляли все для осады (IX. 41. 11–12) – τὴν χώραν ἀφθόνουσ ἔχειν τὰς εἰς τοῦτο τὸ μέρος χορηγίας. При этом крайне сложно было полностью прекратить доставку в город подкреплений и продовольствия (I.

³⁴ Вылазки осажденных, хорошо знающих местность, проводились с целью расстройств рядов штурмующих (Aen. Tact. I. 1. 2; I. 16. 7). Иногда подобные вылазки приводили к гибели всего гарнизона крепостей и, как следствие, их падению. Примером тому было взятие города Фара римлянами во время Иллирийской войны в 219 г. до н.э. (III. 18–19) и захват Филиппом V Лисса и Акролисса в 213 г. до н.э. (VIII. 15–16). В обоих случаях осаждающие создали иллюзию немногочисленности своего войска, выманив неприятеля, а потом атаковали его с тыла.

³⁵ Характерен в этом смысле эпизод с участием самого Полибия. Аммиан Марцеллин рассказывает о том, что Полибий вместе со Сципионом Эмилианом и 30 римскими солдатами проник в Карфаген под прикрытием «каменной черепахи» – *testudo lapidea* (XXIV. 2. 17). Скорее всего, слово *testudo* означало здесь каменные укрепления над воротами, нависающие над атакующими; под их прикрытием Полибий и Сципион ворвались в город на том участке, который был лишен защитников: den Boeft, Drijvers, den Hengst, Teitler 2002, 60.

³⁶ См. об этом: Сивкина 2006, 196; Walbank 1957, 524. Д. Кэмпбелл подчеркивает тот факт, что Филипп атаковал город с разных сторон (Campbell 2011, 138).

18. 3)³⁷. Противодействовать этому можно было бы с помощью постройки валов, эффективно изолирующих город, невыполнимо ввиду ограниченности человеческих и технических ресурсов тогдашних государств. Д. Кэмпбелл отмечает, что даже Филипп V Македонский, бывший мастером осад³⁸ и обладавший эффективной осадной техникой³⁹, только в исключительных случаях блокировал города⁴⁰. Полибий специально подчеркивает, что блокада Акраганта римлянами стала возможной лишь по той причине, что сиракузский царь Гиерон организовал эффективное снабжение союзной римской армии (I. 17–18)⁴¹.

Не меньшее влияние на характер осад оказывал и их стратегический аспект. Историк тут отмечал два фактора. Говоря про осаду Филиппом V Кефаллени и Амбракии, Полибий подчеркивал (V. 3. 7–8), что македонский царь рассчитывал приобрести опорный пункт для военных действий против неприятельской страны (ὀρμητήριον εὐφυὲς κατὰ τῆς τῶν πολεμίων χώρας), а также для переправы в Пелопоннес⁴². Схожими мотивами объяснял историк взятие Селевкии Антиохом III во время IV Сирийской войны (μεγίστας ἔχειν καὶ καλλίστας ἀφορμάς) (V. 58. 6) и Акраганта римлянами во время Первой Пунической войны (I. 17. 5). Почти не рассматривая конструкцию укреплений, историк в своих рассказах об осадах освещал их географическое положение, как в случае с Лилибеем (I. 42. 7), Синопой (IV. 56. 5–9), Леонтинами (VII. 6. 1–5), Амбракией (IV. 61. 7–8), а также подчеркивал выгодное положение крепостей. Яркими примерами тому было описание Акраганта (IX. 27. 1 – κατὰ τὴν ὀχυρότητα, καὶ μάλιστα κατὰ τὸ κάλλος καὶ τὴν κατασκευὴν), Тарента (X. 1. 6 – τοῦ τόπου τὴν εὐκαιρίαν), Нового Карфагена (X. 8. 3 – μεγίστας μὲν χρειᾶς παρέχεσθαι τοῖς ὑπεναντίοις) и Ойниад (IV. 65. 8 – τὴν εὐκαιρίαν τοῦ τόπου), а также Абидоса и Сеста (XVI. 29. 3 – τὴν εὐκαιρίαν τῶν πόλεων).

Не менее важной была вторая причина осад. Повествуя о действиях Антиоха III, ахейский историк отмечал, что захваченные крепости могут с легкостью снабдить все войско жизненными припасами и доставить в изобилии нужные для войны средства (V. 70. 5) – παντὶ τῷ στρατοπέδῳ χορηγεῖν καὶ δαψιλῇ παρασκευάζειν τὰ κατελείγοντα πρὸς τὴν χρειᾶν⁴³. Схожей была мотивация Ганнибала в ходе осады Сагунта (III. 17. 7)⁴⁴, а также Сципиона при нападении на Новый Карфаген (X. 8). Их целью был захват добычи (ἡ ὠφελεία; τό λαφύρον), необходимой для

³⁷ См. также ситуацию при осаде Карфагена в ходе Третьей Пунической войны. (App. Lyb. 120–125).

³⁸ Campbell 2011, 152.

³⁹ Campbell 2011, 143.

⁴⁰ По мнению Д. Кэмпбелла (2011, 151), 70 процентов осад, проведенных Филиппом V, были успешными для него.

⁴¹ Roth 1999, 158–159. Автор подтверждает сообщение Полибия и отмечает проблемы со снабжением римской армии в ходе Первой Пунической войны.

⁴² О стратегическом аспекте Союзнической войны см.: Сивкина 2006, 216.

⁴³ Austin 1986, 454–457; Baker 2005, 386; Leveque 1985, 264. О роли военной добычи в войнах эллинистического времени см. Pritchett 1991, 138–143; 148–152; Garlan 1973, 18.

⁴⁴ О роли снабжения в Пунических войнах см. см.: Roth 1999, 158–162. Автор подчеркивал значительный прогресс в обеспечении римской армии во время Второй Пунической войны. О логистике в войнах эллинистического времени см.: Roth 2008, 381–382. Об осаде Сагунта см. Seibert 1993, 70–71: историк, в частности, отмечая сложность осады города, подчеркивал большое количество захваченной добычи. По мнению Филона из Византия, трофеи при взятии города окупают любые затраты на подкуп (Phil. Byz. D. 65).

ведения военных действий⁴⁵. Взятие городов, являвшихся центрами снабжения, вносило серьезные коррективы в намерения противоборствующих сторон. Именно по этой причине Ганнибал предпринял осаду Кластидия (III. 69. 2), Геруния (III. 100. 4–5) и Канн (III. 107. 3–5). Взятие Канн Ганнибалом отразилось на обеспечении армии римлян и заставило их существенно изменить свои планы⁴⁶. Во время Наемнической войны даже сам факт осады Утики и Гиппакрита⁴⁷, угрожавшей отрезать Карфаген от получаемых из Африки ресурсов, вынудил карфагенян к противодействию осаждающим армиям в невыгодных условиях (I. 73. 3).

Стоит отметить еще одно обстоятельство. Захват городов, особенно крупных, часто способствовал тому, что население близлежащих территорий принимало сторону победителя. Ярким примером тому был переход иберов на сторону Рима после взятия Нового Карфагена (X. 34. 3–4)⁴⁸. Описывая действия Антиоха во время Четвертой Сирийской войны, Полибий отмечал, что именно после взятия царем ряда городов в Келесирии жители соседней Аравии единодушно присоединились к Антиоху (μοθυμαδὸν αὐτῷ προσέθεντο πάντες – V. 71. 1). Историк отнюдь не скрывал причины, заставлявшие завоеванных подчиниться. Он отмечал, например, тот ужас – καταπλαγεῖς γεγονότες πάντες (IV. 79. 1), которым были охвачены жители Трифилии, озабоченные тем, как спасти себя от войск македонского царя Филиппа V. По словам Полибия, во Второй Иллирийской войне римляне напали (ἐγχερεῖν) на наиболее крупные иллирийские города именно с целью навести страх (καταπλήξασθαι; ἤττησε ταῖς ψυχαῖς τοὺς ὑπεραντίους), что полностью сработало и привело иллирийцев к покорности (III. 18. 5)⁴⁹.

Подобная мотивация осад представляется вполне объяснимой с учетом общего характера военных кампаний того времени. По сравнению с классическим периодом значительно возросла численность воюющих армий⁵⁰. Естественно, особую актуальность в тех условиях приобретала проблема снабжения противоборствующих сторон⁵¹. В той ситуации взятие крепостей с целью приобретения добычи, продовольствия и баз снабжения являлось эффективным средством поставить противника в невыгодное положение в ходе военной кампании. И нет ничего удивительного в том, что противоборствующие стороны использовали любые способы для их скорейшего захвата.

⁴⁵ О роли захвата добычи в римских завоеваниях см.: Harris 1979, 70–71; 74–77; 102–103.

⁴⁶ Hoyos 2003, 118.

⁴⁷ Hoyos 2007, 114–115. Историк отмечает ошибки восставших в ходе осады, которые привели их впоследствии к поражению при Баграде.

⁴⁸ О позиции иберийских племен см. Eckstein 1987, 213. Автор подчеркивает неопределенность их положения и склонность к политическому лавированию.

⁴⁹ О роли насилия и запугивания в политике того времени см.: Eckstein 2006, 61, 63, 69, 70, 71. 138, 93, 117, 122, 125, 164, 176, 184–85

⁵⁰ См. об этом: Roth 2008, 370–371.

⁵¹ Наиболее ярким примером тому был поход Антигона I в Египет в 306 г. до н.э. (Diod. XX. 73. 3 – 74. 5). Роль снабжения в той кампании иллюстрируется хотя бы тем, что Птолемей встретил Антигона вблизи границы именно потому, что не мог позволить себе отдалиться от коммуникаций (Diod. XX. 73. 1). Часто действия фуражиров определяли эффективность маневров и неспособность организовать снабжение ограничивала действия армий по поиску поля битвы (Diod. XIX. 25. 2).

* * *

В нашем исследовании мы показали особенности освещения Полибием осад и осадного дела. В отличие от большинства других авторов, писавших об осадах, Полибий в меньшей степени использовал традиционные литературные клише. Причиной такого подхода, несомненно, является как личный опыт историка, так и его научный метод.

Полибий довольно подробно описывал разные виды и способы захвата городов. Отвечая на поставленные вопросы, следует отметить, что, признавая значение военной техники, ахейский историк тем не менее отводил немалую роль и взятию городов с помощью военных хитростей (предательство, поиск слабых мест в обороне и т.п.). Причинами такого дифференцированного подхода историка были сложность организации длительной осады из-за логистических проблем, а также возможность использовать слабые стороны обороняющихся в случае внезапной атаки. Немалую роль играл и общий стратегический аспект тогдашних военных противостояний, когда захват городов позволял улучшить снабжение собственной армии и, наоборот, ухудшить положение неприятельской.

Разнообразие описанных Полибием способов осад и взятий городов, а также тактических и стратегических факторов, сопровождавших осады, ярко показывает тот прогресс, которого достигло осадное дело в Средиземноморском мире III–II вв. н.э.

Приложение

Список осад, описанных Полибием (в хронологическом порядке)

1	Акрагант	Первая Пуническая война, 262 г. до н.э.	I. 17.8–19.15	Осада с применением техники. Взятие города
2	Лилибей	Первая Пуническая война, 250–243 г. до н.э.	I.41. 4–43.8; 45. 1–14; 48. 1–11.	Неудачная осада с применением техники. Город оставлен карфагенянами после заключения мира
3	Кинефа	Конфликты за гегемонию на Пелопоннесе, 241 г. до н.э.	IX. 17.1–9	Неудачная попытка взять город с помощью предательства
4	Мегалополь	Клеоменова война, 223 год до н.э.	IX. 18. 1–4	Неудачная попытка взять город с помощью предательства
5	Сагунт	Вторая Пуническая война, 219 год до н.э.	III.17.4–17.10	Осада с применением техники. Взятие города
6	Фара	Вторая Иллирийская война, 219 год до н.э.	III.18.8–19.12	Захват города с помощью военной хитрости
7	Кинефа	Союзническая война, 220 год до н.э.	IV.17.3–18.9	Захват города с помощью предательства
8	Эгира	Союзническая война, 220 год до н.э.	IV.57.2–58.11	Неудачная попытка захватить город с помощью предательства

9	Амбракия	Союзническая война, 219 год до н.э.	IV.61.4–9; 62.2–3	Осада с применением техники. Взятие города
10	Псофид	Союзническая война, 219 год до н.э.	IV. 70.5–72.3	Захват города с помощью военной хитрости
11	Алифиры	Союзническая война, 219 год до н.э.	IV. 78.3–79.13	Захват города с помощью военной хитрости
12	Кефалления	Союзническая война, 218 год до н.э.	V.3.4–4.13	Неудачная осада с применением военной техники
13	Селевкия	Четвертая Сирийская война, 219 год до н.э.	V.59.1–61.2	Захват города с помощью предательства
14	Мелитея	Союзническая война, 217 год до н.э.	V.97.2–V.98.10	Неудачная попытка взять город сходу
15	Фтиотидские Фивы	Союзническая война, 217 год до н.э.	V.99.1–100.8	Осада с применением техники. Взятие города
16	Сарды	Война Антиоха против Ахея, 214 год до н.э.	VII.15.1–18.10	Взятие с помощью военной хитрости после осады
17	Сиракузы	Вторая Пуническая война, 213–212 год до н.э.	VIII.5.1–8.9; 37.1–12	Осада с применением военной техники. Взятие города с помощью военной хитрости
18	Акролисс	Поход Филиппа V в Иллирию, 213 год до н.э.	VIII. 15.1–16.11	Взятие города с помощью военной хитрости
19	Тарент	Вторая Пуническая война, 212 год до н.э.	VIII. 26.1–34.7	Взятие города с помощью предательства
20	Эхин	Вторая Македонская война, 210 год до н.э.	IX. 41. 1–12	Неудачная осада с применением техники
21	Новый Карфаген	Вторая Пуническая война, 209 год до н.э.	X.6.8–15.11	Взятие города с помощью военной хитрости
22	Сиринк	Война Антиоха III с Парфией в ходе Восточного похода	X.31.7–13	Осада с применением техники. Взятие города
23	Принасс	Поход Филиппа V в Малую Азию во время Критской войны, 201 год до н.э.	XVI. 11. 1–6	Взятие города с помощью военной хитрости
24	Абидос	Поход Филиппа V в Малую Азию во время Критской войны, 200 год до н.э.	XVI. 29.1–33.5	Осада с применением техники. Взятие города
25	Амбракия	Конфликт между Римом и Этолийским союзом в ходе Антиоховой войны 189 год до н.э.,	XXI. 27.1–28.18	Осада с применением техники. Взятие города
26	Карфаген	Третья Пуническая война. 149–146 гг. до н.э.	XXXIX.3	Осада с применением техники. Взятие города

ЛИТЕРАТУРА

- Авраменко, И.Н. 2002: Взятие Сард войсками Антиоха III в освещении Полибия. *АМА* 11, 30–37.
- Коннолли, П. 2001: *Греция и Рим: эволюция военной истории*. М.
- Короленков, А.В. 2019: Осада городов в Bellum Iugurthinum Саллюстия. *ВЕДС* 21, 128–133.
- Леус, В.А. 2009: Осада Нового Карфагена в изложении Полибия. В сб.: О.Л. Габелко (ред.), *Политика, идеология, историописание в эллинистическом мире. Материалы международной научной конференции*. Казань, 39–46.
- Мищенко, Ф. 1896: К Полибию. *ЖМНП* 302, 13–27.
- Сивкина, Н.Ю. 2006: *Последний конфликт в независимой Греции: Союзническая война 220–217 гг. до н.э.* СПб.
- Austin, M. 1986: Hellenistic Kings, Wars and the Economy. *Classical Quarterly* 36, 450–466.
- Baker, P. 2005: La guerre à l'époque hellénistique. In: F. Prost (ed.), *L'Orient Méditerranéen de la mort d'Alexandre aux campagnes de Pompée*. Rennes, 381–393.
- Beston, P. 2000: Hellenistic Military Leadership. In: H. Van Wees (ed.), *War and Violence in Ancient Greece*. L., 315–335.
- Den Boeft, J., Drijvers, J.W., den Hengst, D., Teitler, H.C. 2002: *Philological and Historical Commentary of Ammianus Marcellinus*. Vol. XXIV. Leiden.
- Campbell, D.B. 2006: *Besieged. Siege warfare in the Ancient World*. Bloomsbury.
- Campbell, D.B. 2011: The Siegecraft of Philip V of Macedon. In: Ch. Couvenhes, S. Crouzet, S. Péré-Noguès (ed.), *Pratiques et identités culturelles des armées hellénistiques du monde méditerranéen: Hellenistic Warfare 3*. Bordeaux, 130–143.
- Davidson, J. 1991: The Gaze in Polybius' Histories. *JRS* 81, 10–24.
- Eckstein, A.M. 1987: *Senate and General: Individual Decision-Making and Roman Foreign Relations, 264–194 B.C.* Berkeley–Los Angeles–London.
- Eckstein, A.M. 1995: *Moral Visions in the Histories of Polybius*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Fox, R. L. 2017: Aineias the Author: Who, Where and When. In: N. Barley, M. Pretzler (eds.), *Brill's Companion to Aineias Tacticus*. Leiden–Boston, 33–49.
- Fronza, M.P. 2011: Hannibal: Tactics, Strategy, and Geostrategy. In: D. Hoyos (ed.), *A Companion to the Punic Wars*. Chichester–Malden, 242–260.
- Garlan, Y. 1973: Cités, armées et stratégie à l'époque hellénistique d'après l'oeuvre de Philon de Byzance. *Historia* 22, 16–33.
- Garlan, Y. 1974: *Recherches de poliorcétique grecque*. Paris.
- Harris, W. 1979: *War and Imperialism in Republican Rome*. Oxford.
- Hoyos, D. 2003: *Hannibal's Dynasty*. London.
- Hoyos, D. 2007: *Truceless War*. Leiden.
- Lazenby, J.D. 1998: *Hannibal's War*. Norman.
- Leveque, P. 1985: La guerre à l'époque hellénistique. In: J.-P. Vernant (ed.), *Problèmes de la guerre en Grèce ancienne*. Paris, 261–287.
- Miltsios, N. 2013: *The Shaping of Narrative in Polybius*. Berlin.
- Paul, G.M. 1982: "Urbs Capta": Sketch of an Ancient Literary Motif. *Phoenix* 36. 2, 144–155.
- Pretzler, M. 2017a: Aineias and History: The Purpose and Context of Historical Narrative in the Poliorketika. In: N. Barley, M. Pretzler (ed.), *Brill's Companion to Aineias Tacticus*. Leiden–Boston, 68–95.
- Pretzler, M. 2017b: The Polis Falling Apart: Aineias Tacticus and Stasis. In: N. Barley, M. Pretzler (ed.), *Brill's Companion to Aineias Tacticus*. Leiden–Boston, 146–165.
- Pritchett, W.K. 1991: *Greek State at War*. Vol. V. Berkeley.

- Roth, J. P. 1999: *The Logistics of the Roman Army at War (264 B.C. –A.D. 235)*. Leiden.
- Roth, J.P. 2008: War. In: P. Sabin, H. van Wees, M. Whitby (ed.), *Cambridge History of Greek and Roman Warfare*. Vol. 1. Cambridge, 368–398.
- Scullard, H. 1969: *Scipio Africanus*. Oxford.
- Seibert, J. 1993: *Hannibal*. Darmstadt.
- Serrati, J. 2008: Warfare and the State. In: P. Sabin, H. van Wees, M. Whitby (ed.), *Cambridge History of Greek and Roman Warfare*. Vol. 1. Cambridge, 461–497.
- Shipley, G.J. 2017: Aineias Tacticus in His Intellectual Context. In: Nick Barley, Maria Pretzler (ed.), *Brill's Companion to Aineias Tacticus*. Leiden–Boston, 49–67.
- Spaulding, O. 1933: The Ancient Military Writers. *Classical Journal* 28. 9, 657–669.
- Walbank, F.W. 1936: Aratus' Attack on Cynaepa (Polybios IX 17). *Journal of Hellenic Studies*. 56. 1. 64–71.
- Walbank, F.W. 1957–1979: *A Historical Commentary on Polybius*. Vol. 1–3. Oxford.
- Walbank, F.W. 1967: *Philip V of Macedon*. Cambridge.
- Walbank, F.W. 2002: Polybius as a Military Expert. In: P.R. Hall (ed.), *Polybius to Vegetius. Essays on the Roman Army and Hadrian's Wall Presented to Brian Dobson*. Durham, 19–30.
- Walsh, P.G. 1961: *Livy: His Historical Aims and Methods*. Cambridge.
- Whitehead, D. 2017: "The Other Aineias". In: N. Barley, M. Pretzler (ed.), *Brill's Companion to Aineias Tacticus* 14–33, Leiden–Boston.

REFERENCES

- Austin, M. 1986: Hellenistic Kings, Wars and the Economy. *Classical Quarterly* 36, 450–466.
- Avramenko, I.N. 2002: Vzyatie Sard voyskami Antiokha III v osveshhenii Polibiya [Polybian report on the capturing of Sardis by Antiochus III]. *Antichnyy mir i Arkheologiya [Ancient world and Archaeology]* 11, 30–37.
- Baker, P. 2005: La guerre à l'époque hellénistique. In: F. Prost (ed.), *L'Orient Méditerranéen de la mort d'Alexandre aux campagnes de Pompée*. Rennes, 381–393.
- Beston, P. 2000: Hellenistic Military Leadership. In: H. Van Wees (ed.), *War and Violence in Ancient Greece*. L., 315–335.
- Campbell, D.B. 2006: *Besieged. Siege warfare in the Ancient World*. Bloomsbury.
- Campbell, D.B. 2011: The Siegecraft of Philip V of Macedon. In: Ch. Couvenhes, S. Crouzet, S. Péré-Noguès (ed.), *Pratiques et identités culturelles des armées hellénistiques du monde méditerranéen: Hellenistic Warfare* 3. Bordeaux, 130–143.
- Connolly, P. 2001: *Greciia i Rim. Evolutsiya voennoy istorii. [Greece and Rome. Evolution of Military History]* Moscow.
- Davidson, J. 1991: The Gaze in Polybius' Histories. *JRS* 81, 10–24.
- Den Boeft, J., Drijvers, J.W., den Hengst, D., Teitler, H.C. 2002: *Philological and Historical Commentary of Ammianus Marcellinus*. Vol. XXIV. Leiden.
- Eckstein, A.M. 1987: *Senate and General: Individual Decision-Making and Roman Foreign Relations, 264–194 B.C.* Berkeley–Los Angeles–London.
- Eckstein, A.M. 1995: *Moral Visions in the Histories of Polybius*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Fox, R. L. 2017: Aineias the Author: Who, Where and When. In: N. Barley, M. Pretzler (eds.), *Brill's Companion to Aineias Tacticus*. Leiden–Boston, 33–49.
- Fronza, M.P. 2011: Hannibal: Tactics, Strategy, and Geostrategy. In: D. Hoyos (ed.), *A Companion to the Punic Wars*. Chichester–Malden, 242–260.
- Garlan, Y. 1973: Cités, armées et stratégie à l'époque hellénistique d'après l'oeuvre de Philon de Byzance. *Historia* 22, 16–33.
- Garlan, Y. 1974: *Recherches de poliorcétique grecque*. Paris.
- Harris, W. 1979: *War and Imperialism in Republican Rome*. Oxford.

- Hoyos, D. 2003: *Hannibal's Dynasty*. London.
- Hoyos, D. 2007: *Truceless War*. Leiden.
- Korolenkov, A.V. 2019. Osada gorodov v *Bellum Iugurthinum* Sallustii [Sieges in Sallustian's *Bellum Iugurthinum*]. *Vostochnaia Evropa v Drevnosti i Srednekekovie* [Eastern Europe in the Antiquity and the Middle Ages] 21, 128–133.
- Lazenby, J.D. 1998: *Hannibal's War*. Norman.
- Leus, V.A. 2009: Osada Novogo Karfagena v izlozhenii Polibiya [Polybian report on the siege of New Carthage]. In: O.L. Gabelko (ed.), *Politika, ideologiya, istoriopisanie v ellinisticheskoy mire. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Politics, Ideology and Historiography in the Hellenistic World. Materials of the international scientific conference]. Kazan, 39–46.
- Leveque, P. 1985: La guerre à l'époque hellénistique. In: J.-P. Vernant (ed.), *Problèmes de la guerre en Grèce ancienne*. Paris, 261–287.
- Mitsios, N. 2013: *The Shaping of Narrative in Polybius*. Berlin.
- Mischenko, F. 1896: K Polibiyu [Polybius]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosvescheniya* [Journal of the Ministry of People Education] 302, 13–27.
- Paul, G.M. 1982: "Urbs Capta": Sketch of an Ancient Literary Motif. *Phoenix* 36. 2, 144–155.
- Pretzler, M. 2017a: Aineias and History: The Purpose and Context of Historical Narrative in the Poliorketika. In: N. Barley, M. Pretzler (ed.), *Brill's Companion to Aineias Tacticus*. Leiden–Boston, 68–95.
- Pretzler, M. 2017b: The Polis Falling Apart: Aineias Tacticus and Stasis. In: N. Barley, M. Pretzler (ed.), *Brill's Companion to Aineias Tacticus*. Leiden–Boston, 146–165.
- Pritchett, W.K. 1991: *Greek State at War*. Vol. V. Berkeley.
- Roth, J. P. 1999: *The Logistics of the Roman Army at War (264 B.C. – A.D. 235)*. Leiden.
- Roth, J.P. 2008: War. In: P. Sabin, H. van Wees, M. Whitby (ed.), *Cambridge History of Greek and Roman Warfare*. Vol. 1. Cambridge, 368–398.
- Scullard, H. 1969: *Scipio Africanus*. Oxford.
- Seibert, J. 1993: *Hannibal*. Darmstadt.
- Serrati, J. 2008: Warfare and the State. In: P. Sabin, H. van Wees, M. Whitby (ed.), *Cambridge History of Greek and Roman Warfare*. Vol.1. Cambridge, 461–497.
- Shipley, G.J. 2017: Aineias Tacticus in His Intellectual Context. In: Nick Barley, Maria Pretzler (ed.), *Brill's Companion to Aineias Tacticus*. Leiden–Boston, 49–67.
- Sivkina, N.Yu. 2006: *Posledniy konflikt v nezavisimoy Gretsii: soyuznicheskaya vojna 220–217 gg. do n.e.* [Final Conflict in Independent Greece: the Social War of 220–217 BC]. Saint Petersburg.
- Spaulding, O. 1933: The Ancient Military Writers. *Classical Journal* 28. 9. 657–669.
- Walbank, F.W. 1957–1979: *A Historical Commentary on Polybius*. Vol. 1–3. Oxford.
- Walbank, F.W. 1936: Aratus' Attack on Cynaepa (Polybios IX 17). *Journal of Hellenic Studies*. 56. 1, 64–71.
- Walbank, F.W. 1967: *Philip V of Macedon*. Cambridge.
- Walbank, F.W. 2002: Polybius as a Military Expert. In: P.R. Hall (ed.), *Polybius to Vegetius. Essays on the Roman Army and Hadrian's Wall Presented to Brian Dobson*. Durham, 19–30.
- Walsh, P.G. 1961: *Livy: His Historical Aims and Methods*. Cambridge.
- Whitehead, D. 2017: "The Other Aineias". In: N. Barley, M. Pretzler (ed.), *Brill's Companion to Aineias Tacticus* 14–33, Leiden–Boston.

SIEGES, ASSAULTS AND STRATEGEMS: THE DESCRIPTIONS OF THE
CAPTURING OF THE CITIES IN POLYBIUS' "THE HISTORIES"

Evgeniy G. Teytelbaum

Independent Researcher, Kazan, Russia
eugteit@yahoo.com

Abstract. This paper is an analysis of Polybius' views on sieges. Contrary to the majority of other classical authors describing sieges, Polybius rarely used traditional literary clichés. In his account of sieges he downplayed the role of emotions of besiegers and besieged, paying more attention to narrating concrete circumstances and facts related to sieges. Such approach can be explained by the historian's experience in besieging and capturing of Carthage during the Third Punic war and also by the specifics of his scientific method. Polybius paid a great attention to the actions made by both besiegers and defenders. He also recognized the role of different siege machines and siege engines (undermining, siege towers, rams). Polybius was also greatly interested in capturing of cities without the use military technics by using stratagems (mostly treachery and attacking non-protected sectors of walls). Polybian attention to such ways of capturing cities was caused by the hardships related prolonged sieges because it was hard to organize to supply. At the same time a surprise attacks gave an opportunity to use some weak places in the defenses of cities – first of all, city's internal conflicts and the lack of armament and human resources. The capturing of booty, food and supplement bases in cities was an effective mean to harden enemy's strategic situation and change its plans. That's why opposing armies used every opportunity for the fastest way of capturing the cities. Polybius' s interest to the capturing of city through stratagems was caused also by the strategic aspects of the conflicts in Mediterranean world in the 3rd–2nd centuries BC.

Keywords: Hellenism, historiography, Polybius, military science, military theory, antiquity, strategy, tactics

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 166–186
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 166–186
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-166–186

ПЕЩЕРНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ПОЛЯНЕ КИЛЬСЕ-ТУБЮ (ОКРУГА МАНГУПА, КРЫМ)

Ю.М. Могаричев¹, А.С. Ергина²

¹*Институт археологии Крыма РАН, Крымский республиканский институт
постдипломного педагогического образования, Симферополь, Россия*
mogara@rambler.ru

²*Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия
им. А.Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Россия*
yergina.alyna@gmail.com

Аннотация. Пещерный храм находится в ближайшей округе городища Мангуп и вырублен в отдельно стоящем обломке скалы. Настоящая работа является первым подробным обзором архитектурных особенностей церкви и сохранившихся в ней композиций фресковых росписей. Церковь подпрямоугольной формы, размерами 5,4 x 3,0 x 2,4 м. Апсида ориентирована на юго-восток и имеет небольшое закругление. Алтарная преграда была деревянной. В полу апсиды устроено основание алтаря. По стенам церкви проходят значительные трещины, а в юго-западной части в потолке имеется провал, что свидетельствует о возможности разрушения памятника. Алтарная часть церкви была украшена фресковой росписью, которая ныне фрагментарно просматривается на площади около 3 м². Изображения в настоящее время находятся в неудовлетворительном состоянии. Стенопись церкви разделена на сохранившиеся композиции апсиды, роспись конхи апсиды, а также предполагаемую роспись сводов и стен внутриалтарной преграды. В апсиде просматривается композиция «Деисус». Лучшее всего сохранилась фигура Богородицы. Доминанта данной композиции – фигура Спасителя на троне. Справа был изображен Иоанн Креститель. Композиция фронтальная. Сюжет «Деисус» украшен по периметру светлым убрусом, обрамленным широкой красной полосой и двумя синими полосами по краям, по нему темно-синей краской был нанесен линейный и геометрический орнамент. Верхний регистр апсиды также был расписан, сейчас просматриваются лишь остатки орнаментальных мотивов в конхе и на сводах алтарной части церкви. Стенопись написана в технике фрески с использованием легких цветных подкладок. Все изображения декоративны. По своему тектоническому характеру рассматриваемая композиция представляет собой замкнутый характер композиционной структуры. Особенностью церкви является отсутствие захоронений в ней. Скорее всего, храм следует датировать третьей четвертью XV в.

Данные об авторах: Могаричев Юрий Миронович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования; Ергина Алена Сергеевна – аспирант кафедры искусствоведения Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-50001.

Ключевые слова: Крым, Византия, пещерные церкви, фрески, Деисус

Рассматриваемый пещерный храм находится в ближайшей округе городища Мангуп (Горный Юго-Западный Крым), на склоне балки Корув-дере (Заграженный овраг) или Кильсе-дере (Церковный овраг). Эта балка прорезает южный склон куэсты Чардаклы-баир, расположенный напротив мыса Чамну-бурун (Мангуп) (рис. 1). Храм вырублен в отдельно стоящем обломке скалы (рис. 2).

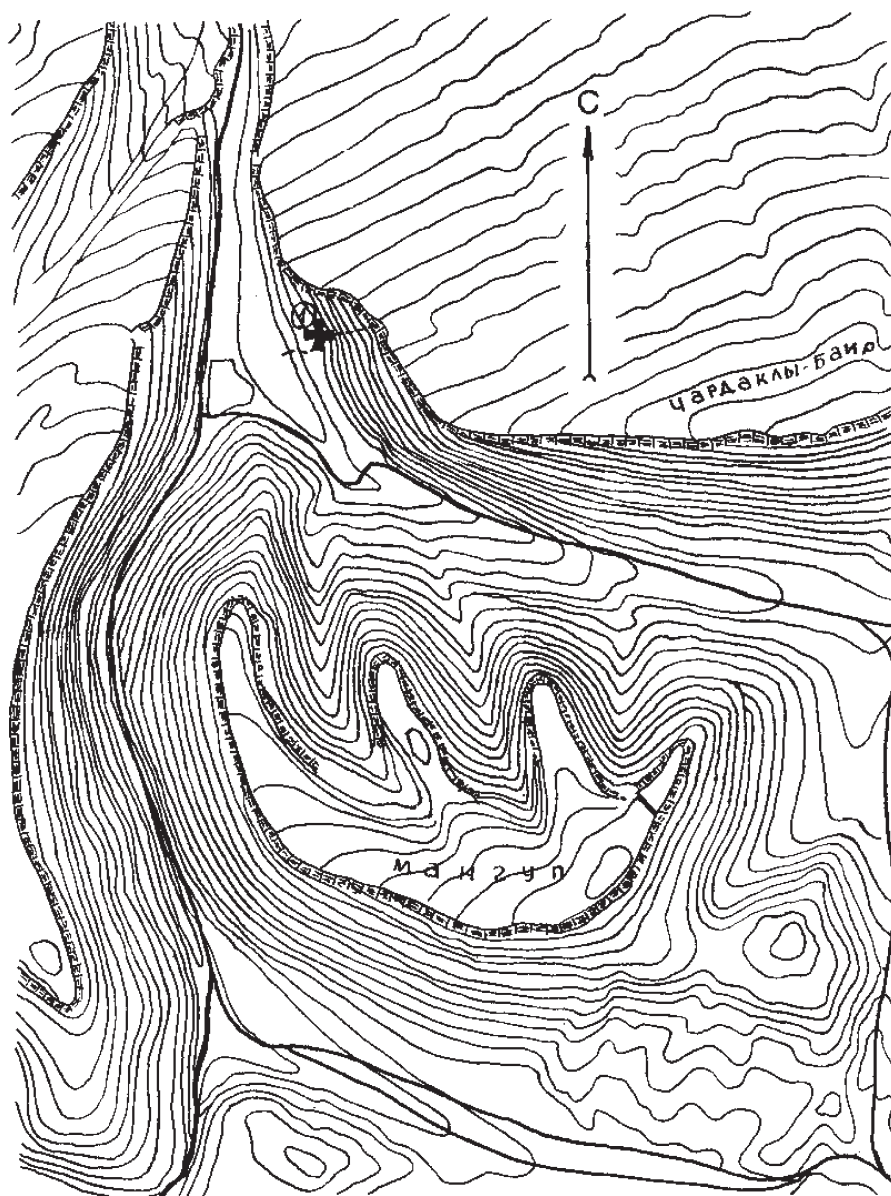

Рис. 1. Округа Мангупа. 1. Церковь на поляне Кильсе-тубю

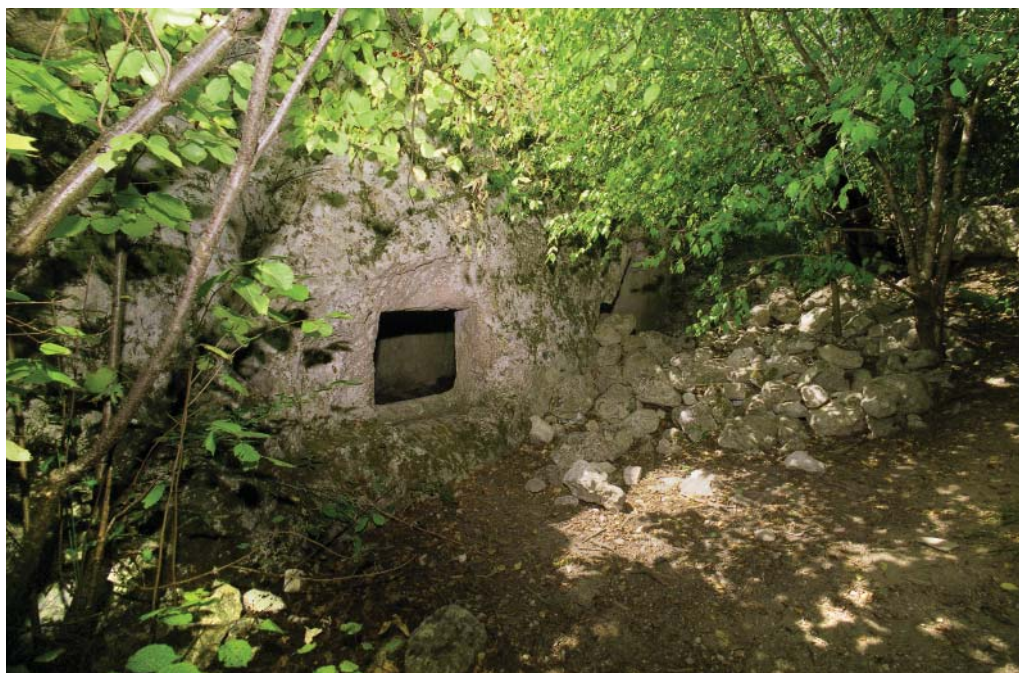

Рис. 2. Церковь на поляне Кильсе-тубю. Вид с севера

Несмотря на известность и популярность Мангупа и его ближайшей округи среди ученых и путешественников конца XVIII – первой половины XX в.¹, первое упоминание о памятнике встречается только в неопубликованных «Материалах к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма» Н.И. Репникова (1939/1940 гг.): «Выше, в той же балке (Корув-дере – *Авт.*), в одиночном камне пещерный храм, прямоугольный в плане формы. В северной стене прорублено большое квадратное окно, а в западном конце сильно разрушенная дверь, имевшая деревянную коробку (пазы). В апсиде остатки сильно закоптевшей фрески – Деисус на синем фоне. Опушка широкой киноварной каймой. Христос, сидящий на престоле. Богоматерь и Предтеча в рост. Время стенописи – конец XIV или самое начало XV в. Несколько выше пещерного храма, на вспаханной поляне Кильсе-тубю (вероятно, Кильсе-тепе «Пещерный храм»), следы селища (керамика, фрагменты черепиц XIII–XV вв.). Несколько выше, в промошке, линия гончарного трубопровода. Звенья последнего из хорошо обожжённой глины, желтого цвета»². Судя по последующей ссылке, исследователи обратили внимание на церковь в 1937 г. (сложно допустить, что она была неизвестна местным жителям), во время археологических разведок, проводившихся в этом районе сотрудниками Эски-Керменской археологической экспедиции³.

¹ Герцен 2008.

² Репников Материалы, 238–239.

³ Репников Материалы, 238.

Несмотря на то, что в данном храме были зафиксированы фресковые росписи, их обошел вниманием О.И. Домбровский в капитальном труде «Фрески средневекового Крыма»⁴.

Церковь на поляне Кильсе-тубю была описана А.Г. Герценом и Ю.М. Могаричевым в монографии «Пещерные церкви Мангупа». Авторы, вслед за Н.И. Репниковым, датировали ее XIV – началом XV в.⁵ В этой же работе впервые были опубликованы план, разрезы и фотографии церкви⁶.

Рассматривался данный памятник в ряде работ Ю.М. Могаричева⁷, А.Г. Герцена и В.Е. Науменко⁸ и кратко был упомянут в нескольких иных публикациях, касающиеся пещерных церквей.

Церковь (рис. 3) подпрямоугольной в плане формы, размерами 5,4 x 3,0 x 2,4 м. Апсида, размерами 2,0 x 2,5 x 2,0 м, ориентирована на юго-восток и имеет небольшое закругление. Она сужена по отношению к наосу и отделена от него скальной подружкой (простенками). Очевидно, судя по пазам, алтарная преграда была деревянной. В северной стене апсиды на высоте 0,9 м от пола вырублено прямоугольное окно 0,8 x 0,6 м.

В полу апсиды на расстоянии 0,4 м от юго-восточной стены – вырубное прямоугольное в плане основание престола 0,6 x 0,4 м, представляющее собой четыре небольших квадратных гнезда, расположенных по краям, и еще одно, центральное, размерами 0,25 x 0,25 x 0,2 м, находящееся ближе к юго-восточной части (рис. 3; 4). Отметим, вырубные гнезда для устройства престола в скальном полу алтарной части встречаются в таких пещерных церквях Крыма, как «Храм с крещальней» в Инкермане⁹, «Главный храм» Чилтер-мармары¹⁰, «Главный храм» Шулдана¹¹, «Большой пещерный храм» в районе подъемной дороги, «Судилище», храм «Трех всадников» на Эски-кермене¹² и др. Однако, подрубки для установки престола аналогичной формы, как в церкви на поляне Кильсе-тубю, нам известны только в одном памятнике – храме Южного монастыря Мангупа¹³ (рис. 5). Причем в последнем они, как, собственно, и вся церковь, представляются выполненными более профессионально. Если в нашем памятнике центральное гнездо сдвинуто к стене, то в Южном монастыре, оно расположено строго по центру образовавшегося четырехугольника. Это позволяет предположить, что за конструктивный образец престола в церкви на поляне Кильсе-тубю был взят именно престол из ближайшего пещерного (вероятно, «княжеского») храма Южного монастыря.

Наос прямоугольной формы имеет размеры 3,4 x 3,0 x 2,4 м. В северо-западной стене церкви на высоте 1,2 м от пола вырублена арочная ниша 0,5 x 0,5 x 0,3 м (рис. 3; 6). Вход в здание был устроен в северной стене наоса. В настоящее время он в значительной степени разрушен. Пострадавшая часть частично заделана ка-

⁴ Домбровский 1966.

⁵ Герцен, Могаричев 1996, 31, 46.

⁶ Герцен, Могаричев 1996, рис. 64–67; См. также Герцен, Могаричев 2017, 125.

⁷ Могаричев 1997, 69, 319–320; 2005, 144; 2010, 184–185; 2015, 81; 2019, 210.

⁸ Герцен, Науменко, Шведчикова 2017, 32, 41; Герцен, Науменко 2019, 153.

⁹ Могаричев 1997, 134.

¹⁰ Могаричев 1997, 201.

¹¹ Могаричев 1997, 219.

¹² Могаричев 1997, 232, 242, 256.

¹³ Могаричев 1997, 297.

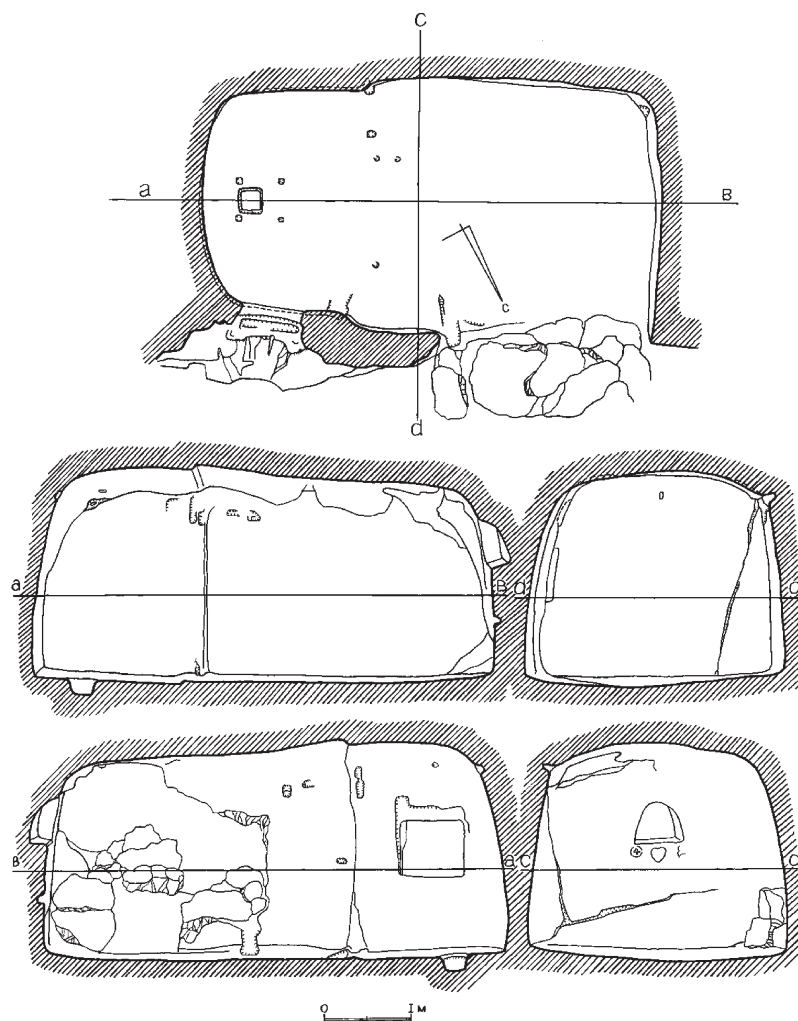

Рис. 3. Церковь на поляне Кильсе-тубю. План. Разрезы

менной кладкой из необработанных камней (рис. 2; 3). На дверном проеме сохранились пазы для установки деревянной дверной коробки.

Пол и потолок церкви неровные, с выбоинами. Вероятнее всего, в период функционирования культового сооружения пол был деревянный. Отметим, по стенам внутрискального помещения проходят значительные трещины, а в юго-западной части в потолке имеется провал (рис. 6), что свидетельствует о возможности скорого разрушения памятника.

Алтарная часть церкви была украшена фресковой росписью, которая ныне фрагментарно просматривается на площади около 3 м² (рис. 7 – 9). Изображения в настоящее время находятся в неудовлетворительном состоянии: копоть, известковый налет и ямчуга повредили не только саму поверхность росписи, но и раствор,

Рис. 4. Церковь на поляне Кильсе-тубю. Вырубные гнезда в полу алтарной части

поэтому местами просматривается даже скальная стена. Практически уничтожена правая часть изображения, повреждены лики. В процессе нашего обследования памятника так же выявилось, что роспись была недавно кем-то «вымыта» от копоти водой, в некоторых местах даже видно механическое воздействие на стенопись губки. Как следствие такой «расчистки» – отслоение штукатурного слоя от скальной основы. Это привело к невосполнимым утратам в ряде мест. В итоге красочный слой орнамента тусклый, остался лишь подмалевок.

Стенопись церкви, как уже отмечалось, сконцентрирована в алтарной части и разделена на сохранившиеся композиции апсиды, роспись конхи апсиды, а также предполагаемую роспись сводов и стен внутри алтарной преграды. Последняя не сохранилась, но обнаруженные фрагменты штукатурного слоя с остатками пигментов свидетельствуют о том, что здесь также могла быть роспись.

Как отмечал Н.И. Репников: «в апсиде остатки сильно закоптевшей фрески – Деисус на синем фоне». Композиция «Деисус» встречается в храмовой росписи в апсидах как пещерных церквей Горной Юго-Западной Таврики, так и храмов Восточного Крыма и передает главную тему стенописи – искупительную жертву Иисуса Христа, которая, вероятно, была актуальной для христианского населения Крыма XIII–XV вв.¹⁴

¹⁴ Ергина 2018.

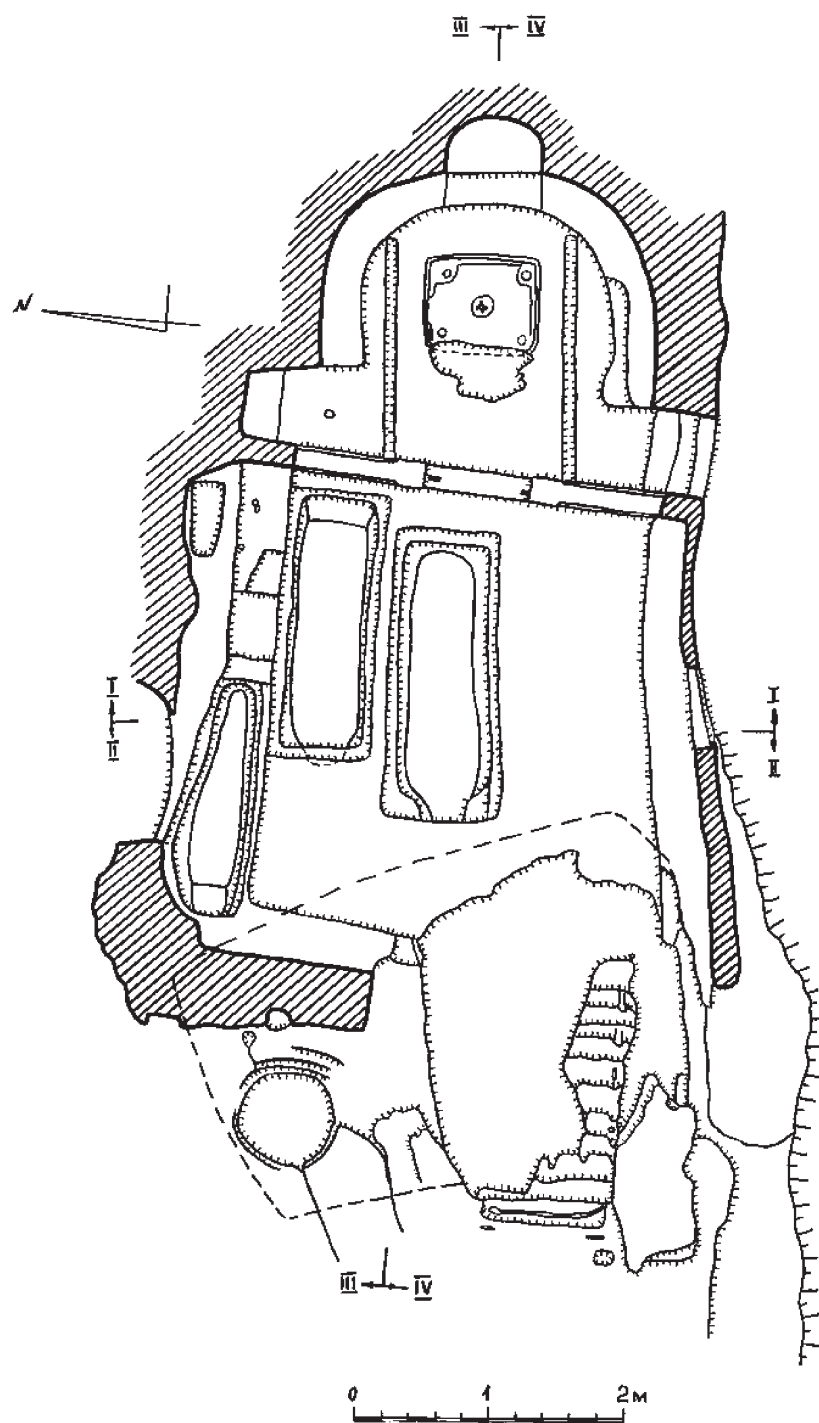

Рис. 5. Храм Южного монастыря Мангула. План

Рис. 6. Церковь на поляне Кильсе-тубю. Северо-западная стена

Рис. 7. Церковь на поляне Кильсе-тубю. Фото Н.В. Днепровского (2009 г.)

Рис. 8. Церковь на поляне Кильсе-тубю. Алтарная часть

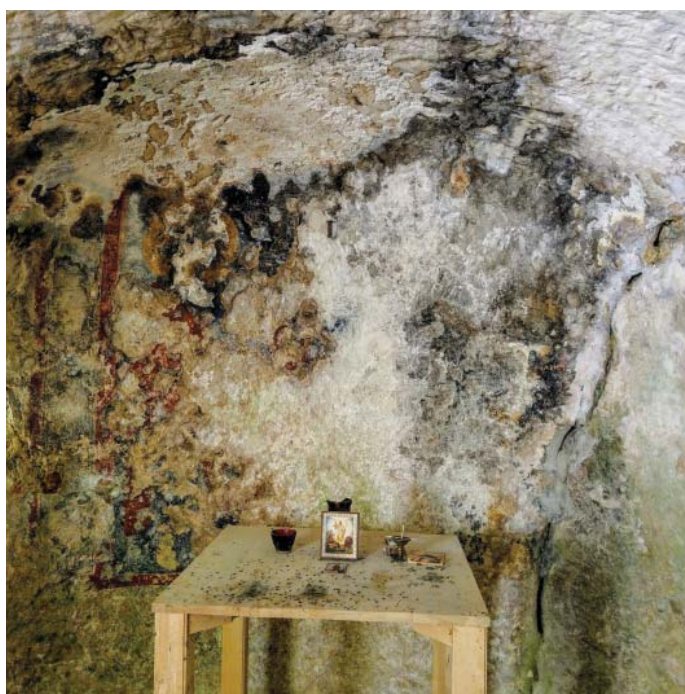

Рис. 9. Церковь на поляне Кильсе-тубю. Остатки фресковых росписей

Рис. 10. Церковь на поляне Кильсе-тубю. Реконструкция фресковых росписей

Надписи к фигурам святых не просматриваются, видны только остатки нимбов, фигуры фрагментированы. Лучше всего сохранилась фигура Богородицы (рис. 9; 10), она изображена в полный рост слева. Глаза на лице Богородицы выбиты (рис. 9). Очевидно, это произошло еще в эпоху позднего средневековья и, вероятно, связано с посещением здания носителями исламских традиций. Скорее всего, тогда церковь использовалась как хлев. Хорошо прочитывается нимб желтой охры. Богородица облачена в светлое, предположительно белое платье, подол которого различим внизу фигуры. Поверх платья одет красный мафорий со следами киновари. Голова покрыта красным платом цвета киновари, которая со временем под воздействием воздуха и влаги приобрела серый цвет (а в некоторых местах почернела). На ногах красные туфли. Фигура Богородицы изображена традиционно: повернутой к Христу в жесте моления.

Доминанта данной композиции – фигура Спасителя на троне (рис. 9; 10). В центре апсиды просматривается часть нимба Христа: хотя сейчас она практически не читается в связи с сильным загрязнением копотью, но виден охристый круг со светлой обводкой, возможно белой. Можно предположить, что Христос был изображен художником в светлом, лиловом либо голубом хитоне. Он сидит на престоле охристого цвета, остатки которого просматриваются между его фигурой и Богородицей. Фигура справа от Спасителя в настоящее время полностью унич-

тожена, ее трудно идентифицировать. Но с большой долей вероятности можно предположить, что справа была традиционная для иконографии такой композиции фигура Иоанна Крестителя. Она, вероятно, была представлена в облачении цвета теплой охры, остатки следов пигмента которой просматриваются в правой части.

Композиция фронтальная: фигуры расположены по одной линии; перспектива, глубина отсутствуют; отсутствует объем в образах. Таким образом, рассматриваемые изображения носят плоскостной характер. Позем обозначен плоскостью зеленоватого цвета. Образы представлены на темно-синем фоне лаконичными силуэтами. Пропорции фигур неправильные, с отношением головы к остальной части тела 1:5. Они декоративны по цвету. Насыщенный цвет одежды Богородицы контрастирует с фоном стенописи.

Можно предположить: эти изображения близки фигурам сюжета «Деисус» из церкви Южного монастыря Мангуа (рис. 11). Цветовые же отношения стенописи церкви на поляне Кильсе-тубю в целом, по нашему мнению, близки к изображениям на южной и северной стене над сводом карниза алтарной арки того же мангупского храма (по нашей классификации третий период росписей там)¹⁵. Несомненно, в церкви Южного монастыря Мангуа композиция «Деисус» является одним из поздних вариантов иконографии данного сюжета. Стенопись же церкви на поляне Кильсе-тубю представляется «упрощенным» вариантом указанной композиции. Это может быть следствием того, что художник (или заказчик) росписи церкви в Кильсе-тубю в качестве образца выбрал именно стенопись церкви храма Южного монастыря Мангуа. Напомним, последний, скорее всего, был связан с правящей династией Феодоро¹⁶.

Рис. 11. Храм Южного монастыря Мангуа. Реконструкция фресковых росписей апсиды. Композиция «Деисус»

¹⁵ Могаричев, Ергина 2019.

¹⁶ Герцен, Могаричев 1996, 41.

Рис. 12. Церковь на поляне Кильсе-тубю. Остатки фресковых росписей. Орнамент

Сюжет «Деисус» украшен по периметру светлым (белым или светло-голубым) убрусом, обрамленным широкой красной полосой и двумя синими полосами по краям, по нему темно-синей краской был нанесен линейный и геометрический орнамент, а также (сейчас почти не выявляемый) греческий текст (рис. 12).

По нашему мнению, орнаментальные мотивы обрамления композиции «Деисус» в церкви на поляне Кильсе-тубю, по расположению в пространстве интерьера и содержанию, подобны орнаментальному декору дугообразного выступа ниши алтаря церкви Южного монастыря Мангуа. Именно в подобии элементов орнаментального убранства церкви больше всего прослеживается сходство стенописи исследуемого памятника и сохранившейся стенописи храма Южного монастыря Мангуа.

Рис. 13. Церковь на поляне Кильсе-тубю. Остатки фресковых росписей. Орнамент на верхнем регистре апсиды

Верхний регистр апсиды церкви на поляне Кильсе-тубю, несомненно, был расписан растительными элементами. Сейчас просматриваются лишь остатки орнаментальных мотивов цвета красной охры в конхе и на сводах алтарной части церкви (рис. 13).

Орнамент конхи рассматриваемого памятника либо заполнял все пространство конхи, либо обрамлял композицию, которая по смыслу должна перекликаться с темой искупительной жертвы Иисуса Христа за грехи всех людей ради их спасения и вечной жизни души после смерти.

В целом стенопись церкви на поляне Кильсе-тубю написана в технике фрески с использованием легких цветных подкладок. Все изображения декоративны. По своему тектоническому характеру рассматриваемая композиция представляет собой замкнутый характер композиционной структуры: это прослеживается через симметричность композиции, равновесие и целостность восприятия. Данный фрагмент росписи мастерски исполнен.

Кроме близости с фресковыми росписями храма Южного монастыря Мангупа, по нашему мнению, можно отметить определенное сходство фресковых росписей рассматриваемого памятника с композицией стенописи сюжета «Деисус» в ныне не существующем (он был уничтожен при прокладке железной дороги во второй половине XIX в.) храме так называемого Скита в Георгиевской (Крым-

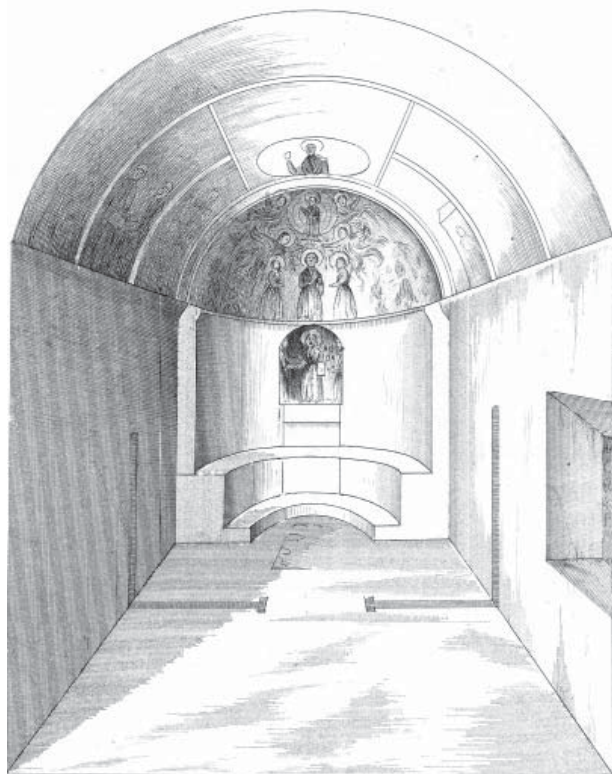

Fig. 4. Perspective du Monastère.

Рис. 14. Инкерман. Церковь в Георгиевской (Крымской) балке (по Ф. Дюбуа де Монпере)

ской) балке в Инкермане¹⁷. Фресковые росписи этой церкви были зарисованы Ф. Дюбуа де Монпере (1831–1834 гг.)¹⁸ (рис. 14) и Д.М. Струковым (1870-е гг. XIX в.)¹⁹ (рис. 15). Как видим, в апсиде храма Скита в Георгиевской (Крымской) балке над престолом прослеживается сюжет «Деисус» на ярко-синем фоне. Как и в церкви на поляне Кильсе-тубю, святые изображены в полный рост.

Помимо пещерной церкви на поляне Кильсе-тубю, пещерной церкви Южного монастыря Мангупа и Скита в Георгиевской (Крымской) балке в Инкермане, композиция «Деисус» представлена также в росписях: храма «Донаторов» (округа Эски-кермена); храма «Успения» на Эски-кермене; открытой Т.А. Бобровским пещерной церкви на Загайтанской скале (Инкерман); храма в селе Верхоречье; церкви Дмитрия Солунского в Феодосии.

¹⁷ Могаричев 1997, 27; 2019, 301–302.

¹⁸ Dubois de Montpereux 1843, fig.4.

¹⁹ Струков Деисус, л. 37.

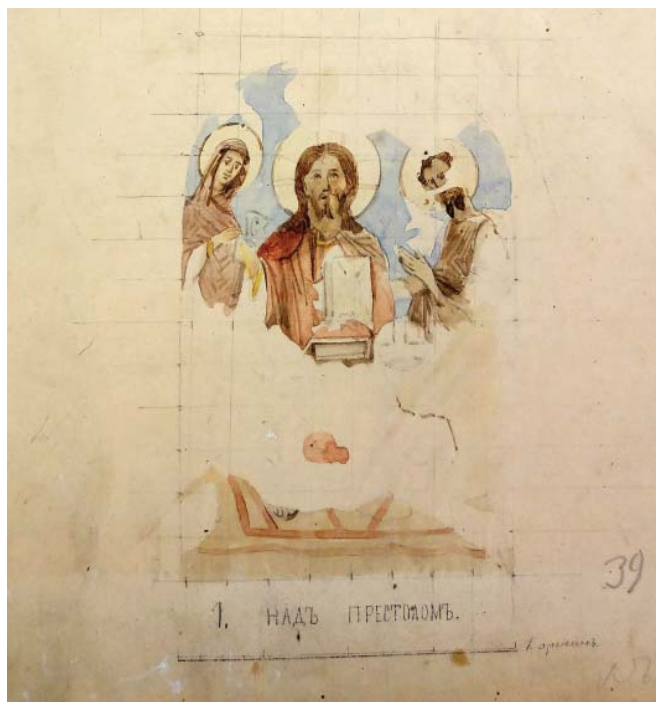

Рис. 15. Инкерман. Церковь в Георгиевской (Крымской) балке.
Фрагмент фресковых росписей (по Д.М. Струкову)

В конхе апсиды храма «Донаторов» представлен наиболее архаичный «Деисус» – композиция из трех поясных фигур на синем фоне. Силуэт фигуры Христа крупнее двух других изображений святых. Слева от Спасителя фигура Богоматери, справа – Иоанн Предтеча с простертыми к Иисусу Христу руками²⁰.

Роспись конхи апсиды храма в селе Верхоречье была исследована О.И. Домбровским. Его реконструкция позволяет представить поясное изображение Христа, а по сторонам – поясные изображения Богородицы и Иоанна Крестителя²¹.

В алтаре церкви на Загайтанской скале представлена поясная композиция «Деисус». Христос Эммануил с красным крещатым нимбом помещен в темно-красный медальон с белым контуром. Слева от Христа – поясное изображение Богоматери в пурпурном мафории с красным нимбом, справа – Иоанн Креститель с красным нимбом и белым обрамлением. Правая рука в молитвенном жесте обращена к Спасителю²².

В конхе апсиды церкви Дмитрия Солунского в Каффе фон композиции «Деисус» темно-синего цвета, фигуры крупного масштаба заполняют все пространство апсиды. Слева от Спасителя фигура Богоматери во весь рост, справа – Иоанн Креститель с крестообразным посохом²³.

²⁰ Ергина 2018, 15.

²¹ Ергина 2018, 16.

²² Бобровский, Чуева 2005, 143–144.

²³ Ергина 2018, 17.

В интерьере храма «Успения» представлена трансформация композиции «Деисус» из трехфигурных поясных изображений в многофигурную, изображающую святых в рост. Христос в окружении небесных воинов отделен от Марии и Иоанна Крестителя, представителей «церкви земной». Среди персонажей – два шестикрылых существа (серафимы)²⁴.

По своему топографическому расположению церковь на поляне Кильсе-тубю напоминает церковь «Трех всадников» на Эски-кермене²⁵. Оба пещерных храма вырублены в отдельно стоящих обломках скалы, отколовшихся от скального массива, и устроены на территории (или рядом) раннесредневековых некрополей. В процессе исследований в ближайшей округе храма «Трех всадников» были выявлены как раннесредневековые захоронения, так и погребения XIII в.²⁶ Напомним, скорее всего, именно XIII в. следует датировать церковь «Трех всадников»²⁷. Храм на поляне Кильсе-тубю расположен выше так называемого Каралезского раннесредневекового могильника²⁸. К сожалению, указанный некрополь мало исследован. Поэтому невозможно однозначно утверждать, что его захоронения доходят до территории церкви. Однако по аналогии с иными раннесредневековыми некрополями можно с определенной долей вероятности предполагать, что таковое имело место.

Особенностью церкви является отсутствие захоронений в ней. Конечно, можно с большой долей вероятности предположить, что погребения здесь могут находиться рядом с храмом, в том числе и с внешней стороны входа. Однако подтвердить или опровергнуть это предположение может только археологическое исследование объекта. Заметим, что внутрицерковные захоронения характерны для храмов, где присутствуют фресковые росписи: «Судилище», «Трех всадников», «Донаторов», «Успения» (здесь погребения были устроены в подходе к двери) (Эски-кермен)²⁹, указанный выше храм Южного монастыря (Мангуп)³⁰, «Главный храм» (Шулдан)³¹, Базилика св. Георгия (Климента), «Храм с крещальней», «Храм Евграфия (География)», две церкви монастыря св. Софии, упомянутая церковь скита в Георгиевской (Крымской) балке (Инкерман)³². Исследователи выявленной в 2004 г. церкви с фресками на Загайтанской скале (Инкерман) также отмечают там следы погребальных сооружений³³.

На ближайшем к рассматриваемому памятнику Мангупе следы захоронений в храмах не отмечены только в церкви под «площадкой со склепами» (Юго-Восточный монастырь)³⁴. Однако, учитывая, что там культовое помещение было устроено в естественном гроте и памятник археологически серьезно не исследовался, захоронения могут быть еще выявлены.

²⁴ Ергина 2018, 17.

²⁵ Могаричев 2019, 261–263, 273–278.

²⁶ Айбабин, Хайрединова 2018; Хайрединова 2018, 156.

²⁷ Могаричев 2019, 27–278.

²⁸ Герцен, Науменко, Щведчикова 2017, 39.

²⁹ Могаричев 1997, 44–53.

³⁰ Могаричев 1997, 64–66.

³¹ Могаричев 1997, 36–37.

³² Могаричев 1997, 7–30.

³³ Бобровский, Чуева 2005, 139.

³⁴ Герцен, Могаричев 1996, 19–20.

Сложно определить, какую функцию выполняла рассматриваемая церковь. В предшествующих публикациях один из авторов настоящей работы интерпретировал ее как приходскую³⁵. Этот вывод был сделан на основании вышеупомянутого предположения Н.И. Репникова, что каменные развалы вокруг церкви принадлежат некогда функционировавшему здесь селищу. Действительно, в округе храма отчетливо просматриваются следы каких-то построек, а выше от останца, в котором вырублено помещение, выделяются остатки каменной стены из ломаного камня, которая, вероятно, выполняла функции не только забора (оборонительной стены?), но и защищала храм от камней и иного мусора, в силу естественных или искусственных причин летевших сверху по склону. Однако, учитывая, что археологические исследования комплекса не проводились, исключать версию, что указанные строения и пещерная церковь могли являться частью монастыря, нельзя.

В любом случае наличие в церкви на поляне Кильсе-тубю фресковой росписи позволяет предполагать, что данный храм имел ктиторов. Почему этот или эти ктитория не были в итоге погребены в храме – проблема, которую в настоящее время решить однозначно не представляется возможным. Как одна из гипотез: церковь функционировала непродолжительное время, а ктитор (ктитория) в силу каких-то обстоятельств не смогли быть захоронены там.

Относительно датировки пещерной церкви на поляне Кильсе-тубю, судя по сохранившимся остаткам фресковых росписей, это памятник, как и отмечал Н.И. Репников, не выходит за пределы второй половины XIV–XV вв. Несомненно, церковь была создана и функционировала в период княжества Феодоро. Появление этого государственного образования, вероятно, сначала находившегося системе золотоордынских владений в Крыму, письменные, археологические и эпиграфические источники фиксируют с начала 1460-х гг.³⁶ Погибло Феодоро в 1475 г. в результате османской агрессии³⁷.

Однако, по нашему мнению, ряд косвенных факторов позволяет сузить указанную датировку.

1. Как отмечалось выше, художник при создании изображений в церкви на поляне Кильсе-тубю, вероятно, ориентировался на росписи пещерного храма Южного монастыря Мангупа, время создания которого датируется 1420–1430 гг.³⁸ Стенопись церкви на поляне Кильсе-тубю представляется «упрощенным» вариантом росписей мангупского храма.

2. Цветовые отношения стенописи церкви на поляне Кильсе-тубю в целом близки к изображениям на южной и северной стене над сводом карниза алтарной арки мангупского храма (по нашей классификации третий период росписей), которые, соответственно, были созданы между 1430-ми и 1475 гг.

3. Основание престола церкви на поляне Кильсе-тубю имеет прямую аналогию только с подобным устройством в храме Южного монастыря Мангупа,

4. Отсутствие погребений в рассматриваемой церкви, как уже отмечалось, вероятно, свидетельствует о ее недолгом функционировании в период Феодоро.

Все отмеченные особенности, по нашему мнению, позволяют с определен-

³⁵ Могаричев 1997, 97.

³⁶ Герцен, Науменко 2016.

³⁷ Руев 2014, 187–264.

³⁸ Герцен, Могаричев 1996, 21–26, 37–41.

ной долей вероятности датировать время создания пещерной церкви на поляне Кильсе-тубю 1450-ми – началом 1470-х гг. Очевидно, ктитор (ктиторы?) церкви или художник в качестве образца для композиций фресок взял росписи также пещерного «княжеского» храма Южного монастыря. Хотя, учитывая традиционные композиции стенописи последнего, образцом могли послужить и несохранившиеся фресковые росписи иного, наземного, храма. Однако анонимный ктитор или члены его семьи не успели быть погребенными в данной церкви. Причиной могло стать турецкое завоевание Мангупа в 1475 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И., Хайрединова, Э.А. 2018: Средневековый некрополь у храма Трех Всадников на склоне плато Эски-кермен. В кн.: Н.А. Алексеенко (ред), *Χερσωνοσ Θεματα: империя и полис. Материалы научной конференции*. Севастополь, 19–22.
- Бобровський, Т.А., Чуєва, К.Е. 2005: Нововідкрита печерна церква з фресками візантійського часу з Південно-Західного Криму. *Праці науково-дослідного інституту пам'яткоохоронних досліджень* 1, 132–152.
- Герцен, А.Г. 2008: Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.). В кн.: Ю.М. Могаричев (ред.), *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Симферополь, 212–256.
- Герцен, А.Г., Могаричев, Ю.М. 1996: *Пещерные церкви Мангупа*. Симферополь.
- Герцен, А.Г., Могаричев, Ю.М. 2017: Пещерные сооружения Мангупа. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки* 3 (69), 3, 102–129.
- Герцен, А. Г., Науменко, В. Е. 2016: К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму. *Золотоордынская цивилизация* 9, 247–258.
- Герцен, А.Г., Науменко, В.Е. 2019: Сакральная топография Мангупа: история изучения, каталог и периодизация культовых памятников городища В кн.: Н.А. Алесеенко (ред.), *Миры Византии. Χερσωνοσ Θεματα* 2. Симферополь, 115–176.
- Герцен, А.Г., Науменко, В.Е., Шведчикова, Т.Ю. 2017: *Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.)*. М.–СПб.
- Домбровский, О.И. 1966: *Фрески средневекового Крыма*. Киев.
- Ергина, А.С. 2018: Композиция «Деисус» в росписях храмов средневековой Таврии. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна* 4, 14–19.
- Могаричев, Ю.М. 1997: *Пещерные церкви Таврики*. Симферополь.
- Могаричев, Ю.М. 2005: *«Пещерные города» в Крыму*. Симферополь.
- Могаричев, Ю.М. 2010: *Крым. «Пещерные города»*. Киев.
- Могаричев, Ю.М. 2015: Скальные церкви Горного Юго-Западного Крыма. *Наследство и культурен пейзаж. Известия регионален исторически музей Русе XVIII*, 67–104.
- Могаричев, Ю.М. 2019: *«Пещерные города» Горной Юго-Западной Таврики в описании А.С. Уварова*. Симферополь.
- Могаричев, Ю.М., Ергина, А.С. 2019: Фресковые росписи пещерной церкви Южного монастыря Мангупа: специфика иконографии и особенности композиционного решения. *Поволжская археология* 2 (28) (в печати).
- Репников, Н.И. *Материалы: Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма*. Архив ИИМК РАН. Ф. 10. Д. 10.

- Руев, В.Л. 2014: *Турецкое вторжение в Крым в 1475 г.* Симферополь.
- Струков, Д.М. Деисус: «Деисус» храма Святого Георгия у южной стороны Севастопольской бухты. *Рисунки древних памятников христианства в Тавриде*. Отдел ИЗО РГБ. Топографический шифр 105/5 378. Л.37.
- Хайрединава, Э.А. 2018: Раскопки на плато Эски-кермен в 2017 г. В кн.: В.В. Майко (ред.), *История и археология Крыма VIII*, 155–158.
- Dubois, de Montpereux 1843. *Voyage autour du Caucase, ches les Tcherkessus et les Abhkases, en Colchida en Georgie en Armenia et en Crimée*. V. VI. Atlas. Paris.

REFERENCES

- Aybabin, A.I., Khayredinova, E.A. 2018: Srednevekovyy nekropol' u khrama Trekh Vsadnikov na sklone plato Eski-kermen [The medieval necropolis near the Temple of the Three Riders on the side of the Eski-Kermen Plateau]. N.A. Alekseenko (ed.), *Χερσωνοσ Θεματα: imperiya i polis. Materialy nauchnoy konferentsii* [Χερσωνοσ εματα: Empire and polis. Scientific conference materials]. Sevastopol, 19–22.
- Bobrovskiy, T. A., Chueva, E. E. 2005: Novovidkrita pecherna cerkva z freskami vizantiys'kogo chasu z Pivdeno-Zahidnogo Krimu [Newly opened cave church with frescoes of Byzantine time from the South-Western Crimea]. *Pratsi naukovo-doslidnogo institutu pamyatkoohoronnikh doslidzhen'* [Proceedings of the Research Institute of Memorial Research] 1, 132–152.
- Gertsen, A.G. 2008: Mangup glazami issledovateley i puteshestvennikov (XVI – nachalo XX v.) [Mangup through the eyes of researchers and travelers (the 16th – early 20th century)]. In: Yu.M. Mogarichev (ed.), *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Bakhchisaray historical and archaeological collection]. Simferopol, 212–256.
- Gertsen, A.G., Mogarichev, Ju.M. 1996: *Peshchernye tserkvi Mangupa* [Cave churches of Mangup]. Simferopol.
- Gertsen, A.G., Mogarichev, Yu.M. 2017: Peshchernye sooruzheniya Mangupa [Mangup cave structures]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Historical Sciences] 3 (69), 102–129.
- Gertsen, A. G., Naumenko, V. E. 2016: K voprosu o vydelenii zolotoordynskogo perioda v istorii Mangupskogo gorodishcha v Yugo-Zapadnom Krymu [On the issue of distinguishing the Golden Horde period in the history of the Mangup settlement in the South-Western Crimea]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde civilization] 9, 247–258.
- Gertsen, A.G., Naumenko, V.E. 2019: Sakral'naya topografiya Mangupa: istoriya izucheniya, katalog i periodizatsiya kul'tovykh pamyatnikov gorodishcha [The sacral topography of Mangup: the history of the study, the catalog and periodization of religious monuments of the ancient city]. In: N.A. Aleseenko (ed.), *Miry Vizantii. Χερσωνοσ Θεματα* [Worlds of the Byzantine Empire. Χερσωνοσ εματα] 2, 115–176.
- Gertsen, A.G., Naumenko, V.E., Shvedchikova, T.Yu. 2017: *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropoley Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.)* [The population of Doros-Theodoro based on the results of a comprehensive archaeological and anthropological analysis of the necropolises of the Mangup settlement (the 4th to the 17th centuries)]. Moscow-Saint Petersburg.
- Ergina, A.S. 2018: Kompozitsiya «Deisus» v rospisyakh khramov srednevekovoy Tavrii [Composition “Deesis” in the paintings of temples of medieval Tavria]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizayna* [Journal of St. Petersburg State University of Technology and Design] 4, 14–19.
- Mogarichev, Yu.M. 1997: *Peshchernye tserkvi Tavriki* [Taurus Cave Churches]. Simferopol.

- Mogarichev, Yu.M. 2005: *“Peshchernye goroda” v Krymu* [“Cave cities” in the Crimea]. Simferopol.
- Mogarichev, Yu.M. 2010: *Krym. “Peshchernye goroda”* [The Crimea. “Cave cities”]. Kiev.
- Mogarichev, Yu.M. 2015: Skal’nye tserkvi Gornogo Yugo-Zapadnogo Kryma. [Rock churches of the Mountain Southwest Crimea]. *Nasledstvo i kulturny peyzazh. Izvestiya regionalnogo istoricheskogo muzeia Ruse* [Inheritance and cultured landscape. Transactions of Regional historical museum of Ruse] XVIII, 67–104.
- Mogarichev, Yu.M. 2019: *“Peshchernye goroda” Gornoy Yugo-Zapadnoy Tavriki v opisani A.S. Uvarova* [“Cave cities” of the Mountainous Southwestern Tavrika in the description of A.S. Uvarova]. Simferopol.
- Mogarichev, Yu.M., Ergina, A.S. 2019: Freskovye rospisi peshchernoy tserkvi Yuzhnogo monastyria Mangupa: spetsifika ikonografii i osobennosti kompozitsionnogo resheniya [Fresco paintings of the cave church of the Mangup South Monastery: the specifics of the iconography and features of the composite solution]. *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga archaeology] 2 (28).
- Repnikov, N.I. *Materialy k arkheologicheskoy karte Yugo-Zapadnogo nagor’ya Kryma* [The matters on archaeological map of Southwest Plateau of Crimea]. Arkhiv Instituta istorii material’noy kul’tury (Sankt-Peterburg). Col. 10. D. 1. 387 l.
- Ruev, V.L. 2014: *Turetskoe vtorzhenie v Krym v 1475 g.* [Turkish invasion of the Crimea in 1475]. Simferopol.
- Strukov, D.M. Deisus: “Deisus” khrama Svyatogo Georgiya u yuzhnoy storony Sevastopol’skoy bukhty [Deesis: “Deesis” of the Church of St. George on the south side of the Sevastopol Bay]. *Risunki drevnikh pamyatnikov khristianstva v Tavride* [Drawings of ancient monuments of Christianity in Tauris]. Otdel IZO RSL. No. 105/5 378. Sheet 37.
- Hayredinova, E.A. 2018: Raskopki na plato Eski-kermen v 2017 g [Excavations on the Eski-Kermen Plateau in 2017]. V.V. Mayko (red.). *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and archaeology of the Crimea] VIII, 155–158.

CAVE CHURCH AT THE FIELD OF KIELSE-TUBU
(DISTRICT OF MANGUP, THE CRIMEA)

Yurii M. Mogarichev¹, Alena S. Ergina²

¹*Institute of Archaeology of Crimea Russian Academy of Sciences, Crimean Republican Institute for Postgraduate Pedagogical Education, Simferopol, Russia*
mogara@rambler.ru

²*Saint Petersburg State Academy of Arts and Design named after A.L. Stieglitz, Saint Petersburg, Russia*
yergina.aliona@gmail.com

Abstract. The cave temple is located in the nearest district of the Mangup Settlement. It is carved into a separate piece of rock. This work is the first detailed review of the architectural features of the church and the fresco compositions survived therein. The church is rectangular in shape, with dimensions 5.4 x 3.0 x 2.4 m. The apse is oriented to the south-east and has a slight rounding. The altar barrier was wooden. The base of the altar is made in the floor of the apse. There are significant cracks along the walls of the church, and there is a failure in the ceiling in the south-western part, which indicates the possibility of the monument’s destruction. The altar part of the church was decorated with fresco paintings. It is fragmentarily visible on an area of

about 3 sq. m. The images are currently in damage. The murals of the church are divided into the preserved compositions of the apse, the painting of the concha of the apse, as well as the supposed painting of the arches and walls inside the altar barrier. In the apse the composition "Deesis" is viewed. The best survived figure of the Virgin. The dominant feature of this composition is the figure of the Christ on the throne. On the right was John the Baptist. The composition is frontal. The Deesis around is decorated the perimeter with a light bar framed with a wide red stripe and two blue stripes along the edges. It consists of linear and geometric ornaments. It was painted with dark blue color. The upper register of the apse was also painted. Now we can see only the remnants of ornamental motifs in the concha and on the arches of the altar part of the church. The murals are painted using the fresco technique using light colored linings. All images are decorative. By its tectonic character, the composition under consideration is a closed character of the compositional structure. A feature of the church is the absence of graves in it. Probably, the temple should be dated to the third quarter of the 15th century.

Keywords: the Crimea, Byzantine Empire, cave churches, frescoes, Deesis

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 187–211
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 187–211
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-187–211

ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕСТАВРАЦИЯ ФРАГМЕНТОВ СЛАВЯНСКОЙ ПОСТНОЙ ТРИОДИ КОНЦА XIII – НАЧАЛА XIV ВВ. ИЗ СОБРАНИЯ БАН (ТЕК. ПОСТ. № 1244)

Е.И. Чаморовская

*Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика
И.Э. Грабаря, Москва, Россия
catherine-moro@yandex.ru*

Аннотация. В статье речь идет об исследовании и реставрации пергаменных фрагментов Постной Триоди конца XIII – начала XIV вв. из собрания БАН (Тек. пост. № 1244). Документ поступил на реставрацию в сильно поврежденном виде – в составе одного двойного листа (бифолия) и пяти разрозненных фрагментов с текстом. На листах имелись пятна клея, отпечатки чернил, фрагменты бумаги и следы предыдущей реставрации.

Повреждения документа были обусловлены историей его бытования – использованием в качестве переплетного покрытия в греческой рукописи БАН – Сборнике смешанного содержания, написанном в 1784–1793 гг., из собрания Русского Археологического института в Константинополе, № 186. В 1963 г. фрагменты были сняты с переплета и выделены в самостоятельную единицу хранения.

Ввиду необходимости работы с текстом документа, до начала реставрации была проведена фотосъемка документа в обычном и УФ освещении и составлена транскрипция текста сохранившихся фрагментов.

На основании отождествления отпечатков текста, имеющихся на листах, было установлено, что бифолий служил переплетным покрытием Сборника РАИК, № 186, тогда как фрагментированный лист своей оборотной стороной был приклеен к средней части переплетного покрытия (с внутренней стороны, в перевернутом на 180° положении), служа тем самым для укрепления корешка книги.

Таким образом, благодаря внимательному изучению документа и кропотливой работе с текстом удалось корректно соединить фрагменты, вернуть на исходные места отслоившиеся участки пергамента с текстом, уточнить детали бытования фрагментов Триоди на переплете греческой рукописи. В результате проведенных мероприятий документ приобрел целостность и стал доступным для дальнейших исследований.

Ключевые слова: славянские рукописи, пергаменные рукописи, Триодь, реставрация, консервация, реставрация рукописей, макулатурные фрагменты

Данные об авторе: Чаморовская Екатерина Ивановна – научный сотрудник Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И.Э. Грабаря.

Данная статья представляет собой дополненную версию доклада, прочитанного 17 ноября 2017 г. на конференции «Исследование и реставрация рукописей» в Библиотеке Российской Академии наук.

Научный подход в реставрации памятников истории и культуры предполагает проведение комплекса исследований, предшествующих реставрационному процессу и сопровождающих его. Результаты этих исследований, как правило, определяют степень реставрационного вмешательства и влияют на выбор методов работы.

При работе со средневековыми манускриптами принципы научной реставрации являются основополагающими. Изучение таких памятников зачастую предполагает междисциплинарный подход и требует привлечения специалистов в различных областях знания (палеографов, кодикологов, текстологов, историков искусства и пр.). Проведение дореставрационных исследований не только напрямую влияет на реставрационный процесс, но и позволяет уточнить атрибуцию и выявить неизвестные ранее факты истории рукописи.

Именно этими принципами руководствуются сотрудники Отдела научных исследований и реставрации пергаменных рукописей ВХНРЦ имени академика И.Э. Грабаря (Москва), специализирующиеся на работе со средневековыми манускриптами из разных архивохранилищ нашей страны¹.

С 2016 г. по инициативе заведующей Отделом рукописей Библиотеки Российской Академии наук (С.-Петербург) М.В. Корогодиной и заведующей Отделом научных исследований и реставрации пергаменных рукописей ВХНРЦ Э.Н. Добрыниной начата плановая реставрация наиболее ценных и значительно поврежденных документов из фондов БАН.

В числе рукописей, принятых на реставрацию в конце 2016 г., были пергаменные фрагменты из фонда Текущих поступлений, № 1244. Согласно атрибуции М.А. Моминой, отраженной в Сводном каталоге славянских рукописей, документ представляет собой фрагменты Постной Триоди IV (Загребского) типа и содержит отрывки служб на 3-е воскресенье, понедельник 4-й недели (л. 1–1 об.) и четверг 5-й недели Поста (л. 2–3 об.)². Второй – и единственный полный список Постной Триоди того же типа хранится в Загребе (ХАЗУ, IV. d. 107)³. Язык памятника – среднеболгарский; датировка концом XIII – началом XIV вв. принадлежит А.А. Турилову⁴.

Относительно происхождения документа известно, что пергаменные фрагменты использовались в качестве переплетного покрытия в греческой рукописи БАН – Сборнике смешанного содержания, написанном в 1784–1793 гг., из собрания Русского Археологического института в Константинополе, № 186. В 1963 г. фрагменты были сняты с переплета и выделены в самостоятельную единицу хранения⁵.

¹ Об этом см. в публикациях сотрудников Отдела за последние несколько лет: Добрынина 2012, 169–172; Добрынина, Морозова 2016, 77–93; Dobrynina, Kochetkov 2016, 82–84; Морозова, Федянина 2017, 269–291.

² Бубнов, Лихачева, Покровская (ред.) 1976, 118; Турилов (ред.) 2002, 662–663.

³ Момина 1983, 25–38.

⁴ Турилов (ред.) 2002, 662–663. К документу приложена записка, выполненная рукой О.А. Князевской и касающаяся палеографии рукописи: «БАН, Текущ. поступл. 1244. Считаю, что почерк отрывков близок по рисунку букв к почерку болгарских рукописей 1273 и 1277 гг. из Загреба. См. Альбом Мошина, рис. № 47 и 48 (стр. 51–52). О. Князевская. 25.XI.89 г.».

⁵ Лебедева (ред.) 1973, 171–172.

Описание переплета Сборника, помещенное в статье каталога греческих рукописей БАН, было сделано уже после демонтажа пергаменных фрагментов: «Переплет XVIII в., картон; он был обернут листами пергамена со славянским текстом XIV в. Листы пергамена с переплета сняты, переплет покрыт ледерином»⁶.

Вместе с рукописью РАИК, № 186 хранятся две записки, в которых дается описание пергаменных фрагментов еще до того, как они были сняты с переплета. Первая написана с соблюдением правил дореволюционной орфографии и приклеена к внутренней стороне верхней переплетной крышки; вторая выполнена на бумаге машинного отлива шариковой ручкой, почерком XX в. и вложена в книгу. Приводим тексты обеих записок, не упоминавшиеся и не публиковавшиеся ранее.

1) «№ 15. Два пергаменные листа, которые служат как обложка греческой рукописи на бумаге, среднеболгарской редакции. Кажется, обложка Минеи, текст написан полууставным письмом, не особенно красивым почерком. Возможно читать только с одной стороны».

2) «Сторонки – дерево, обклеенное снаружи славянской рукописью на пергамене, внутри – греческой на бумаге – скорописью, под ней другие греческие рукописи минускулом».

Документ БАН, Тек. пост., № 1244 поступил на реставрацию в составе одного бифолия и пяти разрозненных фрагментов с текстом. К документу приложены два бумажных листа со схемой соединения фрагментов и схемой совмещения строк, выполненные рукой М.А. Моминой.

Рукопись БАН, Тек. пост., № 1244 представляет собой фрагменты кодекса in quarto (размер листа 286 × 205 мм, поле текста 250 × 160 мм), относившиеся к двум разным тетрадам. Текст написан железо-галловыми чернилами на обеих сторонах каждого листа в один столбец по 33 строки с интервалом 8 мм. Разлиновка под текст не просматривается⁷. Начала тропарей выделены малыми инициалами, выполненными красной краской (рис. 1а, б).

Лист 1 – одинарный, состоит из четырех фрагментов разного размера. Разрывы проходят по тексту, имеют неровные края и на большинстве участков совмещаются встык. Утрачены левое и нижнее поля, а также фрагмент основы с текстом в центре нижней половины листа. Данных о том, каким образом использовался в переплете греческой рукописи фрагментированный лист 1, не сохранилось.

Лист 2–3 представляет собой бифолий с частично сохранившимися пропиллами для шитья. Утрачены внешние углы и правое поле л. 2, а также фрагмент основы с текстом в верхней части внутреннего поля бифолия. Кроме того, в нижней части внутреннего поля бифолия вырезан трапециевидный фрагмент. Среди поступивших на реставрацию фрагментов имелся трапециевидный фрагмент с отпечатками текста, однако его размер и очертания не совпадали с контурами утраты в нижней части бифолия. На реконструкции М.А. Моминой данный фрагмент отсутствует.

Повреждения памятника во многом обусловлены историей его бытования. Тот факт, что у бифолия были срезаны внешние углы, объясняется его использованием в качестве переплетного покрытия. Судя по сохранившимся вдоль полей сгибам, внешней частью обложки служила мездровая сторона листа, т.е. л. 3 об.–2.

⁶ Лебедева (ред.) 1973, 171–172.

⁷ Вероятно, вследствие поврежденности пергамена.

Ил. 1. Постная Триодь (фрагменты). Кон. XIII – нач. XIV вв. БАН, Тек. пост., № 1244. До реставрации:

а) л. 1 об.;
б) л. 2 об. – 3.

Она сильно загрязнена и затерта, особенно л. 2, в центре которого поверх стертых строк первоначального текста (строки 17–22) в свете УФ лампы просматриваются полустертые позднейшие русскоязычные записи в две строки, сделанные железно-галловыми чернилами⁸. Отчетливо читается лишь начало первой строки: «Димитр...» (рис. 2). К какому этапу бытования рукописи относятся данные записи, установить не удалось⁹.

На полях бифолия (на мездровой стороне листа) сохранились многочисленные мелкие фрагменты белой бумаги верже. Очевидно, это следы бумажных форзацев, которые были наклеены на внутренние стороны переплетных крышек и, следовательно, на завороты пергаменного покрытия.

На нижнем поле л. 2 рядом с фрагментами бумаги верже и частично под ними видны отпечатки греческого текста, выполненного красными чернилами, скорописью (читаются отдельные буквы). В верхней части л. II об. Сборника РАИК, № 186 также имеются отпечатки красных чернил – заставки в виде узкой полосы (подобные заставки в рукописи встречаются, но они выполнены коричневыми чернилами, как и текст) и скорописного заголовка под ней, перешедших с несохранившегося листа в начале рукописи. Лист, очевидно, содержал, 1-ую главу Выписок из «Физиолога» Епифания Кипрского, отсутствующую в рукописи (текст на л. 1 Сборника РАИК, № 186 начинается со 2-ой главы Выписок)¹⁰.

На л. 1 об. и 2 об.–3 документа БАН, Тек. пост., № 1244 часть чернил покрыта слоем клея. Наблюдаются многочисленные отпечатки букв, лежащие между строк основного текста в перевернутом на 180° относительно него положении. Наряду с отпечатками чернил, на листах имеются небольшие чужеродные фрагменты пергамена, изначальное местоположение и принадлежность которых к данному документу не установлены.

Документ нес на себе следы предшествующей реставрации. В 1960-е гг. после того, как бифолий был снят с переплета, во избежание дальнейших разрушений его подклеили. Была заклеена утрата основы в верхней части внутреннего поля л. 2 об.–3, сделан ряд заклеек вдоль корешка и внешних полей для фиксации разрывов. Восполнение утраты было произведено пергаменом белого цвета со значительными заходами на текст. Большая часть заклеек была сделана тонкой бумагой типа японской поверх текста, что значительно затруднило его чтение¹¹.

Разрозненность фрагментов и необходимость их построчного и побуквенного соединения встык, наличие густого слоя клея на участках с текстом, присутствие отпечатков чернил между строк основного текста, наличие отслоившихся фрагментов пергамена, исходное местоположение которых не было установлено, – все эти факторы обусловили сложность реставрационного процесса и необходимость внимательной и кропотливой работы с текстом документа.

⁸ Первоначальный текст стерт намеренно, чтобы освободить место для новой надписи.

⁹ Можно предположить, что эта надпись – заглавие книги (однако соотнести ее с составом рукописи РАИК, № 186 не удалось) или владельческая помета.

¹⁰ За определение греческого текста сердечно благодарим Э.Н. Добрынину.

¹¹ На нижнем форзаце Сборника РАИК, № 186 имеется штамп Отдела гигиены БАН с датой «10.XII.65 г.», когда эта рукопись получила существующий переплет. Можно предположить, что реставрация пергаменных фрагментов осуществлялась параллельно, также в Отделе гигиены БАН. Реставрационная документация не сохранилась. Выражаем искреннюю признательность главному хранителю Отдела рукописей БАН В.Г. Подковыровой за содействие в ее поиске.

Ил. 2. Постная Триодъ (фрагменты). Кон. XIII – нач. XIV вв. БАН, Тек. пост., № 1244. Л. 2 до реставрации

До начала реставрационных работ специалистами лаборатории физико-химических исследований ВХНРЦ была проведена подробная фотосъемка документа в обычном свете и в УФ излучении для наилучшего выявления трудночитаемого текста. Ввиду того, что представленный текст имеет множество расхождений с печатными изданиями, при работе с ним мы руководствовались рукописными памятниками. Опираясь на списки Триодей XIII в. (РНБ, Ф.п.I.68; РНБ, Ф.п.I.74; ХАЗУ, IV. d. 107)¹², мы составили транскрипцию текста поступивших на реставрацию листов. Затем было выполнено калькирование фрагментов и на основании транскрипции составлена уточненная схема их построчного и побуквенного соединения встык, а также схема переноса отслоившихся фрагментов.

Так, на одном из фрагментов л. 1 имелся фрагмент пергамена с неполной строкой текста, приклеенный в перевернутом на 180° положении. На этом участке отсутствовала общая граница для построчного совмещения фрагментов, склейка встык была невозможна. Руководствуясь транскрипцией, мы установили, что данный отрывок представляет собой срыв фактуры пергамена, при предыдущей реставрации ошибочно склеенный внахлест, и содержит окончание 13-й строки л. 1 об. (рис. 3а, б):

«[...] **НЖ ІАКО ТЕЛОНЫ СТЕНА ВЪПНІЖ БѢЩЕ** // **СТН МА ГРѢШНАГО**» (стихира самогласна, глас 8 «Воззрети очима на небо»).

Ил. 3. Постная Триодь (фрагменты). Кон. XIII – нач. XIV вв. БАН, Тек. пост., № 1244. Окончание 13-й строки л. 1 об.:

- а) до реставрации;
б) после реставрации.

¹² Выражаем искреннюю признательность Ж.Л. Левшиной и Т.И. Афанасьевой за помощь и содействие при работе с этими рукописями.

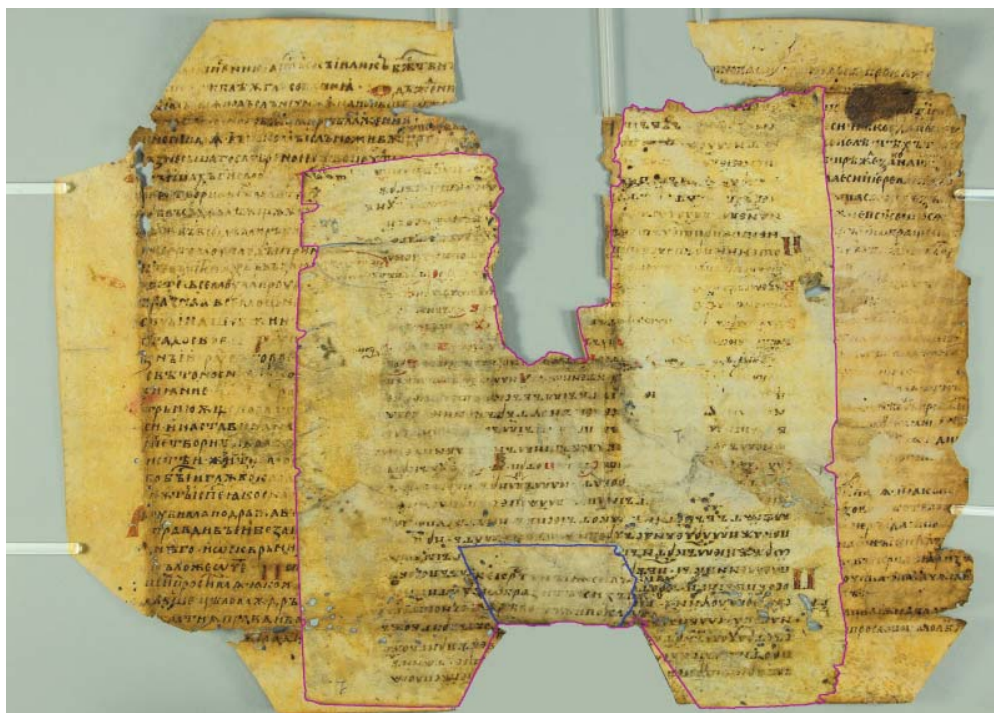

Ил. 4. Постная Триодь (фрагменты). Кон. XIII – нач. XIV вв. БАН, Тек. пост., № 1244. Побуквенное совмещение трапециевидного фрагмента и л. 2 об. – 3

Кроме того, благодаря работе с транскрипцией текста нам удалось определить изначальное местоположение трапециевидного фрагмента в центре нижней части бифолия. Его размер и очертания не точно совпадают с контурами утраты, однако, чтение текста на лицевой и на оборотной стороне не оставляет сомнений в правильности такого совмещения (рис. 4). Последняя строка на л. 2 об. восстанавливается следующим образом:

«[...] **сладкѣн нѣснѣ въ образъ спсѣвъ**» (Канон Андрея Критского, песнь 5, глас 6, тропарь «От братия правдивая душа»).

Далее, используя фотографический снимок в зеркальном отображении и транскрипцию текста, мы установили, что на листе 1 об. имеются отпечатки текста с листов 2 об. и 3, а в средней части листов 2 об. и 3 – отпечатки с листа 1 об. Отождествление отпечатков позволило нам установить взаимное расположение фрагментов относительно друг друга в период их бытования в качестве переплетного покрытия. Лист 1 располагался относительно бифолия в перевернутом на 180° положении; своей оборотной стороной он был приклеен к средней части листов 2 об.–3, т.е. к внутренней стороне переплетного покрытия, служа тем самым для укрепления корешка книги. При наложении листа 1 на бифолий описанным способом совпадают не только отпечатки текста, но и контур утраты в верхней части корешка (рис. 5). Утрата могла образоваться, например, при доставании книги с полки при условии, что книга на полке располагалась вертикально.

Ил. 5. Постная Триодь (фрагменты). Кон. XIII – нач. XIV вв. БАН, Тек. пост., № 1244. Реконструкция расположения л. 1 и л. 2–3 относительно друг друга на переплете рукописи РАИК, № 186.

Сопоставление отпечатков на л. 1 об. и 2 об.–3 позволило нам не только прояснить детали бытования фрагментов Триоди в качестве переплетного покрытия, но также установить исходное местоположение еще нескольких отслоившихся фрагментов пергамена с текстом. Так, в нижней части л. 1 об. имелись два небольших фрагмента пергамена, частично перекрывающие строки 31–32. Оба фрагмента принадлежали ранее л. 2–3, точнее – представляли собой два угла трапеции, вырезанной из середины верхнего поля бифолия при монтировании его на переплет (ил. 6). После демонтажа обоих фрагментов с л. 1 об. под бóльшим из них открылся фрагмент текста строк 31–32: «[...] **МОНСЕНСКЪ**ТЪН [...] // [...] **МОРЕ**» (трипеснец, глас 8, песнь 1, ирмос «Вооружена фараона погрузи»).

Далее, на л. 1 об. имелся небольшой фрагмент пергамена, перекрывавший часть строк 20–21. Сверившись с калькой-реконструкцией расположения л. 1 и 2–3 относительно друг друга, мы установили, что текст на фрагменте (несколько букв, расположенных в две строки) является окончанием строк 16–17 на л. 2 об. (ил. 7): «[...] **РАДУНСА** **ПРЪСТОЛЕ** **МНОГОУВЕР**[А] // **ЗНЪ**ТЪН [...] **РАДУНСА** **СВЪЦННУЕ**» (начало богородична). После демонтажа фрагмента под ним открылся киноварный инициал «В», начинающий стихирю 8 гласа «Всечестному, вернии, поклонимся древу».

После того, как было установлено исходное местоположение всех фрагментов и уточнены схемы их соединения и переноса, был создан расширенный

Ил. 6. Постная Триодь (фрагменты). Кон. XIII – нач. XIV вв. БАН, Тек. пост., № 1244. Схема переноса двух фрагментов л. 2–3 с л. 1 об.

Ил. 7. Постная Триодь (фрагменты). Кон. XIII – нач. XIV вв. БАН, Тек. пост., № 1244. Л. 1 об. (фрагмент):
а) до переноса фрагмента л. 2–3;
б) после переноса фрагмента л. 2–3.

реставрационный совет¹³, в работе которого приняли участие М.В. Корогодина, А.А. Турилов, А.Л. Лифшиц. Специалистам для обсуждения были представлены кальки-реконструкции и предложен порядок соединения фрагментов. Схемы соединения и переноса фрагментов пергамена с текстом были одобрены и единогласно утверждены решением реставрационного совета. Только после этого мы приступили к проведению реставрационных работ.

Первоочередным реставрационным мероприятием стало устранение следов реставрации 1960-х гг. и снятие фрагментов бумаги верже и пятен клея с полей бифолия. Предварительно проведенные пробы показали, что все присутствующие на листах пергамена виды клея являются водорастворимыми. Старые заклейки были демонтированы методом локального отдаленного увлажнения; фрагменты бумаги верже и плотный слой клея на полях удалялись при помощи компрессов из метилцеллюлозы (5%).

После удаления старых заклеек на внутренней стороне бифолия обнаружились разрывы основы и срывы фактуры с фрагментами букв, ошибочно склеенные внахлест. В процессе локального отдаленного увлажнения был проведен демонтаж этих участков. Затем, руководствуясь транскрипцией текста, мы вернули отслоившиеся фрагменты пергамена на исходное место.

Далее мы приступили к удалению клея на участках с текстом (главным образом, на л. 1 об.). Клей удалялся между строк и между букв в обход основного текста и отпечатков следующим образом. Небольшой участок клеевой пленки сначала слегка увлажнялся с тампона дистиллированной водой, затем по мере набухания послойно снимался скальпелем под микроскопом. Процедура повторялась необходимое количество раз до полного удаления клеевой пленки.

После удаления клея все фрагменты Триоди (в том числе перенесенные) были совмещены в соответствии с заранее составленной и утвержденной на реставрационном совете схемой. Затем фрагменты были склеены встык по линиям разрывов с использованием поливинилбутирала 10%-ной концентрации. Целостные листы были оставлены на трое суток для стабилизации клеевой пленки, после чего мы приступили к устранению деформаций пергамена, которое было проведено методом отдаленного увлажнения с последующим высушиванием пергамена в периодически сменяемых сукнах под прессом.

Восполнение утрат основы требовалось провести с максимальной деликатностью, стараясь полностью избежать заходов реставрационного материала на текст. Для этой цели была выбрана реставрационная бумага Hiromi Paper НМ-23 (40 г/м²) желто-коричневого оттенка, наиболее подходящая по цвету к пергамену, из которого выполнен документ. Для того чтобы бумага соответствовала пергамену по толщине, мы склеили ее в два слоя во взаимно перпендикулярном направлении (метилцеллюлоза 5%). После того как реставрационный материал стабилизировался, из него были приготовлены заклейки, точно совпадающие по контурам с утратами документа. Реставрационная бумага была приклеена к пергамену встык с помощью поливинилбутирала 15%-ной концентрации.

Руководствуясь решением реставрационного совета, мы восполнили л. 1 до формата, т.е. восстановили нижнее поле в соответствии с размерами л. 2–3, а так

¹³ Протокол заседания Реставрационного совета Отдела научных исследований и реставрации пергаменных рукописей ВХНРЦ № 49 от 3 марта 2017 г.

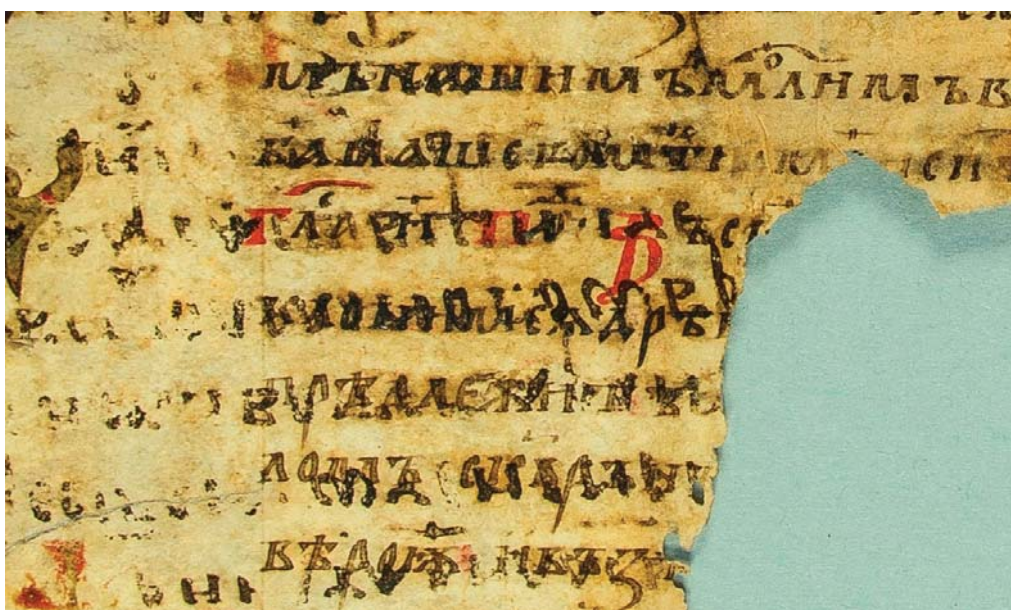
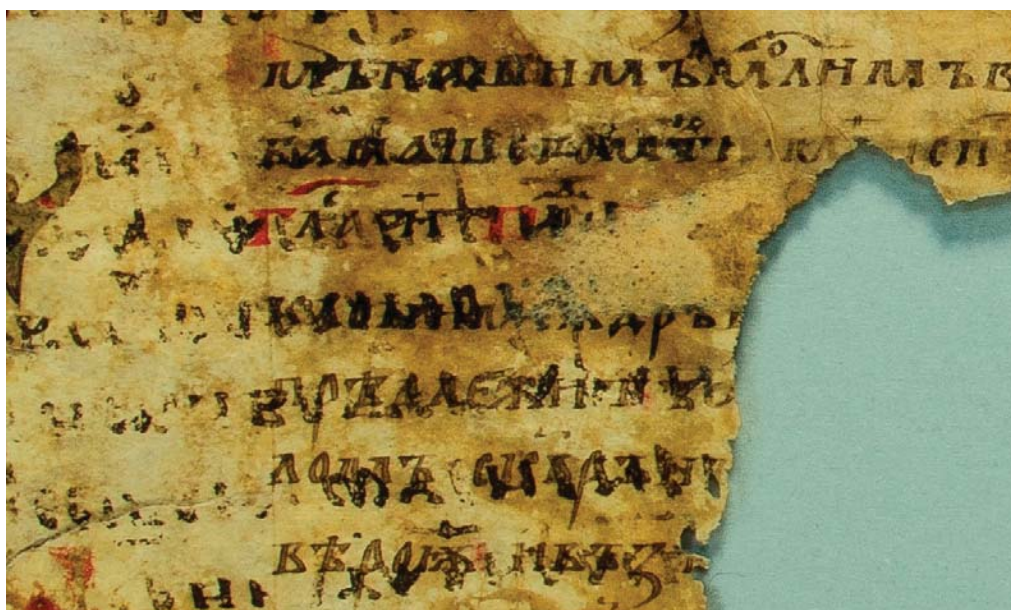

Ил. 8. Постная Триодь (фрагменты). Кон. XIII – нач. XIV вв. БАН, Тек. пост., № 1244. Схема переноса фрагмента л. 2 об. с л. 1 об.

же снабдили его фальцем для монтирования в консервационный переплет. Внешнее поле л. 3, а также срезанные внешние углы л. 2 было решено не доводить до формата (рис. 8а, б; 9а, б).

Для обеспечения сохранности документа после реставрации был изготовлен консервационный переплет, состоящий из двух картонных крышек, обклеенных льняной тканью на бумажной основе, с шелковыми завязками на переднем обрезе. Л. 2–3 был сфальцован по линии сохранившихся пропилов; л. 1 был приведен в соответствие с размерами л. 2–3. Поскольку л. 1 и л. 2–3 принадлежали к разным тетрадам одного кодекса и между ними существует значительная лакуна текста, мы поместили каждый из них в отдельный двойной защитный бумажный лист, создав тем самым две неполные тетради. Эти тетради были сшиты между собой и вшиты в консервационный переплет.

Таким образом, в результате проведенной работы по исследованию и реставрации фрагментов Постной Триоди была восстановлена целостность фрагментированных частей документа, а самому документу возвращен вид составной части кодекса. Благодаря проведению различных видов фотосъемки, составлению транскрипции с последующим соединением и переносом фрагментов, демонтажу старых заклеек, удалось наиболее полно выявить и зафиксировать трудночитаемый текст, сделав его доступным для дальнейшего изучения. Исследование текста и его отпечатков в процессе реставрации позволило установить особенности бытования фрагментов Триоди при их вторичном использовании в качестве переплетного материала.

Ил. 9. Постная Триодъ (фрагменты). Кон. XIII – нач. XIV вв. БАН, Тек. пост., № 1244.
Л. 1 об. (фрагмент):
а) до переноса фрагмента л. 2 об.;
б) после переноса фрагмента л. 2 об.

Ил. 10. Постная Триодъ (фрагменты). Кон. XIII – нач. XIV вв. БАН, Тек. пост., № 1244. Л. 1 об.:
а) в процессе реставрации;
б) после реставрации.

Ил. 11. Постная Триодъ (фрагменты). Кон. XIII – нач. XIV вв. БАН, Тек. пост., № 1244.
Л. 2 об.–3:
а) в процессе реставрации;
б) после реставрации.

Транскрипция текста фрагментов Постной Триоди
(БАН, Тек. пост. № 1244)¹⁴

Л. I

1. бо вѣрнии црне [наш]н хвалѣтсѧ • тако т[во]ѣмъ снлоуѧ
2. протнв[н]ѣмъ лѣ [др]ѣжавно побѣждаѣще тѧ ннѣ
3. съ страхомъ крѣпѣне цѣлоуѣмъ на тебѣ пригвожѣ
4. наго бѧ • славимъ [...] нже на томъ пригвожѣ
5. сѧ помлоуи нѧ тако уколоубецъ • **в**ъзноснте гѧ бѧ
6. **п**осовнвѣи гѧ • кроткому сн двѣоу • побѣднн нно
7. племеннѣи • н вѣрнымъ цремъ нашнмъ посовн
8. ѡржжнѣмъ крѣпѣнымъ • ннзложнн врагы наша
9. покажн мѣрѣ в насъ др[...]внѧ[...] твоѣмъ млѣ • н р[азу]
10. мѣмъ вѣ нстннѣ тако тѣ еси бѣ н на тѧ оуповаж
11. [ше...] тѣ наш [...] млѣщес[я] прилежн[о]
12. [...]тѣ [...]да]роват[и] намъ мнрѣ н вѣмъ млѣ
13. **с**лѧ гла **е** [...]ѣмъ **с**тѣа **п**отрѣн **к**[рест]ѣ хѣв крѣи
14. ѧномъ оу[пование за]блжжѣшнмъ н[аст]авннѣ пла
15. в[а]жщнмъ [кормите]лѣ печал[н]ымъ [уте]шнтель
16. н [...] ан [...] [в]се[л]енѣн оутѣрѣженнѣ болѧ
17. щ[им исцелител]ю [м]рѣтѣвымъ вѣскрѣшеннѣ бѣ
18. [по]м[илуи нас] н[а] кктеннѣ • **а** на лнтѣргнн **т**нпнѣ н
19. [...]тоѣ крѣоу [...]мъ поклонѣмсѧ **прѣ**
20. [...]люс [...] **а**плѣ [...] **т**вон •
21. **е**ѣ [...] мѣрка [...] нже хощетъ [...] **х**валнте
22. **з**намен[...] же **б**жѣтѣвнѣ [...]
23. **в**ъземетсѧ [...]ѣмъ ѡлтарн [...]
24. неѣл на вѣне стнх [...]емъ [...] гла **г** **п**ѣ **с**трѣнѣ тн хѣ ѡмрау[...]
25. **п**ощеннѣ прѣполовнвш[е] [...] крѣовн на покло
26. нннѣ пришедѣше вѣ[рнии слави]мъ хѧ распѣтаго
27. на немъ мѣрѣаго • [кто согрѣшии] покаивѣсѧ н [...]
28. [н]ѣ вѣи п[ри]ѣт. [...] то[...] м[...] вѣздѣхнѣ
29. [п]ра[веден]ѣ [пл]ѣкавшн съгрѣ
30. шеннѣм[...] мѣ пр[ощение] прнѣтѣ • н азъ прнпа^а
31. ѣ тн млс[...] по[...] [вѣлие]
32. ѡѣ дрѣвѣ [...]ѣзвѣи [...]
33. [...]а спа[...] по [...]

Л. I об.

1. пнѣтѣ кже крѣпѣнѣмъ снлѣ [...]рнмъ вѣсѣи попа
2. лнтѣ • н провѣразнѣтѣ • снхѣ п[а]лѧ прогоннѣтѣ • блжж
3. тѧ прѣтѣе дрѣво • ѣтѣ н поклонѣжсѧ съ страхомъ •

¹⁴ Текст передается в орфографии рукописи. Надстрочные знаки опускаются. Восстанавливаемый текст дается в квадратных скобках гражданским шрифтом. Разбивка по строкам сохраняется. Строки нумеруются.

27. правднвѣын безаконныѣн съвѣтъ на бѣ вѣшъ
28. нѣго • н wskвръннхъ дшж моѣ • ꙗко [...]н w
29. [...]тъ ложе wуе: нсповѣдаж тн сѧ хѣ црю • съгрѣ
30. шѣ простн ма • ꙗко же древле нwснфа братнѧ про
31. давшѣ цѣломждръна н уѣстнаго плода:
32. [от бр]атнѧ правднвѣа дша свѣзанъ н проданъ]
33. [...]ж сладкын нwснфъ въ wбраз спсѣвъ •

Л. 3¹⁶

1. [...]бнова[...] моѧ • прокаж[...]
2. [...]аѧ бо[...]
3. [...]шн [...] wставн[...]т[...]
4. ннневнтѣны дше слышала ксн • нѣкогда по[...]
5. ѡсѧ къ боу • въ вртнцн [...]пелѣ • тѣхъ т[...]
6. жала есн нж ѧвнсѧ горш[...]н всѣ прѣжѣ заѧѧ н[...]
7. [...] слышала есн нкремнѣ [...]
8. [...] плауѧщасѧ н [сл]ѣзъ [...]
9. [...]ша пох[...]того [...]внок ж[...]е н спсѣш[и]сѧ [...]
10. бѣ снwна бѣжашѣ пр[...]дѣн wбращеннѣ:
11. [...]мѣ прѣкъ бо сын ра[...]мѣ бжне [...]
12. [...] тѣмъ по[...]тѣдѣ [...] прѣуъ[...] не[...]
13. ан[...]въ ровѣ[...]ак
14. [...]ста зѣвѣремъ •
15. [...]ѧ вѣроѧ
16. [...]завѣта • всѣ прнвед[...]
17. [...]подражан оу[...]праведных[...]
18. [...]тан жена к[...]вѣхъ[...]
19. [...]ж[...]праведн[...]спсе помлоу[...]ма огнѣ[...]
20. н п[...]нас[...]
21. [...]доброд[...]аѧнн[...]
22. [...]смѣр[...]ен[...]ѧ • кдн[...]
23. враю • пластырь[...]прн[...]
24. [...]покаѧннѧ • н[...]еннѣ [...]
25. ꙗко разбоннѣкъ вѣпнѣ тн [...]ма • н ꙗко пѣ[...]
26. [...]плауѧсѧ [...]wставн ма спсе • зов[...]ко телонѣ[...]
27. плауѧ ꙗко блуднѣа • прнмн мок рѣданнѣ [...]
28. же древле хана[...]нѧ: ханаѧнѣ [...]аз[...]
29. сѧ вѣпнѣ • помлоуѧ ма снѣ двѣ • вѣскр[...]ѧ рнз[...]
30. [...]ѡсѧ • ꙗко крѣвотоуѧва • н плауѧ ѧк[о]
31. марнѧ н марѣѧ надѣ лазаремъ:
32. слѣзѣжѧ спсе [...]ѣннѣж • нзлнвѣж на [...]
33. н вѣпнѣ ꙗко блуднѣа • млѣн просѧцн • молѣ[...]

Л. 3 об.

1. [...]шж тн • н нѣа прнѣтн wставл[...]
2. [...]

¹⁶ Начало строк 4–27 на л. 3 прочитано по отпечаткам текста, сохранившимся на л. 1 об.

3. [и м]ене пр[иими] бл҃госрд̃ спсе [...]
4. [...] любувнѣхъ въпнѣща • съгрѣшнѣти спсѣн [...]
5. [...] помлоуѣ ма • **по**щѣди спсе създаниѣ [тво]ѣ •
6. [...] и ѿко пастырь погыбшаго • постыгнѣи забл[...]
7. [...] и нехѣти ма ѿ вѣка • и створи ма агн[...]
8. [...] ѿвещъ твоихъ • **ѿ**гда сѣдѣши • сѣдѣти [...]
9. бл҃госрдъ • и ѿвѣти хотѣа страшнѣхъ славѣ тв[...]
10. [...]кѣи страхъ тогда • пламени г[ор]ѣщюу • и вс[...]
11. [...] асаѣщемсѣ нестрѣпимаго сѣдѣща твоего •
12. [бѣзна]ѹмлене ѿуе • снѣ събѣзнаѹмлене [ут]ѣшит[...]
13. [...]гѣи • дѣше правѣи • слово [...] нерожѣно ѿца безн[...]
14. [...] дѣше животворнѣи трѣце кднносѣща [...]м[...]
15. [...] ѿ омоуеннѣи ѹрѣва [...]на разоумнаѣа багрѣнн[ца]
16. [...] кмѣманоунаю [...] ѿтробѣ твояи плѣтъ
17. [сот]каса • тѣмъ въ истинѣхъ бѣжѣа поутѣкѣмъ •
18. **пѣ и гла ѿ ѿрмѣ безнаѹмленаго црѣ славѣ •** кѣо [...]
19. трепещѣтъ небуѣа снѣи • понте сѣщеннѣи лѣѣе •
20. [я]ко жгѣи ѿгнѣ невестѣвна • попалнѣе вѣщѣтъ
21. [вн]ѣи стрѣи моѣи и въжѣзѣте въ мнѣ рауенне
22. [бож]ѣствнѣи любуѣ аплн • **трѣ**бѣи бѣоглѣнѣи
23. еси поутѣмъ • нмѣ же падошѣ нетврѣдѣи ст[ены]
24. [в]ражнѣи • и бѣоразѹмнѣи стѣпн оутврѣднѣи [...]
25. [ку]мнѣи стрѣи дѣшѣ моѣи съкроушнѣе • трѣ[...]
26. [...]ан стѣпѣи • разоушнѣе вражнѣи • аплн гнѣи
27. [...]сѣченнѣи • **вѣмѣ**стнѣа еси • невѣмѣстнѣи
28. [ма]го кѣствомъ • носнѣа еси • носѣщаго всѣѹска [...]
29. [...]нѣа еси ѹтѣа • пнѣаѣщаго всѣа тварѣ хѣи
30. знодаѣа • **ѿрмѣ тѣ и гла то же •** дѣа сѣаго н[...]
31. [...]ноѣи хѣтростнѣи създаѣе всѣа црковѣ
32. аплн [...] въ неи же [...]
33. [в]ѣстрѣбнѣе трѣбоѣи повѣлѣннѣи всѣа лѣстѣ ндоуѣ

Приложение 2

Содержание фрагментов Постной Триоди
(БАН, Тек. пост. № 1244)

Л. I

Неделя 3-ей седмицы Великого поста (Неделя крестопоклонная). Стихиры на поклонение Кресту.

Стихира самогласна, глас 2: [Приидите, вернии, животворящему древу поклонимся]. Нач.: **бо вѣрннѣи црне** [наш]и хвалѣтсѣа. Кон.: **помлоуѣи на ѿко ѹколюѣецъ**. Incipitarius, № 15156.

Стих: **вѣзноснѣ гѣ бѣ** [нашего]. Пс. 98: 5.

Стихира самогласна, глас 4. Нач.: **пособнѣын гѣ кроткомѹ сн двѣдѹ**. Кон.: **дароват[и] намъ мнрѣ н вѣѣж млѣ**. Incipitarium, № 14660.

Стихира самогласна, глас 6. Нач.: **к[рест]ѣ хвѣ крѣтї аномъ оу[пование]**. Кон.: **бѣ[по]м[илуй нас]**. Incipitarium, № 9046.

Уставные указания о чтении Евангелия и Апостола на литургии¹⁷.

На вечерне¹⁸.

Подобен: **стрѣнж тн хѣ ѡмрач[...]**

Подобен (?), глас 3. Нач.: **пощеннѣ прѣполовнвш[е]**. Кон.: **хѣ распѣтаго на немъ млѣдаго**. Incipitarium, № 14938.

Стихира самогласна, глас 6. Нач.: **[кто согрешии] покаѣвѣсѣ**. Кон.: **пр[ощение] прия[тъ] н азъ прнпѣѣ тн млс[...]** по[...]. Incipitarium, № 9400.

Л. 1–10б.

Стихира на Господи воззвах, глас 3. Нач.: **[велие] ѹѣ дрѣвѣ** [...]. Кон.: **жнвотѣ бесѣмрѣтнѣын**. Incipitarium, № 1653. Изд.: Феодор Студит. Творения, с. 752.

Л. 10б.

Подобен: **гѣ ѡрѣжнѣ на днѣв[ола]**. Incipitarium, № 4834.

Стихира, глас 8. Нач.: **гѣ грѣ моѣ множество по множѣствоу ѡцѣстн**. Кон.: **ѣко ѹлколюбецѣ**. Incipitarium, № 4811.

Великий прокимен вечерни, глас 8: **далѣ ксн достоѣаннѣ боѣщнмѣсѣ нменн тѣвогѣ**.

Стихира самогласна, глас 8. Нач.: **вѣзрѣтн ѡнма на нѣо**. Кон.: **ѣзбавн ѣко кдннѣ млѣдѣ**. Incipitarium, № 2820.

Мученичен, глас 8. Нач.: **мнѣн гѣн всѣко мѣсто ѡсѣѣаетѣ**. Кон.: **млнмѣ вѣ**. Incipitarium, № 10325.

Богородичен. Нач.: **ѹѣѣѣ двѣ словоу двѣрн**. Кон.: **спѣнсѣ нѣ**.

Понедельник 4-й седмицы Великого поста. Заутреня¹⁹.

¹⁷ Есть в рукописи.

¹⁸ Указание есть в рукописи.

¹⁹ Указание есть в рукописи.

Подобен: **вѣс[...]**а
 Седален, глас 8. Нач.: **всѣуестномуѣ вѣрнии поклонимся дрѣ[ву]**. Кон.: **сѣдѣтелѣ**.
 Подобен: **красотѣ** [девства].

Седален, глас 3. Нач.: **прѣполовнѣше н[ыне пощение]**. Кон.: **мѣрдню твою**.
 Incipitarium, № 16118. Изд.: Феодор Студит. Творения, с. 752.

Трипеснец, глас 8, песнь 1. Ирмос: **[в]ѣржжена фараона** [погрузи].

Л. 2

Четверг 5-й седмицы Великого поста.

Канон великий Андрея Критского, глас 6, песнь 4. Нач.: **[велере]уиѣ**
ѣво сын дрѣзостнѣ срунож. Кон.: **кланко хощетѣ** [...]. Изд.: Ловягин, с. 215–217.

Л. 2–2 об.

Трипеснец Иосифа Гимнографа, глас 8, песнь 4. Нач.: **оуслышѣ гн̄ смотренн[я]**
 твоего]. Кон.: **естѣо прутѣа**. См.: Рыбаков, с. 291.

Л. 2 об.

Трипеснец Феодора Студита, глас 8, песнь 4. Нач.: **оу[сл]ышахѣ гн̄ смо[тре]**
 ния твоего]. Кон.: **стѣхѣ стѣа снѣанне**. Изд.: Феодор Студит. Творения, с. 769–770.

Канон великий Андрея Критского, глас 6, песнь 5. Нач.: **нзѣ ноци оутръ-**
нюще. Кон.: **сладкын нѣснѣ въ вѣраз спсѣвъ**. Изд.: Ловягин, с. 217–218.

Л. 3–3 об.

Канон великий Андрея Критского, глас 6, песнь 8. Нач.: **[...]внова[...]** **моѣ**
прокаж[...]²⁰. Кон.: **тѣмѣ въ нстнѣ вѣж тѣ поунтаѣмѣ**. Изд.: Ловягин, с. 232–235.

Л. 3 об.

Трипеснец Иосифа Гимнографа, глас 8, песнь 8. Нач.: **вѣзнауѣннаго црѣ сла-**
вѣ. Кон.: **пнтаѣщаго всѣ тварь хѣ жнзнодавца**. См.: Рыбаков, с. 291.

Трипеснец Феодора Студита, глас 8, песнь 8. Нач.: **дѣа стѣаго**. Кон.: **всѣ лѣстѣ**
ндоуѣ²¹. Изд.: Феодор Студит. Творения, с. 770.

²⁰ Отсутствует ирмос и несколько следующих за ним тропарей.

²¹ Начало второго тропаря.

ЛИТЕРАТУРА

- Бубнов, Н.Ю. 1978: Русские и славянские пергаменные рукописи библиотеки АН СССР. В сб.: *Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги*. Л., 213–214.
- Бубнов, Н.Ю., Лихачева, О.П., Покровская, В.Ф. (ред.) 1976: *Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук: Описание русских и славянских рукописей XI–XVI вв.* Л.
- Добрынина, Э.Н. 2012: Фрагменты греческих рукописей в коллекции П.И. Севастьянова. В сб.: *Румянцевские чтения 2012. Материалы Всероссийской научной конференции. К 150-летию со дня открытия Московского публичного и Румянцева-Якулева музеев*. Вып. 2. М., 169–172.
- Добрынина, Э.Н., Морозова, Е.И. 2016: Кодикология и методы реставрации переплетов (Минея на август, РГАДА, ф. 381, оп. 1, № 125 и Кормчая, ГИМ, Син. 132). В сб.: И.М. Беляева, М.В. Корогодина (ред.), *Современные проблемы археографии*. Вып. 2. Сб. ст. по материалам конф. к 300-летию Библиотеки Российской Академии наук (21–24 октября 2014 г.). СПб., 77–93.
- Карабинов, И.А. 1910: *Постная Триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов*. СПб.
- Лебедева, И.Н. (ред.) 1973: *Описание Рукописного отдела БАН СССР*. Т. 5. *Греческие рукописи*. Л., 171–172.
- Ловягин, Е.И. 2015: *Богослужбные каноны на греческом, славянском и русском языках*. М.
- Момина, М.А. 1983: Вопросы классификации славянской Триоди. *ТОДРЛ* 37, 25–38.
- Морозова, Е.И., Федянина, П.В. 2017: О реставрации рукописных документов, инкунабул и произведений печатной графики из фондов Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ. В сб.: *Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета*. М., 269–291.
- Рыбаков, В.А. 2002: *Св. Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность*. М.
- Турилов, А.А. (ред.) 2002: *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век*. Вып. 1. М., 662–663.
- Феодор Студит 2012: *Творения: в 3-х томах*. Т. 3. *Письма. Творения гимнографические. Эпиграммы. Слова*. М.
- Dobrynina, E., Kochetkov, V. 2016: A multi-criteria approach to the preservation of religious heritage: research and restoration method for an Old Russian liturgical Menaion of the late 11th – early 12th c. In: C. Pelosi et al. (eds.), *ESRARC 2016 – 8th European Symposium on Religious Art Restoration & Conservation (Viterbo, Italy, 26th – 28th May 2016)*. Firenze, 82–84.
- Stern, D., Rothe, H. (eds.) 2008: *Incipitarius liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts (=Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 118/1–3. Patristica Slavica. Bd. 16/1–3)*. Paderborn–München–Wien–Zürich.

REFERENCES

- Bubnov, N.Yu. 1978: Russkie i slavyanskije pergamennye rukopisi Biblioteki Akademii nauk SSSR [Russian and Slavic parchment manuscripts of the Russian Academy of Sciences Library]. In: *Materialy i soobshcheniya po fondam otdela rukopisnoj i redkoy knigi* [Materials and reports on collections of the Manuscripts and Rare books department]. Leningrad, 213–214.

- Bubnov, N.Yu., Likhachyeva, O.P., Pokrovskaya, V.F. (eds.) 1976: *Pergamennye rukopisi Biblioteki Akademii nauk: Opisanie russkikh i slavyanskikh rukopisey XI–XVI vekov* [*Parchment manuscripts of the Russian Academy of Sciences Library: Description of Russian and Slavonic manuscripts of the 11th–16th centuries*]. Leningrad.
- Dobrynina, E., Kochetkov, V. 2016: A multi-criteria approach to the preservation of religious heritage: research and restoration method for an Old Russian liturgical Menaion of the late 11th – early 12th c. In: C. Pelosi et al. (eds.), *ESRARC 2016 – 8th European Symposium on Religious Art Restoration & Conservation (Viterbo, Italy, 26th–28th May 2016)*. Firenze, 82–84.
- Dobrynina, E.N. 2012: Fragmenty grecheskikh rukopisey v kollektzii P.I. Sevast'yanova [Fragments of Greek manuscripts in P.I. Sevast'yanov's collection]. In: *Rumyantsevskie chteniya 2012. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Vyp. 2* [*Rumyantsev Readings 2012. Proceedings of the All-Russian scientific conference. Iss. 2*]. Moscow, 169–172.
- Dobrynina, E.N., Morozova, E.I. 2016: Kodikologiya i metody restavratsii perep'yetov (Mineya na avgust, RGADA, f. 381, op. 1, No. 125 i Kormchaya, GIM, Sin. 132) [Codicology and methods of bookbinding conservation (August Menaion, RSAAA, Fund 381, No. 125 and Book of the Helmsman, SHM, Syn. 132)]. In: *Sovremennye problemy arkheografii. Vyp. 2: Sbornik statey po materialam konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu Biblioteki Rossiyskoy Akademii nauk, 21–24 oktyabrya 2014* [*Current Problems of Archaeography. Vol. 2: Collected articles by the materials of the conference dedicated to the 300 anniversary of the Russian Academy of Sciences Library, 21–24 October 2014*]. Saint Petersburg, 77–93.
- Feodor Studit [Theodore the Studite]. 2012: *Tvoreniya: v tryekh tomakh. Tom 3. Pis'ma. Tvoreniya gimnograficheskie. Epigrammy. Slova* [Works. In three volumes. Vol. 3. Letters. Hymnographic works. Epigrams. Homilies]. Moscow.
- Karabinov, I.A. 1910: *Postnaya Triod'. Istoricheskiy obzor eye plana, sostava, redaktsiy i slavyanskikh perevodov* [Triodion. Historical survey of its plan, structure, text versions, and Slavonic translations]. Saint Petersburg.
- Lebedeva, I.N. (ed.) 1973: *Opisanie Rukopisnogo otdela BAN SSSR. T. 5. Grecheskie rukopisi* [*Description of the Manuscript department of the Russian Academy of Sciences Library of USSR. Vol. 5. Greek manuscripts*]. Leningrad, 171–172.
- Lovyagin, E.I. 2015: *Bogosluzhebnye kanony na grecheskom, slavyanskom i russkom yazykakh* [*Liturgical canons in Greek, Slavonic, and Russian languages*]. Moscow.
- Momina, M.A. 1983: Voprosy klassifikatsii slavyanskoy Triodi [Questions of Slavonic Triodion classification]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Old Russian literature department] 37, 25–38.
- Morozova, E.I., Fedyanina, P.V. 2017: O restavratsii rukopisnykh dokumentov, inkunabul i proizvedeniy pechatnoy grafiki iz fondov Otdela redkikh knig i rukopisey NB MGU [On conservation of manuscripts, incunabula and printed graphic works from the collection of Rare Books and Manuscripts Department of the Moscow State University Scientific Library]. In: *Rukopisi. Redkie izdaniya. Arkhivy. Iz fondov Otdela redkikh knig i rukopisey Nauchnoy biblioteki Moskovskogo universiteta* [Manuscripts. Rare editions. Archives. From the collection of Rare Books and Manuscripts Department of the Moscow University Scientific Library]. Moscow, 269–291.
- Rybakov, V.A. 2002: *Svyatoy Iosif Pesnopolitsy i ego pesnotvorcheskaya deyatel'nost'* [Saint Joseph the Hymnographer and his hymn-making work]. Moscow.
- Stern, D., Rothe, H. (eds.) 2008: *Incipitarius liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts (=Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 118/1–3. Patristica Slavica. Bd. 16/1–3)*. Paderborn–München–Wien–Zürich.

Turilov, A. A. (ed.) 2002: *Svodnyy katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v Rossii, stranakh SNG i Baltii. XIV vek. Vyp. I* [*Corpus of Slavic-Russian manuscripts stored in Russia, CIS and Baltic States. The 14th century*]. Moscow, 662–663.

RESEARCH AND RESTORATION OF FRAGMENTS OF THE SLAVIC LENTEN
TRIODION OF THE LATE 13th – BEGINNING OF THE 14th CENTURIES FROM
THE COLLECTION OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES LIBRARY
(FUND OF CURRENT ACQUISITIONS NO. 1244)

Ekaterina I. Chamorovskaya

Grabar Art Conservation Center, Moscow, Russia
catherine-moro@yandex.ru

Abstract. The article deals with the study and restoration of parchment fragments of the Triodion (the late 13th – early 14th c.) from the collection of the Russian Academy of Sciences Library (Fund of Current acquisitions, No. 1244). Before restoration the manuscript was badly damaged: it was a double-sheet (bifolium (fol. 2–3)) and five scattered fragments of text. There were glue stains, ink residue, paper fragments and signs of previous restoration on the sheets.

The damage to the manuscript was due to its being re-used as a binding cover for a Greek collected volume of miscellaneous content produced in 1784–1793 (Russian Archeological Institute in Constantinople collection, No. 186). In 1963, the parchment fragments were dismantled from the binding cover and stored as a separate unit.

Prior to restoration, the manuscript fragments were photographed in visible and UV light. The text preserved in the fragments was transcribed.

Reverse impressions of the text remaining on the manuscript fragments were studied. It was shown that the bifolium (fol. 2–3) was re-used as a binding cover for the collected volume No. 186 from the collection of the Russian Archeological Institute in Constantinople, while the fragmented parchment sheet verso (fol. 1) was glued to the middle part of the binding cover from inside, in upside down position, to strengthen the book spine.

Thus, thanks to thorough examination of the manuscript and its text it's become possible to combine the manuscript fragments and several parchment flakes containing the text in their initial positions. The details of the re-use of the Triodion fragments as components of a binding cover were elucidated. As a result of this work, the manuscript's unity was restored and became suitable for further research.

Keywords: Slavic manuscripts, parchment manuscripts, Triodion, restoration, conservation, manuscript conservation, re-used fragments

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 212–228
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 212–228
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-212–228

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
УДМУРТСКОЙ ДЕРЕВНИ АСАВТАМАК XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.
(БУРАЕВСКИЙ РАЙОН РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

А.Т. Ахатов, Э.В. Камалеев, Р.Р. Садиков

*Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, Уфа, Россия*
bertik@mail.ru, kamaleev-ilmir@mail.ru, kissapi@mail.ru

Аннотация. Комплексное изучение поселенческих памятников Нового времени является одним из актуальных направлений современной российской археологической науки. В данной статье представлены результаты полевых работ, проведенных сотрудниками Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук на территории Бураевского района Республики Башкортостан в 2018 г. Объектом археолого-этнографического изучения стала удмуртская д. Асавтамак, существовавшая, по данным архивных материалов, в XVIII – начале XIX в. Имеющиеся письменные и картографические источники позволили изучить основные этапы истории поселения в указанное время, а собранные в ходе опроса этнографические данные – определить ее местонахождение.

Во время археологического изучения территории левобережья р. Асавка на месте, где в XVIII – начале XIX в. предположительно находилась исчезнувшая удмуртская деревня, был выявлен культурный слой, часть находок из которого относится к указанному времени. Восточнее данного участка был собран подъемный материал – керамика бахмутинской культуры эпохи раннего средневековья. Выявленный в ходе археологической разведки материал, с одной стороны, коррелируется с картографическими, архивными и этнографическими данными. С другой – обнаруженные находки ставят вопрос об использовании удмуртами глиняной, фаянсовой и фарфоровой посуды, сведения о которых отсутствуют в исторической и этнографической литературе. В целом можно говорить о том, что изучение традиционной культуры и поселений удмуртов через интеграцию археологии и этнографии позволит существенно расширить познания о процессе их культурогенеза и хозяйственной деятельности в прошлом.

Ключевые слова: археологическая разведка, этноархеология, культурный слой, бах-

Данные об авторах: Ахатов Альберт Тагирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела археологического наследия Южного Урала ИЭИ УФИЦ РАН; Камалеев Эльвир Винерович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела археологического наследия Южного Урала ИЭИ УФИЦ РАН; Садиков Ранус Рафикович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии ИЭИ УФИЦ РАН.

Работа осуществлена в рамках Государственного задания по теме «Внутренние и внешние факторы культурогенеза населения Южного Урала (от эпохи палеометалла к Новому времени)», №AAAA-A18-118041290046-0.

мутинская культура, удмуртская деревня, предания и легенды, архивные документы, исторические карты, Новое время, раннее Средневековье

Тенденции развития современного гуманитарного познания свидетельствует о том, что решение многих научных проблем возможно только на основе междисциплинарного подхода с использованием методов и источников разных дисциплин. В данном контексте особое место занимают комплексные исследования в области гуманитарных наук – истории, археологии и этнографии, которые особенно актуальны для изучения современной территории Республики Башкортостан периода XVI – начала XX в., поскольку они позволяют более полно рассмотреть этнокультурное и историческое развитие многонационального края в указанное время.

Изучение истории населенных пунктов Башкортостана и материальной культуры, проживавшего в них населения, долгое время базировалось на использовании письменных, картографических, архивных и этнографических материалов. Начиная с рубежа XX–XXI вв. поселения становятся объектами археологических, а также комплексных археолого-этнографических и историко-археологических исследований, позволяющих не только изучить их развитие в прошлом, но и исследовать особенности этнокультурного развития тех или иных народов, проживавших в них.

В 2018 г. сотрудниками Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН было проведено археолого-этнографическое исследование на предполагаемом месторасположении существовавшего в XVIII – начале XIX в. удмуртского поселения (бывшая деревня Асавтамак Бирского уезда). Первоначальные данные о ее местоположении в окрестностях д. Николаевка Бураевского района были получены в ходе этнографических экспедиций предыдущих лет.

Отметим, что комплексные исследования удмуртских поселений с использованием источников и методов археологии и этнографии начали проводиться относительно недавно, однако они свидетельствуют о значимости и перспективности подобных исследований для изучения истории и культуры удмуртского народа по всей территории его проживания¹.

Перед экспедицией, которой предшествовал этап сбора картографических, архивных и опубликованных материалов, стояли следующие основные задачи:

- сбор и уточнение этнографических данных, касающихся старого месторасположения д. Асавтамак;
- проведение археологических исследований с закладкой шурфов для определения наличия / отсутствия культурного слоя на территории, где, предположительно, располагалась деревня в прошлом;
- выявление особенностей культуры и быта удмуртов указанного периода времени по археологическим материалам.

¹ Черных 2017; Черных, Перевозчикова 2017; Шутова 2014; Ахатов, Садиков 2017.

АРХИВНЫЕ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ И КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Согласно проведенным краеведами и учеными исследованиям на территории современного Бураевского района по р. Асавка в прошлом существовали две удмуртские деревни – Большой Асов (д. Асавтамакова) и Малой Асовбаш (д. Асавбашева). Жители первой дали начало современным поселениям Асавтамак (Бураевский район) и Асавка (Балтачевский район), второй – выселились в д. Алтаево (Бураевский район). В памяти старожилов, проживающих в указанных современных населенных пунктах, сохранились воспоминания о переселении их предков со старых мест жительства (старый Асавтамак и Асавбаш), что было связано, как отмечается в преданиях и легендах, с земельными спорами, возникшими с переселившимися сюда позднее русскими².

Существование указанных поселений (точное время возникновения которых не известно) по р. Асавка и их исчезновение подтверждаются архивными источниками. Наиболее ранние сведения относятся к первой четверти XVIII в. По материалам I народной ревизии (1723 г.) по Осинской дороге Уфимского уезда на речке Асов были зафиксированы два удмуртских поселения – Большой Асов и Малой Асовбаш³. В первой из них тогда проживало 58, во второй – 37 человек мужского пола⁴. В 1747 г., во время II народной ревизии, в обоих населенных пунктах было отмечено по 50 человек мужского пола⁵.

По данным V народной ревизии в этих деревнях насчитывалось уже 201 и 120 человек обоего пола соответственно⁶. Причем вместо д. Большой Асов отмечена д. Асавтамакова, вместо Малой Асовбаш – Асавбашева. Дальнейшие переписи населения не фиксируют д. Асавбаш, а в д. Асавтамак в 1816 г. было зафиксировано 68, в 1834 г. – 101, в 1859 г. – 166, в 1870 г. – 189 удмуртов, в 1920 г. – 358 удмуртов и башкир⁷. В начале XIX в. численность жителей д. Асавтамак резко сократилась, что связано, как показывают архивные документы, с переносом деревни на другое место и переселением сюда только части ее жителей. С этим же связан факт исчезновения д. Асавбаш.

Дело в том, что на территории Оренбургской губернии в 1798–1842 гг. проводилось Генеральное межевание земель – одно из крупнейших мероприятий по аграрной политике в стране, по итогам которого повсеместно возникали земельные споры, затрагивающие интересы различных этнических и социальных групп. В соответствующем фонде Российского государственного архива древних актов по Бирскому уезду имеются материалы по 97 спорным делам о земле, возникновение которых было обусловлено инициативой как со стороны населения, так и представителей заинтересованных ведомств, в том числе и межевого⁸.

Удмуртские деревни Асавтамак и Асавбаш возникли на арендованной у башкир Ичкиеланской волости земле. Жители д. Асавтамак имели записи на припуск

² Миннихметова, Садиков 2005, 14–15; Ялалов 2011, 8; Сахратуллин 1999, 49–51.

³ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3790. Л. 127–128.

⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3790. Л. 437.

⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3791. Л. 695, 701.

⁶ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 29.

⁷ Асфандияров 2009, 359.

⁸ Акманов 2007, 139, 201.

1772 и 1791 гг.⁹ (видимо, являвшимися обновленными договорами с ичкиеланскими башкирами) и выплачивали по 50 коп. с двора в год¹⁰.

Архивные документы свидетельствуют, что земли, которые арендовали удмурты и на которых они поселились, были проданы ичкиеланскими башкирами помещику Николаю Теплякову. Последний, в свою очередь, выселил оттуда удмуртов, поселив в этих местах русских крестьян. На жалобы удмуртов по поводу земельного спора Тепляков в своем прошении на имя генерал-губернатора в ноябре 1822 г. писал, что «5 января 1822 года 4 департамент Правительствующего Сената определил покупку земли в Ичкиеланской волости неправильной. В связи с этим предписано мне остановить вырубку леса и работу поташного завода моего. Такое решение, я считаю, что оно наносит ущерб дворянской чести, нарушает его права, определенные грамотой от 21 апреля 1785 года. Земли в Ичкиеланской волости куплены мною 22 февраля 1809 года и 15 декабря 1811 года. В 1811 году мною поселены крестьяне в селцо Тепляково, прежде живущие на этой земле деревнями Асавтамак и Асавбашево вотяки лет 12 тому назад переехали на другое место в этой же волости»¹¹.

Как видно, жители д. Асавтамак переселились на новое место жительства в Ичкиеланской же волости предположительно в 1810 г. В 1813 г. была основана также д. Асавка (Асавтамак, Новый Асав) Уфатаныпской волости Бирского уезда¹². Расселившиеся жители д. Асавбаш основали д. Алтаево в Ичкиеланской волости Бирского уезда в 1811 г.¹³

В поданных со своей стороны жалобах удмурты отмечали, что в договоре о припуске с башкирами главным условием пользования землей была «уплата оброка по полтиннику со двора ежегодно, также обязаны были строить и чинить мосты, выполнять подводную гоньбу; до 1791 г. пользовались лесом и пашней беспрепятственно, но в последнее время башкиры запретили рубить лес на стройку и на продажу, пользоваться можно только для домашних нужд, стали часто приезжать и требовать денег также за очистку чащоб от «сушняка», за копнение сена; стали пасти скот на наших землях, довели нас до крайнего разорения»¹⁴.

Рассматривая материалы земельного спора, Губернское правление 10 ноября 1825 г. постановило: «Просителей тептярей из вотяков, заселившихся вновь устроенною деревнею под названием Асавтамак, всего тридцать душ, согласно имеющихся у них договоров от 1772, 1791 годов, выданных башкирами <...> занятые ими земли оставить им навечно»¹⁵.

На землях, купленных Тепляковым, была «поселена с 1811 г. деревня Теплякова, в коей состоит один господский дом со службами и 27 домов крестьян, в коих живут 76 душ мужского пола, кроме того ниже деревни на речке Асав построена мельница о двух поставах, внутри дачи Теплякова существует его поташный завод, варится поташ в четырех котлах»¹⁶.

⁹ Сахратуллин 1999, 50.

¹⁰ Асфандияров 2009, 359.

¹¹ Сахратуллин 1999, 49.

¹² Миннихметова, Садиков 2005, 15.

¹³ Асфандияров 2009, 359.

¹⁴ Сахратуллин 1999, 50.

¹⁵ Сахратуллин 1999, 51.

¹⁶ Сахратуллин 1999, 50.

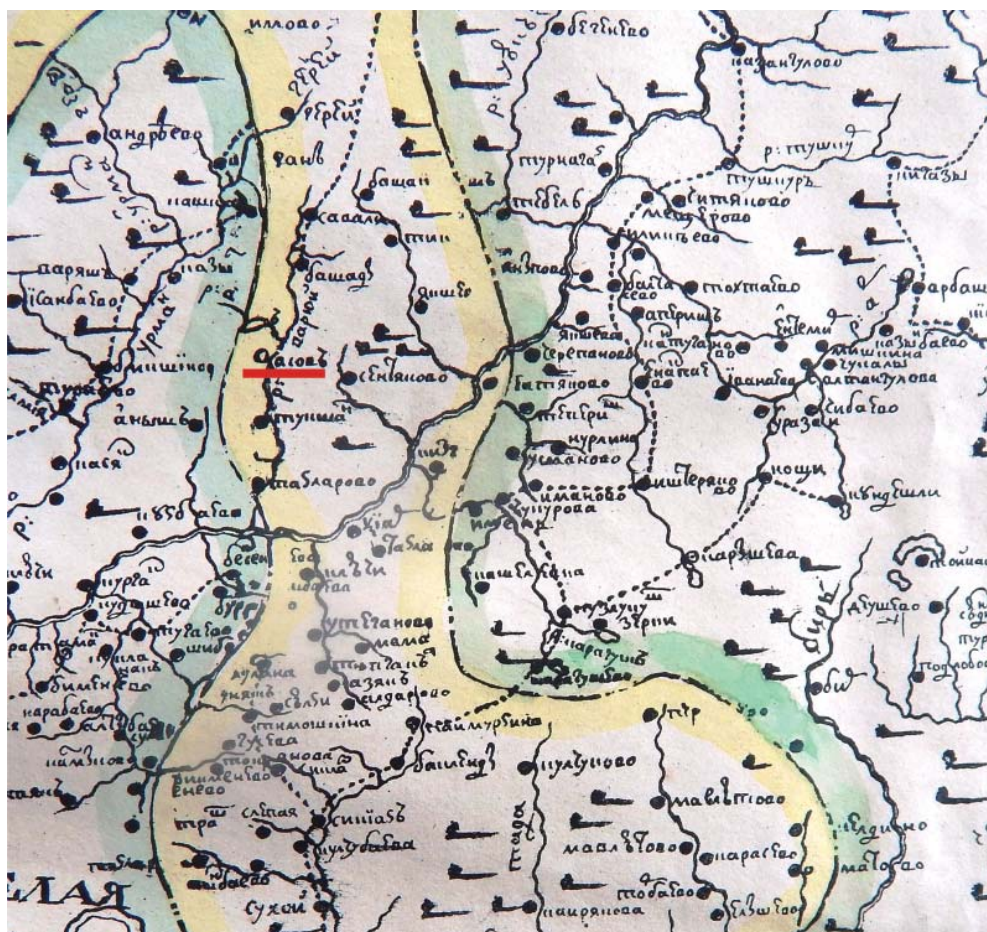

Рис. 1. Фрагмент карты Казанской и Осинской дорог со смежными местами 1752 г. с указанием местоположения д. Асов

Указанное поселение – Тепляки, существующее до настоящего времени, в документах XIX – начала XX в. именуется также Асавбаш, Никольское, Николо-Тепляки¹⁷. Очевидно, жители этого населенного пункта и дали начало современной д. Николаевка Бураевского района, в окрестностях которого проводились исследования. Эта деревня «при речке Асафке» упоминается в «Полном списке населенных мест Уфимской губернии» 1896 г. как «Ново-Никольское, починок»¹⁸.

Рассмотренные события подтверждаются и картографическими материалами. На «Карте Уфимской провинции Казанской и Осинской дорог и смежных с нею мест» 1752 г., опубликованной в атласе «Оренбургская губерния с принадлежащими к ней местами, по “Ландкартам” Красильникова и “Топографии” П.И. Рычкова 1755 года»¹⁹ в районе слияния рек «Асов» и «Варюй» обозначена д. Асов (рис. 1).

¹⁷ Хисматуллин 2002а, 237; Хисматуллин 2002б, 89; Озеров 1896, 195.

¹⁸ Озеров 1896, 195.

¹⁹ Красильников, Рычков 1880, 14, карта 6.

(от татарского 'густая чащоба, заросли')²³. Возможно также, что первые жители этой исчезнувшей деревни прибыли из д. Четырман (ныне Янаульского района), являющейся одним из самых ранних поселений закамских удмуртов²⁴.

От Адамовой Людмилы Борисовны, 1960 г.р., уроженки д. Анненка Бураевского района, выросшей в д. Николаевка того же района (живет в г. Пышма Свердловской области), была получена интересная информация, позволяющая более точно локализовать первоначальное месторасположение старой д. Асавтамак. По словам ее бабушки (1893 г.р.), на р. Асавка раньше находилась д. Чатырман, а сама она помнит, что «на р. Асавке были ямы от домов, мы там играли, они располагались друг от друга на расстоянии... как строят дома». Также она нарисовала примерный план, локализовав местоположение старой деревни на правом берегу р. Асавка, напротив современного населенного пункта д. Николаевка²⁵.

В ходе дальнейшего опроса местного населения данный факт получил подтверждение и от других информаторов, от которых была записана следующая информация (приводится дословно):

Гумар Гафурович Зайдуллин, 1948 г.р., проживает с 1998 г. в д. Арняш, уроженец с. Бураево Бураевского района, в 1969 г. был назначен учителем в д. Николаевка, татарин: *«Асавские жили там. Николаевские их прогнали. Николаевские так говорили. Сначала асавтамакские тут жили»*.

Зиния Габделхаевна Климина, 1959 г.р., жительница и уроженка д. Арняш, татарка: *«Асавка там была. Когда русские заселились в Николаевку, то удмурты поднялись по реке выше. Некоторые в другие места расселились. Асавтамак называли потому, как там устье реки Асав впадает в Варзи. Так мне недавно житель Асавтамак по имени Радиф рассказал. До этого не знала»*.

Владимир Ильич Климин, 1954 г.р., житель д. Арняш, уроженец д. Николаевка, с 2014 г. переселился оттуда в Арняш, русский: *«Там давно уже поле. Ветла старая там росла»*.

Радиф Исмагзамович Нургалиев, 1959 г.р., уроженец д. Асавтамак Бураевского района, татарин: *«У меня бабушка удмуртка, она разговаривает по-удмуртски. Я не понимаю. Я интересуюсь стариной. Раньше тут росли старые ивы. От стариков знаю, что русские не дали жить здесь удмуртам. Здесь первое место заселения асавтамакских удмуртов. Переселились отсюда выше на 3–4 км. Некоторые в другие места ушли. Удмурты здесь жили. В 1772 г. образовалась вроде, читал где-то. Когда на новое место переселились, не знаю. Слышал, что здесь была деревня Асавтамак. Не слышал, что Четырман называли. Откуда татары появились в деревне, не знаю. Удмурты отсюда переселились»*.

Мария Михайловна Зайдуллина (Короткова), 1952 г.р., проживает с 1998 г. в д. Арняш, уроженка д. Николаевка, русская: *«Черепки находили там. Не слышала никогда, что там была деревня. Николаевка образовалась в 1925–1927 гг.»*.

В ходе опроса местного населения удалось более точно определить старое месторасположение д. Асавтамак, которое предположительно находилось на правом берегу р. Асавка, напротив современного населенного пункта д. Николаевка, недалеко от моста по направлению к устью реки (рис. 4).

²³ ПМА 2016, РБ, Бураевский район, д. Асавка.

²⁴ Садиков 2001, 23

²⁵ ПМА 2018, Свердловская область, г. Пышма

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Для проверки полученной информации и для определения наличия / отсутствия на предполагаемом месте поселенческого памятника Нового времени было решено провести археологическое обследование данной территории, проходившее в два этапа. На первом этапе проводился осмотр левого берега р. Асавка от моста через реку до ее поворота в южном направлении. Почти всю указанную территорию занимает распаханное поле²⁶, которое за месяц до приезда экспедиции ИЭИ УФИЦ РАН с металлоискателями обследовали неизвестные лица, искавшие, по словам местных жителей, старинные монеты «с изображением лошадей» (вероятно серебряные копейки (чешуйки) Ивана Грозного XVI в.).

В ходе осмотра пашни на участке в радиусе 100 м восточнее автомобильного моста через р. Асавка собрана коллекция керамики Нового времени. Более половины найденных предметов концентрировались на одном участке с зольными выходами, а также фрагментами плитняка, обожженной глины и угля (рис. 4). Всего на площадке было собрано 63 фрагмента гончарной красноглиняной посуды из хорошо отмученного теста без видимых примесей: 58 фрагментов стенок окислительного и 5 восстановительного обжига. Также были выявлены 5 фрагментов фаянсовой, 6 фрагментов фарфоровой посуды и 1 фрагмент формового кирпича из слабо обожженной глины со скошенной кромкой. Здесь же было собрано 6 фрагментов костей животных.

К реконструируемым формам посуды по выявленным венчикам относятся горшки со слабопрофилированным устьем (1 фрагмент), либо без него (3 фрагмента) (рис. 5, 1–4) с простым округлым краем, а также посуда типа жбан с высокими слабопрофилированными прямыми стенками (рис. 5, 5).

На 6 фрагментах стенок присутствует коричневая, желто-красная, бело-зеленая и зеленая полива. В качестве дополнительной обработки поверхности сосудов использовали ангоб (4 фрагмента), а также ангоб в сочетании с поливой (2 фрагмента). Последний тип ангобированной посуды с бело-зеленой поливой встречен также на территории с. Николо-Березовка XVI–XX вв.²⁷ Вполне вероятно, данный фрагмент посуды происходит из указанного населенного пункта, который являлся одним из крупных торговых центров в регионе.

При дальнейшем осмотре поля выше по течению р. Асавка, на участке поворота русла в южном направлении, в 300 м к востоку от моста через реку, были собраны 26 фрагментов стенок лепных сосудов с примесью песка в тесте, 1 белая стеклянная бусина, фрагмент пряслица (рис. 5, 6–10) и 4 фрагмента костей. Стенки орнаментированы ямочными и подтреугольными вдавлениями, характерными для керамики бахмутинской культуры. Площадь распространения керамики составила 2230 м² (65х35 м) (рис. 4).

Возможно, здесь в прошлом располагалось распаханное в ходе полевых работ поселение бахмутинской культуры, памятники которой широко распространены в

²⁶ Исследования проводились на земле, принадлежащей фермеру из д. Арняш Бураевского района Рифату Габделхаевичу Ситдикову, разрешившему проводить здесь рекогносцировочные работы, в связи с чем коллектив авторов выражает ему свою благодарность.

²⁷ Камалеев 2017, 26–27.

Рис. 4. Карта обследования расположения д. Асавтамак XVIII – начала XIX вв. с указанием участков сбора подъемного археологического материала и рекогносцировочных шурфов № 1–3. Карта топоснова: SAS.Планета.ГосГисЦентр 250 м. (Бураевский район, Республика Башкортостан)

северо-западных районах Башкортостана, значимая часть которых уничтожается в ходе хозяйственной деятельности²⁸.

На втором этапе для выявления культурного слоя на участке наибольшей концентрации находок Нового времени были проведены рекогносцировочные исследования, в ходе которых было заложено 3 шурфа, ориентированных по сторонам света (рис. 4).

В шурфе 1 размерами 1 x 1 м археологические предметы не обнаружены.

В шурфе 2 (1 x 1 м) на уровне первого пласта обнаружены 1 фрагмент кости и 1 зуб животного происхождения. Стратиграфической особенностью шурфа была выявленная светло-коричневая прослойка супеси (возможно, перегнившего навоза) мощностью 0,02–0,1 м, отделяющая верхний пахотный горизонт мощностью 0,2 м от нижнего слоя рыхлого гумуса черного оттенка мощностью 0,35 м. На поверхности фиксировались многочисленные обломки плитняка – возможно, остатки фундамента сооружений.

Шурф 3 размером 1 x 2 м, поделенный на два квадрата (А, Б), содержал культурный слой мощностью 0,65 м. Стратиграфия в исследованных квадратах оказалась различной (рис. 6).

²⁸ Колонских 2015.

Рис. 5. Керамика: 1–3 – венчики горшков; 4 – фрагмент крышки горшка; 5 – венчик латки; 6–8 – стенки сосудов бахмутинской культуры. Индивидуальные находки: 9 – фрагмент пряслица; 10 – бусина. 1–5 – Новое время; 6–8 – раннее Средневековье

В северном квадрате (А) верхний пахотный горизонт мощностью 0,2 м содержал находки, видимо, растащенные в ходе ежегодной распашки. Нижний горизонт представлен рыхлым гумусом черного оттенка мощностью 0,25 м.

В южном квадрате (Б) был выявлен фрагмент деревянной конструкции. Фрагмент бревна толщиной 20 см был обнаружен у нивелировочной отметки (- 20) и уложен по линии ЗЮЗ–ВСВ. Бревно проходило через СВ угол указанного квадрата (Б) и было уложено в верхнем горизонте слоя гумуса мощностью 0,3 см. Параллельно бревну на расстоянии 30 см от него у нивелировочной отметки (-30) была уложена жердь толщиной 10 см, служившая, вероятно, лагой в основании печи. Лага перекрыта у западной стенки под прямым углом второй жердью и слоем обожженной глины с примесью кирпичной крошки, золы и угля мощностью 0,2 м.

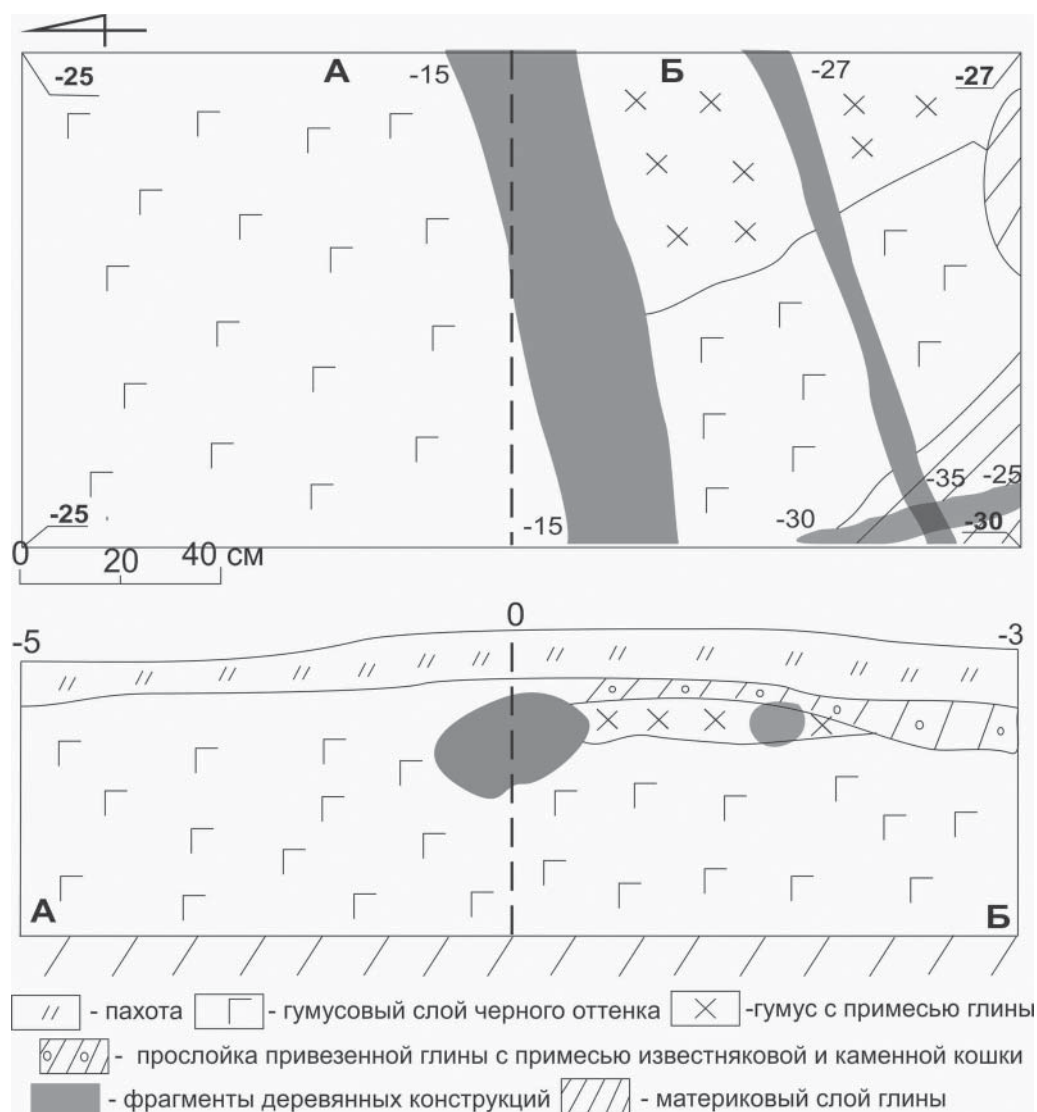

Рис. 6. Общий план планиграфии и стратиграфии шурфа № 3

Причем заметно увеличение слоя обожженной глины с 5 см ближе к центральному бревну до 20 см у южной стенки шурфа. Вероятно, печная конструкция отстояла от деревянной стены дома в 30 см.

Стратиграфия южного шурфа (Б) представлена следующим образом: 1) пахотный слой серого оттенка мощностью 0,1 м; 2) слой гумуса с примесью глиняной крошки, камня и фрагментов дерева и формового кирпича серо-желтого оттенка мощностью 0,05–0,2 м; 3) рыхлый гумус темного оттенка мощностью 0,3 м.

Судя по всему, деревянное строение располагалось по линии 3–В, где улица была перпендикулярно реке Асавка. Об указанной планировке домов могут сви-

детельствовать следы жилищных впадин, фиксируемые на космоснимках. Впадины располагаются в два ряда с севера на юг на расстоянии около 25–30 м друг от друга и предполагаемой шириной улицы 9–10 м.

Собранные на поверхности фрагменты гончарной посуды тяготели к указанным впадинам, и единичное распространение керамики восточнее является следствием ежегодной распашки. Полученные предварительные выводы тем более интересны в свете имеющихся сведений о бессистемной застройке удмуртских населенных пунктов в XVIII – первой половине XIX в., за редким исключением²⁹.

Фрагменты гончарной посуды и фарфора фиксировались в непосредственной близости к бревну за пределами строения в квадрате (А). Здесь в первом пласте были найдены 21 стенка гончарной посуды окислительного обжига, 4 фрагмента фарфоровой посуды и фрагмент венчика широкой латки диаметром 20–22 см. Во втором пласте был найден второй фрагмент латки, 2 фрагмента фарфоровой посуды и зуб животного. На участке выявления деревянных конструкций в квадрате (Б) только в верхнем пласте были найдены фрагменты слабообожженного формового кирпича со скошенной кромкой, 1 фрагмент гончарной стенки окислительного обжига и фрагмент высокой крышки горшка диаметром 14 см и 3 фрагмента костей. Нижний горизонт под конструкцией предполагаемой печи находок не содержал.

Собранный в процессе исследования остеологический материал был проанализирован А.А. Романовым (аспирант Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН). Из 16 костей, их фрагментов и зубов, происходящих из раскопок и поверхностных сборов, было определено 8 (50%) костных останков. Идентификация показала, что они принадлежат следующим домашним животным: свинье (2 фр.), лошади (1 фр.), крупному (3 фр.) и мелкому (2 фр.) рогатому скоту.

По данным конца XIX – начала XX в., закамские удмурты разводили все указанные виды домашних животных, однако свиней не держали. Вероятно, в прошлом это домашнее животное все же входило в состав их стада.

В современной этнографической литературе, посвященной изучению удмуртов в РБ, рассмотрены многие аспекты их культуры и быта³⁰, но, очевидно, ввиду отсутствия источников, нет сведений о бытовании в XVIII–XIX вв. глиняной посуды. Вместе с тем, согласно археологическим и этнографическим исследованиям, удмуртам с древних времен характерно использование кухонной посуды и инвентаря, в том числе и глиняной посуды – горшков, больших корчаг, различных размеров чаш и блюд³¹.

Более того, по сведениям информаторов известно, что некоторые семьи закамских удмуртов занимались изготовлением глиняных горшков на гончарном круге. Хотя в конце XIX – начале XX в. глиняную посуду в основном покупали на базарах³².

Судя по найденным фрагментам гончарной посуды, на территории удмуртского поселения Асавтамак, помимо такой распространенной формы, как горшки с крышками, местное население также использовало менее распространенные формы – жбан и латки. То есть керамический комплекс в целом соотносится с

²⁹ Садиков 2001, 39–40.

³⁰ Садиков 2016, 82–162; Садиков, 2001; 2008.

³¹ Голдина 2004, 277–388; Пименов 1993, 160–163.

³² ПМА РБ, Татышлинский район, с. Новые Татышлы.

периодом существования села в XVIII – нач. XIX в. Не встречается в литературе и сведения об использовании удмуртами фарфоровой и фаянсовой посуды, бытование которой на территории Башкортостана в XVIII–XIX вв. подтверждается археологическими исследованиями³³.

ИТОГОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В ходе комплексного археолого-этнографического исследования удмуртской деревни Асавтамак XVIII – начала XIX в. на территории современного Бураевского района Республики Башкортостан были систематизированы архивные, опубликованные и картографические материалы, позволяющие рассмотреть основные этапы развития деревни в указанное время.

Собранные в ходе опроса местного населения этнографические данные позволили определить предполагаемое старое месторасположение д. Асавтамак – на правом берегу р. Асавка, напротив современного населенного пункта д. Николаевка Бураевского района РБ.

Во время визуального изучения обозначенной территории, проводившегося для выявления видимых на поверхности археологических объектов и признаков культурного слоя, было выявлено два участка концентрации фрагментов керамики.

На первом, расположенном в радиусе 100 м восточнее автомобильного моста через р. Асавка, была собрана коллекция фрагментов гончарной красноглиняной, фаянсовой и фарфоровой посуды Нового времени. На втором, расположенном в 300 м к востоку от моста через реку, были собраны белая стеклянная бусина, фрагменты пряслица и стенок лепной керамики бахмутинской культуры.

На предполагаемом месте старого поселения было заложено три рекогносцировочных шурфа, один из которых не выявил признаков культурного слоя. Во втором были обнаружены кости животных. Третий шурф содержал фрагменты деревянной конструкции, слой обожженной глины с примесью кирпичной крошки, золы и угля, оставшихся, очевидно, от печи.

Собранный археологический материал, соотносимый с периодом бытования села в XVIII – нач. XIX в. характеризует некоторые аспекты культуры и быта удмуртов указанного периода. Судя по найденным фрагментам гончарной посуды, на территории села, помимо такой распространенной формы, как горшки с крышками, местное население использовало и менее распространенные формы – жбан и латки. Также фиксируются фрагменты фаянсовой и фарфоровой посуды.

ЛИТЕРАТУРА

- Акманов, А.И. 2007: *Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в.* Уфа.
- Асфандияров, А.З. 2009: *История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий.* Уфа.
- Ахатов, А.Т. 2018: Археологическое изучение поселенческих комплексов башкир эпохи позднего Средневековья и Нового времени на современном этапе. *Манускрипт* 12, 25–29.

³³ Камалеев 2017; Ахатов 2018.

- Ахатов, А.Т., Садилов, Р.Р. 2017: Комплексное исследование удмуртской деревни Балтачево XVII – начала XX вв. (опыт археолого-этнографического изучения). *Вестник Сургутского государственного педагогического университета* 4, 114–122.
- Голдина, Р.Д. 2004: *Древняя и средневековая история удмуртского народа*. Ижевск.
- Камалеев, Э.В. 2017: Культурный слой конца XVI–XVII вв. села Никольское (ныне село Николо-Березовка Краснокамского района Башкортостана). *Проблемы Востоковедения* 2, 25–30.
- Колонских, А.Г. 2015: Раннесредневековые городища бахмутинской культуры бассейна р. Быстрый Танып: к проблеме сохранения археологических объектов. В сб. А.Б. Юнусова (ред.), *Этнос. Общество. Цивилизация: Четвертые Кузеевские чтения*. Уфа, 21–23.
- Красильников, И., Рычков П.И. 1880: *Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «Ландкартам» Красильникова и «Топографии» П.И. Рычкова 1755 года*. Оренбург.
- Миннихметова, Т.Г., Садилов, Р.Р. 2005: *Ми бурай удмуртъес. (Мы – бураевские удмурты. – На удм. яз.)*. Тарту–Уфа–Инсбрук.
- Озеров, Н.А. (ред.) 1896: *Полный список населенных мест Уфимской губернии*. Уфа.
- Пименов, В.В. (ред.) 1993: *Удмурты: историко-этнографические очерки*. Ижевск.
- Садилов, Р.Р. 2001: *Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты)*. Уфа.
- Садилов, Р.Р. 2008: *Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития)*. Уфа.
- Садилов, Р.Р. 2016: *Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография)*. Уфа.
- Сахратуллин, С.Ф. 1999: *Бирская старина. Бирский уезд*. Кн. 1. Бирск.
- Хисматуллин, А.А. (отв. за вып.) 2002а: *Населенные пункты Башкортостана. Ч. 1. Уфимская губерния. 1877*. Уфа.
- Хисматуллин, А.А. (отв. за вып.) 2002б: *Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Баш- республика, 1926*. Уфа.
- Черных, Е.М. 2017: По следам исчезнувших деревень: некоторые результаты полевых исследований в Шарканском и Вавожском районах удмуртской республики в 2014–2016 годах. *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*. Т. 27. Вып. 1, 110–114.
- Черных, Е.М., Перевозчикова С.А. 2017: Этноархеологический комплекс природного парка «Шаркан»: проблемы изучения, выявления и использования. *Ежегодник финно-угорских исследований*. Т. 11. Вып. 1, 97–109.
- Шутова, Н.И. 2014: Археолого-этнографические исследования в Удмуртии. *Поволжская археология* 1, 149–165.
- Ялалов, Ш. 2011: *Алтау гурт но солэн сюресэз (Деревня Алтаево и ее путь. – На удм. яз.)*. Ижевск.

REFERENCES

- Akhatov, A.T. 2018: Arkheologicheskoe izuchenie poselencheskikh kompleksov bashkir epokhi pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni na sovremennom etape [Recent archeological studies of the Bashkir late Middle Age and Modern Age settlement complexes]. *Manuskript* [Manuskript] 12, 25–29.
- Akhatov, A.T., Sadikov, R.R. 2017: Kompleksnoye issledovaniye udmurtskoy derevni Baltachevo XVII – nachala XX vv. (opyt arkheologo-etnograficheskogo izucheniya) [Overall study of Udmurt village Baltachyovo in epy 17th - the beginning of the 20th centuries (archeological and ethnographic study experience)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University] 4, 114–122.

- Akmanov, A.I. 2007: *Zemel'nyye otnosheniya v Bashkortostane i bashkirskeye zemlevladieniye vo vtoroy polovine XVI – nachale XX v.* [Land relations in Bashkortostan and Bashkir land ownership in the second half of the 16th - early 20th centuries]. Ufa.
- Asfandiyarov, A.Z. 2009: *Istoriya sel i dereven' Bashkortostana i sopredel'nykh territoriy* [History of villages and villages of Bashkortostan and adjacent areas]. Ufa.
- Chernykh, Ye.M. 2017: Po sledam ischeznuvshikh dereven': nekotoryye rezul'taty polevykh issledovaniy v Sharkanskom i Vavozhskom rayonakh udmurtskoy respubliki v 2014–2016 godakh [Following the defunct villages: some results of the fieldworks of archeologists in the Sharkan and Vavozh districts in Udmurtia in 2014–2016]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»* [Bulletin of Udmurt University. Series «History and Philology»]. Vol. 27. Iss. 1, 110–114.
- Chernykh, Ye.M., Perevozchikova S.A. 2017: Etnoarkheologicheskiy kompleks prirodnogo parka «Sharkan»: problemy izucheniya, vyyavleniya i ispol'zovaniya [Ethnoarchaeological Complex of the Natural Park «Sharkan»: Problems of Researching, Identifying and Using]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Finno-Ugric Studies Yearbook]. Vol. 1. Iss. 1, 97–109.
- Goldina, R.D. 2004: *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda* [Ancient and medieval history of the Udmurt people]. Izhevsk.
- Kamaleyev, E.V. 2017: Kul'turnyy sloy kontsa XVI – XVII v. sela Nikol'skoye (nyne selo Nikolo-Berezovka Krasnokamskogo rayona Bashkortostana) [Cultural stratum of the late 16th – 18th centuries Village of Nikolskoe (today Village of Nikolo-Berezovka, Krasnokamsky District, Bashkortostan)]. *Problemy Vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies] 2, 25–30.
- Khismatullin, A.A. (ed.) 2002b: *Naselennyye punkty Bashkortostana* [Settlements of Bashkortostan]. Pt. III. *Bashrespublika, 1926* [Bashrepublic, 1926]. Ufa.
- Khismatullin, A.A. (ed.) 2002a: *Naselennyye punkty Bashkortostana* [Settlements of Bashkortostan]. Pt. 1. *Ufimskaya guberniya* [Ufa province. 1877]. Ufa.
- Kolonskikh, A.G. 2015: Rannesrednevekovyye gorodishcha bakhmutinskoy kul'tury basseyna r. Bystryy Tanyp: k probleme sokhraneniya arkhelogicheskikh ob'yektov [Early medieval settlements of the Bakhmutinsky culture of the r. Quick Tanyp: to the problem of preserving archaeological objects]. In: A.B. Yunusova (ed.), *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: Chetvertyye Kuzeyevskiy chteniye* [Ethnos. Society. Civilization: Fourth Kuzeev reading]. Ufa, 21–23.
- Krasil'nikov, I., Rychkov P.I. 1880: *Orenburgskaya guberniya s prilozhashchimi k ney mestami po “Landkartam” Krasil'nikova i “Topografii” P.I. Rychkova 1755 goda* [Orenburg province adjacent places according to Krasilnikov's “Land Maps” and P.I. Rychkov's “Topography” published in 1755]. Orenburg.
- Minniyakhmetova, T.G., Sadikov, R.R. 2005: *My – burayevskiy udmurts* [We are the Burayev Udmurts]. Tartu–Ufa–Innsbruck.
- Ozerov, N.A. (ed.) 1896: *Polnyy spisok naselonnykh mest Ufimskoy gubernii* [Full list of populated areas of the Ufa province]. Ufa.
- Pimenov, V.V. (ed.) 1993: *Udmurts: istoriko-etnograficheskiye ocherki* [The Udmurts: historical and ethnographic essays]. Izhevsk.
- Sadikov, R.R. 2001: *Poseleniya i zhilishcha zakamskikh udmurtov (material'nyy i dukhovnyy aspekty)* [Settlements and dwellings of the Trans-Kama Udmurts (material and spiritual aspects)]. Ufa.
- Sadikov, R.R. 2008: *Traditsionnyye religioznye verovaniya i obryadnost' zakamskikh udmurtov (istoriya i sovremennyye tendentsii razvitiya)* [Traditional religious beliefs and rituals of Trans-Kama Udmurts (history and current trends of development)]. Ufa.
- Sadikov, R.R. 2016: *Finno-ugorskiye narody Respubliki Bashkortostan (istoriya, kul'tura, demografiya)* [Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography)]. Ufa.

- Sakhratullin, S.F. 1999: *Birskaya starina. Birskiy uyezd* [*Birsk antiquity. Birsk County*]. 1. Birsk.
- Shutova, N.I. 2014: Arkheologo-etnograficheskiye issledovaniya v Udmurtii [Archaeological-ethnological researches in Udmurtia]. *Povolzhskaya arkheologiya* [*The Volga River Region Archaeology*] 1, 149–165.
- Yalalov, Sh. 2011: *Derevnya Altayevo i yeye put'* [*Altayevo village and its path*]. Izhevsk.

ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC RESEARCH OF THE UDMURT
VILLAGE ASAVTAMAK OF THE 18th – THE BEGINNING OF THE 19th
CENTURY (BURAYEVSKY DISTRICT OF THE BASHKORTOSTAN REPUBLIC)

Al'bert T. Akhatov, Ehl'vir V. Kamaleev, Ranus R. Sadikov

*R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies fa Federal Research Centre RAS, Ufa,
Russia*
bertik@mail.ru, kamaleev-ivir@mail.ru, kissapi@mail.ru

Abstract. The paper presents the results of the field work carried out by the team of researches from the R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Subdivision of the Ufa Federal Research Centre RAS, on the territory of the Burayevsky District of the Republic of Bashkortostan in 2018. The Udmurt village of Asavtamak, which existed according to archive materials in the 18th – early 19th centuries, became the object of the archaeological and ethnographic study. Available written and cartographic sources allowed studying the main stages of the settlement's history at a specified time, and the ethnographic data collected during the survey allowed to determine its location.

During the archaeological study of the territory of the left bank of the Asavka River at the place where in the 18th - early 19th centuries allegedly there was a disappeared Udmurt village, a cultural layer was identified, part of the finds from which belongs to the indicated time. To the east of this site archeological material was collected, i.e. ceramics of the Bakhmutino culture of the early medieval period. The material revealed during archaeological intelligence is correlated on the one hand with cartographic, archival and ethnographic data. At the same time, the findings raise the question of the use by the Udmurts of earthenware, earthenware and porcelain tableware, information about which is missing in the historical and ethnographic literature. In general, it can be said that the study of traditional culture and the settlement of the Udmurts through the integration of archeology and ethnography will significantly expand the knowledge about the process of their cultural genesis and economic activity in the past.

Keywords: archaeological exploration; ethnoarchaeology, Bakhmutino culture, cultural layer, Udmurt village, legends; archival documents, historical maps; New time, early Middle Ages

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 229–245
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 229–245
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-229–245

ЭВОЛЮЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В НЕКРОПОЛЯХ ВОЛНА 1 И АРТЮЩЕНКО 2 В VI–IV вв. до н.э.

А.Н. Берлизов¹, С.В. Кашаев², Р.А. Мимоход¹

¹*Институт археологии РАН, Москва, Россия*
Berlizov-aleksandr@mail.ru; mimokhod@gmail.com
²*ИИМК РАН, Санкт-Петербург, Россия*
kashaevs@mail.ru

Аннотация. В статье представлены предварительные результаты исследования изменений в погребальном обряде некрополей Волна 1 и Артющенко 2 на протяжении VI–IV вв. до н.э. Изучение погребальных памятников проводилось как традиционными археологическими, так и статистико-комбинаторными методами обработки данных. Был проведен сравнительный анализ материалов 456 захоронений Волны 1¹ и 130 погребений Артющенко 2².

Для создания базы данных был использован «универсальный код», включающий в себя несколько общих информационных блоков. Код позволил наиболее полно учесть информацию об особенностях захоронений рассматриваемых некрополей. Для анализа материала применена новая методика, связанная с использованием внеобрядовых «призна-

Данные об авторах: Берлизов Александр Николаевич – аспирант Отдела классической археологии ИА РАН; Кашаев Сергей Владимирович – младший научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, начальник Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН; Мимоход Роман Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии бронзового века ИА РАН.

Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: 0184-2018-0007. «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

¹ Выражаем глубокую признательность за предоставленный материал П.С. Успенскому и И.В. Цокур.

² В обоих некрополях указано число погребений с учетом тех, которые не содержали сопроводительного инвентаря.

ков-интерпретаторов», включающих информацию о территориальной и хронологической локализации объекта (погребения), а также половозрастные характеристики.

В исследовании использовались методы фактор- и кластер-анализа. Предложенная методика позволила выявить черты обряда, отражающие хронологические изменения в погребальных традициях. Установлено, что их развитие в данных некрополях не было линейным процессом: некоторые погребальные обряды сосуществовали на разных этапах их функционирования.

Удалось установить, что в эволюции погребальных традиций обоих некрополей можно выделить три этапа (вторая четверть VI – вторая четверть V вв. до н.э.; третья четверть V – вторая четверть IV вв. до н.э.; третья четверть IV в. до н.э. – рубеж IV–III вв. до н.э.); при этом изменения в обряде Артюшенко 2 начинались в среднем на четверть века раньше, чем в обряде Волны 1. Можно предположить, что оба некрополя оставлены родственными группами населения: начало второго (в обоих некрополях) и третьего периодов (в Волне 1) совпадает с резким приростом населения, что могло стать источником новаций в обрядах.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, античность, некрополь, погребальный обряд, хронология, статистический анализ

Археологические исследования памятников Таманского полуострова последних лет привели к накоплению огромного объема новых материалов, в том числе характеризующих погребальные традиции населения. Некрополь поселения Волна 1 по количеству раскопанных захоронений превзошел большинство аналогичных памятников Северного Причерноморья. По последним данным, на разных участках некрополя открыто свыше 2000 могил. Материал, представленный в выборке Волны 1, получен в результате работ экспедиций И.В. Цокур в 2014–2017 гг., Р.А. Мимохода и П.С. Успенского в 2016 г. К сожалению, к работе не удалось привлечь материалы работ на других участках некрополя, исследованных в 2014 и в 2017–2018 гг. Р.А. Мимоходом, а также результаты работ В.Г. Житникова в 2016–2017 гг.³

Территориально близко к Волне 1 расположен некрополь поселения Артюшенко 2, активное изучение которого в течение последних 15 лет привело к открытию 205 захоронений различного времени. Большинство из них относится к интересующему нас периоду⁴. В выборке захоронений Артюшенко 2 представлены захоронения, исследованные С.В. Кашаевым до 2014 г. включительно. Таким образом, выводы, полученные в ходе изучения доступного на данный момент материала, являются предварительными и могут быть в значительной степени скорректированы в ходе дальнейшей обработки результатов исследований обоих некрополей.

Большинство погребений некрополей Волны 1 и Артюшенко 2 датируется в пределах VI–IV вв. до н.э. и, по оценкам исследователей⁵, демонстрируют значи-

³ Эти материалы в данный момент находятся на стадии обработки.

⁴ В статье проанализированы результаты, полученные в ходе раскопок в некрополе Артюшенко 2 до 2014 г. включительно. На тот момент было исследовано всего 151 захоронение. 130 из них относятся к интересующему нас периоду. В результате раскопок последних четырех лет были открыты еще 20 захоронений V–IV вв. до н.э. Этот материал в настоящее время еще обрабатывается.

⁵ Кашаев 2009; Kashaev 2015; Цокур, Селивантеев, Шереметьева 2016; Мимоход, Сударев 2017; 2018.

тельное сходство в характере материальной культуры. Это дает основание предполагать наличие общих обрядовых практик в некрополях в обозначенных хронологических рамках.

Цель данного исследования – проследить эволюцию обрядовых традиций в этих двух некрополях VI–IV вв. до н.э. и сопоставить их между собой. Для этого необходимо: 1) установить, происходили ли изменения в погребальных обрядах Волны 1 и Артющенко 2; 2) выявить конкретные характеристики (варианты) обряда, которые претерпевали изменения во времени; 3) установить хронологические границы существования вариантов обрядовых практик в этих погребальных памятниках; 4) определить сходство и различия в эволюции погребальных обрядов в Волне 1 и Артющенко 2.

Значительный объем археологического материала, сложность его обработки и интерпретации полученных результатов обуславливают необходимость применения наряду с традиционными статистическими методами обработки данных.

Материал Волны 1 и Артющенко 2 для статистической обработки был формализован и представлен в виде матрицы Microsoft Excel. Исследовано 465 захоронений Волны 1 и 130 погребений Артющенко 2 VI–IV вв. до н.э. Использован универсальный код, основы которого были разработаны И.С. Каменецким⁶. Код был переработан и в значительной степени дополнен специально для изучения погребальных памятников Азиатского Боспора. Он включает несколько общих информационных блоков (погребальное сооружение; информация о скелете; жертвенная пища, погребальный инвентарь – сосуды, оружие, упряжь и всадническое снаряжение; детали погребального костюма; орудия труда; атрибуты культа), позволяющих предельно полно представить информацию о погребальных комплексах.

Новым в методике стало использование внеобрядовых «признаков-интерпретаторов», таких, как территориальная и хронологическая локализация объекта, а также половозрастные характеристики погребенных⁷. Они были введены для того, чтобы избежать интуитивной трактовки результатов многомерного анализа. Многомерный анализ позволяет выявить связь тех или иных деталей обряда с конкретным интерпретатором и благодаря этому определить комбинации признаков, связанных с узкой или широкой хронологией, с полом или возрастом погребенного.

Был исследован материал 327 захоронений Волны 1 и 111 – Артющенко 2 VI–IV вв. до н.э., содержащих сопроводительный инвентарь⁸.

Первым шагом в исследовании стало определение в каждом из некрополей тех элементов обряда, которые изменялись с течением времени, что приводило к формированию новых обрядовых традиций. Для этого был проведен фактор-анализ всех описательных характеристик захоронений Волны 1, позволивший осуществить отбор тех деталей погребального обряда, которые менялись в соответствии со временем совершения погребения.

⁶ Каменецкий 1983; 1986.

⁷ См. Берлизов, Венедиктов, Пьянков 2003.

⁸ На данном этапе исследования безынвентарные погребения не учитывались, поскольку не содержали информации об их узкой датировке.

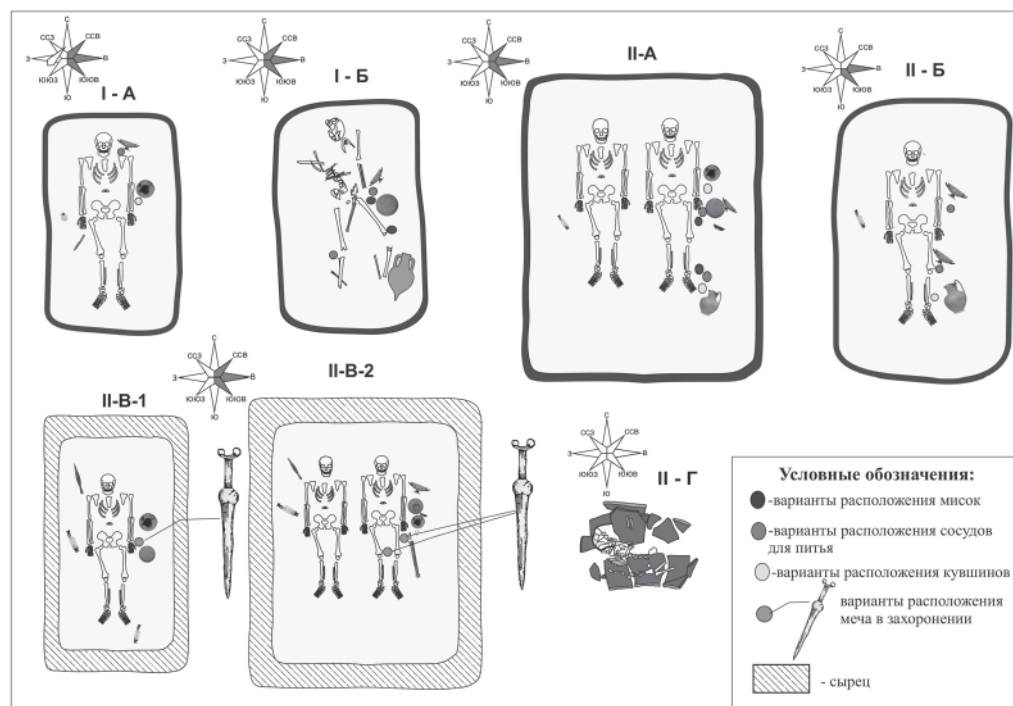

Рис. 1. Варианты погребального обряда в некрополе Волна 1.
Хронологические периоды 1 и 2.

В результате был выявлен набор следующих черт обряда, связанных с широкой (до века) и узкой (до четверти столетия) датировкой захоронений Волны 1: погребальное сооружение; количество погребенных в захоронении; общее положение погребенного; ориентировка умершего; количество сосудов в погребении; кувшин в погребении; (положение миски); сосуд для питья; предметы вооружения.

Далее по вышеперечисленным признакам было проведено сравнение между собой материалов захоронений Волны 1 методом кластер-анализа. По наборам сочетаний этих признаков выделяются 12 вариантов⁹ погребальных традиций (рис. 1; 2). Они объединяются в три группы в рамках трех периодов хронологии в истории некрополя Волна 1: 1) вторая четверть VI – вторая четверть V вв. до н.э. (вар. I–А; вар. I–Б), 2) третья четверть V – вторая четверть IV вв. до н.э. (вар. II–А – II–Д), 3) третья четверть IV в. до н.э. – рубеж IV–III вв. до н.э. (вар. III–А – III–Д)¹⁰. Установлено, что развитие погребальных традиций в данном некрополе не

⁹ Под термином вариант в работе следует понимать сочетание элементов обряда, повторяющееся в группе захоронений. Изменение этого сочетания с течением времени является условием формирования новых погребальных традиций и маркирует начало нового периода.

¹⁰ Результаты, полученные в ходе проведенной работы, могут быть серьезно скорректированы. Количество выделенных вариантов погребальных традиций в Волне 1 может возрасти. При публикации предварительных итогов раскопок некрополя в 2017–2018 гг. Н.И. Сударев Р.А. Мимоход, П.С. Успенский в своих работах справедливо обратили внимание на отдельную группу погребений в грунтовых ямах с обкладкой из камней, а также на захоронения с наброской из мелкого камня (Сударев, Мимоход, Успенский 2018, 221–222 (рис. 3; 5)). Кроме того, по наблюдениям Н.И. Суда-

было линейным процессом: на разных этапах его функционирования некоторые погребальные обряды сосуществовали.

Несмотря на общее значительное сходство сочетаний перечисленных выше характеристик ранних погребений Волны 1, в них наблюдаются определенные различия. Так, большинство инвентарных захоронений является одиночными, погребенные ориентированы в восточном секторе (В, ЮВ), набор инвентаря включает три или более сосудов, среди которых присутствуют кувшин, миска и сосуд для питья. В то же время различается положение погребенных – вытянуто на спине (вар. I–А) и в позе «всадника» (вар. I–Б). Анализ погребальных традиций I периода позволил зафиксировать различия в наборе и размещении сосудов. В отдельную группу выделяются воинские захоронения с наступательным (мечи, копья, наконечники стрел) и защитным вооружением (в двух захоронениях Волны 1 присутствуют шлемы¹¹, в одном погребении – панцирь).

Изменения в обряде некрополя (вар. II–А; II–Б, II–В–1; II–В–2; II–Г) в третьей четверти V в. до н.э. сопровождалось значительным ростом числа погребенных. В этот период существенно возрастает количество коллективных захоронений, преимущественно парных. Наряду с захоронениями в грунтовых ямах, одной из ведущих погребальных традиций в некрополе Волна 1 становится обычай погребения в сырцовых ящиках¹². Изменяется и число сосудов в наборе инвентаря, которое, вероятно, обусловлено статусом погребенного. В большинстве одиночных захоронений в простых грунтовых ямах без перекрытия находилось два-три сосуда, а в коллективных – более трех. Унифицированными становятся общее положение погребенных (вытянуто на спине); ориентировка в восточном секторе; присутствие мисок, кувшинов, сосудов для питья, расположенных, как правило, слева от погребенного у южного борта погребального сооружения.

В отдельный вариант выделены воинские захоронения – одиночные (вар. II–В–1) и парные (вар. II–В–2). Часть воинских захоронений отличается более сложным характером погребальной конструкции (сырцовые ящики). Размещение в погребениях Волны 1 набора наступательного вооружения аналогично его расположению в захоронениях некрополя Артющенко 2: короткие мечи находятся слева у бедра либо лежат на ногах умершего. Наконечники копий находятся справа в головах. В некоторых захоронениях наряду с мечами и копьями присутствовало несколько наконечников стрел, которые находились слева у бедра погребенного. На такое расположение оружия в захоронениях уже обращали внимание¹³.

рева (устное сообщение) в Волне 1 прослежены захоронения, совершенные по обряду выставления. В выборку исследования не вошло большинство захоронений в сырцовых гробницах второй половины VI – первой четверти V в. до н.э. В значительной степени может возрасти процент ранних детских захоронений в амфорах. К сожалению, авторы не имели возможности осветить результаты работ экспедиции В.Г. Житникова, а также итоги полевых исследований некрополя Волна 1 2017–2018 гг. на участке Р.А. Мимохода.

¹¹ По наблюдениям Р.А. Мимохода, устным сообщениям Н.И. Сударева и И.В. Цокур, которым авторы выражают свою признательность.

¹² Такой обычай фиксируется в некрополе Волны 1 и в более ранний период. На участках работ Р.А. Мимохода и П.С. Успенского в 2016–2018 гг. были открыты погребения в сырцовых ящиках, относящиеся ко второй половине VI в. до н.э. – началу V в. до н.э. Однако именно во второй – третьей четвертях V в. они получают наиболее широкое распространение и становятся массовым явлением, прочно укоренившимся в качестве элемента устойчивой погребальной традиции.

¹³ См.: Завойкин, Сударев 2006, 117–118; Кашаев 2009, 218; Ворошилов, Кашаев 2010, 83–84.

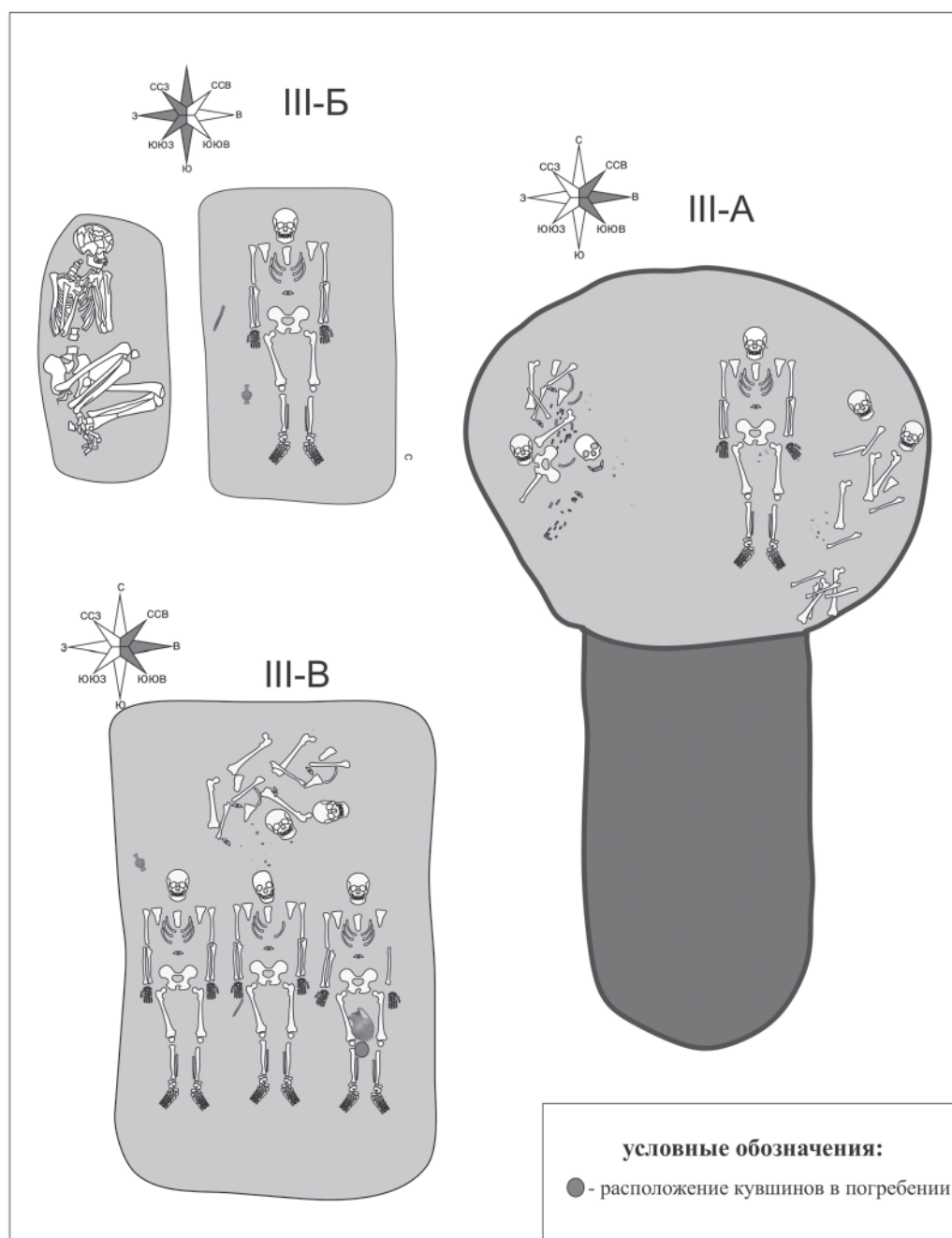

Рис. 2. Варианты погребального обряда в некрополе Волна 1.
Хронологический период 3

В третьей четверти V – второй четверти IV вв. до н.э. возрастает количество безынвентарных детских захоронений в амфорах (вар. II–Г), в предшествующие периоды встречавшихся реже¹⁴.

Наиболее яркие изменения в обрядовых традициях некрополя Волна 1 зафиксированы в третьем периоде – третья четверть IV в. до н.э. – рубеж IV–III вв. до н.э. (вар. III–А; III–Б; III–В; III–Г) (рис. 2). В этот период вновь увеличивается численность погребенных, получают распространение коллективные захоронения, содержащие останки более трех индивидов. Появляются новые типы погребальных конструкций – грунтовые склепы и подбои. Существенные изменения, по сравнению с предшествующим периодом, проявляются и в позе погребенных. В нескольких вариантах одиночных и парных погребений конца IV – начала III вв. до н.э. погребенные лежат скорченно на спине. Спорадически фиксируется расположение погребенных ничком (вытянуто, на животе лицом вниз, руки вдоль туловища, ноги сведены в районе стоп). В отдельном варианте (III–В) представлены захоронения с положением погребенных скорченно на боку (левом или правом) в простых грунтовых ямах.

В одиночных захоронениях в простых грунтовых ямах с неустойчивой ориентировкой количество сосудов варьируется от полного отсутствия до двух. В коллективных захоронениях (как в простых грунтовых ямах, так и в грунтовых склепах) сохраняются количество, расположение и набор керамики, характерные для предшествующих периодов. Обнаружены изменения (вар. II–Г – конец IV в. до н.э.) в расположении мисок, которые стали помещаться справа за головой погребенного. В выборке второй половины IV в. до н.э. крайне редко встречаются захоронения с оружием: копья зафиксированы лишь в 3,5 % погребений, а мечи и кинжалы – в 2,9% захоронений данного периода. В 13% погребений выборки периода второй половины IV в. до н.э. встречены одиночные наконечники стрел, которые, однако, не могут быть строго рассмотрены в качестве предметов вооружения. Во многих случаях одиночный наконечник стрелы мог являться предметом культовой атрибуции или причиной смерти погребенного¹⁵.

Аналогичный анализ изменений погребальных традиций в течение времени был проведен и на материалах некрополя Артющенко 2. Для него было установлено, что набор хронологических индикаторов отличается от того, который характерен для погребений некрополя Волна 1: характер погребальной конструкции, способ обращения с телом погребенного, количество погребенных в могиле; общая поза, положение рук и ног индивида, ориентировка погребенного, количество сосудов в погребении, расположение кувшинов. По наборам сочетаний этих признаков в некрополе Артющенко 2 выделяются пять вариантов погребальных традиций (рис. 3).

Для этого памятника пока можно выделить только два основных периода, поскольку выборка захоронений второй половины IV в. до н.э. здесь ничтожно мала.

¹⁴ Этот вывод может быть существенно скорректирован, поскольку в нашей выборке не были учтены материалы работ на участках некрополя Волны 1, раскопанных В.Г. Житниковым и Р.А. Мимоходом, где присутствует значительное количество детских захоронений, относящихся ко второй половине VI – первой половине V в. до н.э.

¹⁵ Сударев 1999, 219–221.

Уже в первый период (вторая половина VI – первая четверть V в. до н.э.) существования некрополя Артющенко 2 получают распространение несколько вариантов обрядовых традиций. Большинство инвентарных захоронений данного периода – одиночные в прямоугольных и овальных ямах (вар. I–А), однако присутствуют и парные захоронения в сырцовых ящиках (вар. I–Б). Распространение получает обычай совершения безынвентарных детских захоронений в амфорах (вар. I–В).

Значительно раньше, чем в некрополе Волна 1, в некрополе Артющенко 2 унифицируется положение погребенных (вытянуто на спине) и ориентировка захороненных в восточном секторе. Набор сопроводительного инвентаря в Артющенко 2 второй половины VI – первой четверти V вв. до н.э. обычно состоит из трех и более керамических сосудов. В нем обязательно присутствуют кувшины, расположенные слева или справа в ногах погребенных. В захоронениях в сырцовых ящиках присутствует оружие. Особенно примечательно наличие единственного захоронения по обряду кремации. По набору инвентаря, характеру затрат на проведение обряда это погребение резко отличается от всех синхронных захоронений на обоих некрополях.

Во второй четверти V в. до н.э. изменения в погребальном обряде некрополя Артющенко 2 проявились в широком распространении погребальных сооружений из сырцового кирпича, увеличении числа коллективных захоронений и количества погребенных в них индивидов (до трех). Резко возрастает доля захоронений с оружием (вар. II–Б). Количество сосудов в одиночных захоронениях в простых грунтовых ямах (вар. II–А) сокращается до двух, из керамического набора исчезают кувшины. В сырцовых конструкциях сохраняются традиционный керамический набор и количество сосудов. Большинство воинских захоронений по характеру наступательного вооружения и его расположению в могиле не отличается от синхронных захоронений некрополя Волна 1. Особым случаем является захоронение воина с конем, совершенное в сырцовом ящике. Умерший погребен полулежа на спине, руки согнуты в локтях кистями к туловищу, ноги находятся в атакующей позе (левая нога вытянута, правая нога слегка согнута в колене). В небольшой группе захоронений зафиксировано необычное положение рук умерших: они отведены от туловища. Полученные в ходе исследования результаты позволяют утвердительно ответить на вопрос о сосуществовании нескольких обрядовых практик в некрополях Волна 1 и Артющенко 2, а также по-новому взглянуть на процесс изменения погребальных традиций в этих некрополях.

В эволюции погребальных обрядов в некрополях Волна 1 и Артющенко 2¹⁶ выделяются три последовательных периода: 1) конец VI – вторая четверть V вв. до н.э.; 2) третья четверть V – вторая четверть IV вв. до н.э.; 3) третья четверть

¹⁶ В некрополе представлены 3 погребения, которые относятся к третьей четверти IV в. до н.э., обряд в них отличается по выделенному набору признаков от захоронений Артющенко 2 предшествующего периода. В то же время по набору выделенных в результате анализа критериев (одиночные погребения в простых грунтовых ямах, ориентированные в восточном секторе; общее положение погребенных вытянутое, кисти рук умерших находятся на груди; в состав инвентаря входят кувшин, расположенный у левой ступни погребенного, и мелкий туалетный сосуд) эти комплексы близки к вар. Г–III в некрополе Волны 1. Таким образом, изменение погребального обряда в Артющенко 2 прослеживается, однако ничтожно малая выборка захоронений этого времени не дает возможности получить ясное представление о его развитии в третьей четверти IV – начале III в. до н.э.

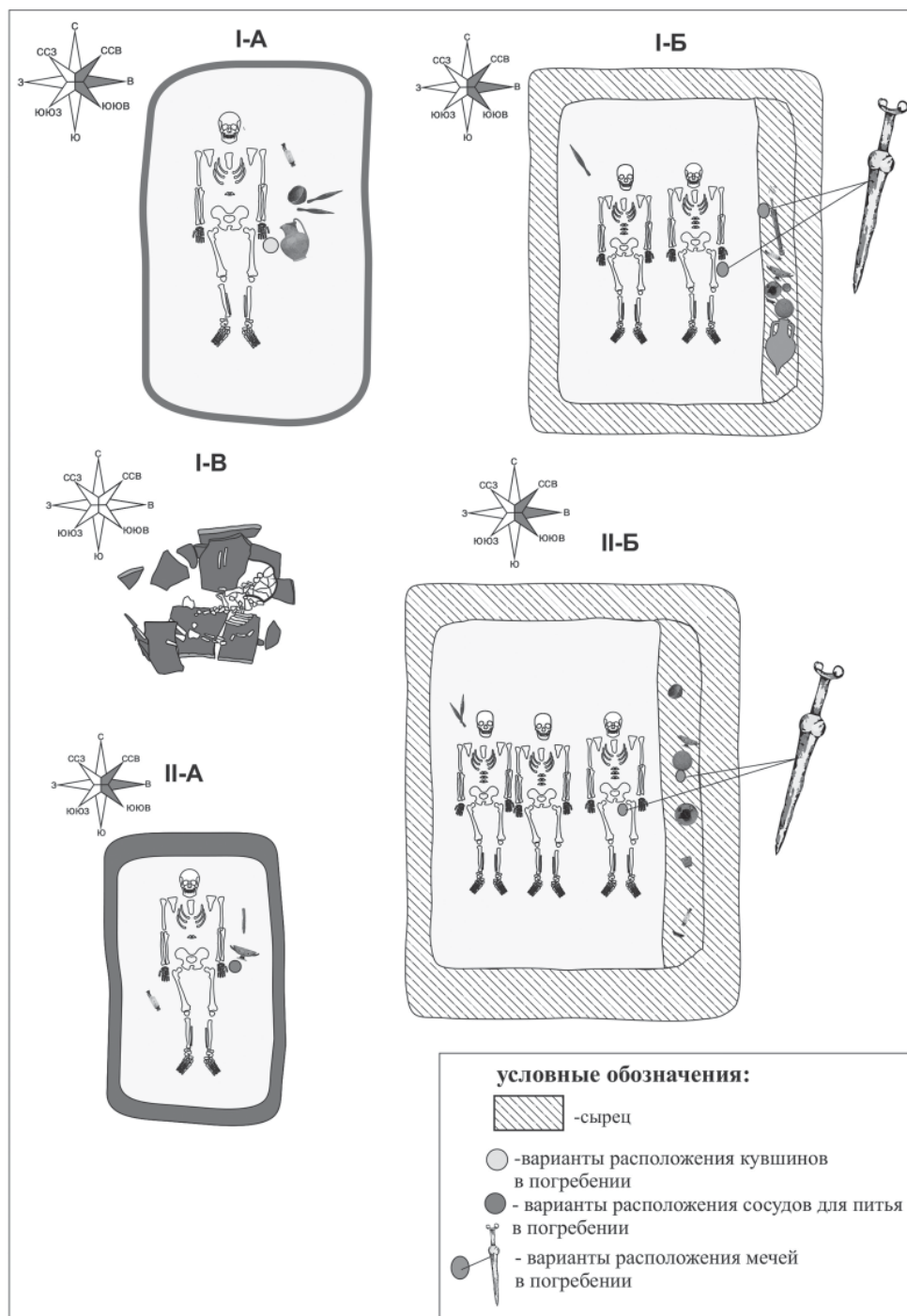

Рис. 3. Варианты погребального обряда в некрополе Артющенко 2.
Хронологические периоды 1 и 2

IV в. до н.э. – рубеж IV–III вв. до н.э. Как представляется, эволюция обрядовых традиций в них в VI–IV вв. до н.э. шла в одном направлении. Она выразилась в обоих некрополях, во-первых, в изменении характера погребальной конструкции. В обоих некрополях в третьей четверти V – второй четверти IV вв. до н.э. распространяются сырцовые ящики; в Артющенко 2 появляются сырцовые ящики с заплечиком для сопроводительного инвентаря. В Волне 1 в третьей четверти IV в. до н.э. – на рубеже IV–III вв. до н.э. появляются захоронения в подбойных могилах и в грунтовых склепах. В силу малочисленности погребений конца IV–III вв. до н.э. сложно судить о появлении и использовании таких конструкций в Артющенко 2. Тем не менее грунтовые захоронения с подбоем фиксируются в данном некрополе во II в. до н.э. Учитывая, что в течение предшествующих периодов процесс изменения погребальной конструкции происходил в Артющенко 2 синхронно и даже несколько опережал аналогичные новации в Волне 1, можно с осторожностью предполагать появление новых типов сооружений в период третьей четверти IV в. до н.э. – рубежа IV–III вв. до н.э. и в Артющенко 2.

Во-вторых, близкие тенденции в развитии обоих некрополей проявились в изменении количества погребенных в могиле и их расположения. В Волне 1 в третьей четверти V – второй четверти IV вв. до н.э. резко возрастает количество парных погребений, в Артющенко 2 со второй четверти V в. до н.э. распространяется обряд захоронения трех индивидов в могиле. В них преобладает практика захоронений в вытянутом положении, ориентировка погребенных в восточном секторе.

В IV в. до н.э. – на рубеже IV и III вв. до н.э. широкий размах приобретает практика совершения коллективных (более трех погребенных) захоронений в Волне 1. Наряду с преобладающим количеством захоронений в вытянутом положении, ориентировкой умерших в восточном секторе, четко выделяется группа погребений с неустойчивой ориентировкой в скорченном положении. Широко распространяется традиция многократного совершения захоронения в грунтовых склепах.

В-третьих, сходные тенденции в эволюции погребальных обрядов Волны 1 и Артющенко 2 проявились в изменении количества отдельных категорий сосудов и их расположении. С осторожностью можно говорить о появлении в третьей четверти V – второй четверти IV вв. до н.э. регламентированного набора керамических сосудов: для одиночных захоронений не более 2-х сосудов, для коллективных – более трех¹⁷. В детских погребениях сосуды, как правило, отсутствуют. Наиболее часто в коллективных захоронениях данного периода встречается сочетание миска¹⁸ – сосуд для питья – кувшин/амфора¹⁹ – туалетный сосуд (как правило, используются лекифы, арибаллы окончательно выходят из употребления). Для обоих некрополей характерным становится помещение кувшинов слева

¹⁷ Речь идет лишь о тенденции, характерной для большей части захоронений Артющенко 2 и Волны 1, содержащих сопроводительный инвентарь. Однако в 35% выборки захоронений обоих некрополей количество и набор сопровождающих умерших сосудов отличался от вышеописанного. Это подразумевает наличие иных особенностей обряда, не связанных с временным фактором, влияющим на набор и расположение сопроводительного инвентаря: пол, возраст, социальный статус погребенного, приверженность умершего к определенному культу, семейно-родовые традиции, наконец, его этническое происхождение. Однако изучение всех этих особенностей выходит за рамки данной работы.

¹⁸ Кашаев 2014, 58–59

¹⁹ Кашаев 2013, 212–215; 2014, 120–121.

от погребенных. В третьей четверти IV в. до н.э. – на рубеже IV–III вв. до н.э. в значительной части погребений Волны 1 фиксируется резкое сокращение количества сосудов (не более двух в могиле). В наборе обязательно присутствует мелкий керамический сосуд (лекифы сменяются унгентариями, часто присутствуют солонки) и сосуд для питья. Характеризуя этот набор, сложно не отметить сходство сопроводительного керамического инвентаря захоронений Волны 1 второй половины IV в. до н.э. и аттических некрополей материковой Греции периодов архаики и классики²⁰. Набор сопроводительного инвентаря в них мог состоять лишь из мелких туалетных сосудов и черепков в краснофигурном стиле. В этих могилах не было найдено никаких иных краснофигурных либо более крупных сосудов, даже лекифы относительно хорошего качества встречаются редко²¹.

Наконец, в одном направлении в Волне 1 и Артющенко 2 развивается обряд воинских захоронений. Так, в третьей четверти V – второй четверти IV вв. до н.э. в обоих некрополях возрастает количество захоронений с наступательным вооружением. Этот набор, как правило, состоял из нескольких наконечников стрел (в Волне 1 они обычно находились у левого бедра погребенного, в Артющенко 2 возможен вариант расположения на заплечике); 1–2 копий, которые находились справа за головой погребенного; меча, который мог располагаться слева у бедра либо лежать на ногах умершего (в Артющенко 2 зафиксировано расположение меча на заплечике сырцового сооружения). В третьей четверти IV в. до н.э. – на рубеже IV–III вв. до н.э. предметы вооружения в погребениях Волны 1 почти не обнаруживаются. В основном встречаются лишь одиночные наконечники стрел, которые могут рассматриваться и не как оружие. Исключением в Волне 1 являются два комплекса, в которых были обнаружены наконечники копий; зафиксирован единственный случай помещения в погребение меча. В трех захоронениях Артющенко 2 данного периода предметы вооружения отсутствовали. В наибольшей степени сходство погребальных традиций в изучаемых некрополях проявилось во второй половине V – первой половине IV вв. до н.э. (рис. 4). Однако одни и те же изменения в погребальных традициях Артющенко 2 начались примерно на четверть столетия раньше, чем в Волне 1. При этом третий период развития погребальных традиций в Артющенко 2 пока представлен небольшим количеством комплексов (3% захоронений). Кроме того, в обрядах данного некрополя мы наблюдаем исключительный случай – наличие единственного в выборке раннего захоронения по обряду кремации. Некоторые погребальные традиции, как, например, совершение детских захоронений в амфорах, благополучно сохраняются в течение двух периодов существования обоих некрополей. Безусловно, устойчивость традиции захоронения детей в амфорах в обоих некрополях не случайна. Поскольку этот вопрос выходит за рамки работы, следует отметить лишь, что в изучаемых некрополях останки детей встречаются в амфорах²² в одиночных и в коллективных захоронениях, что позволяет предполагать различия в традициях детских погребений, сохранявшихся в течение нескольких периодов. Особая роль

²⁰ Речь идет, например, о некрополях Керамика, Драфи, Мерента, Элевсина и Торики в Аттике (Boardman, Kurtz 1971, 100–110).

²¹ Boardman; Kurtz 1971, 100–105.

²² Дальнейшее исследование данного вопроса представляется особенно актуальным в связи с открытиями на участках В.Г. Житникова в 2015–2017 гг. и Р.А. Мимохода в 2017 г.

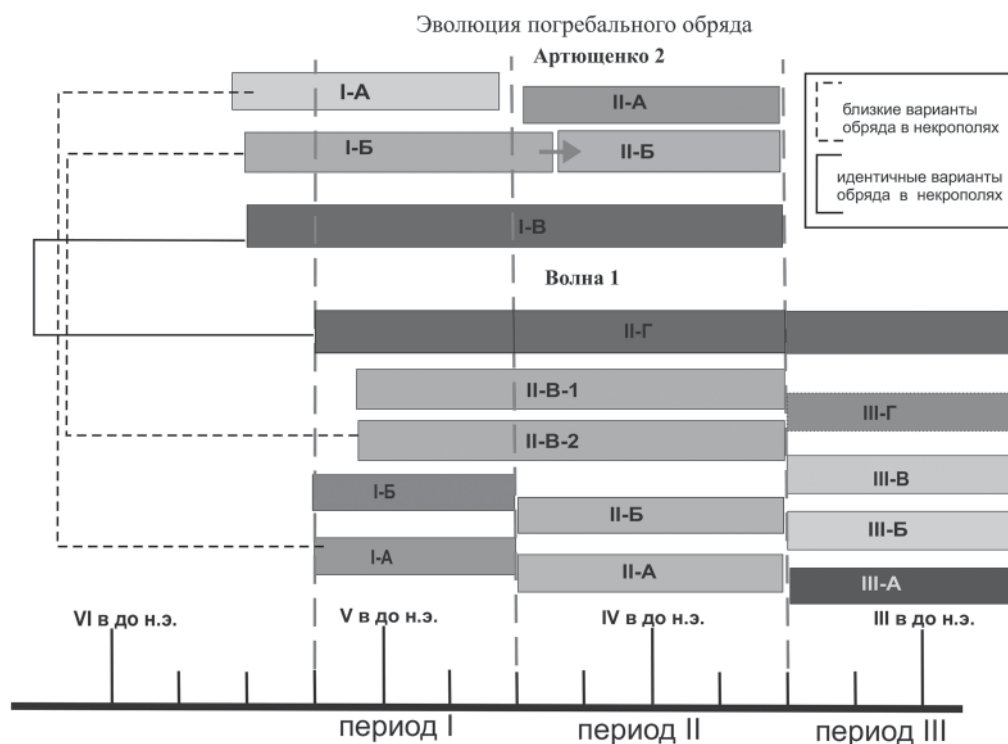

Рис. 4. Эволюция погребального обряда в некрополях Волна 1 и Артюшенко 2

детских захоронений неоднократно подчеркивалась в работах отечественных²³ и зарубежных исследователей²⁴.

Сказанное выше позволяет предположить, что оба некрополя оставлены родственными группами населения. Интересно, что начало второго (в обоих некрополях) и третьего (в Волне 1) периодов совпадают с резким приростом населения, что могло стать источником новаций в обрядах. Так, в выборке Волны 1²⁵ погребения второй половины VI – первой половины V вв. до н.э. составляют 25%; 35% могил относится к третьей четверти V – второй четверти IV вв. до н.э.; 40% захоронений были совершены в третьей четверти IV в. до н.э. – на рубеже IV–III вв. до н.э. В Артюшенко 2²⁶ 41% исследованных захоронений относится ко второй половине VI – первой четверти V в. до н.э.; 57% погребений датируются третьей четвертью V – второй четвертью IV вв. до н.э.; лишь 2% комплексов в выборке относится ко второй половине IV в. до н.э.²⁷

²³ Сударев 1999; 2003; Кашаев 2013.

²⁴ Morris 1996, 80–81; Garland 1985, 80–82; Oikonomou 2014, 93–94.

²⁵ 456 погребений.

²⁶ 130 погребений.

²⁷ Такой низкий процент захоронений может измениться в случае открытия в Артюшенко 2 участка с захоронениями второй половины IV в. – рубежа IV и III вв. до н.э.

Как уже неоднократно отмечалось, полученные результаты являются предварительными и, безусловно, требуют проверки и верификации с привлечением материалов полевых исследований на иных участках некрополя Волна 1 и результатов работ последних четырех лет в Артющенко 2.

Некоторые расхождения в полученных выводах и в предварительных публикациях итогов недавних работ на других участках некрополя²⁸ свидетельствуют о том, что выборка материалов, использованных в исследовании, не полностью отражает картину изменений, происходивших в погребальных традициях Волны 1 во времени. Однако в целом, несмотря на обозначенные выше недостатки, объем использованных в работе материалов оказался достаточным, чтобы проследить общие тенденции в эволюции погребальных традиций двух боспорских некрополей. Показательно, что, хотя выборка захоронений Артющенко 2 была значительно меньше выборки материалов некрополя Волна 1, процесс эволюции погребальных обрядов удалось проследить на обоих памятниках. Таким образом, использованная методика, хотя и имеет ряд погрешностей, позволяет работать с относительно небольшими выборками материалов и получать репрезентативный результат. Однако при изучении слабо исследованных некрополей (до 25 захоронений) погрешность избранной нами методики будет выше (что необходимо будет учитывать в дальнейшей работе). Поскольку необходимость привлечения к исследованию и таких материалов не вызывает сомнений, следует использовать их только совместно с выборками других некрополей.

Результаты анализа погребальных памятников, полученные с применением статистических методов на этапе интерпретации, неизбежно нуждаются в корректировке с использованием традиционных методов археологии и привлечением данных из иных источников и смежных исторических дисциплин, например, привлечении к исследованию результатов, полученных антропологами.

Не менее важным представляется проведение сопоставительного анализа используемых в работе материалов с синхронными материалами других некрополей Азиатского Боспора, что открывает широкие перспективы для проведения новых исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Берлизов, Н.Е., Венедиктов, А.П., Пьянков, А.В. 2003: *Статистический анализ погребальных памятников северо-западного Кавказа сарматского времени – эпохи средневековья*. Краснодар.
- Ворошилов, А.Н., Кашаев, С.В. 2010: Клинковое оружие из некрополя Артющенко-2. *ДБ* 14, 66–87.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
- Завойкин, А.А., Сударев, Н.И. 2006: Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I. *ДБ* 9, 101–152.
- Каменецкий, И.С. 1983: Код для описания погребального обряда. В сб.: Ю.А. Краснов (ред.), *Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции*. М., 221–250.
- Каменецкий, И.С. 1986: Код для описания погребального обряда (часть вторая). *Археологические открытия на новостройках*. М., 136–194.

²⁸ См. примечания 11, 13, 15, 23.

- Кашаев, С.В. 2009: Некрополь Артющенко-2. *Степи Евразии и история Боспора Киммерийского*. Симферополь–Керчь, 217–218. (БИ XXII).
- Кашаев, С.В. 2009. Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23). *Степи Евразии и история Боспора Киммерийского*. Симферополь–Керчь, 188–267. (БИ XXII).
- Кашаев, С.В. 2013. Погребения с амфорами в некрополе Артющенко-2. *Античный мир и археология* 16, 190–215.
- Кашаев, С.В. 2014. Ойнохон в погребальном инвентаре некрополя Артющенко-2. В сб.: *Материалы круглого стола памяти Кубланова*. СПб, 114–121.
- Кашаев, С.В. 2014. Миски в погребальном инвентаре некрополя Артющенко-2. *Таврические студии. Исторические науки* 6, 53–59.
- Мимоход, Р.А., Сударев, Н.И., Успенский, П.С., 2017. Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) *ДБ* 21, 295–310.
- Мимоход, Р.А., Сударев, Н.И., Успенский, П.С. 2017: «Волна-1» – новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (по материалам работ ИА РАН в 2016 и 2017 гг.). В сб.: Н.В. Волкодав (ред.), *Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов*. Краснодар, 5–32.
- Мимоход, Р.А., Сударев, Н.И., Успенский, П.С. 2018: Некрополь Волна-1 (2017 г.) (Краснодарский край, Таманский полуостров). В сб.: А.В. Энговатова (ред.), *Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований*. Вып. 25, 220–231.
- Сударев, Н.И. 1999: Культ Аполлона врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации. *ДБ* 2, 213–231.
- Сударев, Н.И., 1999: Детские погребения Боспора VI–III вв. до н.э. В сб.: Г.А. Кошеленко (ред.), *VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. (К 100-летию со дня рождения): Материалы конференции*. М., 30–31.
- Сударев, Н.И. 2003. Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI–III вв. до н.э. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. IV Боспорские чтения: Материалы конференции*. Керчь, 246–248.
- Цокур, И. В., Селивантеев, О. Н., Шереметьева, Н. А. 2016. Грунтовый могильник «Волна 1» В сб.: Н.В. Волкодав (ред.), *Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства таманского терминала СУГ и Нефтепродуктов: Материалы конференции*. Краснодар. 118–130.
- Boardman, J., Kurtz, D.C. 1971: *Greek burial customs*. London.
- Garland, R. 1985: *The Greek way of death*. London.
- Kashaev, S., 2015. The Taman Detachment of the Bosporan Expedition of IIMK RAS in 2006–2013. In: N. Almazova, S. Egorova, D. Keyer, A. Verlinsky (eds.), *Hyperboreus* 21.1. Saint Petersburg, 140–156.
- Morris, I. 1996: *Death and social structure of classical antiquity*. Cambridge.
- Oikonomou, S. 2014: Special grave goods. In: S. Oikonomou, N. Stampolidis (eds.), *Beyond death and afterlife*. Athens, 93–105.

REFERENCES

- Berlizov, N.E., Venediktov, A.P. Pyankov, A.V. 2003: *Statisticheskiy analiz pogrebalnykh pamyatnikov severo-zapadnogo Kavkaza sarmatskogo vremeni – epokhi srednevekovya*. [Statistical analysis of the funerary monuments of the Northwestern Caucasus during the Sarmatian period and the Middle Ages]. Krasnodar.
- Boardman, J., Kurtz, D.C. 1971: *Greek burial customs*. London.

- Garland, R. 1985: *The Greek way of death*. London.
- Voroshilov, A.N., Kashaev S.V. 2010: Klinkovoye oruzhiye iz nekropolya Artyushchenko-2. [Blade weapons from the Artyushchenko-2 Necropolis.] *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 14. Moscow, 66–87.
- Zavoykin, A.A., Sudarev, N.I. 2006: Pogrebeniya s oruzhiyem VI–V vv. do n.e. kak istochnik po politicheskoy i voyennoy istorii Bospora Chast 1 [Arms of the 6th–5th centuries BC as a source on the political and military history of the Bosporus. Pt. I]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 9. Moscow, 101–152.
- Kamenetsky, I.S. 1983: Kod dlya opisaniya pogrebal'nogo obryada. [A code to describe the burial rite.] The Antiquities of the Don. In: U.A. Krasnov (ed.), *Drevnosti Dona. Materialy rabot Donskoy ekspeditsii* [*Materials of the works of the Don Expedition*]. Moscow, 221–250.
- Kamenetsky, I.S. 1986: Kod dlya opisaniya pogrebal'nogo obryada (chast vtoraya) [A code to describe the burial rite (part two)]. *Arkheologicheskiye otkrytiya na novostroykakh* [*Archaeological discoveries on new buildings*]. Moscow, 136–194.
- Kashaev, S.V. 2009: Nekropol Artyushchenko-2 [The Artuschenko Necropolis-2]. *Stepi Yevrazii i istoriya Bospora Kimmeriyskogo* (Bosporskiye Issledovaniya. XXII) [*The steppes of Eurasia and the history of the Cimmerian Bosporus* (Bosporus Studies. XXII)]. Simferopol–Kerch, 217–218.
- Kashaev, S.V. 2009: Nekropol' Artyushchenko-2 (obshchaya kharakteristika, rezultaty raskopok 2003–2005 gg., pogrebeniya № 1–23) [Necropolis Artyushchenko-2 (general description, the results of excavations 2003–2005, burials Nos. 1–23)]. *Stepi Yevrazii i istoriya Bospora Kimmeriyskogo* (Bosporskiye Issledovaniya XXII) [*Steppe of Eurasia and the history of Cimmerian Bosporus*. (Bosporan studies. XXII)]. Simferopol–Kerch, 188–267.
- Kashaev, S.V. 2013: Pogrebeniya s amforami v nekropole Artyushchenko-2 [Burials with amphoras in the necropolis Artyushchenko-2]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [*Antique world and archeology*]. 16. Saratov, 190–215.
- Kashaev, S.V. 2014: Oynokhoi v pogrebal'nom inventare nekropolya Artyushchenko-2 [Oinokhoi in the burial inventory of the necropolis Artyushchenko-2]. *Materialy kruglogo stola pamyati Kublanova* [*Materials of the round table in memory of Kublanov*]. Saint Petersburg, 114–121.
- Kashaev, S.V. 2014: Miski v pogrebalnom inventare nekropolya Artyushchenko-2 [Bowls in the burial inventory of the necropolis Artyushchenko-2]. *Tavricheskiye studii. Istoricheskiye nauki* [*Tauride studios. Historical sciences*] 6. Simferopol, 53–59.
- Kashaev, S. 2015: The Taman Detachment of the Bosporan Expedition of IIMK RAS in 2006–2013. In: N. Almazova, S. Egorova, D. Keyer, A. Verlinsky (eds.), *Hyperboreus*. Vol. 21. Fasc. 1. Saint Petersburg, 140–156.
- Mimokhod, R.A., Sudarev, N.I., Uspenskiy, P.S. 2017: «Volna-1» – novyy «gorodskoy» nekropol' arkhaiskogo i klassicheskogo vremeni na Tamanskom poluostrove (po materialam rabot IA RAN v 2016 i 2017 [New «urban» necropolis of archaic and classical times on the Taman Peninsula (preliminary information)] In: N.V. Volkodav (ed.), *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 21, Moscow 295–310.
- Mimokhod, R.A., Sudarev, N.I., Uspenskiy, P.S. 2017: «Volna-1» – novyy «gorodskoy» nekropol' arkhaiskogo i klassicheskogo vremeni na Tamanskom poluostrove (po materialam rabot IA RAN v 2016 i 2017 gg.) [«Volna-1» is a new «urban» necropolis of archaic and classical time on the Taman Peninsula (based on materials from the IA RAS in 2016 and 2017)]. In: N.V. Volkodav (ed.), *Arkheologicheskiye issledovaniya na territorii stroyashegosya terminala SUG i Tamanskogo terminala navalochnykh грузов*. [*Archaeological research on the territory of the newly built LPG terminal and Taman bulk cargo terminal*]. Krasnodar, 5–32.
- Mimokhod, R.A., Sudarev, N.I., Uspenskiy, P.S. 2018: Nekropol' Volna-1 (2017 g.) (Krasnodarskiy kray, Tamanskiy poluostrov) [Necropolis Volna-1 (2017) (Krasnodar Territory, Taman

- Peninsula)]. In: A.V. Engovatova (ed.), *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy* [Cities, settlements, burial grounds. Excavations 2017. Rescue archaeological research materials]. 25. Moscow, 220–231.
- Morris, I. 1996: *Death and social structure of classical antiquity*. Cambridge.
- Oikonomou, S. 2014: Special grave goods. In: S. Oikonomou, N. Stampolidis (eds.), *Beyond death and afterlife*. Athens, 93–105.
- Sudarev, N.I. 1999: Kult Apollona vracha na Bospore i nekotoryye voprosy grecheskoy kolonizatsii [The Apollo cult of the physician in the Bosphorus and some issues of Greek colonization]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 2. Moscow, 213–231.
- Sudarev, N.I. 1999: Detskiye pogrebeniya Bospora VI–III veka do nashei eri. [Children's burials of the Bosphorus of the 6th–3rd centuries. BC.] In: G.A. Koshelenko (ed.), *VI chteniya pamyati professora V.D. Blavatskogo. (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya): Materialy konferentsii* [VI Reading in memory of Professor V.D. Blavatsky (To the 100th anniversary of the birth). Abstracts and Papers]. Moscow, 30–31.
- Sudarev, N.I. 2003: Amfory v pogrebeniyakh gruntovogo nekropolya Kep i gruntovykh nekropoley bosporskikh gorodov VI–III vv. veka do nashei eri [Amphoras in the burials of the Kepi underground necropolis and the necropolises of the Bosporan cities of the 6th–3rd centuries BC]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovyya. Materialy konferentsii* [Cimmerian Bosphorus and the barbaric world in the period of antiquity and the Middle Ages. Abstracts and Papers]. Kerch, 246–248. (IV Bosporskiye chteniya [Bosphorus Readings]).
- Tsokur, I.V., Selivantiev, O.N., Sheremetyeva, N.A. 2016: Gruntovyy mogilnik «Volna 1» [The “Volna 1” Necropolis]. In: N.V. Volkodav (eds.), *Okhrana i sokhraneniye arkheologicheskogo naslediya Tamani pri realizatsii stroitel'stva tamanskogo terminala SUG i Nefteproduktov. Materialy konferentsii* [Protecting and preserving the archaeological heritage of Taman during the construction of the Taman LPG and Oil Products terminal. Conference proceedings]. Krasnodar, 118–130.

EVOLUTION OF FUNERAL TRADITIONS IN VOLNA 1 AND ARTYUSHCHENKO 2 NECROPOLISES DURING THE 6th to 4th CENTURIES BC

Alexander .N. Berlizov¹, Sergey V. Kashaev², Roman A. Mimokhod¹

¹*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

berlizov-aleksandr@mail.ru, mimokhod@gmail.com

²*Saint Petersburg Scientific Center RAS, Saint Petersburg, Russia*

kashaevs@mail.ru

Abstract. The article deals with the preliminary results of the study of chronological changes in the necropolises of Volna 1 and Artyushchenko 2 in the 6th to 4th centuries BC. A study of funerary monuments is carried out both by traditional archaeological and statistical-combinatorial data processing methods. As a result, it was possible to conduct a comparative analysis of the materials of 456 burials of Volna 1²⁹ and 130 burials of Artyushchenko 2³⁰.

To create a database the authors used an universal code, which includes several common information blocks: the burial construction; the information about the skeleton; the sacrificial food, the funeral equipment, i.e. vessels; weapons, harness and equestrian equipment; details of

²⁹ We express our deep appreciation for the material provided by I.V. Tsokur.

³⁰ The number of burials is given, taking into account those that did not contain accompanying inventory.

the burial costume; tools; attributes of the cult, allows us to fully provide the information about the graves redesigned and supplemented for the study of the necropolis of the Asian Bosphorus

In the work there was applied a new technique with using of out-of-order attributes and interpreters for the analysis of the materials of the burial monuments: the territorial and chronological localization of the object, as well as the age and sex characteristics. Attributes interpreters were introduced in order to avoid the intuitive interpretation of the results of multivariate analysis. Multivariate analysis allows to identify the relationship of certain details of the rite with a specific interpreter and determine the combination of signs associated with a narrow or broad dating of graves, with the sex or age of the deceased, with belonging to one or another family-clan group.

The study used the methods of factor -and cluster-analysis. The use of the new technique allowed us to clarify specific features of the rite, reflecting chronological changes in the funeral traditions. It was established, that the development of funeral traditions in these necropolises was not a linear process: at various stages of their operation, some funeral rites coexisted.

Keywords: burial rite, necropolis, chronology, statistical analysis, Asian Bosphorus, Archaic and Classical periods

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 246–266
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 246–266
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-246–266

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ГОРОДИЩЕ АК-БЕШИМ (ОБЪЕКТ IV): НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

А.А. Михеева

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
hmunter666@mail.ru

Аннотация. Статья является результатом научно-исследовательской работы с личным фондом Л.Р. Кызласова¹ по раскопкам в 1954 г. христианской церкви с кладбищем (объект IV) на городище Ак-Бешим и с полевым археологическим отчетом В.И. Козенковой², которая, будучи студенткой кафедры археологии МГУ, была начальником раскопа на объекте IV и проводила исследование памятника под руководством Л.Р. Кызласова³. В результате изучения полевых отчетов Л.Р. Кызласова и В.И. Козенковой было выявлено, что христианская церковь строилась в два этапа. Первоначально были построены центральное (далее алтарное – А.М.) помещение и двор⁴, во втором строительном периоде пристроена боковая комната. Около восточной стены алтарной комнаты, на уровне пола, располагалась алтарная вымостка, предназначенная для алтаря и места священника. Памятники с аналогичной планировкой известны в Узбекистане – Ургутский монастырь VIII – нач. XIII вв. и комплекс церквей X–XI вв. (объект VIII) на городище Ак-Бешим. Автором выяснено, что первые погребения христиан под стенами церкви были произведены во время ее

Данные об авторе: Михеева (Китаева) Анна Андреевна – соискатель Института истории материальной культуры РАН г. Санкт-Петербурга, при Отделе археологии Центральной Азии и Кавказа.

¹ Хочу выразить особую благодарность Игорю Леонидовичу Кызласову за разрешение и возможность работать и публиковать материалы из личного архива Л.Р. Кызласова. Также хочу поблагодарить зав. Архивом ИА РАН Кочкарова У.Ю. и Володина С.А. за содействие и помощь в научно-исследовательской работе с фондом Л.Р. Кызласова.

² Разрешение на публикацию материалов из археологического отчета было дано мне лично В.И. Козенковой.

³ Археологические отчеты авторов хранятся в Архиве Института археологии РАН г. Москвы.

⁴ В данной статье под словом двор, понимается большое прямоугольное помещение, связанное входным проемом с алтарным помещением. Ср.: «С западной стороны находился большой открытый прямоугольный двор размером 27х12 м, со стенами из пахсовых блоков...» Цит. по: Кызласов 1959, 231.

функционирования, остальные – в период запустения и заброшенности. Для территории Средней Азии это уникальный и пока единственный случай захоронения умерших под стенами церковного здания.

Ключевые слова: археология, Северная Киргизия, Ак-Бешим, христианство, церковь, несториане, алтарная вымостка, погребения христиан

Город Суяб (Ак-Бешим)⁵, основанный согдийцами в VI в., в период активного распространения согдийской культуры в Семиречье, был одним из важнейших центров взаимодействия тюркской и китайской культур, своеобразным мостом между Средней Азией и Восточным Туркестаном. Судя по остаткам сооружений на городище, погребальным памятникам, находкам монет и керамическому материалу, в средневековье в городе проживало поликонфессиональное население: христиане, буддисты, зороастрийцы, тюрки-шаманисты и, возможно, даже манихеи⁶. В настоящее время, благодаря трудам советских, затем российских и киргизских ученых, городище изучено практически полностью и по сей день остается одним из самых интересных памятников не только Кыргызстана (Киргизии), но и всей Центральной Азии⁷.

Городище расположено в 60 км к востоку от города Бишкека, в долине р. Чу. Научное исследование памятника началось еще в 1894 г.⁸, когда его впервые посетил В.В. Бартольд⁹. В 1927 г., проводя обследование башни Бурана, М.Е. Массон, попутно осмотрев Ак-Бешим, сделал первый общий схематический план памятника¹⁰. Двумя годами позже, при археологических разведках р. Чу, А.И. Тереножкин опубликовал план цитадели городища¹¹. Первые разведочные раскопки на памятнике начались с 1938 г. силами Семиреченской археологической экспедиции ИИМК АН СССР под руководством А.Н. Бернштама¹².

В 1953 г. была создана Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР и АН Киргизской ССР, в состав которой входил Чуйский отряд под руководством Л.Р. Кызласова. В результате работ данного отряда памятник был изучен довольно подробно. Был открыт и изучен буддийский храм нач. VIII–XI вв. (объект I), центр шахристана (объект II), погребальный комплекс VII–VIII вв. (объект III), христианская церковь с кладбищем VIII в. (объект IV) и

⁵ Название городища Ак-Бешим дано по одноименному населенному пункту, расположенному рядом с памятником. Подробнее см.: Кызласов 1959, 155; 2008, 47.

⁶ Кызласов 1955. Л. 56; 2008, 40–48.

⁷ Семенов 2002, 4.

⁸ История изучения памятника впервые была опубликована Л.Р. Кызласовым в 1959 г. См.: Кызласов 1959, 156–157. Затем, в 2002 г. дополнена Г.Л. Семеновым. См.: Семенов 2002, 4–10.

⁹ Бартольд 1966, 54–57. В данной статье впервые В.В. Бартольдом было высказано предположении об отождествлении этого городища со средневековым городом Баласагуном – столицей караханидов XI–XII вв. Кызласов Л.Р. первоначально принял эту идею, но позже, после тщательного изучения всех материалов, полученных в результате раскопок городища, пришел к выводу, что город прекратил свое существование в X в., и никак не мог быть Баласагуном. Подробнее об этом см.: Кызласов 2006, 219–225.

¹⁰ Умняков 1928, 271.

¹¹ Тереножкин 1935, 148–149, рис. 20.

¹² Бернштам 1950, 7–11, табл. XVIII. Интересно, что на плане, опубликованном Бернштамом в этом издании, холм церкви (объект IV) не отмечен.

замок VI–VII вв. (объект V)¹³. В 1955–1958 гг. Ак-Бешимский отряд под руководством Л.П. Зяблина раскопал второй буддийский храм, расположенный восточнее первого¹⁴.

В конце 1990-х гг. ученые продолжили обследование памятника. Силами Гос. Эрмитажа и ИИ НАН Кыргызстана были изучены основные части городища: цитадель, центр шахристана и комплекс церквей, расположенный в юго-восточном углу шахристана¹⁵. В 2000-х гг. небольшой отряд под руководством В.А. Кольченко продолжил работы на памятнике, правда, масштаб раскопок был незначителен¹⁶. В 2004–2006 гг. комплекс церквей был частично законсервирован обратной засыпкой с указанием раскопанных конструкций. В настоящее время часть объектов на городище уже утрачена. В частности, на месте христианской церкви (об. IV) уже ничего не сохранилось.

Бесспорно, открытие и изучение (как буддийского монастыря (об. I)¹⁷, так и христианской церкви (об. IV)) культовых сооружений вызвали большой интерес среди ученых. После публикации «предварительных данных об исследованных памятниках»¹⁸ количество научных статей по христианской церкви (об. IV) значительно увеличилось.¹⁹ В этих статьях проводился поиск архитектурных параллелей и сравнительный анализ аналогичных памятников на территории Средней Азии и за ее пределами.²⁰ В 1980-х гг. ученые вернулись к вопросу о передатировке памятника.²¹ Правда, к окончательному мнению специалисты до сих пор не пришли²², и в целом можно сказать, что дата постройки церкви VIII в., предложенная Л.Р. Кызласовым, остается актуальной по сей день.

Практически все публикации относительно христианской церкви (об. IV) на Ак-Бешиме были основаны на статье Л.Р. Кызласова, опубликованной им в 1959 г.²³ В 2018 г. В.А. Кольченко вновь вернулся к изучению этого памятника, взяв за основу публикацию и письменный отчет Л.Р. Кызласова, хранившийся в Архиве Института истории и культурного наследия Кыргызстана.²⁴ В 2010 г. в Архиве ИА РАН поступил личный архив Леонида Романовича, содержащий дневники, рабочие материалы и фотопленки раскопок 1953–1954 гг. При изучении данного архива выяснилось, что в нем сохранился рукописный отчет по раскопкам христианской церкви с кладбищем, написанный в то время студенткой кафедры

¹³ Кызласов 1959, 160–241; Кызласов 1955. Л. 4–57. Альбом иллюстраций к отчету. Л. 30, ил. 159.

¹⁴ Зяблин 1961, 3–72.

¹⁵ Семенов 1999, 51–53; 2002, 4–114.

¹⁶ Кольченко 2018, <http://mck.el.kg>

¹⁷ Forte 1994, 41–57; Горячева, Перегудова 1996, 169–170, 184–187; Ставиский 1996, 193–195; 1998, 111–122; Литвинский 1996, 190–193; и проч.

¹⁸ Семенов 2002, 8. Со ссылкой на: Кызласов 1959.

¹⁹ Основные работы: Высоцкий 1983, 25–26; Хмельницкий 2000, 243–245; Klein 2000; Кызласов 2006, 219–354; Гаиров, Кошелев 2006, 164–165; Kyzlasov 2010, 247–383; Кольченко 2018, 48–103.

²⁰ Naumark 2001, 300–303; Klein 2000, 113–118.

²¹ Высоцкий 1983, 26; Горячева, Перегудова 1994, 86.

²² Ответ Л.Р. Кызласова на предложенную Высоцким А.М. дату см.: Кызласов 2006, 322; также см.: Кольченко 2018, 64.

²³ Кызласов 1959, 231–233.

²⁴ Кольченко 2018, 57–64. Экземпляр второго тома отчета по раскопкам Ак-Бешима в 1953–1954 гг. с фотографиями, хранившийся в Архиве Института истории и культурного наследия Кыргызстана, был утерян.

археологии МГУ В.И. Козенковой. Первоначально в отчете описаны раскопки всего сооружения, затем погребений, обнаруженных в ходе изучения памятника, и в конце даны предварительные краткие выводы. Выяснилось, что некоторые сведения, которые есть в этом отчете, не были отражены в основной публикации за 1959 г. Л.Р. Кызласова. Подробное изучение отчета В.И. Козенковой и сопоставление его с отчетом и статьями Л.Р. Кызласова позволили уточнить сделанные ранее заключения и в некоторой степени дополнить новыми данными исследование этого уникального памятника.

Согласно архивным данным, памятник представлял собою холм, расположенный в северо-западной части рабада, в 165 м к востоку от стен шахристана²⁵. Длина холма до раскопок – 46 м, ширина – 22 м²⁶. При изучении памятника была применена определенная методика раскопок сырцово-глинобитных сооружений.²⁷ Церковь относилась к последнему периоду обживания этого участка городища, так как само здание строилось не на материковом слое, а на остатках хозяйственных построек²⁸.

В результате проведенных работ было выяснено, что это монументальное сооружение в плане почти прямоугольное, если не учитывать северо-восточный угол памятника (рис. 1, I). Все здание построено из сырцовых блоков и кирпичей. Общая длина его – 36 м, ширина – до 15 м. Сооружение состояло из двух неравнозначных по площади помещений: большого двора (28 x 15 м) в западной части, обнесенного пахсовыми стенами, и двух помещений в восточной части – центральное²⁹ или алтарное и боковое. При раскопках здания были обнаружены погребения, о которых будет упомянуто позже.³⁰

ПЛАНИРОВКА СООРУЖЕНИЯ

В 1959 г. Л.Р. Кызласов опубликовал план памятника, у которого северо-восточный угол не был обозначен. При этом автор не акцентировал на этом особого внимания. Специалисты, изучавшие церковь по публикациям, опираясь на аналогичные памятники Малой Азии, Сирии и Северной Месопотамии, предложили

²⁵ Описание памятника дается по материалам археологического отчета Л.Р. Кызласова, хранившегося в Архиве ИА РАН г. Москвы, и по публикации 1959 г. в ТКАЭЭ. См.: Кызласов 1955; 1959, 231–233. Также по полевому отчету В.И. Козенковой. См.: Козенкова 1954. Личный архив Л.Р. Кызласова. Ф.37, папка № 38.

²⁶ До раскопок это был удлинённый холм с возвышенной восточной частью и впадиной в центре. Западная часть холма была несколько ниже. Холм был вытянут с запада на восток, с небольшим отклонением к югу. Внешне холм был слегка распылчатым, тем не менее контуры стен читались отчетливо. Подробнее см.: Козенкова 1954. Л. 92.

²⁷ С запада на восток, вдоль всего холма, через каждые два метра была пробита кольями центральная ось. По сторонам разбиты несколько раскопов, с юга на север, площадью 6x12 м. Для выявления стен заложены 8 шурфов (2x2 м) вдоль северной и южной стен. Поперек центральной части раскопа, от стены до стены, была прорыта траншея (2 м). Не две траншеи, как считалось всегда, а одна траншея и шурфы вдоль стен как внутри памятника, так и с его внешней стороны. Затем была раскопана западная часть холма, вскрывшая внешнюю западную стену. Ни траншея, ни шурфы не были докопаны до материка.

²⁸ Козенкова 1954. Л. 92–93.

²⁹ Л.Р. Кызласов назвал это помещение центральным. В связи с тем, что в данном помещении располагался алтарь, как мне кажется, его также можно назвать алтарным.

³⁰ Козенкова 1954. Л. 93.

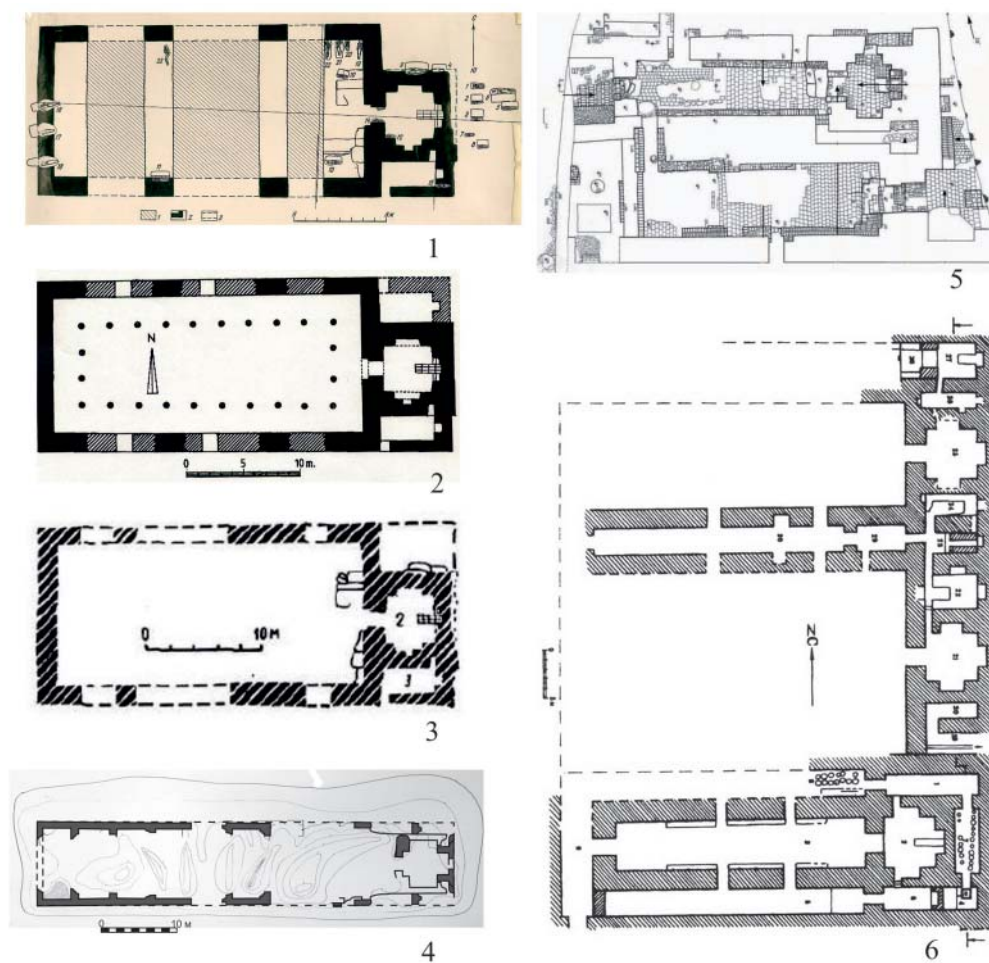

Рисунок 1.

1 – Ак-Бешим (Кыргызстан). План церкви с погребениями (об. IV). Фото из личного архива Л.Р. Кызласова (Архив ИА РАН. Ф. 37, папка № 38); 2 – Ак-Бешим (Кыргызстан). План церкви (об. IV) с реконструкцией С. Хмельницкого (Хмельницкий 2000, 246); 3 – Ак-Бешим (Кыргызстан). План церкви (об. IV) с реконструкцией В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой (Горячева, Перегудова 1994, 86); 4 – Хароба-Кошук (Туркмения). План церкви по Кошеленко с частичной реконструкцией стен (Кошеленко 1982; Михеева (Китаева) 2019, в печати); 5 – Ургутский монастырь (Узбекистан). План комплекса церквей по Савченко (Savchenko 2010, 78); 6 – Ак-Бешим (Кыргызстан). Комплекс церквей (об. VIII) по Семенову (Семенов 2002, 100)

свой вариант планировки сооружения, вероятно, считая, что в какой-то исторический период времени северо-восточная часть памятника была полностью разрушена, поэтому проследить остатки строительных конструкций невозможно (рис. 1, 2, 3)³¹. Правда, в отчете по раскопкам Козенковой указано, что за месяц работы была полностью изучена и раскопана вся восточная часть памятника³². Следовательно, никаких следов конструкций в данной части здания не было обнаружено. Предполагаю, что их там и не было, а само сооружение изначально состояло из алтарного помещения и двора. Впоследствии к алтарному помещению с юга было пристроено боковое помещение.

Самой близкой аналогией и по времени функционирования, и по планировке здания можно считать монастырь в Ургуте (Узбекистан), раскопанный А.В. Савченко в 2000-х гг.³³ Это архитектурный комплекс VIII – нач. XIII вв., включающий две церкви (монашескую и приходскую) и трапезную (рис. 1, 5). Все три помещения составляли единый ансамбль в пределах одного большого сооружения³⁴.

В данном контексте нам интересны два здания: монашеская церковь и приходская, точнее планировка этих сооружений. В плане памятник состоял из двух вытянутых в длину помещений, изолированных друг от друга и ориентированных с востока на запад. Вход в центральное помещение (северный неф) начинался с притвора, затем шла длинная прямоугольная комната, которая вела в алтарное помещение. У входа в алтарное помещение располагались две каменные плиты в виде ступеней, за которыми следовал узкий проход, называемый в восточной традиции *šqaqona*³⁵ – место, куда мог попасть только человек рангом не ниже диакона³⁶. Затем следовало крестообразное помещение и место алтаря (рис. 2, 1, 2). В центре восточной стены помещения располагался кубический алтарь, сделанный из обожженного кирпича. Перед кубическим алтарем отмечено место священника керамическими плитками³⁷.

Южный неф длиннее и шире и, по мнению Савченко, был рассчитан на большее количество людей. Перед проходом (*šqaqona*) в алтарное помещение также выложены ступени, только из обожженного кирпича. Судя по плану, данное помещение почти квадратное, у восточной стены располагался алтарь в виде куба. С северной стороны оно соединялось с проложенной галереей, которая обходила церковь с востока. Стены алтарных помещений, как считает автор, раскрашивались красками³⁸.

³¹ Горячева, Перегудова 1994, 86; Хмельницкий 2000, 246; Klein 2000, 378–381.

³² Козенкова 1954, Л. 92–93. Кольченко считает, что погребение № 4, обнаруженное в северной внешней стене алтарного помещения опровергает саму возможность существования стены с северной стороны, точнее, наличие северо-восточной части сооружения. Подробнее см.: Кольченко 2018, 78.

³³ Savchenko 1996, 333–354; Savchenko, Dickens 2009, 121–135; Грицина 2018, 123–127.

³⁴ Savchenko 2010, 74–82.

³⁵ *Šqaqona* – путь или проход, как правило, чем-то обозначенный, соединяющий алтарное помещение и основной неф. Традиция восточно-сирийских церквей. Подробнее: Bradshaw P. The new SCM dictionary of liturgy and worship. SCM press. 2013. P. 160. В православной традиции это называется Царскими вратами.

³⁶ Savchenko, Dickens 2009, 129.

³⁷ Savchenko, Dickens 2009, 129.

³⁸ Savchenko, Dickens 2009, 121–135.

Рисунок 2.

1 – Ургутский монастырь (Узбекистан). Вид на алтарь (Грицина 2018, 126); 2 – Ургутский монастырь (Узбекистан). Вид с запада на проход к алтарю и на алтарь (Грицина 2018, 125); 3 – Ак-Бешим (Кыргызстан). Комплекс церквей (об. VIII). Вид на алтарную вымостку около восточной стены помещения № 27 (Семенов 2002, 91. Рис. 52)

Литургические требования архитектуры церковного здания – прямоугольный неф и крестообразное помещение с алтарем – были соблюдены как в церквях Ургута, так и в церкви Ак-Бешима (об. IV) (рис. 1, 4–6). Причем данная традиция на городище Ак-Бешим прослеживается вплоть до X–XI вв. Именно этим временем датируется комплекс церквей (об. VIII), раскопанный в юго-восточном углу шахристана³⁹. Получается, что для территории Средней Азии планировка сооружений христианских церквей имела общие архитектурные принципы и стандарты, корни которых надо искать в ранних церквях Северной Месопотамии⁴⁰. Это видно на примере церкви Ак-Бешима (об. IV), в которой изначально было построено алтарное помещение и двор, а уже позже пристроено боковое помещение⁴¹. Процесс очередности строительства помещений церкви удалось проследить при тщательном изучении отчета В.И. Козенковой. Как было упомянуто выше, все сооружение состояло из алтарного помещения, двора и бокового помещения. Остановимся подробно на каждом из них.

³⁹ Семенов 1999, 51–53; 2002, 44–115.

⁴⁰ Михеева (Китаева) 2019, (в печати).

⁴¹ Впервые это предположил В.А. Кольченко. Подробнее см.: Кольченко 2017, 62–63.

АЛТАРНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ (рис. 3, 1, 2)⁴²

Алтарное помещение располагалось в восточной части памятника и имело следующие размеры – 5,3 х 4,8 м⁴³. Крестообразная планировка за счет глубоких ниш по осям в северной, южной и восточной стенах позволили предположить, что в данной комнате находился алтарь. Кроме этого, у восточной стены, на уровне пола, была прослежена прямоугольная вымостка из сырцового кирпича, уложенного в один ряд⁴⁴, покрытая сверху обмазкой из глины. Размеры вымостки – 2 х 0,80 м. Аналогичные конструкции в церквях Ургутского монастыря и в церквях Ак-Бешима (об. VIII, пом. № 2, 27) показывают, что это место для священнослужителя и алтаря (рис. 2, 3)⁴⁵. Следует отметить, что именно в церквях несторианского толка алтарь находился не в центре, вокруг которого обходил священник, а около восточной стены, при котором священнослужитель стоял спиной к пастве, совершая литургию⁴⁶.

Стены алтарного помещения были построены из сырцовых кирпичей⁴⁷ и глинобитных блоков⁴⁸. Сохранившиеся стены (от 1,8 до 3 м) сверху были покрыты двумя слоями грубой обмазки с примесью соломы. На поверхности обмазки были видны следы орнамента в виде арок и пальмовых фигур, выполненных ладонью с расставленными пальцами. Пол помещения представлен хорошо утрамбованной поверхностью, обмазанной слоем глины⁴⁹. Предполагается, что помещение имело купол из сырцового кирпича, так как при расчистке было обнаружено большое количество обломков блоков от верхней части стен и крыши⁵⁰. Вход в помещение, сделанный в виде узкого прохода с алтарного помещения во двор, находился в западной части.

Интересно, что основная масса находок располагалась в верхних частях помещения, в завале, на полу – находок почти не было⁵¹. В процессе работы были найдены монеты и остатки керамической посуды самых разнообразных вариантов. Довольно часто встречались керамические миниатюрные чашечки. В нише

⁴² Описание алтарного помещения дается по материалам архивного отчета В.И. Козенковой. Подробнее см.: Козенкова 1954. Л. 93–97.

⁴³ Интересно, что размеры алтарных комнат комплекса церквей на Ак-Бешиме почти такие же, как в церкви, раскопанной Л.Р. Кызласовым (объект IV). Сравните: комплекс церквей, пом. № 2. В плане 5х5 м, с нишами по осям. Алтарное возвышение (вымостка) у восточной стены размером ок. 1,5х0,80 м; пом. № 27, в плане ок. 3,6х3,8. Алтарная вымостка размером 1,8х0,85 м, высота 12 см. Христианская церковь (об. IV) – алтарная вымостка – 2х0,80 м, помещение в плане – 5,3х4,8 см. Подробнее см: Козенкова 1954. Л. 93–97; Семенов 2002, 44–47, 88–91. Размеры алтарного помещения церкви Хароба-Кошук (Туркмения) – 6,7х5,7 м. Правда, в связи отсутствием планомерных раскопок на памятнике наличие алтарной вымостки определить невозможно (по: Кошеленко 1982. Л. 6).

⁴⁴ Размер кирпичей – 50–51х23х10 см.

⁴⁵ Семенов 2002, 90–91.

⁴⁶ Семенов 2002, 114 (ссылка 12).

⁴⁷ Размер кирпича – 40х22х8 см.

⁴⁸ Ширина блоков – 90–100 см, высота в отчете не указана.

⁴⁹ В северо-западном углу на глубине 1 м были зафиксированы следы алебаstra, а также красной и синей краски. Вероятно, стены покрывались краской. Для выявления материка в северной части помещения был заложен шурф (1,8 х 3 м), в котором были обнаружены две ямы, по мнению авторов раскопок, это ямы хозяйственного назначения. Подробнее см.: Козенкова 1954. Л. 96–97.

⁵⁰ Козенкова 1954. Л. 94.

⁵¹ Козенкова 1954. Л. 94.

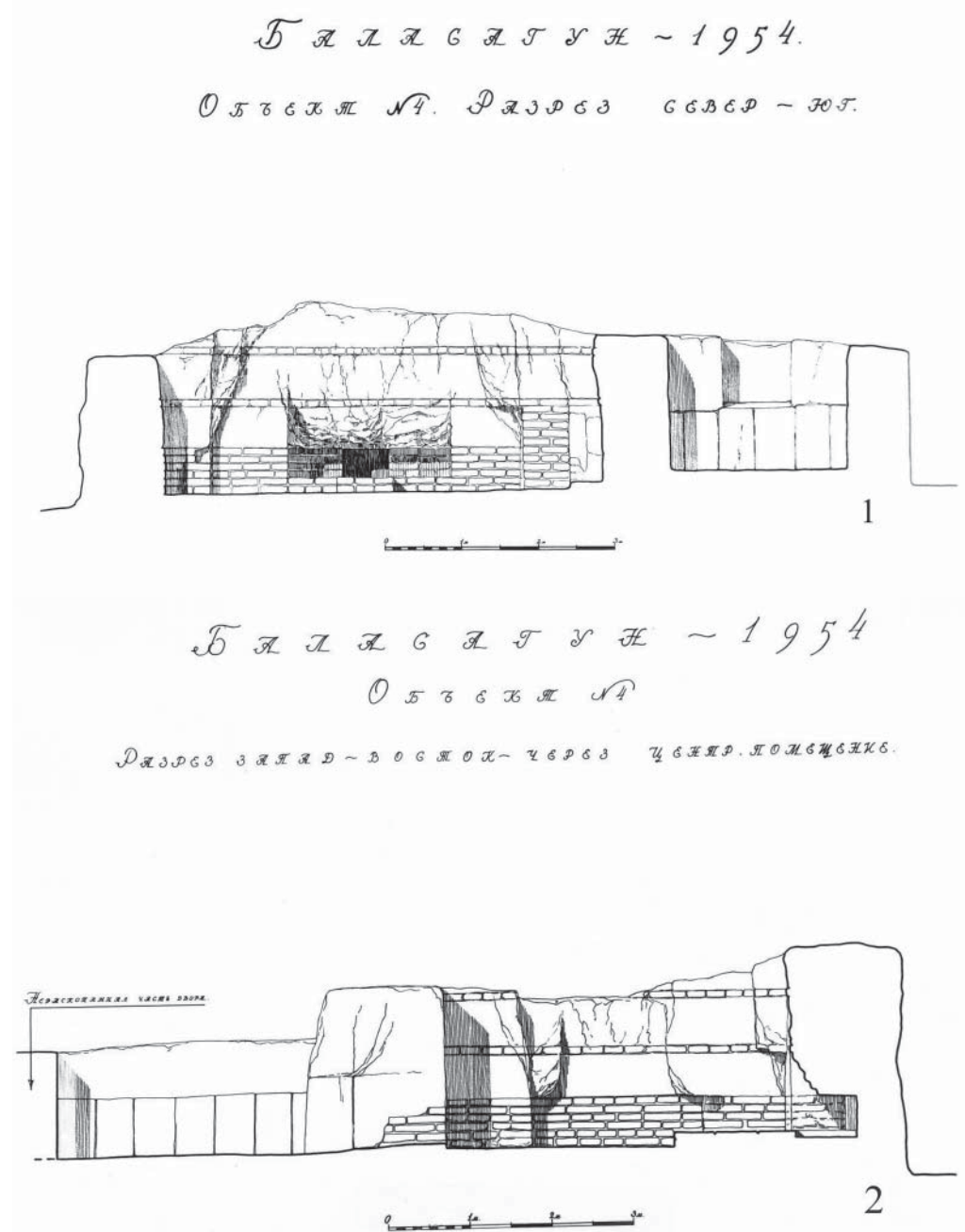

Рисунок 3.

1, 2 – Ак-Бешим. Христианская церковь (об. IV). Профили разрезов. (Из личного архива Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф. 37, папка № 38)

южной стены, в юго-западном углу, было найдено 19 миниатюрных лепных чашечек, вложенных одна в другую⁵².

БОКОВОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

С южной стороны центрального помещения была зафиксирована обособленная прямоугольная комната размером 4,5 x 2,25 м, с отдельным входным проемом (1–1,1 м) в юго-западном углу помещения. В центре восточной стены комнаты находилась глубокая квадратная в плане ниша шириною в 1 м, другая ниша, но прямоугольная в плане, находилась в северо-восточном углу. Сохранность стен в данном помещении хуже, чем в алтарном. Стены помещения были сложены из глинобитных блоков⁵³. Обмазки на южной и восточной стене не зафиксировано.

Северная стена бокового помещения имела такую же конструкцию, как и стены алтарного помещения. Она была сложена из кирпичей⁵⁴ и блоков. Кладка идентична алтарному помещению. Согласно отчету В.И. Козенковой, данная стена в какой-то период времени имела сквозное отверстие, соединяющее центральное и боковое помещения. Отверстие было заложено обгоревшими и оплавившимися кирпичами, сложенными в 4 ряда на торец⁵⁵. Сверху стена была покрыта в два слоя такой же обмазкой, как и в алтарном помещении. Западная стена данного помещения сохранилась хуже всего. Пол помещения представлял собой плотную утрамбованную поверхность, обмазанную глиной⁵⁶.

Стоит обратить внимание, что северная стена бокового помещения была сложена из аналогичных блоков и кирпичей, что и само алтарное помещение, с обмазкой на поверхности стены. Восточная и южная стены строились только из глинобитных блоков, без обмазки стен. Ранее, подробно разобрав и проанализировав архитектурные разрезы восточной части раскопа, опубликованные Л.Р. Кызласовым в 2006 г., В.А. Кольченко пришел к выводу, что разная техника конструкции стен и их толщина могут свидетельствовать о том, что строительство церкви проходило не однократно⁵⁷. Как он считает, первоначально строилось алтарное (центральное) помещение, которое какое-то время стояло заброшенным, затем – двор, и последним – боковое помещение⁵⁸. С этим сложно согласиться. Примеры аналогичных памятников, изученных на территории Средней Азии, показывают, что церковь строилась по определенному плану, с учетом литургических требований церковного здания. По какой причине сначала было построено отдельное алтарное помещение, как считает В.А. Кольченко, и каково было его назначение как отдельного здания – не совсем ясно⁵⁹.

⁵² Из индивидуальных находок алтарного помещения следует выделить бронзовые бубенцы, фрагмент железного браслета и две бронзовые китайские монеты с квадратным отверстием в центре. Из характерных керамических фрагментов следует отметить горловые кувшины, кружки, крышки сосудов, штыри для обжига сосудов и фрагменты хумов с сильно отогнутым венчиком наружу. Керамика встречалась серо- и красноглиняная. Подробнее см.: Козенкова 1954. Л. 94–95.

⁵³ Ширина блока 45 см, высота 0,9–1 м.

⁵⁴ Размер кирпичей – 49x22x8 см.

⁵⁵ Ширина кирпичей от 15 до 18 см, толщина 5–6 см.

⁵⁶ Козенкова 1954. Л. 98.

⁵⁷ Кольченко 2018, 62.

⁵⁸ Кольченко 2018, 62–63.

⁵⁹ Стоит отметить, что Хмельницким была предложена мысль, что церковью или часовней в структуре здания церкви было алтарное и боковое помещения, а двор – своего рода нартексом. Прав-

В связи с этим я предполагаю, что первоначально как единовременный комплекс было выстроено алтарное помещение и двор (и это было основной планировкой данного сооружения), но впоследствии, видимо, для нужд церкви в алтарной комнате замуровывается окно в южной стене и пристраивается боковая комната. Возможен и вариант, что боковое помещение использовалось для приготовления каких-то обрядов, пока между комнатами было окно. Затем окно убрали, а помещение стало самостоятельным и могло использоваться в самых разнообразных вариантах. Л.Р. Кызласов видел в этой комнате баптистерий⁶⁰, В.А. Кольченко считает, что, скорее всего, это жилое помещение для служителя церкви⁶¹. Сказать что-то определенное довольно сложно⁶².

Что касается находок, то в боковом помещении фрагментов керамики было встречено гораздо больше, чем в алтарном, причем на полу ее практически не было. Было встречено много фрагментов вышеупомянутых миниатюрных чашечек, венчиков от котлов и кувшинов. В юго-восточном углу бокового помещения был обнаружен почти целый кубкообразный сосуд с ручкой, на которой штампом было оттиснуто изображение мужчины тюркского облика с усами и бородой в фас⁶³. Большое количество миниатюрных керамических чашечек (как лепных, так и гончарных), обнаруженных в алтарном и боковом помещениях, наводит на мысль об их использовании в богослужебных и ритуальных целях.

ДВОР

Узкий проход⁶⁴ в западной стороне алтарного помещения вел в большой прямоугольный двор размером 28 x 15 м. Стены его были построены из пахсовых блоков, аналогичных тем, которые были зафиксированы при строительстве алтарной комнаты.

Исследование двора проходило следующим образом. Тщательно раскапывалась территория двора, примыкающая к алтарному и боковому помещениям⁶⁵. Для выявления границ внутренних стен двора закладывались шурфы (№ 7, 8). В середине двора раскапывалась траншея в направлении с севера на юг⁶⁶. Для

да, на тот момент, Хмельницкий еще не знал о раскопках монастыря в Ургуте и комплексе церквей (об. VIII) на Ак-бешиме и не мог проследить аналогичные памятники, открытые в Средней Азии. Подробнее см.: Хмельницкий 2000, 245.

⁶⁰ Кызласов 1955. Л. 49.

⁶¹ Кольченко 2018, 62.

⁶² В процессе работ в восточной части бокового помещения, у самой стены, была обнаружена надгробная выкладка из кирпичей с подбоем, уходящим в юго-восточный угол помещения (погребение № 15). После зачистки бокового помещения в юго-восточном углу был заложен шурф 1x1 м, который выявил вход в катакомбу захоронения № 15. Подробнее см.: Козенкова 1954. Л. 100.

⁶³ Козенкова 1954. Л. 100.

⁶⁴ На плане Л.Р. Кызласова по обеим сторонам от входа во двор со стороны алтарной комнаты были прорисованы непонятные остатки стен. Выяснилось, что это были ряды блоков, расположенные с запада на восток, которые, возможно, являлись пилонами входа алтарного помещения. Вдоль западной стены алтарного помещения также была прослежена кирпичная кладка неясного назначения. Подробнее см.: Козенкова 1954. Л. 101–102.

⁶⁵ Площадь раскопа – 15x3–3,5 м.

⁶⁶ Ширина траншеи 2–2,5 м, она располагалась от северной стены до южной. Глубина 1,8–1,9 м, до материка не докопана. В северной и южной частях траншеи были обнаружены погребения. К созданию, информации о стратиграфическом слое шурфа в отчете не отражена. Подробнее см.: Козенкова 1954. Л. 107–108.

выявления границ внешних стен на южной и северной стороне также закладывались шурфы (3 шурфа). В западной и южной части памятника, с внешних сторон, бульдозером были прорыты траншеи и вскрыты внешние части стен. Толщина стен двора равна 1,5–1,6 м. Восточная и северная стены были сильно повреждены погребениями. Сохранность западной стены оказалось совсем плохой, с трудно читаемым контуром⁶⁷.

Могла ли плохая сохранность западной стены стать причиной того, что входная дверь во двор не была обнаружена? Или все же она скрыта в нераскопанных участках северной и южной стен? Вероятно, вход располагался в нераскопанных частях северной или южной стены. На уровне пола западной стены были обнаружены три погребения с подбоем, сделанные под стену сооружения. Это погребения № 16–18. В.И. Козенковой уточнено, что это ранние захоронения и они были сделаны тогда, когда церковь еще функционировала, не нарушая конструкцию и структуру стены⁶⁸. При наличии входной двери в западной стене едва ли было возможно устроить в этой части кладбище.

Остается открытым вопрос с перекрытием двора. Л.Р. Кызласов предположил, что вдоль стен находились айваны-навесы для создания тени от солнца на открытом пространстве⁶⁹. Неясно, были ли серьезные археологические предпосылки для такого заключения, или это только предположение автора, но надо учитывать, что большая часть двора осталась нераскопанной, соответственно, и предполагать можно разные варианты. В.А. Кольченко считает, что идея Л.Р. Кызласова о навесах вдоль стен во дворе не имеет под собой какой-либо аргументации и носит исключительно умозрительный характер⁷⁰, хотя каких-то весомых доводов в пользу своего мнения тоже не приводит. Из отчета В.И. Козенковой известно, что в южной части двора была обнаружена обгоревшая балка, прямоугольная в сечении (22 x 15 см)⁷¹. Как гипотеза: можно предположить, что данная балка была частью перекрытия двора. Возможно, по аналогии с Ургутским монастырем⁷², крыша которого перекрывалась деревянными балками, двор Ак-Бешимской церкви был перекрыт точно так же. Как мне кажется, предположение же Л.Р. Кызласова об айванах-навесах в данном случае также равноправно.

Что касается находок, то завал во дворе состоял из крупных обломков блоков, многочисленных разбитых сырцовых кирпичей, земли, следов углей, золы и обгоревшего дерева. Интересно, что только во дворе, в слое от 60 до 150 см, были найдены фрагменты грубых котлов, фрагменты от достарханов, обломки кувшинов и горшкообразных сосудов⁷³. В алтарном и боковом помещениях подобные находки не фиксировались.

Отдельно стоит сказать о находках монет на памятнике. Согласно таблице Л.Р. Кыласова⁷⁴ при раскопках церкви было встречено 8 экз. монет. В отделе ну-

⁶⁷ Козенкова 1954. Л. 107–108.

⁶⁸ Козенкова 1954. Л. 101–109.

⁶⁹ Кызласов 1959, 231–233.

⁷⁰ Кольченко 2018, 59.

⁷¹ Козенкова 1954. Л. 101–102.

⁷² Savchenko 2004–2008, <http://www.exploration-eurasia.com>

⁷³ Козенкова 1954. Л. 101–109.

⁷⁴ Кызласов 2006, 350. Первичное изучение и анализ монет был сделан в 1958 г. О.И. Смирновой, Б.И. Панкратовым и Е.А. Давидович. Все монеты хранятся в Отделе нумизматики Государ-

мизматики ГЭ хранится 7 экз. монет с раскопок об. IV. Монеты очень плохой сохранности. Выпускались в период Тюргешского каганата и до X в. Одна монета определена, как правителя Ванандмаха (VIII–X вв.), на другой дополнительная руническая тамга «äg» (втор. пол. VIII в.). Остальные монеты анонимные.⁷⁵

КЛАДБИЩЕ ПРИ ЦЕРКВИ

При раскопках памятника выяснилось, что вокруг здания, под стенами и внутри двора, были погребения (рис. 4, 1). Всего было зафиксировано 24 погребения. Захоронение умерших внутри церкви и рядом с ней проходило в период ее функционирования, во время ее запустения и даже тогда, когда сооружение представляло собой оплывший холм. Последние захоронения приходятся на XX в.⁷⁶ Погребения ориентировались либо на запад, в большинстве, либо на север. Все захоронения Л.Р. Кызласов датировал VIII – началом XI в.⁷⁷

Погребения, ориентированные на север, довольно компактно располагались в северо-восточном углу двора, рядом с северной стеной (№ 19–23). Видно, что захоронения в данном месте совершались целенаправленно. Несколько обособленным выглядит погребение № 23, но причина в том, что двор раскапывался не полностью и именно данное погребение попало в зону раскопок (траншея). В целом данные захоронения можно охарактеризовать так: «северные» погребения залегали неглубоко и выкапывались в завале стен на уровне 140–145 см от поверхности⁷⁸. По конструкции – это могильные ямы, сверху заложенные сырцовым кирпичом. В могиле располагался костяк взрослого или ребенка (прослежен только в погребении № 20), лежавший на спине в вытянутом положении, с руками вдоль туловища, головой ориентированный на север. В погребении № 23, в отличие от остальных, умерший лежал на правом боку, ноги скрещены в коленях и немного согнуты. Данные захоронения все были без инвентаря.

Л.Р. Кызласов предположил, что ориентация данных захоронений и то, что эти погребения впускные, может свидетельствовать о их принадлежности мусульманам⁷⁹. Это вполне вероятно, учитывая, что захоронения были сделаны уже на разрушенном памятнике, соответственно в то время, когда как таковой церкви уже не существовало.

Погребения, ориентированные на запад, по устройству могил Л.Р. Кызласовым были разделены на три типа:

1 тип – яма, стены которой обкладывались сырцовым кирпичом. Сверху могила покрывалась двускатной крышей из сырцового кирпича.

2 тип – яма с подбоем с южной стороны.

3 тип – небольшая яма с подбоем под стену сооружения. Подбой находился к востоку от входной ямы, при этом покойника в могилу укладывали ногами вперед⁸⁰.

ственного Эрмитажа. Подробнее см.: Кызласов 2006, 222–223, 347.

⁷⁵ Выражаю огромную благодарность зав. Отделом нумизматики Государственного Эрмитажа Кравцову Константину Валерьевичу, за проделанную работу по определению и датированию монет с объекта IV.

⁷⁶ Козенкова 1954. Л. 110–111.

⁷⁷ Кызласов 1959, 231–233.

⁷⁸ Это погребения № 19, 20, 21, 22, 23.

⁷⁹ Кызласов 1959, 233.

⁸⁰ Кызласов 1959, 231–233.

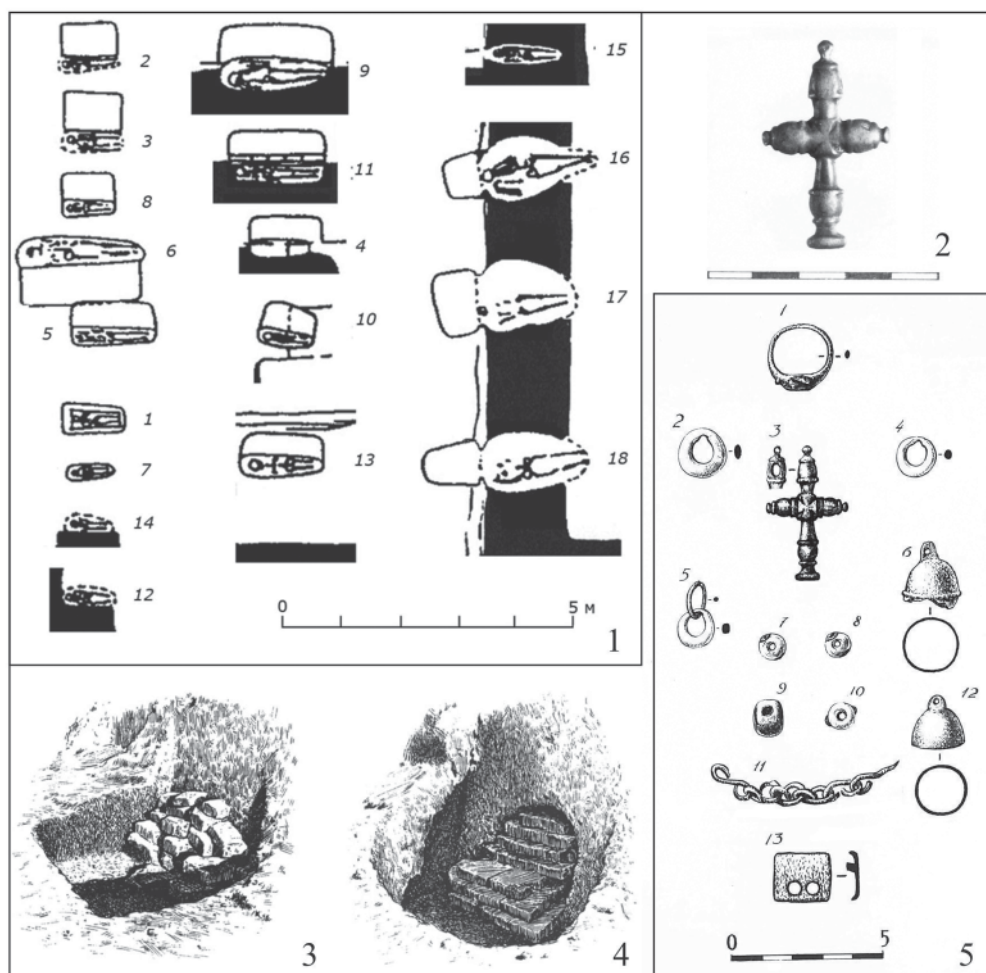

Рисунок 4.

1 – Ак-Бешим. Христианская церковь (об. IV). Погребения, обнаруженные при раскопках памятника. Ориентация погребений запад-восток. Интерпретируются Л.Р. Кызласовым как христианские (Составлены по плану памятника. Номера погребений соответствуют номеру погребения на плане. Кызласов 1959; Кольченко 2018, 78); 2 – Ак-Бешим. Христианская церковь (об. IV). Нателный бронзовый крест, обнаруженный в детском погребении № 8 (Из личного архива Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф. 37, папка № 38); 3 – Ак-Бешим. Христианская церковь (об. IV). Заклад в катакомбное погребение № 17 (Кызласов 2006, 326; Кольченко 2018, 79); 4 – Ак-Бешим. Христианская церковь (об. IV). Заклад в катакомбное погребение № 18 (Кызласов 2006, 326; Кольченко 2018, 79); 5 – Ак-Бешим. Христианская церковь (об. IV). 1–13 – индивидуальные находки из погребений, обнаруженные при раскопках церкви (Из личного архива Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф. 37, папка № 38)

В отчете В.И. Козенковой речь идет о пяти типах захоронений. Ею было отдельно выделено погребение с подбоем в северной стене (погребение № 6) и погребения № 15 и № 24, которые представлены в тексте отчета как гробницы, сложенные из сырцового кирпича⁸¹. Типология погребений, предложенная В.И. Козенковой, следующая:

1. Небольшие могильные ямы (это погребения младенцев, поэтому ямы чуть более метра), иногда обложенные кирпичом, сверху перекрывались сырцовым кирпичом⁸², поставленным наклонно на ребро. Это погребения № 1, 7, 12, 14.

2. Могильная яма с подбоем в южной стене. Подбой закладывался сырцовым кирпичом. Это погребения № 2–5, 8–10, 11, 13.

3. Могильная яма с подбоем с северной стороны. По конструкции аналогична погребениям второго типа. Этот тип представлен лишь одним погребением № 6, видимо, поэтому Л.Р. Кызласов не выделил это погребение в отдельный тип.

4. Прямоугольная гробница, сложенная из сырцового кирпича⁸³, с подбоем с южной⁸⁴ стороны. Это погребения № 15 и 24. В.И. Козенковой эти два погребения были выделены в отдельный тип⁸⁵. Вероятно, Л.Р. Кызласов отнес данные захоронения к 3-му типу.

5. Могильная яма с катакомбой, которая выкапывалась под стену здания, не нарушая ее. Погребения этого типа довольно компактно располагались в западной части сооружения и имели схожую конструкцию могильной ямы и катакомбы. Подквадратная могильная яма вела к катакомбе, вырубленной в восточной стенке ямы. Вход в катакомбу закладывался сырцовым кирпичом⁸⁶. Катакомба выкапывалась под стену здания, не нарушая ее. Это погребения № 16–18⁸⁷.

В результате изучения данных захоронений можно сказать, что обряд захоронения под стенами церковного здания можно проследить еще при функциони-

⁸¹ Козенкова 1954. Л. 121.

⁸² Размер сырцового кирпича – 42х22х8 см.

⁸³ Размер сырцового кирпича – 50х25х10 см

⁸⁴ Интересно, что при описании погребений № 15 и № 24 указано, что подбой располагался в восточной стороне. А далее, в отчете, при предварительной типологизации погребений указывается, что подбой у этих погребений находился с южной стороны. Подробнее см.: Козенкова 1954. Л. 121. Вероятно, это опечатка, т.к. подбой у погребения № 15 располагался с восточной стороны. Смотрите описание погребений в следующей ссылке.

⁸⁵ Погребение № 15. Обнаружено в юго-восточном углу бокового помещения. Намогильная выкладка погребения располагалась около восточной стены и первоначально была принята за суфу. Выкладка была сложена из сырцового кирпича (50х27х10 см) в виде гробницы с земляной забутовкой. Высота выкладки – 65 см от уровня пола. После ее разбора было обнаружено входное отверстие катакомбы, уходящей под восточную стену здания. В катакомбе были зафиксированы кости взрослого человека. Костяк лежал головой на запад. В рыхлой земле, заполнявшей подбой, была обнаружена миниатюрная лепная чашечка.

Погребение № 24. Данное погребение не было указано на плане, опубликованным Л.Р. Кызласовым в 1959 г. Располагалось оно за северной стеной центрального (алтарного) помещения. Конструкция этого погребения следующая: прямоугольная гробница, сложенная из сырцового кирпича в виде панциря, с земляной забутовкой внутри. Длина гробницы 200–210 см, ширина 120–130 см, высота 55–60 см. После разбора самой гробницы, под ней была зафиксирована могильная яма с подбоем в восточной стороне. Отверстие подбоя округлое. В подбое с запада на восток располагался скелет взрослого человека. Сохранность костяка оказалась очень плохой. Инвентаря при захоронении не зафиксировано. Подробнее см.: Козенкова 1954. Л. 100, 120.

⁸⁶ Размер сырцового кирпича – 38х17х8 см.

⁸⁷ Козенкова 1954. Л. 121.

ровании церкви (рис. 4, 3, 4). Это видно по захоронениям, которые делались под стенами здания, не нарушая ее конструкции. Речь идет только о семи погребенных взрослых и одном ребенке. По расположению и глубине захоронений к ранним авторы относят захоронения № 5, 6, 11, 15–18, 24. Располагаются они на глубине 190–230 см. У захоронений, имевших входную яму с подбоем под стену, она была вырыта около стены, не задевая и не разрушая ее⁸⁸.

Когда церковь уже была в заброшенном состоянии, около нее и внутри продолжали хоронить умерших. К более поздним захоронениям авторы относят погребения № 1–4, 7–10, 12–14. При их закладке была сильно повреждена восточная стена сооружения. Глубина залегания могил невелика: 140–145 см от поверхности⁸⁹.

Стоит отметить, что в этот период хоронят в основном или младенцев, или детей. На памятнике было обнаружено 12 погребений, в которых захоронены или дети-подростки, или младенцы. Интересно, что индивидуальные находки были обнаружены только в детских могилах (рис. 4, 5). В детском погребении № 8 был найден бронзовый нателный крест (рис. 4, 2), бусы и четыре зуба взрослого человека. И лишь в одном взрослом погребении № 15 была найдена лепная миниатюрная чашечка⁹⁰. Монет в погребениях не обнаружено.

Когда сооружение приняло вид оплывшего холма, на нем появились погребения с иной ориентацией – костяк располагался головой на север, ногами на юг. Как было указано выше, данные захоронения отнесены Л.Р. Кызласовым и В.И. Козенковой к мусульманским. Эти захоронения поздние и впускные⁹¹.

Изучение архивных материалов по раскопкам церкви позволили предположить, что здание церкви на Ак-Бешиме было построено по определенному стандарту, зафиксированному пока только на территории Средней Азии (анalogии с Ургутским монастырем и комплексом церквей (об. VIII; Ак-Бешим)). По археологическим данным выявлено два периода строительства комплекса. Первоначально была построена алтарная комната и двор, а во втором строительном периоде пристраивается боковое помещение. Около восточной стены алтарной комнаты, на уровне пола, располагалась алтарная вымостка, предназначенная для места священника и алтаря. Можно предположить (осознавая, что доказательств очень мало), что двор церкви, по аналогии с церквями Ургутского монастыря, перекрывался деревянной крышей. Входные двери располагались в боковых стенах двора, точное месторасположение которых уже определить невозможно.

Первые захоронения в здании церкви были произведены во время ее функционирования, остальные – в период запустения и заброшенности.

Как мне видится, захоронение младенцев в таком большом количестве изначально в церкви не предполагалось. Вероятно, это произошло уже позже. Три захоронения взрослых под западной стеной, могилы которых вырыты так, чтобы не нарушать основание стены, и одно погребение ребенка под восточной стеной, сделанное так, чтобы не повредить стену, говорят о том, что захоронения были сделаны в процессе функционирования церкви. Обычай погребать церковных

⁸⁸ Козенкова 1954. Л. 122

⁸⁹ Козенкова 1954. Л. 122.

⁹⁰ Козенкова 1954. Л. 113, 116.

⁹¹ Кызласов 1959, 233; Козенкова 1954. Л. 122–123.

служителей или мирян в церкви известен давно⁹². Для территории же Средней Азии это уникальный и пока единственный случай захоронения умерших под стенами церковного здания. Что касается других погребений, то, вероятно, среди местного населения еще ходила молва о том, что это место было священным⁹³, поэтому, когда церкви как таковой уже не существовало, жители продолжали хоронить своих умерших на памятнике и за его пределами.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартольд, В.В. 1966: Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. В кн.: М.Е. Массон (ред.), *Сочинения*. IV, 37–57.
- Бернштам, А.Н. 1950: Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». *МИА* 14, 7–11.
- Высоцкий, А.М. 1983: Христианский памятник на городище Ак-Бешим. В сб.: Б.А. Литвинский (ред.), *Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке*. М., 25–26.
- Гаиров, В.А., Кошеленко, Г.А. 2006: Христианские археологические памятники на Востоке (первое тысячелетие н.э.). В сб.: М.Б. Пиотровский (ред.), *Христианский Восток* 4 (X). М., 136–176.
- Горячева, В.Д., Перегудова, С.Я. 1994: Памятники христианства на территории Кыргызстана. В сб.: Л.И. Жукова (ред.), *Из истории древних культов. Христианство*. Ташкент, 84–95.
- Горячева, В.Д., Перегудова, С.Я. 1996: Буддийские памятники Киргизии. *ВДИ* 2, 167–189.
- Грицина, А.А. 2018: Трансоксиана-мавераннахр: христианство и манихейство. В сб.: Б. Аманбаева, Ф. Асадов и др. (ред.), *Религии Центральной Азии и Азербайджана* IV. Самарканд, 104–156.
- Долоцкий, В.И. 1884: Об обрядах погребения у древних христиан (Окончание). В кн.: *Калужские епархиальные ведомости* 15. Калуга.
- Зяблин, Л.П. 1961: *Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища*. Фрунзе.
- Иеромонах Николай (Летуновский). 2005: *Богословское и литургическое осмысление смерти в раннем христианстве*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mepar.ru/library/vedomosti/64/1320/>
- Китаева, А.А. 2008: Археологические свидетельства христианства в Центральной Азии в I тыс. н.э. В сб.: А.П. Деревянко, Н.А. Макаров (ред.), *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале*. М., 228–231.
- Козенкова, В.И. 1954: *Отчет о раскопках объекта № 4 (несторианская церковь и кладбище) на городище Ак-Бешим в 1954 г.* Архив ИА РАН. Личный фонд Л.Р. Кызласова. Ф. 37. П. № 38.

⁹² Погребения христиан в церквях отмечаются с IV в. Причем в основном эти захоронения принадлежали государям, епископам, клиру и мирянам, особо отличившимся в христианской вере. Начиная с VI века христиане уже могли хоронить своих усопших в городах, при храмах, но в самих церквях хоронить уже не разрешалось. Поэтому кладбища начали появляться вокруг церквей и храмов. Подробнее см.: Долоцкий 1884, 15; также см.: Иеромонах Николай (Летуновский) 2005: Магистерская диссертация «Богословское и литургическое осмысление смерти в раннем христианстве». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mepar.ru/library/vedomosti/64/1320/>

Цыпин В.А., протоиерей, пишет: «В древности запрещено было погребать усопших в церквях, потому что в них хранились мощи мучеников. Об этом говорится в 41 каноническом ответе Вальсамона, вошедшем в «Кормчую» как 6-й канонический ответ Иоанна Китрского. Однако в средние века появился обычай хоронить в храмах знатных лиц. Впоследствии этот противоречащий древнему церковному праву обычай перестал существовать. Исключения допускались лишь в отношении епископов и членов царствующей фамилии, о чем говорится в 329-й главе сочинения Симеона Солунского «О святых священнодействиях»». Подробнее см.: Цыпин 2004, 481.

⁹³ Кызласов 2006, 346.

- Кольченко, В.А. 2018: Кыргызстан. В сб.: Б. Аманбаева, Ф. Асадов и др. (ред.), *Религии Центральной Азии и Азербайджана*. IV. Самарканд, 48–103.
- Кольченко, В.А. 2018: *Средневековое христианство Кыргызстана*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mck.el.kg>
- Кошеленко, Г.А. 1982: *Отчет о работах Маргианского отряда Среднеазиатской археологической экспедиции и карта археологических памятников Мервского оазиса (Туркменская ССР) в 1981 году*. Архив ИА РАН. Р-1. № 8943.
- Кызласов, Л.Р. 1955: *Отчет об археологических исследованиях на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. (работы Чуйского отряда Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции академии наук СССР)*. Ф-1. Р-1. № 1018. 78 л. № 1018а – Альбом иллюстраций к отчету.
- Кызласов, Л.Р. 1959: Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. В сб.: Г.Ф. Дебец (ред.), *Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции*. II. М., 155–237.
- Кызласов, Л.Р. 2006: Тюрко-согдийский город Суяб – столица Западно-тюркского каганата. В кн.: Л.С. Ефимова (ред.), *Городская цивилизация Срединной и Северной Азии*. М., 219–354.
- Кызласов, Л.Р. 2008: Два Ак-Бешимских сюжета. *РА* 2, 40–48.
- Литвинский, Б.А. 1996: Еще о буддийских памятниках Семиречья (Киргизия). *ВДИ* 2, 190–193.
- Михеева (Китаева), А.А. 2019: Хароба-Кошук – история изучения и архитектурная преемственность подобных сооружений на Среднем и Ближнем Востоке. *Восток* (в печати).
- Семенов, Г.Л. 1999: Новая несторианская церковь в Суябе (Ак-Бешим). В сб.: В.Н. Залеская (ред.), *Византия и Христианский Восток. Научная конференция памяти А.В. Банк. Тезисы докладов. Гос. Эрмитаж*. СПб., 51–53.
- Семенов, Г.Л. 2002: *Суяб-Ак-Бешим*. СПб.
- Ставиский, Б.Я. 1996: Новое о буддизме в Средней Азии (по поводу статьи В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой). *ВДИ* 2, 193–195.
- Ставиский, Б.Я. 1998: *Судьбы буддизма в Средней Азии. По данным археологии*. М.
- Тереножкин, А.И. 1935: Археологические разведки по реке Чу в 1929 г. *ПИДО* 5–6, 148–149.
- Умняков, И.И. 1928: Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 г. *Известия Средазкомстариса* 3, 265–275.
- Хмельницкий, С. 2000: *Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V–VIII вв.* Берлин–Рига.
- Цыпин, В. А., протоиерей. 2004: Курс церковного права. М.
- Bradshaw, P. 2013: *The new SCM dictionary of liturgy and worship*. London.
- Forte, A. 1994: An Ancient Chinese Monastery excavated in Kirgizia. In: G. Stary (ed.), *Central Asiatic Journal* 38.1, 41–57.
- Klein, W. 2000: *Das nestorianische Christentum an den Handelswegen durch Kyrgyzstan bis zum 14. Jh.* Turnhout.
- Kyzlasov, L.R. 2010: Turkic-Sogdian city of Suyab – the capital of the Western Turkic khaganate. In: G. Postică, I. Kyzlasov (eds.), *The Urban Civilization of Northern and Innermost Asia. Historical and Archaeological Research*. VII. București–Brăila, 247–383.
- Naymark, A. 2001: *Sogdiana, its Christians and Byzantium: a study of artistic and cultural connections in late antiquity and early middle ages*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.academia.edu>.
- Savchenko, A.V. 1996: Urgut Revisited. Trade routes in the Near East and cultural interchange in the Arabian Peninsula. In: Sh. Abouzayd (ed.), *ARAM Periodica* 8.1–2, 333–354.
- Savchenko, A.V., Dickens M. 2009: Prester John's Realm: New Light on Christianity between Merv and Turfan. In: E.C.D. Hunter (ed.), *The Christian Heritage of Iraq. Collected papers from the Christianity of Iraq I-V Seminar Days*. Piscataway–New-Jersey, 121–135.

- Savchenko, A.V. 2004–2008: *Excavation of a Christian monastery of the Church of the East*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.exploration-eurasia.com>
- Savchenko, A.V. 2010: Ostliche Urkirche in Usbekistan. In: Ph. von Zabern (ed.), *Antike Welt* 2. Mainz, 74–82.

REFERENCES

- Bartold, V.V. 1966: Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoy tsel'yu [The report on a trip to Central Asia with the scientific purpose]. In: M.E. Masson (ed.), *Sochineniya* [Compositions]. IV, 37–57.
- Bernshtam, A.N. 1950: Trudy Semirechenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii «Chuyskaya dolina» [Works of the Semirechensk archaeological Mission “Chu Valley”]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and studies on archaeology of the USSR] 14, 7–11.
- Bradshaw, P. 2013: *The new SCM dictionary of liturgy and worship*. London.
- Dolotskiy, V.I. 1884: Ob obryadakh pogrebeniya u drevnikh khristian (Okonchanie) [On burial ceremonies at ancient Christians. (Termination)]. In: *Kaluzhskie eparkhial'nye vedomosti* [The Kaluga diocesan sheets] 15. Kaluga.
- Forté, A. 1994: An Ancient Chinese Monastery excavated in Kirgizia. In: G. Stary (ed.), *Central Asiatic Journal* 38.1, 41–57.
- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A. 2006: Khristianskie arkheologicheskie pamyatniki na Vostoke (pervoe tysyacheletie n.e.) [The Christian archeological sites in the East (the first millennium AD)]. In: M.B. Piotrovskiy (ed.), *Khristianskiy Vostok* [The Christian East] 4 (X). Moscow, 136–176.
- Goryacheva, V.D. Peregodova, S.Ya. 1994: Pamyatniki khristianstva na territorii Kyrgyzstana [The Christianity monuments in the territory of Kyrgyzstan]. In: L.I. Zhukova (ed.), *Iz istorii drevnikh kul'tov. Khristianstvo* [From the history of ancient cults. Christianity]. Tashkent, 84–95.
- Goryacheva, V.D., Peregodova, S.Ya. 1996: Buddiyskie pamyatniki Kirgizii [The Buddhist monuments of Kyrgyzstan]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 167–189.
- Gritsina, A.A. 2018: Transoksiana-maverannakhr: khristianstvo i manikheystvo [Transoksiana-maverannakhr: christianity and manichaeism]. In: B. Amanbaeva et al. (eds.), *Religii Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana* [Religions of Central Asia and Azerbaijan]. IV. Samarkand, 104–156.
- Ieromonakh Nikolay (Letunovskiy). 2005: *Bogosloveskoe i liturgicheskoe osmyslenie smerti v rannem khristianstve* [Theological and liturgical judgment of death in early Christianity], <http://www.mepar.ru/library/vedomosti/64/1320/>
- Khmelnitskiy, S. 2000: *Mezhdue kushanami i arabami. Arkhitektura Sredney Azii V–VIII vv.* [Between Kushana and Arabs. Architecture of Central Asia of the 5–8th centuries] Berlin–Riga.
- Kitaeva, A.A. 2008: Arkheologicheskie svidetel'stva khristianstva v Tsentral'noy Azii v I tys. n.e. [Archaeological evidences of Christianity in Central Asia in the first thousand AD]. In: A.P. Derevyanko, N.A. Makarov (eds.), *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale* [The Works II (XVIII) of the All-Russian archaeological congress in Suzdal]. Moscow, 228–231.
- Klein, W. 2000: *Das nestorianische Christentum an den Handelswegen durch Kyrgyzstan bis zum 14. Jh.* Turnhout.
- Kolchenko, V.A. 2018: Kyrgyzstan [Kyrgyzstan]. In: B. Amanbaeva et al. (eds.), *Religii Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana* [Religions of Central Asia and Azerbaijan]. IV. Samarkand, 48–103.
- Kolchenko, V.A. 2018: *Srednevekovoe khristianstvo Kyrgyzstana* [The medieval Christianity of Kyrgyzstan], <http://mck.el.kg>

- Koshelenko, G.A. 1982: *Otchet o rabotakh Margianskogo otryada Sredneaziatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii i karta arkheologicheskikh pamyatnikov Mervskogo oazisa (Turkmenskaya SSR) v 1981 godu*. [Report on the works of the Margian group of the Central Asian Archaeological Expedition and map of archaeological monuments of the Merv Oasis (Turkmen SSR) in 1981 year]. Archive IA RAS. R-1. № 8943
- Kozenkova, V.I. 1954: *Otchet o raskopkakh ob'ekta № 4 (nestorianskaya tserkov' i kladbishche) na gorodishche Ak-Beshim v 1954 g.* [Report on excavation of the site 4 (Nestorian Church and cemetery)]. Archive IA RAS. L.R. Kyzlasov's private fund. F. 37. Book No. 38.
- Kyzlasov, L.R. 1955: *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na gorodishche Ak-Beshim v 1953–1954 gg. (raboty Chuyskogo otryada Kirgizskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii akademii nauk SSSR)* [Report on archaeological study and Ak-Beshin Settlement in 1953–1954 (field works of the Chu Team of the Kirgiz Archaeological-Ethnographical Mission)]. F-1. R-1. No. 1018. 78 l. No. 1018a. Album of illustrations from the Report.
- Kyzlasov, L.R. 1959: Arkheologicheskie issledovaniya na gorodishche Ak-Beshim v 1953–1954 gg. [The archaeological researches on the ancient settlement of Ak-Beshim in 1953–1954 years] In: G.F. Debets (ed.), *Trudy Kirgizskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [The Works of the Kyrgyz Archaeological and Ethnographical Mission]. II. Moscow, 155–237.
- Kyzlasov, L.R. 2006: Tyurko-sogdiyskiy gorod Suyab – stolitsa Zapadno-tyurkskogo kaganata [Turkic-Sogdian city of Suyab, the capital of the Western Turkic Khaganate]. In: L.S. Efimova (ed.), *Gorodskaya tsivilizatsiya Sredinnoy i Severnoy Azii* [The Urban civilization of Northern and Innermost Asia]. Moscow, 219–354.
- Kyzlasov, L.R. 2008: Dva Ak-Beshimskikh syuzheta [The two Ak-Beshimsky plots]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2, 40–48.
- Kyzlasov, L.R. 2010: Turkic-Sogdian city of Suyab – the capital of the Western Turkic khaganate. In: G. Postică, I. Kyzlasov (eds.), *The Urban Civilization of Northern and Innermost Asia. Historical and Archaeological Research*. VII. București–Brăila, 247–383.
- Litvinskiy, B.A. 1996: Eshche o buddiyskikh pamyatnikakh Semirech'ya (Kirgiziya) [Buddhist monuments of Semirechye (Kyrgyzstan)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 190–193.
- Mikheeva (Kitaeva), A.A. 2019: Kharoba-Koshuk – istoriya izucheniya i arkhitekturnaya preemstvennost' podobnykh sooruzheniy na Srednem i Blizhnem Vostoke [Haroba-Koshuk – history of studying and architectural continuity of similar constructions in the Middle East]. *Vostok* [Oriens] (forthcoming).
- Naymark, A. 2001: *Sogdiana, its Christians and Byzantium: a study of artistic and cultural connections in late antiquity and early middle ages*, <https://www.academia.edu>
- Savchenko, A.V. 1996: Urgut Revisited. Trade routes in the Near East & cultural interchange in the Arabian Peninsula. In: Dr. Sh. Abouzayd (ed.), *ARAM Periodical* 8.1–2, 333–354.
- Savchenko, A.V. 2004–2008: *Excavation of a Christian monastery of the Church of the East*, <http://www.exploration-eurasia.com>
- Savchenko, A.V. 2010: Ostliche Urkirche in Usbekistan. In: Ph. von Zabern (ed.), *Antike Welt* 2. Mainz, 74–82.
- Savchenko, A.V., Dickens M. 2009: Prester John's Realm: New Light on Christianity between Merv and Turfan. In: E.C.D. Hunter (ed.), *The Christian Heritage of Iraq. Collected papers from the Christianity of Iraq I–V Seminar Days*. Piscataway–New-Jersey, 121–135.
- Semenov, G.L. 1999: Novaya nestorianskaya tserkov' v Suyabe (Ak-Beshim) [The New Nestorian church in Suyab (Ak-Beshim)]. In: V.N. Zalesskaya (ed.), *Vizantiya i Khristianskiy Vostok. Nauchnaya konferentsiya pamyati A.V. Bank. Tezisy докладov. Gos. Ermitazh* [The Byzantine Empire and Christian East. Scientific conference in memory of A.B. Bank. Abstracts. The State Hermitage]. Saint Petersburg, 51–53.
- Semenov, G.L. 2002: *Suyab-Ak-Beshim* [Suyab-Ak-Beshim]. Saint Peterburg.

- Staviskiy, B.Ya. 1996: Novoe o buddizme v Sredney Azii (po povodu stat'i V.D. Goryachevoy i S.Ya. Peregudovoy) [The New about the Buddhism in Central Asia (concerning V.D. Goryacheva and S.Ya. Peregudova's article)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 193–195.
- Staviskiy, B.Ya. 1998: *Sud'by buddizma v Sredney Azii. Po dannym arkheologii* [The fate of the Buddhism in Central Asia. According to archaeology]. Moscow.
- Terenozhkin, A.I. 1935: Arkheologicheskie razvedki po reke Chu v 1929 g. [Archaeological investigations on the Chu River in 1929.] *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [The Problems of pre-capitalistic societies] 5–6, 148–149.
- Tsylin, V. A., protoierey. 2004: *Kurs tserkovnogo prava* [The Course of ecclesiastical law]. Moscow.
- Umnyakov, I.I. 1928: Arkheologicheskaya i remontno-restavratsionnaya rabota Sredazkomstarisa v 1927 g. [Archaeological and repair and restoration work of Sredazkomstaris in 1927.] *Izvestiya Sredazkomstarisa* [Sredazkomstaris's news] 3. Tashkent, 265–275.
- Vysotskiy, A.M. 1983: Khristianskiy pamyatnik na gorodishche Ak-Beshim [The Christian monument on the settlement of Ak-Beshim]. In: B.A. Litvinskiy (ed.), *Baktriya-Tokharistan na drevnem i srednevekovom Vostoke* [Bactria-Tocharistan in the ancient and medieval East]. Moscow, 25–26.
- Zyablin, L.P. 1961: *Vtoroy buddiyskiy khram Ak-Beshimskogo gorodishcha* [The Second Buddhist temple of the Settlement of Ak-Beshim.]. Frunze.

THE CHRISTIAN CHURCH AT THE AK-BESHIM SETTLEMENT (SITE IV): NEW ARCHIVE DATA AND THEIR INTERPRETATION

Anna A. Mikheeva (Kitaeva)

Institute of History of Material Culture of RAS, Saint Petersburg, Russia
hmunter666@mail.ru

Abstract. The article deals with the L.R. Kyzlasov's archive on the 1954 excavation of the Christian church with the cemetery (Site IV) at the Settlement of Ak-Beshim, as well as with the archaeological report of V.I. Kozenkova who was a student of the Department of archaeology of the Moscow State University and the head of excavation at the Site IV. She conducted a study of this site under Kyzlasov's guidance. Studying of Kyzlasov's and Kozenkova's field reports, the author revealed that the Christian church was built in two stages. The central room and the yard were built at first, and a side room was attached in the second construction period. Near the east wall of the altar room, at floor level, there was the altar platform intended for the priest and the altar. Similar churches are known in Uzbekistan: the Urgut monastery of the 8th – early 13th centuries and churches of the 9th – 11th centuries at the Ak-Beshim Settlement. The first Christian burials appeared under the walls of the church during its functioning, while the others graves are dated back to the period of its desolation and abandonment. For the territory of Central Asia so far, the only case of burial of the dead under the walls of the church building.

Keywords: archaeology, Christianity, Northern Kyrgyzstan, Ak-Beshim, Church of the East, Nestorians, altar platform, burials of Christians

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2019), 267–276
© The Author(s) 2019

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2019), 267–276
©Автор(ы) 2019

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-267–276

АРХЕОЛОГИЯ КАК ИСКУССТВО: К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.А. ВЛАДИМИРОВА

И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе

Институт археологии РАН, Москва, Россия
inga_druzh@mail.ru
chkhaidze.v@yandex.ru

Аннотация. В 2019 г. исполняется 150 лет со дня рождения известного русского, советского живописца, классного художника I степени Императорской Академии художеств, Заслуженного деятеля искусств РСФСР Ивана Алексеевича Владимирова (1869–1947). Он был одним из энтузиастов, которые наряду с профессиональными исследователями стояли у истоков научного археологического кавказоведения.

С 1896 по 1900 гг. на территории современных республик Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, а также Краснодарского края И.А. Владимировым были проведены разведки и раскопки археологических памятников самого широкого культурно-хронологического диапазона – от курганов эпохи бронзы до горских склепов-кешене XVII в.

В 1899–1900 гг. И.А. Владимиров провел разведочные археологические исследования ряда древнехристианских памятников (Сентинского храма, храма на р. Амгата, церкви в Хосте), а также крепостных укреплений в окрестностях Сочи. Особую страницу не только в деятельности И.А. Владимирова, но и во всей северокавказской археологии составляют проведенные художником по поручению Императорской Археологической Комиссии в 1899 г. исследования замечательного памятника византийской архитектуры на Северном Кавказе – Сентинского храма X в., в ходе которых он составил подробное описание храма, а также расположенных возле него мавзолеев и выполнил цветные копии фресок храма, которые хранятся ныне в архиве ИИМК РАН.

Проведенные И.А. Владимировым в 1896–1900 гг. исследования по полноте и точности описания и фиксации археологических объектов для своего времени можно назвать образцовыми.

Ключевые слова: археология, Северный Кавказ, погребальные памятники, христианские храмы, художник Иван Алексеевич Владимиров

В 2019 г. исполняется 150 лет со дня рождения известного русского, советского живописца, классного художника I степени Императорской Академии художеств, Заслуженного деятеля искусств РСФСР Ивана Алексеевича Владимирова.

Данные об авторах: Дружинина Инга Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Группы археологии Кавказа Института археологии РАН; Чхаидзе Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела средневековой археологии Института археологии РАН.

Рис. 1. И.А. Владимиров делает зарисовки с группы пленных японских офицеров, 1900-е гг.

В 1893 г. он окончил Петербургскую Академию художеств, где его учителями были прославленные мастера – академики Богдан Павлович Виллевальде и руководитель батальной мастерской Франц Алексеевич Рубо¹.

Широкой аудитории И.А. Владимиров известен как «бытописатель» революционных событий России начала XX в. Одной из самых знаменитых его работ является полотно «Кровавое воскресенье», известное каждому советскому школьнику по репродукции из учебника истории.

Профессиональное признание И.А. Владимиров получил, прежде всего, как замечательный художник-баталист. В качестве художественного корреспондента он выезжал на места дислокации русской армии в период всех пришедшихся на его жизнь войн начала XX в. (рис. 1)². Наследие И.А. Владимирова составляют десятки полотен, на которых с осязаемой реалистичностью запечатлены события и лица Кавказской войны 1817–1864 гг., русско-японской 1904–1905 гг., балканских 1912–1913 гг., Первой мировой, советско-финской 1939–1940 гг., Великой Отечественной 1941–1945 гг.

Особое место в творчестве И.А. Владимирова занимает Кавказ. Здесь в 1890-х гг. на протяжении нескольких сезонов художник погружался в историю и культуру горских народов, черпая материал для своих работ непосредственно на местах, где разворачивались события и жили герои его картин. Полотна «Взятие турецкого редута» и «Перевязочный пункт во время Кавказской войны» (1893 г.) принесли И.А. Владимирову малую и большую серебряные медали Императорской Академии художеств, а созданная в 1897 г. картина «Бой адыгейцев на реке Малке» – звание классного художника первой степени.

¹ Художники 1972, 298.

² СФР 2016.

Однако, помимо узкого круга специалистов, мало кому известно, что с именем этого незаурядного человека связана одна из ярких страниц становления северокавказской археологии.

Последнее десятилетие XIX в. и первые годы XX столетия – особый период в истории археологического изучения Кавказа. Его начало ознаменовал состоявшийся 8–21 сентября 1881 г. в Тифлисе V Археологический съезд. В рамках подготовки и проведения съезда была разработана комплексная программа исследования древних памятников Кавказа, реализацию которой осуществляли ведущие специалисты Московского археологического общества и головного археологического учреждения страны – Императорской Археологической Комиссии (ИАК).

Археологический съезд в Тифлисе придал мощный импульс развитию кавказоведения, в том числе и росту кадров кавказоведов – как профессионалов, так и любителей. На протяжении 1880–1890-х гг. ИАК активно поддерживала инициативы частных лиц, стремившихся изучать древности горного края. Так, по поручению Комиссии в течение 20 лет (1884–1904 гг.) проводил археологические разведки и раскопки памятников археологии Терской области статский советник, преподаватель Владикавказского реального училища В.И. Долбежев³. В 1886 г. по заданию ИАК ущелье Большого Зеленчука обследовал художник и археолог Д.М. Струков. В альбоме к своему отчету он запечатлел уникальные археологические памятники, которые позднее были утрачены⁴. Постоянным сотрудником ИАК являлся исследователь археологических древностей Закубанья секретарь Статистического комитета Кубанской области Е.Д. Фелицын⁵.

Одним из талантливых энтузиастов, чье имя стоит в ряду с археологами-кавказоведами рубежа XIX – XX вв., был и художник И.А. Владимиров.

В 1896 г. во время своей поездки на Кавказ он исследовал памятники бронзового века и эпохи средневековья в Нальчикском округе Терской области. Свой отчет о проведенных раскопках, а также планшеты с находками художник прислал в Императорскую Археологическую Комиссию, запросив при этом разрешение на проведение археологических исследований официально.

Результаты археологических работ И.А. Владимирова были опубликованы ИАК⁶, однако далеко не полностью. В материалах дела, хранящегося в архиве ИИМК РАН⁷, содержатся не вошедшие в публикацию материалы (планы, зарисовки, фотографии), полученные художником в ходе исследования им окрестностей Мисостова аула (совр. Урвань), Кёнделена, Былыма, Нальчика, в том числе и памятников, не сохранившихся к настоящему времени. К их числу принадлежит христианская церковь, или часовня, располагавшаяся на левом берегу р. Кестанты у сел. Былым. Этот памятник бегло упоминает Вс. Миллер⁸, а затем В. Тепцов, по сведениям которого на восточной стене часовни сохранился выбитый на камне крест⁹. Ко времени составления свода памятников Кабардино-Балкарии Былым-

³ ИАК 2009, 722–726.

⁴ ИАК 2009, 686.

⁵ Каменецкий 1998, 138–139.

⁶ ОАК за 1897 г., 138–142.

⁷ Ф.1. Д.215/1896.

⁸ Миллер 1888, 91.

⁹ Тепцов 1892, 144.

Рис. 2. Былымская часовня «Байрым» (по: Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 215/1896. Л. 16)

ская часовня «Байрым»¹⁰, видимо, уже была утрачена. Отчет И.А. Владимирову содержит не только глазомерный ситуационный план часовни и окружавшего ее могильника, но и фотографию памятника (рис. 2).

В 1897 г. И.А. Владимиров выехал на Северный Кавказ уже с Открытым листом. С этого времени и по 1900 г. на территории современных республик Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Краснодарского края им были проведены разведки и раскопки археологических памятников самого широкого культурно-хронологического диапазона – от курганов II тыс. до н.э. на левом берегу р. Нальчик (в районе Долинского поселения) и до балкарских кешене XVII в. (у сел. Кашхатау, на левом берегу р. Черек)¹¹.

В 1897–1898 гг. И.А. Владимиров исследовал раннесредневековые некрополи в горной Балкарии: Зильги¹², почти полностью уничтоженные грабителями Гижгидские подземные склепы¹³. Особое значение имеют результаты раскопок художником могильника Песчанка¹⁴, материалы которого стали эталонными для

¹⁰ Чеченов 1969, 76, №264.

¹¹ ОАК за 1898 г., 139–140; Ф.1. Д.215/1896. Л. 16

¹² ОАК за 1897 г., 143.

¹³ ОАК за 1897 г., 143–145; ОАК за 1898 г., 135–139.

¹⁴ ОАК за 1898 г., 124–135.

древностей горизонта 690/710 – 720/740 гг. Северного Кавказа и шире – юга Восточной Европы¹⁵.

Относительно результатов исследованных И.А. Владимиром пяти поздне-средневековых некрополей в окрестностях Нальчика и села Куденетова II (совр. Чегем II)¹⁶ не будет преувеличением сказать, что эти работы предоставили едва ли не больше информации об археологическом разнообразии памятников, чем все последующие – вплоть до начала XXI в. – раскопки десятков поздне-средневековых могильников. Сегодня материалы раскопок 1896 г. являются важнейшим источником для изучения этнокультурного состава населения районов Центрального Предкавказья XV–XVII вв.

Следует отметить, что при обращении к материалам проведенных Владимиром раскопок исследователи часто ограничиваются краткими извлечениями из полевых отчетов художника, опубликованных в ежегодниках ИАК, при этом за рамками такого научного анализа остается значительная часть информации, что предсказуемо приводит к возникновению ошибок и неточностей. Один из примеров историографической путаницы, возникшей вокруг балкарского кешене XVII в. и примыкавшего к нему некрополя в окрестностях сел. Кашхатау, был недавно рассмотрен на страницах журнала¹⁷.

Обратим внимание специалистов также и на укоренившееся в научной литературе неточное представление о раскопанных И.А. Владимиром поздне-средневековых курганах близ с. Куденетова II (совр. Чегем II), краткая информация о которых вышла на страницах Отчета ИАК за 1897 г.¹⁸ Раскопки на этом памятнике¹⁹ неоднократно производились и в XX в.²⁰ Тогда же курганы были интерпретированы как кабардинские²¹. При этом специалисты единодушно отмечали, что часть исследованных (в т.ч. и И.А. Владимиром) комплексов по обряду и по составу погребального инвентаря не соответствуют основным характеристикам кабардинских поздне-средневековых погребений (слишком большое расстояние между курганами – до 60 м, огромная по размерам – 6,4 м высотой и 50 м в диаметре – и необычная по структуре насыпь кургана № 2/14, расположение могил в стороне от центра насыпей, обнаружение могильных ям с заплечиками и впускных погребений, булыжная наброска над погребениями, находки предметов упряжи, нахождение в женском погребении кресала и не свойственных костюму кабардинок браслетов и зеркал). Были найдены объяснения: некрополь, который начал в 1896 г. раскапывать И.А. Владимир, на самом деле представлял собой два отдельных могильника, которым были присвоены названия – могильник № 3 и № 4 у села Чегем II²² (чему не противоречит топография: обе курганные группы отстоят друг от друга на 200 м, разделены ручьем; об этом свидетельствуют и их внешние признаки: насыпи могильника № 4 меньшего размера и расположены скуденно, близко друг к другу). В публикации материалов этих могильников,

¹⁵ Гавритухин 2010, 526–527.

¹⁶ ОАК за 1897 г., 138–142.

¹⁷ Дружинина 2018, 177–180.

¹⁸ ОАК за 1897, 138–139.

¹⁹ Чеченов 1969, 85, №312.

²⁰ Акритас 1955, 53–56; Кереев, Нагоев 1976, Р-1, №6215, Л. 4.

²¹ Милорадович 1954, 345; Акритас 1955, 53; Нагоев 1980, 158–161; др.

²² Кереев, Нагоев 1976.

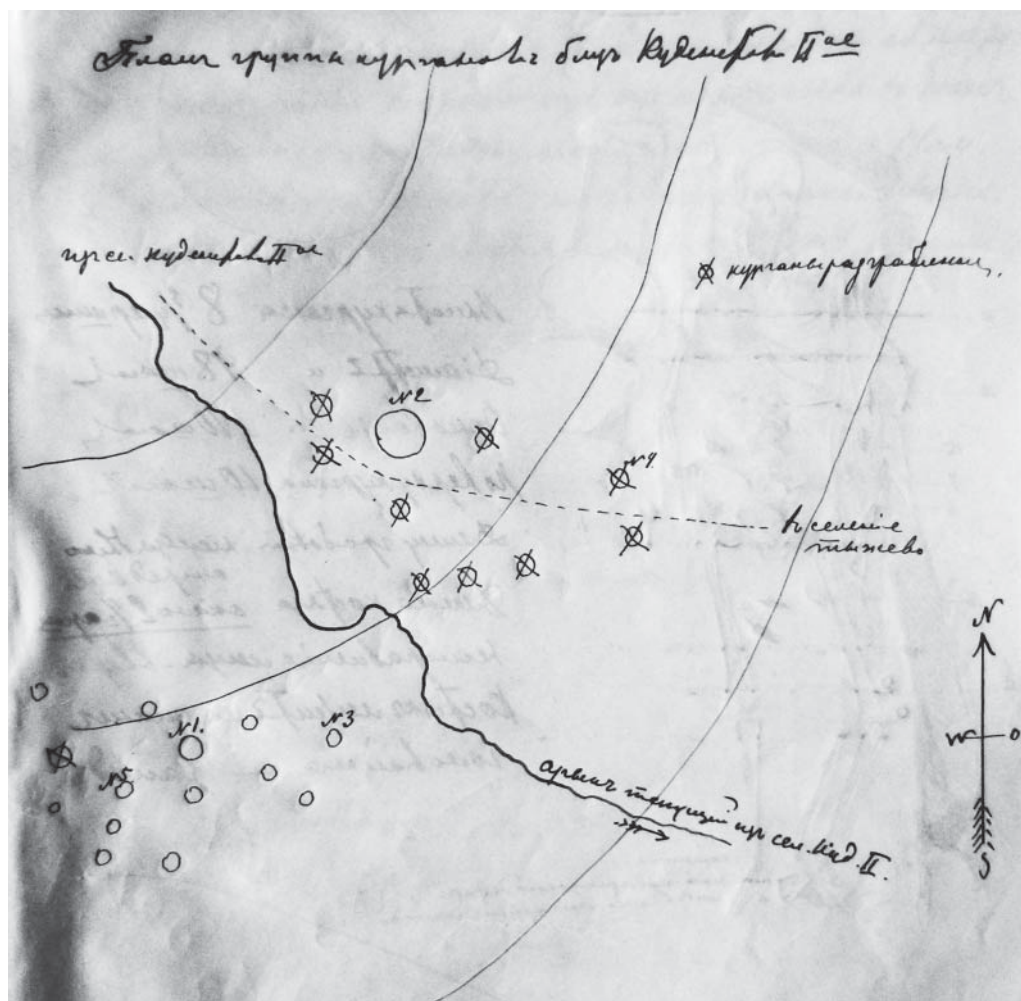

Рис. 3. План группы курганов близ Куденетово II, выполненный И.А. Владимировым (по: Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 215/1896. Л. 47)

полностью раскопанных экспедицией Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики, Б.М. Керевов и А.Х. Нагоев пришли к заключению, что И.А. Владимиров произвел раскопки только на могильнике № 3, а появление нехарактерных для кабардинских памятников особенностей ряда комплексов исследователи объяснили хронологической разницей двух некрополей, однородных в этнокультурном отношении: для могильника № 3 была предложена датировка XIV–XV вв., курганы могильника № 4 были датированы XV–XVII вв.²³ Однако содержащийся в отчете И.А. Владимирова ситуационный план четко указывает на то, что художник провел исследования и на могильнике № 3, и на могильнике № 4 (рис. 3), а фотографии и рисунки вещей, выполненные Владимировым, позволяют

²³ Керевов, Нагоев 1976, Л. 4; Нагоев 1987, 217–218.

датировать захоронения, произведенные по отличному от кабардинского обряду, второй половиной XV–XVI вв. Все вместе это указывает на полиэтнический состав населения, оставившего позднесредневековые курганы в окрестностях села Чегем II.

Надо подчеркнуть, что И.А. Владимиров проводил раскопки памятников и культур, исследование которых еще только начиналось, и в этом новом для науки материале он разбирался самостоятельно наравне и одновременно с профессиональными археологами. В отличие от многих своих коллег-современников он не пренебрегал деталями. Д.Я. Самоквасов, раскопавший обширный средневековый курганный некрополь Каррас в Пятигорье, в отношении других исследованных им памятников, вместо описания их комплексов, мог ограничиться короткой информацией: «могильники принадлежат по совершенному сходству их устройства и содержания к той же эпохе и тому же народу, каким принадлежит могильник у колонии Каррас»²⁴. И.А. Владимиров подробно описывал и, что еще более ценно, зарисовывал каждый археологический объект. То, что ускользало от внимания Владимирова-археолога, фиксировала рука Владимирова-художника. Надо сказать, что выполненные им чертежи по качеству превосходят графические материалы из полевых отчетов всех проведенных с 1880-х гг. и на протяжении всего XX в. исследований позднесредневековых курганных могильников Кабардино-Балкарии.

Руководство ИАК по достоинству оценило талант и потенциал Владимирова как исследователя и как художника. В 1899–1900 гг. по поручению Комиссии он объезжает ряд древних памятников христианской архитектуры с целью их исследования и художественной фиксации. В 1899 г. на р. Амгата (Карачаево-Черкесия) И.А. Владимиров обследовал развалины однопроемного прямоугольного храма с полукруглой апсидой с восточной стороны, а также выявил и описал в окрестностях памятника множество украшенных «тонко сработанным орнаментом» плит с высеченными византийскими крестами, в том числе и треугольную плиту с полукруглым выемом, служившую, видимо, тимпаном или фронтоном²⁵. В 1900 г. Владимиров по поручению ИАК осмотрел памятники на черноморском побережье: развалины старинной церкви в Хосте и крепостной башни в окрестностях Сочи²⁶.

Совершенно особую страницу не только в деятельности Владимирова, но и во всей северокавказской археологии составляют проведенные художником в 1899 г. исследования замечательного памятника византийской архитектуры на Северном Кавказе – Сентинского храма X в. Результаты этих работ были опубликованы, в том числе – в черно-белом варианте – несколько выполненных художником зарисовок²⁷. Снятые Владимиром с ряда фресок храма кальки, а также акварели фресок хранятся в архиве ИИМК РАН. Часть из них недавно была опубликована²⁸. Выполненные профессиональным художником, они представляют собой первоклассный источник, значение которого с каждым десятилетием только возрастает,

²⁴ Самоквасов 1908, 248–249.

²⁵ Владимиров 1901, 104–107.

²⁶ Два памятника. 1902, 140–141.

²⁷ Владимиров 1902, 1–14.

²⁸ Белецкий, Виноградов 2011, 370–380.

поскольку сентинские фрески постепенно ветшают и осыпаются. Текстовая часть отчета, помимо необходимого археологического описания, содержит и искусствоведческий анализ памятника: И.А. Владимиров отдельно останавливался на колоннорите и особенностях росписи храма, в том числе им были выявлены как минимум три разновременных слоя росписи²⁹.

Отчет И.А. Владимирова содержит и описание трех расположенных возле храма мавзолеев³⁰, из которых к настоящему времени сохранился только один. Это описание предоставляет ценнейшую информацию для решения и постановки целого комплекса научных проблем, касающихся датировки памятников, их взаимосвязи, историко-культурного контекста возникновения храма и мавзолеев, их историко-архитектурного анализа.

Научные вопросы и задачи северокавказской археологии, которые стояли перед И.А. Владимировым, все еще актуальны и по прошествии 125 лет. Можно с уверенностью сказать, что в их решении неоценимую роль сыграли и еще сыграют результаты археологических исследований, проведенных художником Иваном Алексеевичем Владимировым, во многом ставших для своего времени образцовыми.

ЛИТЕРАТУРА

- Акритас, П.Г. 1955: Археологические работы в Кабарде в 1954 году. *УЗ КБНИИ* 10, 25–68.
- Владимиров, И.А. 1901: Развалины старинного храма близ речки Амгаты. *ИИАК* 1, 104–106.
- Владимиров, И.А. 1902: Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области. *ИИАК* 4, 1–14.
- Гавритухин, И.О. 2010: Необычная находка из Крыма (к изучению поздних форм двупластинчатых фибул). In: A. Urbaniak, R. Prochowicz (eds.), *Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina*, II. Łódź–Warszawa, 517–534.
- (Два памятника) 1902: Два памятника старины на Кавказе. *ИИАК* 4, 140–141.
- Дружинина, И.А. 2018: Могильник близ аула Кашхатау (по материалам исследований И.А. Владимирова, 1897 г.). *ПИФК* 4, 177–186.
- ИАК 2009: *Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия..* А.Е. Мусин (ред.) СПб.
- Каменецкий, И.С. 1998: Начало археологического изучения Прикубанья. В сб.: А.А. Формозов (ред.), *Очерки истории отечественной археологии*. II. М., 127–146.
- Керефов, Б.М., Нагоев, А.Х. 1976: *Отчет о раскопках 3-го и 4-го кабардинских курганных могильников у сел. Чегем-II в 1975 году*. Архив ИА РАН. Р–1. № 6215.
- Миллер, В.Ф. 1888: Терская область: археологические экскурсии. *МАК* I, 1–135.
- Нагоев, А.Х. 1980: Кабардинские курганные могильники у сел. Чегем. II. В сб.: *Северный Кавказ в древности и средние века*. М., 156–161.
- Нагоев, А.Х. 1987: Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. В сб.: *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг.* 3. Нальчик, 170–241.
- ОАК за 1897 г. 1900. СПб.
- ОАК за 1898 г. 1901. СПб.

²⁹ Владимиров 1902, 12.

³⁰ Ф. 1. Д. 102/1899. Л. 17–18, 31–32.

- Самоквасов, Д.Я. 1908. *Могилы Русской земли*. М.
- СФР, 2016: Союз фотохудожников России. Иван Алексеевич Владимиров – не только художник. *Дилетант-медиа*. 27 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://diletant.media/blogs/62557/33054688/>
- Тепцов, В. 1892: По истокам Кубани и Терека. *СМОМПК* XIV, 59–212.
- Художники, 1972: *Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь*. Т. 2. М.
- Чеченов, И.М. 1969: *Древности Кабардино-Балкарии (Материалы к археологической карте)*. Нальчик.

REFERENCES

- Akritas, P.G. 1955: Arkheologicheskie raboty v Kabarde v 1954 godu [Archaeological work in Kabarda in 1954]. *Uchenye zapiski Kabardino-Balkanskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [Scientific notes of Kabardino-Balkan Research Institute] 10, 25–68.
- Chechenov, I.M. 1969. *Drevnosti Kabardino-Balkarii (Materialy k arkheologicheskoi karte)* [Antiquities of Kabardino-Balkaria (Materials to the archaeological map)]. Nalchik.
- Druzhinina, I.A. 2018: Mogil'nik bliz aula Kashhatau (po materialam issledovaniy I.A. Vladimirova, 1897 g.) [The burial ground near the aul of Kashkhatau (on the materials of research of I.A. Vladimirov in 1897)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 177–186.
- Dva pamyatnika. 1902: Dva pamyatnika stariny na Kavkaze [Two ancient sites in the Caucasus]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission] 4, 140–141.
- Gavritukhin, I.O. 2010: Neobychnaya nakhodka iz Kpya (k izucheniyu pozdnykh form dvuplastinchatykh fibul) [An unusual find from the Crimea (studying of late forms double-plate fibulas)] In: A. Urbaniak, R. Prochowicz (eds.), *Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina*. II. Łódź–Warszawa, 517–534.
- IAK 2009: Imperatorskaya Arheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoi arheologii i okhrany kul'turnogo naslediya [Imperial Archaeological Commission (1859–1917): To the 150 anniversary from the date of the basis. At sources of domestic archeology and protection of cultural heritage]. Saint Petersburg.
- Kamenetsky, I.S. 1988: Nachalo arkheologicheskogo izucheniya Prikuban'ya [Beginning of archaeological studying Prikubanya] In: A.A. Formozov (ed.), *Ocherki istorii otechestvennoy arheologii* [Sketches of history of domestic archeology]. II. Moscow, 127–146.
- Kerefov, B.M., Nagoev, A.H. 1976. *Otchet o raskopkah 3-go i 4-go kabardinskikh kurgannykh mogil'nikov u sel. Chegem-II v 1975 godu* [The report on excavation of the 3rd and 4th Kabardian burial grounds at villages Cheham-II in 1975]. Archive IA RAS. R–1. № 6215.
- Khudozhniki, 1972. *Khudozhniki narodov SSSR. Biobibliograficheskii slovar'* [Artists of the people of the USSR. Biobibliographical dictionary]. II, 298–299.
- Miller, V.F. 1888: Terskaya oblast': arkheologicheskie ekskursii [Tersky region: archaeological excursions]. *Materialy po arkheologii Kavkaza* [Materials on archaeology of the Caucasus] I, 1–135.
- Nagoev, A.H. 1980: Kabardinskie kurgannye mogil'niki u sel. Chegem II. In: *Severnyi Kavkaz v drevnosti i srednie veka* [The North Caucasus in the Ancient Time and Middle Ages]. Moscow, 156–161.
- Nagoev, A.H. 1987: Itogi raskopok kabardinskikh kurganov na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972–1977 gg. [Results of excavation of the Kabardian barrows on new buildings of Kabardino-Balkaria in 1972–1977]. In: *Arheologicheskie issledovaniya na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological researches on new buildings of Kabardino-Balkaria in 1972–1979] 3. Nalchik, 170–241.

- OAK, *za 1897 g.* 1900. Saint Petersburg.
 OAK, *za 1898 g.* 1901. Saint Petersburg.
 Samokvasov, D.Ya. 1908. *Mogily Russkoi zemli* [Graves of the Russian land]. Moscow.
 SFR, 2016: Soyuz fotokhudozhnikov Rossii. Ivan Alekseevich Vladimirov – ne tol'ko khudozhnik [Union of pictorialists of Russia. Ivan Alekseyevich Vladimirov – not only the artist]. Diletant-media. On December 27, 2016, <https://diletant.media/blogs/62557/33054688>.
 Teptsov, V. 1892: Po istokam Kubani i Tereka [On sources of Kuban and Terek]. *Sbornik materialov opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza* [Collection of materials of the description of areas and tribes of the Caucasus]. XIV, 59–212.
 Vladimirov, I.A. 1901: Drevnii khristianskiy khram bliz aula Senty v Kubanskoy oblasti [The ancient Christian temple near the aul of Senta in the Kuban region]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission] 4, 1–14.
 Vladimirov, I.A. 1901: Razvaliny starinnogo khrama bliz rechki Amgaty [Ruins of the ancient temple near the Amgata River]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoi Komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission] 1, 104–106.

ARCHAEOLOGY AS ART: TO THE 150th I.A. VLADIMIROV'S ANNIVERSARY

Inga A. Druzhinina, Victor N. Chkhaidze

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 inga_druzh@mail.ru; chkhaidze.v@yandex.ru

Abstract. 2019 marks the 150th anniversary of the birth of Ivan Alekseyevich Vladimirov (1869–1947), the famous Russian and Soviet painter, the cool artist of the first degree of Imperial Academy of Arts, the Honored worker of arts of RSFSR. He was one of the enthusiasts along with professional researchers at the origins of scientific archaeological Caucasus studies.

In 1896–1900, I.A. Vladimirov carried out investigations and excavation of archeological sites of the widest cultural and chronological range, from the Bronze Age barrows to mountain crypts-keshene of the 17th century, in the territory of the modern republics of Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia and also Krasnodar Territory.

In 1899–1900, I.A. Vladimirov conducted prospecting archaeological researches of a number of ancient Christian sites (the Sentinsky temple, the temple on the Amgata River, church in Khosta) and also fortress in the neighborhood of Sochi. The particular page not only in I.A. Vladimirov's activity, but also in all North Caucasian archeology, is made by the researches of a remarkable monument of the Byzantine architecture conducted by the artist at the request of the Imperial Archaeological Commission in 1899 in the North Caucasus, i.e. the Sentinsky temple of the 10th century during which he compiled the detailed description of the temple and the mausoleums near it, and performed the color copies of frescos which are stored nowadays in IIMK RAS archive.

Conducted by I. A. Vladimirov in 1896–1900 studies on the completeness and accuracy of the description and fixing of archaeological objects for its time, can be called exemplary.

Keywords: archaeology, North Caucasus, funeral monuments, Christian temples, Artist Ivan Alekseyevich Vladimirov

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМА	–	Античный мир и археология. Саратов
ВДИ	–	Вестник древней истории. Москва
ВЕДС	–	Восточная Европа в Древности и Средневековье. Москва
Вестник РГГУ	–	Вестник Российского государственного гуманитарного университета
ДБ	–	Древности Боспора. Москва
ИАК	–	Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб.
ОАК	–	Отчет Императорской Археологической Комиссии. СПб.
СМОМПК	–	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис
УЗ КБНИИ	–	Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик
AE	–	L'Année épigraphique. Paris
BGU II	–	Ägyptische Urkunden aus den Staatlichen Museen Berlin. Griechische Urkunden. Bd. II. Berlin, 1898
CIL	–	Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin
CT	–	de Buck, A. The Egyptian Coffin Texts. Vols I–VII. Chicago, 1936–1961
EDR	–	Epigraphic Database Roma. Rome
IGRR	–	Inscriptiones Graecae ad Res Romanas Pertinentes. Paris
IG	–	Inscriptiones Graecae. Berlin
ILS	–	Inscriptiones Latinae Selectae. Berolini
Inscr. Ital.	–	Inscriptiones Italiae. Rome
JRS	–	Journal of Roman Studies. Cambridge
LD	–	Lepsius, K.-R. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Bd. III. Leipzig
LÄ	–	Helck, W., Otto, E. (eds), Lexikon der Ägyptologie. Vols I–VII. Wiesbaden, 1975–1986
PDM	–	Papyri demoticae magicae
PGM	–	Papyri graecae magicae. Bd. I-II. Leipzig, 1929-1931
PLRE	–	The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge
PM	–	Poter, L., Moss, B. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings. Vol. IV–VII. Oxford, 1934–1981.
PRLE I	–	Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I: A. D. 260–395. Cambridge, 1971
RDGE	–	Roman Documents from the Greek East / R. K. Sherk (ed). Baltimore, Maryland, 1969
RE	–	Paulus Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / G. Wissowa, W. Kroll (Hrsg.). Bd. 1–83. Stuttgart, 1893–1975
RhM	–	Rheinische Museum für Philologie
RIC	–	The Roman Imperial Coinage. Vols. I–X. London
Urk IV.	–	Sethe, K. (hrsg) Urkunden der 18. Dynastie: Historisch-biographische Urkunden. Leipzig; Helck, W. (hrsg) Urkunden der 18. Dynastie: Historisch-biographische Urkunden. Berlin, 1906–1958
WB	–	Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Erman, A., Grapow, H. 1926–1971: Wörterbuch der ägyptischen Sprache I–VII. Berlin)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Большаков В.А.</i> (Москва) – О некоторых аспектах сакральной роли великой царской супруги в период правления Аменхотепа III и Эхнатона	5
<i>Алимирзоев А.Н.</i> (Баку) – О времени правления Аванского царя Кутик-Иншушинака	20
<i>Гаибов В.А.</i> (Москва) – Крепость и поселение Дурнали: Эволюция развития	33
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Пространственные категории у древнейших греческих историков. I. Гекатей Милетский, «Европа»	53
<i>Кудрявцева Т.В.</i> (Санкт-Петербург) – Некоторые замечания о процессе по жалобе против Конона за нанесение побоев (Демосфен LIV)	72
<i>Квашин В.А.</i> (Вологда) – Сципион, Катон, Птоломей: римские мужи « <i>mos maiorum</i> » и бродячие сюжеты	84
<i>Маркелов А.Ю.</i> (Самара) – О полномочиях римского сената в военной сфере в период принципата Августа	93
<i>Миролюбов И.А.</i> (Москва) – Диоклетиан и Константин Великий: диалог императоров на фоне кризиса	106
<i>Мехмадиев Е.А.</i> (Санкт-Петербург) – Начальники войск (<i>magistri militum</i>) поздней Римской империи Боноз и Ветранион: к вопросу о командной структуре позднеримской экспедиционной армии в 347–350 гг.	116
<i>Качан С.А.</i> (Нижний Новгород) – О некоторых особенностях почитания Антиноя в Римском Египте	131
<i>Тейтельбаум Е.Г.</i> (Казань) – Осады, штурмы и стратегемы: описания захвата городов во «Всеобщей истории» Полибия	150
<i>Могаричев Ю.М.</i> (Симферополь), <i>Ергина А.С.</i> (Санкт-Петербург) – Пещерная церковь на поляне Килсе-тубю (округа Мангупа, Крым)	166
<i>Чаморовская Е.И.</i> (Москва) – Исследование и реставрация фрагментов славянской Постной Триоди конца XIII – начала XIV вв. из собрания БАН (Тек. пост. № 1244)	187
<i>Ахатов А.Т., Камалеев Э.В., Садиков Р.Р.</i> (Уфа) – Археолого-этнографическое исследование удмуртской деревни Асавтамак XVIII – начала XIX вв. (Бураевский район Республики Башкортостан)	212

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Берлизов А.Н., Кашиев С.В., Мимоход Р.А.</i> (Москва) – Эволюция погребальных традиций в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 в VI–IV вв. до н.э.	229
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Михеева А.А.</i> (Санкт-Петербург) – Христианская церковь на городище Ак-Бешим (объект IV) – новые архивные данные и их интерпретация	246
<i>Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н.</i> (Москва) – Археология как искусство: к 150-летию со дня рождения И.А. Владимирова	267

CONTENTS

<i>V.A. Bolshakov</i> (Moscow) – Some Aspects of the Great King's Wife Sacral Role During the Reigns of Amenhotep III and Akhenaten	5
<i>A.N. ogly Alimirzoyev</i> (Azerbaijan) – The Reign of Kutik-Inshushinak, the Awan King.....	20
<i>V.A. Gaibov</i> (Moscow) – The Durnali Fortress and Settlement: Evolution Of Development.....	33
<i>I.E. Surikov</i> (Moscow) –The Earliest Greek Historians' Spatial Categories. I. Hecataeus of Miletus.....	53
<i>T.V. Kudryavtseva</i> (Saint Petersburg) – Certain Considerations Regarding the Lawsuit Against Conon for Assault (Demosthenes, LIV)	72
<i>V.A. Kvashnin</i> (Vologda) – Scipio, Cato, Ptolemy: Roman Men «Mos Maiorum» and Folk Stories.....	84
<i>A.Yu. Markelov</i> (Moscow) – Roman Senate Prerogatives in the Military Sphere During the Principate of Augustus	93
<i>I.A. Mirolubov</i> (Moscow) – Diocletian and Constantine the Great: Emperors' Inter-communication.....	106
<i>E.A. Mekhamadiev</i> (Saint Petersburg) – Late Roman Military Chiefs (Magistri Militum) Bonosus and Vetrano: Command Structure of the Expeditionary Army in AD 347–350.....	116
<i>S.A. Kachan</i> (Nizhniy Novgorod) – Antinous' Worshipping Peculiarities in Roman Egypt	
<i>E.G. Teytelbaum</i> (Kazan) –Sieges, Assaults and Strategems: The Descriptions of the Capturing of the Cities in Polybius' "The Histories"	150
<i>Yu.M. Mogarichev</i> (Simferopol), <i>A.S. Ergina</i> (Saint Petersburg) – Cave Church at the Field of Kielse-Tubu (District of Mangup, the Crimea)	166
<i>E.I. Chamorovskaya</i> (Moscow) – Research and Restoration of Fragments of the Slavic Lenten Triodion of the Late 13 th – Beginning of the 14 th Centuries from the Collection of the Russian Academy of Sciences Library (Tech. Post. No. 1244)	187
<i>A.T. Akhatov</i> , <i>E.V. Kamaleev</i> , <i>R.R. Sadikov</i> (Ufa) – Archaeological and Ethnographic Research of the Udmurt Village Asavtamak of the 18 th – the beginning of the 19 th Century (Burayevsky District of the Bashkortostan Republic).....	212

NEW DISCOVERIES

<i>A.N. Berlizov</i> (Moscow), <i>S.V. Kashaev</i> (Saint Petersburg), <i>R.A. Mimokhod</i> (Moscow) – Evolution of Funeral Traditions in Volna 1 and Artyushchenko 2 Necropolies During the 6 th to 4 th Centuries BC.....	229
---	-----

FROM SCIENCE HISTORY

<i>A.A. Mikheeva (Kitaeva)</i> (Saint Petersburg) –The Christian Church at the Ak-Beshim Settlement (Site IV): New Archive Data and Their Interpretation.....	246
<i>I.A. Druzhinina</i> , <i>V.N. Chkhaidze</i> (Moscow) – Archaeology as Art: to the 150 th I.A. Vladimirov's Anniversary	267

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!!!!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma s fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	а	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. 2019

Сдано в набор 03.09.2019. Подписано в печать 18.09.2019.

Дата выхода 30.09.2019.

Формат 70х1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № 5062.

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.